ISSN 0130-6545

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

16+

2016

7

АНГЛИЯ: ПОРТРЕТ И АВТОПОРТРЕТ

Основан в 1955 году

Редакция журнала
“Иностранная литература”
благодарит
лондонскую Национальную портретную галерею
и
Третьяковскую галерею
за помощь в издании этого номера.

[7]
2016

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ежемесячный
литературно-
художественный
журнал

Англия: портрет и автопортрет

3 *Пять веков британского поэтического портрета.* Джордж Гаскойн, Александр Поуп, Альфред Теннисон, Данте Габриэль Россетти, Эндрю Лэнг, Джон Китс, Норман Маккейг, Джордж Бейкер, Томас Гарди, Чарльз Косли. Вступление Марии Фаликман

19 Генри Грин *Возвращение.* Роман. Перевод Елены Улановой

Из классики XX века

163 Альфред Эдвард Хаусман *Стихи из книги "Шропширский парень".* Перевод и вступление Виктора Широкова

Документальная проза

170 Джон Фаулз *Дневники (1965–1972).* Перевод Валерии Бернацкой. Вступление Чарльза Дрейзина. Примечания Чарльза Дрейзина, Николая Мельникова

Из будущей книги

233 Александр Ливергант *Грэм Грин.* Главы из биографии

Статьи, эссе

258 Григорий Кружков *Нескучная поэзия.* Об антологии Алана Беннетта

Ничего смешного

271 Саки *Последнее песнопение.* Рассказ из книги *Хроники Кловиса.* Перевод и вступление Михаила Матвеева

БиблиофИЛ

279 *Английская литература на страницах "ИЛ". 2013–2016*

Авторы номера

284

© "Иностранная литература", 2016

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

До 1943 г. журнал выходил под названиями "Вестник иностранной литературы", "Литература мировой революции", "Интернациональная литература". С 1955 года – "Иностранная литература".

Главный редактор

А. Я. Ливергант

Редакционная коллегия:

Л. Н. Васильева

Т. А. Ильинская
ответственный секретарь

Т. Я. Казавчинская

Н. Г. Мельников

К. Я. Старосельская

Общественный редакционный совет:

Л. Г. Беспалова
А. Г. Битов
Н. А. Богомолова
Е. А. Бунимович
Т. Д. Венедиктова
А. А. Генис
В. П. Голышев
Ю. П. Гусев
С. Н. Зенкин
Вяч. Вс. Иванов
Г. М. Кружков
А. В. Михеев
М. Л. Рудницкий
М. Л. Салганик
И. С. Смирнов
Е. М. Солонович
Б. Н. Хлебников
Г. Ш. Чхартишвили

Международный совет:

Ван Мэн
Януш Гловацкий
Милан Кундера
Ананта Мурти
Кэндзабуро Оэ
Роберт Чандлер

Редакция :

С. М. Гандлевский
Е. Д. Кузнецова
Е. И. Леенсон
М. А. Липко
М. С. Соколова
Л. Г. Харлап

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Пять веков британского поэтического портрета

Джордж Гаскойн, Александр Поуп, Альфред Теннисон, Данте Габриэль Россетти, Эндрю Лэнг, Джон Китс, Норман Маккейг, Джордж Бейкер, Томас Гарди, Чарльз Косли

23 апреля 2016 года в Москве открылась выставка британского портрета "От Елизаветы до Виктории" из Лондонской национальной портретной галереи. В течение трех месяцев в Третьяковской галерее были представлены портреты британских монархов, государственных деятелей, ученых, художников и, конечно же, знаменитых писателей и поэтов, переводы произведений которых давно стали частью русской культуры. Среди них Уильям Шекспир, Джон Мильтон, Роберт Бёрнс, Джордж Гордон Байрон, Вальтер Скотт, Уилки Коллинз и Джером К. Джером. В свою очередь, Лондон с марта по июнь принимал выставку портретов из Третьяковской галереи, на которых британцы смогли увидеть лица тех, чье творчество определило культурный облик России: композиторов, художников, артистов, меценатов и, конечно, же, писателей, поэтов и драматургов — А. Н. Островского, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Н. С. Гумилева, А. А. Ахматовой.

В связи с этим выдающимся культурным событием, а также в связи с тем, что 2016 год объявлен перекрестным годом языка и литературы Великобритании и России, мы представляем на страницах журнала переведенные специально для этой публикации стихотворения британских поэтов, творивших в период с XVI по XX век. Эти стихотворения, выбор которых не претендует на полноту охвата эпохи и в значительной мере обусловлен вкусом переводчиков, роднит то, что все они — в жанре портрета. Некоторые словесные портреты принадлежат перу тех, чьи лица посетитель Третьяковской галереи смог увидеть на выставке. Это, к примеру, Александр Поуп, один из крупнейших представителей британского классициз-

© Мария Фаликман. Перевод, вступление, 2016
© Марина Бородицкая. Перевод, 2016
© Алексей Круглов. Перевод, 2016
© Светлана Лихачева. Перевод, 2016
© Валентина Сергеева. Перевод, 2016
© Анастасия Строкина. Перевод, 2016

ма, и Альфред Теннисон, любимый поэт королевы Виктории, которая присвоила ему звание поэта-лауреата и титул барона.

В нашей журнальной подборке мы условно выделяем несколько жанров, присутствующих и в портретной живописи.

В жанре автопортрета созданы два не похожих друг на друга стихотворения Джорджа Гаскойна, одного из наиболее ярких поэтов елизаветинской эпохи, которая стала отправной точкой и для выставки в Третьяковской галерее. Стихи Гаскойна выбраны не случайно: автопортрет в его творчестве не раз становился предметом литературоведческих изысканий[1].

В разделе парадных и исторических портретов нам показалось интересным представить не только запечатленные в стихах образы английских государственных деятелей (прижизненный портрет одного из героев этого раздела — полковника Бернаби — посетители Третьяковской галереи увидели на выставке), но и портреты наших соотечественников глазами их британских современников.

Следующий раздел мы условно обозначили как “лирические портреты”. Здесь читатель найдет поэтические портреты возлюбленных, портреты-воспоминания, образы загадочных прекрасных дам и просто дорогих сердцу поэта женщин.

Наконец, мы не смогли обойти вниманием жанр сатирического портрета, который тоже присутствовал в британской поэзии на протяжении всех этих столетий. Спектр этого раздела широк: от карикатурного, но сочувственного портрета земледельца в исполнении Джорджа Гаскойна через немного обидный обобщенный портрет бывших возлюбленных, принадлежащий перу известного поэта и романиста викторианской эпохи Томаса Гарди, до семейного портрета, сочиненного корнуольским поэтом Чарльзом Косли, который традиционно считается детским поэтом, однако сам он не проводил жесткой границы между стихами для взрослых и детскими стихами и к тому же известен как один из наиболее виртуозных версификаторов в британской поэзии XX века.

Автор и руководитель проекта — культуролог, переводчик, куратор международных проектов в области культуры А. Г. Генина. Все примечания к стихотворениям выполнены переводчиками.

Мария Фаликман

1. См., напр., G. Austen. Self-portraits and self-presentation in the work of George Gascoigne // Early Modern Literary Studies 14.1/Special Issue 18. (2008).

Автопортрет

Джордж Гаскойн (1535–1577)

Блаженствую средь бездны бед...

Блаженствую средь бездны бед,
Вздымаюсь ввысь, срываюсь в ад,
Спешу за радостью вослед,
Безмолвной мукою объят, –
Так я живу, так я люблю:
Горячку редкостную длю.

Развеселюсь ли не шутя,
Шучу ли над собой самим,
То я доверчив, как дитя,
То подозреньями томим,
Желаньем вечным обуян,
Сыт голодом и жаждой пьян!

Моим причудам нет числа,
Корить же хворого – грешно;
Порой мне радость не мила,
Раз ей продлиться не дано,
А горечь – сердце веселит
Тем, что надежду мне сулит.

Как жаворонок, отряхнув
Сон тягостный среди ветвей,
С рассветом раскрывает клюв
Для песни радостной своей –
Так я пою во мгле невзгод
И верю: скоро рассветет.

Но бедной Филомелы трель
Разносится над царством сна:
Ее полночная свирель
Печали сладостной полна;
Не так ли я тебе пою,
Пока тоску не изолью?

Прощай, красавица моя,
Да будет радостен твой путь.
Веселым представлялся я,
Но смерть близка – не обессудь!

Меня уморит мысль одна:
Вдруг нам разлука суждена?

Колыбельная

Малютке напевает мать
Над люлькой баюшки-баю,
Пришла пора и мне начать
Песнь колыбельную мою.
Младенцев к ночи сон берет —
Ну что ж, настал и мой черед
Двух-трех проказливых птенцов
Угомонить в конце концов.

Спи, молодость моя, усни,
Тебе пою я баю-бай,
Погожие промчались дни,
Забудь о них и засыпай.
Давно пора тебе ко сну:
Уже ни дрожь, ни седину
С тобою нам не одолеть!
В ночной тиши покойся впредь.

Глаза, усните-ка и вы:
Ваш детский блеск давно погас,
Взгляните в зеркало: увы,
Морщины окружают вас.
Бай-бай! уймитесь, шалуны,
Пора уже смотреть вам сны.
Пусть юных дев манящий вид
От спячки вас не пробудит.

И ты, мой своевольный дух,
Спи сладко, баюшки-баю,
К твоим причудам нынче глух,
Лишь здравый смысл я признаю.
Бай-бай! усни, мучитель мой,
Пора безумцу на покой,
А за тобой — таков закон —
И тело погрузится в сон.

Угомонись и ты, хвастун,
Уймись, мой Робин, баю-бай!
Послушай, ты уже не юн,
И даром нос не задирай.

Пускай тугие кошельки
Разбрасывают медяки,
А мы с тобой теперь бедны,
Нам остаются только сны...

Итак, пришла пора уснуть
Вам, юный взор, и дух, и пыл!
Разлуку с вами оттянуть
И рад бы я, да нету сил,
Уходит радость навсегда,
И наступают холода.
Припомните в ином краю
Песнь колыбельную мою.

Перевод Марины Бородицкой

Исторический и парадный портрет

Александр Поуп (1688–1744)

Государственный секретарь

Джеймсу Крэггсу, эсквайру[1]

Достойная душа, гордыни лишена,
В ней разум господин – не страх и не вина,
Ей нечего таить, нет нужды хвастать ей,
Струит она тепло без примеси страстей.
Притворству не учён, не прячешь ты лица,
Взор испытующий насквозь пронзит лжеца
И вгонит в краску неуемного льстеца.
Вот кем ты прежде был. И знай: ни короли,
Ни деньги дать тебе всё это б не смогли.
Так не взыскуй друзей, пред ними лебезя.
Знай: не нажить врагов, верша свой долг, нельзя.
Свободен, честен, прост ты начинал свой путь,
Министром стать сумел – так человеком будь!
И, право, не стыдись, свой новый пост ценя,

1. Джеймс Крэггс-младший (1686–1721) – британский государственный деятель, с 1717 г. занимал должность военного секретаря, а с 1718-го – государственного секретаря Южного департамента в кабинете министров правительства Великобритании. А. Поуп, будучи его другом, сочинил также эпитафию, высеченную на надгробии Дж. Крэггса в Вестминстерском аббатстве. (*Здесь и далее – прим. переводчиков.*)

Друзей старинных ты и в их числе — меня.
Иди своей стезёй, служа родной стране,
Чтоб нашей дружбы не пришлось стыдиться мне.

Перевод Марии Фаликман

Строки экспромтом к портрету леди Мэри Уортли Монтегю работы Неллера[1]

Улыбчив взгляд, и ямочки у рта,
И прямота с достоинством слита —
Вот как бы я хотел (будь гений мой
Счастливою отмечен широтой)
Восславить сердца и ума чертог,
Красы и добродетелей венок,
Где правит мудрость, спеси лишена,
Легко величье, искренность умна —
Творенья цвет воспел бы в полноте,
Чтоб в истинной сиял он красоте!

Перевод Алексея Круглова

Альфред Теннисон (1809–1892)

Приветствие герцогу и герцогине Эдинбургским (в честь их бракосочетания 23 января 1874 года)[2]

Сын повелителя, с чьей волей дерзкой
Мы в спор вступали, тот, чье слово — рок
Для подданных, кто цепь с раба совлёк, —

1. Леди Мэри Уортли Монтегю (1689–1762) — путешественница и писательница, известная энциклопедической образованностью, одна из первых феминисток в Англии. Дочь герцога, супруга британского посла в Турции, откуда впервые привезла в Европу способ прививания оспы. “Мадам, если Вы желаете жить в памяти других, то в моем случае Ваше желание исполнено в высшем смысле этого слова. Нет такого дня, когда бы Ваш образ не являлся мне”, — писал ей в 1717 г. влюбленный Александр Поуп. Упомянута Дж. Г. Байроном в поэме “Дон Жуан”: “Я эти страны пел уже когда-то: / Они уже пленяли, не таю, / Пленительную Мэри Монтегю”. Перевод Т. Гнедич.
2. Великая княжна Мария Александровна (1853–1920), вторая дочь российского императора Александра II и императрицы Марии Александровны, сочеталась браком с принцем Альфредом, герцогом Эдинбургским, вторым сыном королевы Виктории и принца Альберта Саксен-Кобург-Готского, 23 января 1874 г. в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге. Свадебные торжества прошли с подобающей пышностью. “Ничего нельзя представить более ве-

Вручает принцу свой цветок имперский,
Александро́вну.
Расцвесть отныне русскому бутону
В земле Британской, как в краю родном!
Семьей сменив семью, и домом — дом,
Явилась к нам державной нареченной
Мари-Александро́вна.

Златые вести по степям летят,
Татары внемлют твоему приказу,
Хребты Ирана и гряды Кавказа,
И сумрачные пальмы Инда чтят
Александро́вну.
Моря, что мы делили испокон,
Пустыни Африки, утесы Кента,
Туземцы островного континента,
Леса Канады вторят в унисон:
Мари-Александро́вна!

Империи познали много зол:
Так Англия сдалась мечу норманна,
Твоя отчизна покорилась хану;
Днесь новый Гарольд взводит на престол
Александро́вну.
В извечной круговерти перемен,
Как щепки в море, нации и троны,
Однако ведомо сердцам влюбленным:
Одна Любовь — бессмертный сюзерен,
Мари-Александро́вна!

В краю мужей суровых, вдалеке
От родины ты обрела супруга.

ликолепного, чем этот торжественный банкет, — писал лорд Лофниус, британский посланник в Петербурге. — Блеск богатейших драгоценностей смешивался с блеском мундиров, золотых и серебряных блюд и роскошного севрского фарфора. Во время всего обеда пели талантливые артисты итальянской оперы — Патти, Альбани и Николинни, что придавало еще больше великолепия этой сцене несравненной красоты, которую трудно описать". Медовый месяц герцог и герцогиня Эдинбургские провели в Царском Селе, а 12 марта прибыли в Лондон. Вопреки радужным предсказаниям А. Теннисона, брак оказался несчастливым: гордая дочь русского императора и его любимица так и не поладила со свекровью, и новый дом оказался не слишком-то гостеприимен к "имперскому цветку", а титул "Ее Королевского Высочества", принятый после свадьбы, не шел ни в какое сравнение с титулом "Ее Императорского Высочества", принадлежащий ей по рождению. Впрочем, Мария Александровна родила в браке пятерых детей и на двадцать лет пережила мужа.

Державы улыбаются друг другу,
С любимым ты стоишь рука в руке,
Александро́вна!
И Запад осчастливишь ты стократ:
Ты славилась деяньями благими,
Твое в лачугах восславляли имя,
И здесь, Мари, его благословят,
Мари-Александро́вна!

Ужель вновь вспыхнут ненависть и страх?
Или с приходом царственной принцессы
Проглянет синь небес сквозь туч завесу,
Надежда оживет в людских сердцах,
Александро́вна?
Пускай союз ваш крепнет год от года,
Душа в душе пусть обретет покой;
И как бы ни вращался шар земной,
Пусть мир связует ваши два народа,
Альфред-Александро́вна!

Перевод Светланы Лихачевой

Данте Габриэль Россетти (1828—1882)

Царь Александр II *(13 марта 1881 г.)*

Он сорока мильонам крепостных,
Имевшим прежде лишь клочок земли
Размером с гроб, дал пашен, чтоб могли
Они кормиться; ныне вопли их
Несутся ввысь: “Прибежище благих!
Пока слезами мы не изошли,
Виновникам те казни ниспошли,
Что царь отверг во имя малых сих”.

Он удержал свирепствовавший кнут;
Впервые рядом с жертвою своей,
В крови лежащей, мертвым пал злодей.
Растерзан тот, кто всем дал равный суд,
И Бога, вопреки делам иуд,
Он ныне просит за своих людей.

Перевод Валентины Сергеевой

Эндрю Лэнг (1844–1912)

Полковник Бернаби[1]

Ты смерть искал в полях и облаках,
Ей страшен был в азарте боевом;
Как царственно земле свой отдал прах,
Сражен в песках кочевника копьем!

Тебе бы, скажет Англия, не в том
Бою ничтожном пасть, а лютый страх
Внушать врагам в афганских злых горах,
Где близкой битвы нарастает гром.

Ты встал бы, как Аякс у кораблей,
Остановил, собрал бегущих прочь,
Прикрыл щитом надёжнее скалы,

Чтоб кровью тёк Гельменд среди полей,
И в свой промозглый край, где правит ночь,
Теряя перья, унеслись Орлы.

Перевод Алексея Круглова

1. Полковник Фредерик Густав Бернаби (1842–1885) – путешественник, писатель, журналист. Слыл самым сильным человеком в британской армии, славился отчаянной храбростью. Перелетал Ла-Манш на воздушном шаре своей конструкции, владел многими языками, написал книги о путешествиях по Ближнему Востоку и Средней Азии. Убит копьем в битве при Абу-Клеа во время англо-суданской войны.
Эндрю Лэнг – шотландский поэт, писатель, историк, этнограф, переводчик "Илиады" и "Одиссеи". Стихотворение написано в период обострения борьбы Российской и Британской империй за сферы влияния в Центральной Азии в конце XIX в.

Женский лирический портрет

Джон Китс (1795–1821)

Акростих: Джорджина Августа Китс[1]

Друг нежный, я в заглавных буквах дам
Жизнь всем твоим блестящим именам.
От сна очнувшись, дивный Аполлон
Решит, чтоб впредь я блюл его закон,
Душой к тебе лишь и к стихам влеком.
Ждет эмпирей того, кому знаком
Из всех даров — не виртуозный слог,
Не золотой Поэзии чертог,
А братская любовь, что греет нас.

Антропофаги (Мавра дивный сказ),
Волшебный пояс, что носил Улисс,
Горят сияньем Муз, но первый приз —
Удел не их; в честь Девяти сестер
Сияя, снищет лавровый убор
Творенье не тщеславного пера,
А скромный дар тебе, моя сестра.

Как возвещает третье из имен,
Им наш с тобой, сестра, союз скреплен:
Тебе сулит оно как добрый знак
Сынков, и дочек, и без счету благ.

Перевод Светланы Лихачевой

1. Джорджина Августа Китс (ок. 1797–1879), в девичестве Уайли, — жена старшего брата Джона Китса, Джорджа. Джордж и Джорджина поженились 28 мая 1818 г., а уже летом 1818 г. переехали в Америку и со временем обосновались в Луисвилле, штат Кентукки. Джон Китс, горячо любивший брата, проникся самыми теплыми чувствами к его избраннице, называл ее не иначе как сестрой и посвятил ей ряд восторженных стихотворений. “Тебе я обязан и тем, что у меня появилась сестра — и не просто сестра, но и прекрасное человеческое существо”, — писал Джон Джорджу в письме от 14–31 октября 1818 г. (Перевод С. Сухарева). Акростих, посвященный Джорджине Августе, приводится в письме Китса к брату от 17 сентября 1819 г. с пометкой о том, что стихотворение было послано им в письме от 27 июня 1818 г., однако возвращено отправителю (к тому времени Джордж и Джорджина уже отбыли в Америку). Китс сетует: “Я набросал его в большой спешке, как видите. И ни за что не стал бы переписывать, будь я уверен, что никто, кроме вас, его не увидит”. Пожелание Китса сбылось: у Джорджины и Джорджа родилось восемь детей: шестеро “дочек” и двое “сынков”.

Альфред Теннисон

Кэт

Не позабыть мне злых гримас,
Волос, как смоль, и черных глаз
Той, чей смешок колюч и дик,
Как дятла дробь в тиши, — и вас
Не пощадит ее язык —
Кэт скажет правду напрямик.

Тот язычок неукротим,
А голосок звенит струной;
Как пламя, бьется в сердце жар.
Нрав пышет кипятком крутым,
И ум искрится озорной,
Острее сабли янычар.

Пряма как луч, чиста как лед,
Придирчив вкус ее и строг.
Где друга Кэт себе найдет,
Сверкающая, как клинок?

Кэт говорит, что нет мужчин,
Кэт презирает звон монет,
Не верит клятвам и стихам,
Ей скучен мой любовный бред.

Будь доблестный я паладин,
Увитый лаврами побед,
Кумир солдат и светских дам —
Я дал бы рыцарский обет
И ринулся в смертельный бой,
С пути сметая вражий клин,
За нежный взгляд ее один —
И был бы в хрониках воспет.
Кэт нужен рыцарь и герой,

Но нет героев, век не тот.
Где пару Кэт себе найдет?

Перевод Алексея Круглова

Данте Габриэль Россетти

Видение Фьяметты[1]

Стоит Фьяметта, в пелене тоски,
Под яблоней; вокруг кипит весна.
И сыплются цветы, когда она
Отводит ветвь движением руки.
Срываются, как слезы, лепестки,
Взлетает птица, меж ветвей видна,
Душа предощущением полна:
Жизнь — вянет; смерть крадется воровски.

В летящий шелк красавица одета,
И ангела вдруг замечаем мы
У края яркой солнечной каймы.
Надежда воплощенная, Фьяметта,
Являет знак Господнего обета.
Се — свет души на фоне смертной тьмы.

Перевод Валентины Сергеевой

Норман Маккейг (1910–1996)

Тетя Джулия

Тетя Джулия говорила по-гэльски
очень громко и очень быстро.
Я не мог ей ответить,
просто не понимал.

Ходила в мужских башмаках,
а чаще была босиком.
Помню ее ступню,

1. На картине Д. Г. Россетти, по мотивам которой написан этот сонет, изображена муза итальянского поэта XIV в. Джованни Боккаччо, героиня одноименной повести ("L'amorosa Fiammetta"). До сих пор точно не известно, была ли Фьяметта реальным человеком или вымышленным персонажем. На раме картины написаны три текста — сонет Джованни Боккаччо, посвященный Фьяметте и вдохновивший художника на создание этого произведения, перевод, выполненный Россетти, и, наконец, его собственный сонет.

сильную, в глине и торфе,
над легкой педалью прялки,
пока она правой рукой, как волшебник,
тянула из воздуха пряжу.

У нее был один этот дом,
где по ночам я лежал
в непроглядной, незыблемой
тьме кровати,
слушая добрых друзей-сверчков.

Казалось, она была всем: ведрами
и водой, льющейся в них.
Она была ветром с дождем,
что обрушивался на дом;
теплыми яйцами, черными юбками,
копилкой-чайником
с трехпенсовиком на дне.

Тетя Джулия говорила по-гэльски
очень громко и очень быстро.
И когда я хотя бы чуть-чуть
начал его понимать, она уже молча
лежала в сплошной черноте
песчаной могилы в Ласкентире.

Но до сих пор я слышу — зовет меня
голосом чайки
сквозь километры
торфяников и болот,
и злится, все злится на то,
что так много вопросов
до сих пор без ответов.

Перевод Анастасии Строкиной

Джордж Бейкер (1913–1991)

Моей матери

Быть ближе, дороже и дальше — никто не может.
Помню ее, как сейчас, у окна — похожа
На континент огромный с Везувием смеха,
Цыпленок в руке, джин — за глотком глоток.

Ирландка, раблезианка, взрывная, но нежная все же,
Бездомным собакам, раненым птицам поможет.
Она — словно танец, и ты в этом танце — помеха,
Как за военным оркестром бегущий щенок.

И хоть артобстрел, хоть бомбежка — ей все равно,
Не бросит она свой джин, не побежит в подвал.
Высится над столом, как гора, — за годом год.
Лишь вере одной этот камень сдвинуть дано.
Всей верой ее, всей любовью моей Господь указал,
Что возноситься ей из исхода — в восход.

Перевод Анастасии Строкиной

Сатирический портрет

Джордж Гаскойн

Портрет крестьянина из сатиры “Стальное зерцало”

...Вот перед вами он: отриньте спесь,
О пастыри! Пускай пропах он пóтом,
Его смиренный род на небесах
Пребудет прежде выбритых макушек.
Нет, не затем, что в урожайный год
Зерно он прячет, набивая цену,
Что ради млека режет он тельца,
Что меж помещиков раздоры сеет,
Запахивая межи; не затем,
Что он завзятый плут и, пресмыкаясь,
Уж верно, замышляет что-нибудь;
Что требует он, громко негодуя,
Сниженья ренты, сам же с барышом
Ягнят сбывает от господских маток,
О нет! Зерцало чистое не льстит,
И Пахаря мне облик виден ясно,
Но лишь затем, что тяжким он трудом
Питает и монаха, и барона,
И вас, отцы святые, — дух его
На небеса взойдет, опережая

Скотов, что служат брюху своему,
О святости толкуя неустанно!

Перевод Марины Бородицкой

Томас Гарди (1840–1928)

Бывшие прелестницы

Вы, дамочки с поджатыми губами,
Увядшей кожей, –
Неужто впрямь мы бегали за вами,
Любя до дрожи.

В шелках созданья нежные, к кому мы
Припасть спешили
То в Бадмуте, то в тихих бухтах Фрума
У водной шири.

А как в лугах, обнявшись, мы плясали –
всё было мало,
покуда не задремлет в лунной шали
земля устало.

Нет, вспомнить ни себя, ни тех свиданий
они не в силах,
иначе бы огонь воспоминаний
преобразил их.

Перевод Марии Фаликман

Чарльз Косли (1917–2003)

Семейный альбом

Я терпеть не могу тетю Нору
И ее то ли вздох, то ли всхлип,
Поцелуй ее смачный, и взгляд ее мрачный,
И объятья, как клейкий полип.

Мне не нравится дядюшка Тоби,
Тот, что с трубкой в зубах и в пенсне.

Меня слушать *достало* в сотый раз все с начала,
Что он делал на прошлой войне.

Я не жалую тетушку Милли,
Ее брошки, сережки, табак,
И ружье для охоты, и армейские боты,
И ее невозможных собак.

Неприятен мне дядюшка Генри:
Он, гостей развлекая своих,
На ножах для салата исполняет кантату.
(Он, по-моему, тот еще псих.)

Что до Неллиных мерзких близняшек,
Слава Богу, их два, а не три!
Эти Гарри и Хетти — препротивные дети —
Могут только пускать пузыри.

Что до разных кузин и кузенов,
Им я тоже, признаться, не рад,
Как сойдутся в гостиной и пялятся чинно:
Ну ни дать и не взять зоосад!

Если кто-то со мной не согласен,
Пусть черкнет мне о том пару строк.
В том, что кровь не водица, я не прочь убедиться,
Но пока, к сожаленью, не смог.

Кабы родичей мы выбирали,
Как бы рады мы были родне!
И замечу в придачу на ушко: не иначе,
Наши чувства взаимны вполне.

Перевод Светланы Лихачевой

Генри Грин

Возвращение

Роман

Перевод Елены Улановой

Глава 1

АВТОБУС остановился у церкви, и из него вышел молодой человек. Тут ему пришлось нелегко, потому что вместо ноги у него была деревяшка.

Дорога резко засинела асфальтом.

В Англии стояли летние дни. Дождевые облака сгрудились над холмом за колокольней. Он безошибочно отметил щели оборонительных бойниц, чернеющих на фоне того бурого, почти кровавого кирпича; и после долго и настороженно смотрел вдаль сквозь кипарисы, туда, где были ряды надгробий. Будто остерегался засады. Вроде той, что была во Франции, когда он потерял ногу, не заметив дула под цветками роз.

И здесь, в кладбищенских деревьях, куда ни глянь, повсюду тоже переплетались розы, розы, розы — они тянулись и алели сквозь узкие прозоры в кронах и вдруг, под тяжестью соцветий, роняли обессилевшие стебли, и издали казалось, будто то там то тут живой, цветущий венок лежит на каменном венке; еще легли на плиты, фризы матовые, мрамор, седой, сырой, как утренние травы; на потускневшие бумажные

BACK by HENRY GREEN, published by Chatto & Windus Copyright © Henry Green 1946
© Елена Уланова. Перевод, 2016

бутоны под перевернутым стеклом, которые, как водится, увенчивали каждый надмогильный холм, откуда любимые, покинув мир, лелеют жизнь в зеленых всходах, в кипарисах, в розах — что нынче там и тут пылали, рдели, ликовали и нечаянно замирали, как этот долгий темный день, и взглядами соприкасались со всеми, кто на них смотрел; иные же поблекли, отцветали, встречали тихо свой черед; и угасали.

Шла еще война. Молодой человек в шерстяном пиджаке и светлых военных брюках был только что освобожден из плена[1]. И, едва выпала возможность, вернулся.

Он знал городок под холмом, хотя что-то уже позабыл. Он знал каждый его закуток, хотя был здесь совсем чужим. А на кладбище не зашел ни разу. Но теперь пришел навестить ее — ту, которая жила в его сердце, волновала его сон по ночам, когда он был за колючей проволокой — женщину, которую любил, ее положили здесь, пока он был далеко, и звалась она именем из имен — Роза.

Автобус тронулся и увез пассажиров, которые все еще смотрели на него в окно. Он дождался, когда станет совсем тихо, и, тяжело хромая, двинулся вверх по тропинке, в сторону кладбища. Вдруг где-то рядом в тишине взметнулся зычный трескучий клекот всполошившихся гусей, и от этих резких, оглушительных звуков перед ним будто заново в воздух поднялась от упавшего поблизости снаряда целая вязанка хвороста, вонзилась каждым отдельным сучком в небо, сложилась в вышине веером и, полоснув воздух, упала вниз. И все время, пока замолкали гуси, он испытывал то, что увидел; но наступила тишина, и он забыл, мгновенно.

Но осталось чувство непонятной тревоги, словно ему откуда-то поступил сигнал.

Он побрел дальше — туда, где между высокими кипарисами была видна калитка. Но понял, что, прежде всего, надо избавиться от наблюдения. И тогда он запретил себе смотреть на розы. И опустил глаза, чтобы оставаться невидимым, заковылял вперед, волоча по земле своей деревяшкой.

Поскольку откуда-то со стороны церквушки все ближе и ближе дребезжал велосипедный звонок, выбрасывая мелкими очередями снопы трелей, пронизывая зыбким узором воздух, вторя волнистым очертаниям роз, которые — чувствовал он — все еще пристально следили за ним из-за надгробий.

1. В соответствии с Женевской Конвенцией 1929 года "Об обращении с военнопленными" (СССР ее не подписал) во время затяжных военных конфликтов, тяжело раненные и тяжело больные обязаны быть репатриированы. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

И вдруг встал как вкопанный, увидав, как с вершины холма прямо на него катится на трехколесном велосипеде мальчишка лет шести. Тот быстро разогнался, и молодой человек, несмотря на то, что между ними была закрытая калитка, опасливо сошел с тропинки. Он успел разглядеть его черты, светлые волосы. Но ничего, ничего не шелохнулось в его сердце, да и не могло быть иначе, потому что тогда он еще не знал.

Он был раздосадован. Мальчик слез с велосипеда, открыл задвижку и быстро промелькнул, резко и неприятно брякнув звонком. Молодой человек вернулся на тропинку и медленно продолжил путь. И сей же час забыл о мальчишке, который исчез, который ничего для него не значил.

Ведь Розы больше нет. Она мертва. Умерла, пока он воевал во Франции, — снова и снова повторял он. Она мертва. Он узнал об этом не скоро, только в плену. Розы нет, — твердил он, прислонясь к калитке, — ее без него положили здесь, но почему так, ведь если бессмертие не ложь, то ей, должно быть, совсем не по душе этот скорбный сад. И наверняка она чувствует себя здесь не на своем месте, поскольку Роза — она сама жизнь, ее нельзя взять и заколотить в какой-то ящик, где только мрак и корни диких роз, что оплетают, тянут за собой ее рыжие пряди, которыми она так гордилась. Ведь на его памяти она ни разу не заглянула за приходскую ограду, где теперь ее дом, она хозяйка, она принимает гостей, его Роза, он видел ее сквозь пелену слез, такую живую и всегда разную — ее смех, безудержность, ее материнство, с этим младенцем на руках, но, Роза, милая, он больше всего вспоминал ее волшебные, рассыпанные по подушке локоны.

Нет, так не пойдет, — думал он, — да где же она? И понял, что даже не знает, где искать. Поскольку выбор был более, чем щедрым. Несмотря на скромную церквушку, кладбище было огромным и простиралось далеко и вглубь, и в сторону. Повсюду, насколько хватало глаз, оно бугрилось каменными, испещренными пятнами мха, плитами. И поскольку он то и дело терзал себя вопросами, на которые лишь изредка находил ответ, — а они копились и хранились в его голове, оставаясь нерешенными, — вот и теперь он подумал, что делать, если, положим, ему повстречается женщина и посетует, мол, такой молодой, а уже калека, потерял ногу; а что, если, и правда, его увидит главная деревенская сплетница; и, допустим, узнает его; но наверняка, в любом случае, обрадуется, что будет о чем посплетничать с соседями — о чужом юноше с кривой деревянной ногой, который бродит один по кладбищу и все ищет чью-то могилу.

Он представил, как расхохоталась бы Роза, застав его, как обычно, в сомнениях, витающим в облаках, как в тот день, когда — вот тебе раз — прозевал снайпера.

В самом деле, думал он, петляя между могилами, если бы не весь этот путь через войну, под пулями, через одну страну, через другую, пока не добрался до дома, то сейчас, не раздумывая, ушел бы прочь. Но лишь только вошел в калитку, роза нежно коснулась его щеки, и он робко пошел искать среди роз свою Розу — там, где, полагал он, светлее всего в ясный погожий день, где теплее всего в полдень, когда солнце стоит высоко, ведь сама она была такой теплой; и где выросли новые памятники, и, конечно, из местного камня, поскольку — думал он — у Джеймса как пить дать не получилось найти мрамор для той, которую, вот до этой самой минуты, немыслимо было вообразить под глыбой — пищей для червей, — где до сих пор растут ее рыжие, ее восхитительные пряди, в которых черви, словно в земляной утробе, устроили себе сырое влажное гнездо.

Что ж, значит, лучшие дни позади, думал он, убирая с лица ветку шиповника — роза качнулась, прыснула ему в глаза росой. Он раздвинул листья низких карликовых деревьев, нашел под ними мраморную плиту. “София”, — прочитал он. И всё — ни годов жизни, ни фамилии. Поискав тростью, обнаружил рядом в траве гнездо. Оно было заботливо устроено под покровом плотных глянцевых листьев — темных, как хвоя кипарисов, как взгляд его карих глаз в просветах бледных матовых роз. Перехватив в другую руку трость, отпустил ветку — роза затрепетала, ударила его по лбу. Он наклонился, придерживая над головой листву, осторожно опустил руку в траву, дотронулся до холодноватой синей, как лунный свет, скорлупы. Яйца оказались тухлыми.

Он вытер руки. В кармане что-то зашелестело. Он вспомнил про телеграмму. “Явиться в Реабилитационный Военный центр Гейтейкес Эммандфорд 12 июня к 20:00”.

Было уже тринадцатое[1].

Ну, не расстреляют же они человека за то, что тот не явился, не прикажут платить за новехонькую конечность, что, верно, ждет его, как полагается, в коробке — пронумерованная болванка.

ЭНИС — стояло в конце телеграммы. И рядом еще непонятные буквы.

Мода на аббревиатуры переживала в лагере настоящий расцвет. Каждый заключенный расписывал свою койку бук-

1. 13 июня 1944 на Лондон была сброшена первая немецкая “летающая бомба”, Фау-1. Налеты длились до сентября 1944 г.

вами. Чтобы издалека было видно, что он преподает. Вроде ИТ, — Иннер темпл[1], там Марплз, быть может, прямо сейчас все еще читает Римское право. Так было задумано, чтобы время в плену не стояло на месте, заставить стрелки часов идти вперед. А он, болван, вернулся и повернул их назад лишь ради того, чтобы воочию увидеть эти розы, которые пробились между минутами и часами и так крепко сплелись в единый узор, что стрелки часов застряли в них, встали на месте.

Мысли его блуждали. А ведь ему повезло, что у него есть работа — удивительно, как ему умудрились сохранить должность. И те, кто еще там, отдали бы полмира, лишь бы оказаться на его месте. Они бы тут не раскисли, не стали бы швырять на ветер деньги ради путешествия в прошлое. И потом, вопрос с карточками. Как быть? Все, что у него есть, это костюм, который на нем, да и то потому, что он купил его когда-то давно, а портной не успел доставить, сохранил до его возвращения. Остальное все как в воду кануло. Ну вот, он совсем заблудился на этом чертовом кладбище. Да где же она? Роза, любимая, из-за которой он приехал в такую даль. Зачем она умерла? Как это понять? Наверное, лучше бы его совсем убили, думал он, врезали бы из чего-нибудь потяжелее снайперской винтовки. Розе бы все равно не узнать, ведь она умерла приблизительно в те же дни, ровно на той же неделе. Господи, упокой ее душу, — к глазам его подступили слезы, — пусть там ей будет хорошо, и она обретет покой.

Полил дождь. Странно, видимо, он настолько забылся, что даже не заметил, как упали первые капли. И быстро, изо всех сил, заскакал к аллее, торопясь укрыться под портиком церкви. Но ему пришлось идти напрямик, без тропинки, больно царапая шею, протискиваясь сквозь кипарисы, продираясь сквозь заросли роз, которые наотмашь хлестали его по щекам, брызгали дождем так, что вода заливалась в уши. Потому что он не мог нормально ступать, поднимать ногу, но не хотел тащить деревяшкой по тонкому нежному дерну, оставляя на свежих могилах шрамы подарком, с которым он вернулся из Франции.

От усталости в голове сделалось пусто. Но едва дошел до портика — тут же оцепенел от страха, увидав того, кто прятался там от дождя все это время. Ведь из всех людей, из всех мужчин, которых он знал или когда-то видел, перед ним стоял жирный, как пролетевшие гуси, Джеймс.

— Мать честная, Чарли, какими судьбами?

1. Иннер темпл — судебная палата адвокатского сообщества в Лондоне.

Не найдя, что ответить, Чарли оглянулся: не видел ли этот вдовец, как он искал могилу.

— Надо же, выходит, тебя выпустили? Господи, Чарли, как же это здорово, приятель! Ну, рассказывай, где тебя жизнь носила? В Германии, верно? Ты подумай, пять лет как не бывало. Как жизнь, старина? — он дружески ткнул его в грудь. — А здесь только и слышно "Вот, наши ребята вернутся!" Так ты насовсем? Как говорится, на веки вечные, окончательно и бесповоротно? Ну, каково там, во вражьем логове? Паршиво? Ты, верно, в госпиталь угодил? Как они там с ребятами нашими? Знаю, приятель, досталось тебе крепко. Тут теперь все иначе, прошли старые времена. Но, дружище, как же я рад тебя видеть!

— Да вот, нога, — пробормотал Чарли.

— Вот оно как, — продолжал Джеймс.

— Вот так, — сказал Чарли.

Повисло неловкое молчание. Вдруг у толстяка задергалась верхняя губа.

— Господи, я бы не заметил, если б ты не сказал. Но послушай, доктора научились творить чудеса. Во всяком случае, я слышал. Война медицине на руку. Как говорится, не было бы счастья — да несчастье помогло. Но такой ценой это ужасно. Значит, вот оно как, дружище.

— Бывает, — сказал Чарли.

— А кстати, где ты собирался обедать? Вот что, давай, разыщем что-нибудь пожевать. Дело это хлопотное. С тех пор как развелись эти БРНК, ВБСБ и ПМВО[1], они и правят бал. Как только началась война. Хотя вру — после оккупации Голландии, кажется. Представляешь, даже рейсовый сняли. Так что передвигаемся на своих. Детей еще, правда, возят в школу — через СЭС — хотя дурака они там валяют. Ну вот что, давай найдем этот волшебный горшок. А кстати, мы в деревне организовали поросячий клуб ПБХР. Нынче у нас времена аббревиатур. Впервые, когда наши местные скинулись в общагу. Зато теперь кусок ветчины у меня всегда найдется. Хотя я, честно говоря, еще не притрагивался к ней. Покуда. О, кстати, за мной стаканчик-другой для разминки.

— Спасибо.

— Пустяки, старик, чем могу. Устроим в твою честь прием. Ты ведь получил мое письмо? Все произошло чуть ли не в

1. Большинство аббревиатур в этом романе — авторский вымысел. Во время Второй мировой войны появилось так много акронимов и аббревиатур, что для лондонцев, вернувшихся с войны, этот "ампутированный" язык родного города был совершенно чужим и непонятным.

тот день, когда ты попал в плен. С тех пор пошла другая жизнь. Такие, брат, времена и поверь мне, то ли еще будет. Да ведь это чертовски хороший повод взяться за ветчину. И как же ты меня раньше не предупредил?

Чарли пробормотал что-то невнятное.

— Знаю, — сказал Джеймс. — Мне это знакомо. Помню, как сам вернулся с прошлой войны, — и поведал Чарли скучную историю о каком-то знакомом. — С той разницей, что теперь они бросают на нас бомбы, будь они прокляты, — продолжал он. — Слушай, а ты часом не встретил моего парнишку на велосипеде? До нитки же вымокнет.

Дождь затихал, делался реже, шум его стал похож на свист серпа. Джеймс еще говорил, обо всем подряд, потому что для него эта встреча была не меньшим потрясением. Но Чарли больше его не слышал.

Он боялся выдать себя, чувствуя, как у него побелело лицо, судорогой свело живот, поскольку между ним и Розой постоянно висел этот вопрос — его ли это ребенок, которого она носит.

Ему сделалось страшно от того, что, увидав мальчика, он совсем ничего не почувствовал. А ведь всю жизнь верил, что родная кровь заговорит.

Значит, ребенок, которому он уступил тропинку, был Ридли[1]. Бедняга, как же он будет жить с таким именем?

Он устал, был бы рад присесть, но, боясь обидеть Джеймса, заставил себя прислушаться. Тот продолжал, как ни в чем не бывало.

Вдруг Чарли, во что бы то ни стало, захотел увидеть мальчика, его пухлое личико, поймать в нем отголосок Розы, заглянуть ему в глаза и, возможно, увидеть в их отражении себя — да любую подсказку, пусть обманчивую, что отец он, что Роза жива — через него — в их сыне.

И он решил пойти на хитрость. И как только толстяк договорил, он, изумляясь собственной выдержке, спросил:

— Джеймс, в котором часу ты обедаешь?

— Смотри, старина, у меня тут пара дел в деревне, а ты пока ступай ко мне. А сперва, — с той же интонацией, — пойдем, нам сюда.

Ни о чем не подозревая, Чарли поплелся за ним. Но не поспевал, отставая все сильнее, и Джеймс неожиданно встал, махнул куда-то в сторону шляпой.

— Увидимся позже, — и быстро зашагал прочь.

1. Riddle — загадка (*англ.*).

Чарли доковылял до того места, откуда помахал Джеймс, и тут под высоким кипарисом бросились в глаза заостренные, врезанные в мрамор буквы, свежий, перевязанный тесемкой, букет роз, и он понял, что ее положили здесь, ибо буквы сложились в слово и открыли ему имя — Роза. Чарли склонил голову и неожиданно каким-то странным образом почувствовал, будто только что, в эту самую минуту, впервые отрекся от нее; потому что забыл; и понял, что ему суждено отречься от нее снова; и даже снова; именно так — трижды.

Глава 2

Родители Розы, мистер и миссис Грант, по-прежнему проживали в пригороде Лондона, в Редхэме. Они давно знали и любили Чарли как некогда возможного претендента на руку их единственной дочери — до того, как она вышла замуж за Джеймса. Миссис Грант питала особую слабость к его большим карим глазам. И когда старик Грант узнал, что Чарли вернулся, он позвонил ему и пригласил вместе скоротать вечер.

Он встретил Чарли в саду.

— Мать уже не та. Не знаю, может, оно и к лучшему. Память ее подводит последнее время. Вероятно, такова природа, опускает эту заслонку. Но то, как ушла Роза, было для нее страшным потрясением. Это естественно. Я решил предупредить тебя, чтобы ты не обращал внимания. Если что.

— Конечно.

Субботний день близился к закату. Он окрасился в розовые и голубые тона, и Чарли снова подумал, какой это грандиозный дар — вернуться.

— Но все не так просто, — продолжал мистер Грант. — Да, природа жестока, и ее законы неумолимы. Она не щадит слабых. Доктор говорит, так она защищает Эми, лишая памяти. Что тут сказать. Я бы и не спорил. Да и к чему это, правда, сынок?

— Правда.

— Да ты и сам знаешь, со своим ранением. Не бойся, если не знать — не видно, — он покачал старой своей седой головой. — Что за великолепный вечер. Так, о чем я? Ах да, я не стал принимать его слова на веру. Видишь ли, природа жестока, это правда, и милости от нее не жди. И тогда знаешь что? Вот, послушай. Тогда я подумал, а может, оно совсем и не к лучшему, чтобы Эми позабыла Розу.

Чарли откашлялся.

— Ведь так одно забудешь, другое, а там, неизвестно, чем дело кончится, — продолжал мистер Грант. — Я знавал одно-

го человека, по работе, у которого время от времени случались эти провалы. И скоро он забыл всех. Его даже пришлось держать взаперти, постоянно. Но ведь это не жизнь, правда, сынок? И я начал потихоньку говорить с Эми о Розе.

Слушая, Чарли втайне искал повод уйти. Он поглядел вокруг. И понял, что вернулся, бесповоротно.

— Но нет, — продолжал мистер Грант, — все бесполезно, чтобы я ни говорил. И я решил: надо просто жить дальше. Вышел на пенсию, стал получать пособие, заниматься хозяйством, понемногу, впрочем, какие у нас дела — одни думы. Хотя, слава Богу, мы с Эми не такие уж и старики, на несколько лет нас хватит, так что устроились на общественных началах — я в ХРОН, а Эми потихоньку справляется в АРБС. Но это так, всего несколько часов в неделю, и потому я сказал себе: "Джеральд, надо что-нибудь сделать. Не дело это забывать родную дочь. Как ни крути". Пойми, Чарли, она даже не знает своего внука. А когда женщина стареет, ребятишки для нее большое дело, и оно правильно, ведь так устроен человек, сынок. В общем, что ходить вокруг да около: я решил, а позову-ка я Чарли Саммерса. Впрочем, ты и так здесь всегда желанный гость. Тем более после всего, что с тобой приключилось. Ты уж пойми меня. Я просто хотел проверить, кто ее знает, вдруг она...

Старик повернулся на полуслове и зашагал в дом.

— Так что не удивляйся, когда увидишь, — бросил он на ходу, и Чарли вздрогнул — столь громко прозвучал его голос.

До чего же это эгоистично, — думал Чарли, поднимаясь на крыльцо. — Конечно, все можно понять, но, тем не менее, это слова человека, которому незачем заботиться о карточках и ломать голову, как купить насущные вещи. Да и сам он сделал немало — рисковал, в конце концов, собственной жизнью, потерял ногу, провел лучшие годы в плену, за колючей проволокой, и теперь, когда вернулся, его хотят использовать как подопытную мышь в эксперименте над матерью Розы.

Мистер Грант громко позвал жену.

— Иду, дорогой, — свирелью откликнулась она и — вся какая-то чересчур ладненькая — вышла к ним. Она мелко засеменила вниз и прямиком направилась к Чарли, заключив его в объятья.

— Джон, Джон! — пропела она дважды.

— Нет, дорогая, это не Джон — это Чарли вернулся с войны.

Она склонила к нему на грудь голову, и Чарли, глядя на ее поседевшие волосы, осторожно обнял ее за плечи.

— Как они жестоки со мной, Джон, — и тихо потекли слезы.

— Ну же, дорогая, это Чарли Саммерс.

— Не стоит, — пробормотал Чарли.

— Джон, не верю своим глазам, ты вернулся!

— Вот, я же говорил, она решила, ты ее брат. Он скончался в семнадцатом.

— Джон, братик мой, малыш! — почти радостно воскликнула она. Но Чарли не давал воли чувствам.

Миссис Грант немного отстранилась и, обняв его за плечи, впилась в него взглядом. Как-то она излишне, чересчур опрятна. Не считая пары слезинок на подбородке и влажных дорожек, что пролегли от краешек неестественно блестящих глаз. Но в остальном комар носа не подточит.

— Эми, прошу тебя, — взмолился мистер Грант.

— Но что же мы стоим! Право, где мои мозги?

Она повела его в гостиную. Усаживаясь, он заметил, что она смотрит на него уже менее уверенно и быстро, куда-то в сторону, затараторила о войне, дескать, как это невыносимо, особенно теперь, когда сдались русские.

— Ужасная война, — и вдруг загородилась руками, словно он перед ней разделся.

— Побудь тут, сынок, а я пока приготовлю нам чай, — заявил Грант, выходя из комнаты. — Я на минуту.

Чарли не хотел оставаться с ней наедине, он открыл было рот, чтобы возразить, но, как это часто бывало, опоздал.

— Так жестоки, — пробормотала миссис Грант, когда они остались одни.

Оба молчали. Она сидела, закрыв лицо руками. Чарли было страшновато сидеть с ней вдвоем в одной комнате, но постепенно он о ней забыл и ни с того ни с сего вспомнил про галстук, что забыл его купить, хотя с утра собирался.

— Ты ведь не Джон, верно? — звякнуло в тишине.

Но он не успел ответить: в комнату вошел мистер Грант и вкатил перед собой тележку с чаем.

— А вот и мы, — торжественно объявил он.

— Джон всегда пил со сливками, — обратилась она к крошечному полупустому кувшину с молоком. — Ах да, я же забыла. Вы ведь не Джон. Все моя память. Знаете ли, я быстро устаю последнее время.

Мистер Грант принялся разливать чай.

— Странно, — обратился он к Чарли. — Раньше это делала Роза, помнишь? — Чарли помнил, но промолчал. — Настаивала, что это только ее обязанность. Еще когда с косичками бегала, — оживленно продолжал он. — Бывало, такой переполох устроит, чтобы ей разрешили. Это Чарли Саммерс, дорогая, — выпалил он. — Ты ведь его помнишь, Эми? Он часто заходил к нам на чай в старые времена. И заплетала в них розовые ленты, — он осекся. — Но ты непременно должна помнить, — голос его

сделался глухим, — он еще встречался с Розой, и вот решил проведать, как там ее старики.

Чарли молчал и, как завороженный, смотрел в свою пустую чашку.

— Но вы совсем не едите, — сказала она в ответ, и перед его носом вырос кусок пирога. — Знаю, временами я сама не своя. Но вы должны быть снисходительны к нам. Мы ведь живем очень замкнуто. Очень.

— Я слышал, Вы работаете в АРБС, миссис Грант?

— Ах, да, боже мой, боже мой, что за работа, иногда думаю, всё, уйду совсем, вы не поверите, мистер... мистер... ах я, бестолковая, простите, опять забыла ваше имя.

Чарли заметил, что она ни разу не обратилась прямо к мистеру Гранту.

— Чарли Саммерс, дорогая, — выпалил мистер Грант.

— Разумеется. Мистер Саммерс. Вы только подумайте, мы пережили такие налеты этих цеппелинов, вот еще совсем недавно, прямо посреди бела дня, но дорогой, тебе не кажется, что мистер... мистер... — муж строго посмотрел на нее и она загородила руками рот.

— Она уверена, что ты пришел с Большой войны.

— Конечно.

— Что Германия? Пришлось горя-то хлебнуть? И главное, ни конца этому ни краю. Вижу, натерпелся ты в этом плену, верно? В каких краях сидел?

Старик был почти груб. По-видимому, его раздосадовало поведение жены. Но Чарли вновь мучил приступ тошноты, которая последнее время подступала к нему всякий раз при упоминании лагеря.

— Не стоит.

— Прости, сынок, что с нас взять, стариков — для нас все позади. Придет время, сам поймешь. Теряется связь с миром, вот что. И самое обидное — этого не замечаешь. Ты мне вот что скажи — тяжко там без женщин? Ведь это неестественно. Просто в голове не укладывается, как можно их вообще не видеть. Ну и в переплет ты попал, — добавил он с самым искренним сочувствием, не замечая, как странно, или — если угодно — сколь непосредственно, прозвучали эти слова в присутствии его больной жены.

— Можно мне еще чаю?

— Ах да что ж это я! — она с готовностью выхватила у него блюдце. — Вы уж не обессудьте, я теперь такая забывчивая, вы не поверите.

— Но ты совсем не ешь, сынок. Да, что ни говори, хватил ты лиха в молодые годы, это ж надо — такое пережить. Но,

знаешь, таков порядок жизни, сынок. Пойми, вот я порой — управлюсь с делами, с Эми, а потом сяду и начинаю вспоминать. А у нее этого нет. И ведь получается, не все так уж скверно в этой жизни. Как ни крути.

— Но кто вы?! — возникла миссис Грант.

— Чарли Саммерс. Вы знакомы. Помнишь, он встречался с Розой, часто наведывался к нам. Сколько с тех пор воды утекло, верно? — Чарли не отвечал.

— Знаешь, а теперь шагу ступить нельзя — везде одни аббревиатуры, — старик неожиданно сменил тему. — По вечерам в паб не войти. Войти-то войдешь, а там тебе — или день рождения Гражданской обороны или собрание ХРОН и так далее и тому подобное. Вот так — вернешься домой, а вокруг не узнать ничего, да, сынок?

Чарли ответил, да.

— А что у тебя с карточками? Всем снабжают?

— То-то и оно, — сказал Чарли, вспомнив про халат.

— Надо потребовать, я так считаю, но, черт возьми, сынок, и это страна, которую мы считали свободной. За что, спрашивается, мы воюем, если человек, которому мы всем обязаны, вынужден проходить через эту тягомотину? Но это еще куда ни шло, я тебе вот что расскажу. Взять хотя бы начальника БДС. До всей этой заварухи он чуть ли не крошки у меня с рук слизывал. А теперь сидит с телефоном, белым таким, весь важный, а кем он был раньше? Рядовым диспетчером, у этих Томпсонов. А нынче погляди — начальник, чуть что — к нему на поклон. За всем — от последней зубной щетки до пишущей машинки. И на все у него "нет". Вот на днях — доктор выписал для Эми пару того-сего, пустяки, немного больше нормы, учитывая ее здоровье. Пришлось идти к Джорджу Эндрюсу, так его зовут, подписать для миссис Грант диету. И чего мне это стоило, не передать.

— Да что вы говорите? — сказал Чарли.

— Вы ведь не Джон, верно? — спросила миссис Грант.

— Можешь мне поверить. И так на каждом шагу.

— Но кто вы тогда?

— Оставь, дорогая, ты запамятовала, забыла. Вчерашние юнцы, которых я не принял бы работать даже на побегушках, нынче властвуют над нами. Да, какое там, игра в одни ворота: орел ты или решка — им все одно.

— Но что вам здесь надо?! — потребовала миссис Грант.

— Зашел к нам попить чаю, дорогая, — мистер Грант бросил на нее нетерпеливый взгляд, но она не сводила глаз с Чарли.

— Не нравится мне это, — проворчала она.

— Простите.

— Пустяки, сынок, не обращай внимания.

Вероятно, Чарли так бы и поступил, однако миссис Грант решила по-своему — забилась в угол дивана, зарылась в подушки и на весь дом зарыдала.

— Эми, прекрати сейчас же, ты ведь не ребенок, в конце концов. Вот — взяла привычку, — сказал мистер Грант. — Она скоро угомонится.

Миссис Грант высунула из подушек порозовевший нос и тоненько всхлипнула. Чарли понял, что пора.

— Мне, в самом деле, пора.

— Ну будет тебе, Эми, — увещевал мистер Грант.

Он присел к ней на диван и погладил по спине. В ответ она что-то пискнула, но Чарли был уже на пороге.

— Постой, сынок, не уходи так, — окликнул его мистер Грант. — Я сейчас. Ну, мать, ты совсем расклеилась. Подожди у обочины, скройся пока. У меня что-то для тебя есть, — бросил он Чарли.

И Чарли, спасаясь от ее рыданий, покинул дом. И встал подальше от крыльца за большим деревом. Минут через десять на тропинке появился мистер Грант.

Да, он очень сожалеет — это был не лучший прием, к тому же после этих испытаний заграницей. Но он знал — Чарли поймет, раз уж врач рекомендовал попробовать. Последняя надежда. Теперь ей помогут лишь тишина и покой. Чарли сказал, не стоит волноваться. Мистер Грант сказал, это более, чем великодушно. Чарли, изумляясь собственному лукавству, сказал, что для него это сущий пустяк.

— Дело вот в чем, — заключил мистер Грант. — Я не из тех, кто возлагает свои тяготы на других, но у нее был шанс, ну вспомнила бы, ну всплакнула бы у тебя на груди. Вот и вся разница. Но я пригласил тебя не просто так. Тут для тебя сюрприз. Вот, — он протянул Чарли адрес, — загляни сюда, и ты встретишь кое-кого, кто знал Розу. Ее сверстницу, может, на месяц-два помладше. Будет тебе рада. Она вдова.

Чарли поблагодарил мистера Гранта, и, не придавая значения его словам, поспешил на электричку.

Он вышел на своей станции и добрых три мили проковылял следом за рыжеволосой девушкой, пока, кажется, не проводил ее до дома, даже не пытаясь заговорить с незнакомкой.

Глава 3

На другой день в Лондоне, недалеко от работы, Чарли столкнулся с человеком по фамилии Мидлвич. Они были знакомы

еще с июля, по Центру, в котором Чарли поставили новый протез.

— Быть не может, — громко воскликнул Мидлвич. — Неужто Саммерс? Товарищ по полку безруких и безногих? А я как раз иду обедать. Знаешь местечко напротив? — Он поднял свою хромированную спрятанную в рукав черного пиджака руку и, лавируя между машинами, по-свойски повел за собой Чарли. Тот заковылял рядом, подрыгивая новехонькой алюминиевой ногой, одетой в штанину в мелкую светло-серую полоску.

— Заманчиво, — заметил Мидлвич, — помнишь, как до войны все забегали в бар на чашку кофе. А теперь? Врываемся сюда, как оголтелые, боясь, что до нас сметут всю еду. А во Франции, между прочим, нас зовут "Les grands mutilés"[1] и уступают очередь. Увы, здесь такого нашему брату не дано. Ни за какие коврижки! — он аппетитно рассмеялся.

Чарли не проронил ни слова.

— Ну, вот и пришли, — Мидлвич нырнул в освободившееся пространство перед стойкой. — Что пьешь?

И, не дожидаясь ответа, окликнул официанта по имени Джон, заказал столик, нашел в толпе знакомое лицо, обменялся приветствиями, потребовал два двойных виски и только потом поинтересовался, что все-таки пьет Чарли. Саммерс, в сущности, спиртного не пил.

— Твое здоровье, — впервые подал голос Чарли.

— И тебе того же, — Мидлвич достал здоровой рукой папиросу и приступил к невообразимой манипуляции со спичками. — Плевал я на эти зажигалки, — он засунул коробок подмышку, оставил на поверхности малюсенькую полоску кремния и принялся чиркать об нее спичкой.

Увидев, барменша бросила на ходу все и кинулась дать ему прикурить.

— Благодарю вас, Роза.

Чарли вздрогнул, невольно оглянулся — но, нет, девушка была светловолосой.

— Ну что, — озираясь по сторонам, сказал Мидлвич, — как жизнь? Моя — не сахар. Вот какого лешего она мне прикуривает? По мне, так это лишнее. Ладно, это еще куда ни шло. А вот как дойдет до постели, увидишь. Боже милостивый, ты только представь, тут на днях моя визжала как резанная, представь, обнимаю ее этой алюминиевой штуковиной за са-

1. Les grands mutilés — инвалиды с тяжелым ранением (*франц.*).

мую аппетитную поверхность. Хотя тебе это чертовски затруднительно. Куда уж тебе. Но ты не робей — они это любят.

Мистер Саммерс коротко крякнул в кулак.

— Удивительный народ — женщины, — продолжал Мидлвич. — Взять хотя бы мою невестку. Тихоня, делает вид, что не от мира сего, но, как говорится, в тихом омуте черти водятся. Помню, у них на свадьбе пошли всякие шуточки. Семь лет прошло, а никак не забуду. А она как будто знать не знает, что там да как. Этакая цаца, видишь ли. Но как открывается истинное лицо человека? В обыкновенных вещах. Стоит обронить самую невинную шутку, нет, упаси бог, какие-то пошлости, но так, на грани, так сказать, опасности — она уже за три девять земель отсюда. Зато, прихожу из плена — а они устроили в мою честь вечеринку, — и она от меня ни на шаг. Думаю, может, она другим человеком стала, ведь, при всем уважении к Теду (это братец мой), она никогда не была, так сказать, роковой женщиной. Но ничего подобного — какой была, такой осталась, бьюсь об заклад. Нет, Саммерс. Обыкновенное любопытство. Ей, видите ли, интересно, как у нас за колючей проволокой обстояли дела с девчонками. Прилипла — не отвязаться. Уж я на что малый не из застенчивых, и то не знал, куда от стыда деться. Представляешь? А Тед, видя, что я уже потихоньку выхожу из себя, давай ей подпевать — о тайнах их супружеской жизни, впервые причем. Словно сговорились, все норовили выудить у меня что-нибудь этакое.

Чарли прочистил горло. Он немного разомлел от виски и как будто развеселился. И подумал, что еще чуть-чуть и через четверть часа, глядишь, и разговорится. Потому что обычно между ним и свободной речью стояла какая-то преграда.

— Давай еще по одной, — выдавил он, глядя в опустевший стакан.

— Благодарю, повтори и мне тоже. Все-таки странно видеть тебя здесь. Итак, женское любопытство, — продолжал мистер Мидлвич. — Бабы — они, как кошки, стоит пошуршать газетой — они тут как тут. И эти туда же. Как услышат, что ты несколько лет жизни провел в, так сказать, неестественных обстоятельствах — пиши пропало, — залезут тебе в печенки, пока всю кровь не выпьют. Ладно, Ивонна — да все девчонки на меня вешаются. И не стану скрывать — я извлекал из этого замечательную выгоду, просто замечательную. А что? Пару раз было.

Чарли хрюкнул в кулак.

— А леший их знает, может, они того и ждут. Барышни, они народ сложный, с ними никогда не знаешь — ни до, ни после.

— И не только женщины, — Чарли с удивлением услышал собственный голос, расплачиваясь за напитки.

— Нет, мужчины — другое, есть такие, плевал я на них. Суют свой нос в чужие дела, как эти мерзкие собачонки, знаешь, вечно что-то вынюхивают и тявкают на каждом углу. Шпицы, что ли? Нет, Саммерс, ты у нас тихоня. Спорю, все сохнут по твоим глазищам, барышни то бишь. Так как насчет перекусить? Джон держит для нас столик. Меня тут любят. Спорю, и у тебя найдется пара историй, хотя знаю я вашего брата, — сказал он, выглядывая в толпе знакомые лица. — Знаю я вашего брата. Тихони.

Заказав пива — которое было тут же отвергнуто под предлогом, что, когда есть виски, грех его не выпить, — Чарли заговорил.

— Забавно, со мной тут произошел случай. Как раз, о чем ты говоришь.

— Знаю я вашего брата, — Мидлвич вертел головой в поисках знакомых завсегдатаев и новых хорошеньких личиков.

— И пока не решил, как поступить, — Чарли сделал большой глоток виски с содовой и понял, что, видимо, пора закругляться.

— А ты знаком с Эрнестом Мэндрю? В Лондоне его знает каждая собака.

Но Чарли, как любого очень неразговорчивого человека, трудно было сбить с толку.

— В гости меня пригласили, — заплетаясь языком, продолжал он. — Родители моей девушки. Выдалась вечеринка, что ни говори. Но только я собрался уходить, как старик вручил мне записку. С адресочком. Именно так. Понимаешь, а ведь я встречался с его дочерью, и она умерла.

Чарли замолчал. И вдруг у него вырвалось, он проболтался.

— И, между прочим, родила мне ребенка, — хвастливо сказал он — и второй раз отрекся от Розы. — И он после всего дает мне адресок некоей вдовы.

Чарли глотнул, и откинулся на спинку стула, словно свалил тяжелый груз.

— Что? вдовы́? — эхом отозвался Мидлвич. — О, напомни мне подойти к Эрни Мэндрю. Я должен ему кое-что сообщить, но все теперь к чертям собачьим забываю. Так о чем мы?

Но Чарли сказал все, во всяком случае, пока. Взгляд его застыл на стакане. Лицо его, и это правда, было очень печальным, в голове царила концентрированная пустота. И все стало легко.

— Кто знал, что так повернется? — мистер Мидлвич бросил на него взгляд. — Все мы вернулись к чему-то иному. Все мы кого-то потеряли. А тебе не кажется, они чересчур долго несут суп?

Он несколько раз помахал официанту, Чарли с неподдельным удовольствием блуждал взглядом по лицам посетителей.

— Значит, вдова, говоришь? — продолжал Мидлвич. — Не знаешь, брюнетка или блондинка?

Чарли понятия не имел.

— Рыжая, — по привычке сказал он.

— Рыжеволосая, дьявол ее возьми.

— Вообще-то я не видел.

— Не видел? До сих пор? Ну ты даешь — выходит, у тебя все путем на амурном фронте. Но это грандиозно, приятель, вокруг этого добра хоть отбавляй — глаз девать некуда. Ничто человеческое нам не чуждо, и добрая часть мужчин пока по ту сторону морей, а? Но рыжеволосая с веснушками? Прости, старик, но это выше моего разумения.

Чарли, однако, не так нелегко было сбить с панталыку, и он, довольно улыбаясь, молчал.

— Понял, — сказал Мидлвич. — Но если тебе ненароком подскажет внутренний голос, отдай адресок мне. Нет, я, конечно, человек занятой, но минутку для нее выкрою. В случае крайней нужды. Нет, непременно выкрою. Да в любом случае, пожалуй.

Наконец, официантка принесла суп, и он заказал еще по порции виски.

— Не гони, — сказал Чарли.

— Не жмись, — ответил Мидлвич. — Держи курс прямо. Считай, это мера за меру. Столько лет без скотча, и бог знает, без чего еще. Все равно, как впервые после лагерей увидеть девушку. Мы тогда возвращались на корабле из плена. И вот, выхожу в порту и вижу — девушка, представляешь, настоящая. Ослепительная блондинка, сама колдунья.

Если бы не несколько порций виски, Чарли пропустил бы эти слова мимо ушей, но тут он промолвил:

— Ого.

— Вот и я об этом, — воодушевился Мидлвич. — После всех этих лет, когда ты даже не помнишь вкуса, и мир, в котором одни мужчины, и где открывается истинная природа человека — и чур не говори, что ты не замечал — и тебя бросают на самое дно, и ты видишь, сколько на самом деле в каждом человеке дерьма, потому что все оно выползает наружу, и вдруг — свобода, и тебя везут на этом шведском пароходе и рядом тысячи таких же одуревших от свободы репатрииро-

ванных маньяков, и вдруг — мать честная! — блондинка, шагает себе в магазин или, неважно, куда — свободная, как ветер, как сам воздух! Понимаешь? Рев был такой, думал, все доки рухнут.

— А она?

— Бровью не повела. После я об этом часто думал. Привычка, должно быть. Комендантская дочка, полагаю — она явно чувствовала себя в порту, как дома. Понимаешь, к чему я? Сотни тысяч солдат туда-сюда проходят через порт. Так-то. Это война, дружище, c'est la guerre[1]. Делает из женщины черствый сухарь.

— Это точно.

— Точно и тем не менее. Вспомни, о чем мы мечтали в этом царстве гуннов? Что воображали, вспоминая о доме? Летний вечер, розы, в общем, всю эту дребедень, и еще маленькие невинные шалости в стареньком автомобиле. Но, в основном, мы были, как дети, и мечтали дотянуться до звезд и, быть может, встретить хорошую девочку. А что мы сделали, когда вернулись? Надрались, как черти и все на хрен выблевали.

— Верно говоришь.

— И знаешь почему? Потому что все теперь не так, не то, о чем мы мечтали, — он с отвращением отодвинул от себя суп и неожиданно рассмеялся. — Там бы я с харчами такого не позволил.

Чарли, не отрывая глаз от стакана, наклонился к нему через стол. Кровь его бурлила от виски.

— Моя девушка умерла, пока я был там, о которой я тебе рассказывал. Я поехал к ней на могилу, а там все другое.

— И я о том же. Однозначно. Но что мы, леший его возьми, за это получили? Никаких компенсаций. Следовательно, остается одно — держать себя в руках, Саммерс. Мы через такое прошли. И знаем. Я с самым своим близким другом не стану говорить, как с тобой. Потому что ты вообще меня не знаешь, и я тебя не знаю. Поначалу я еще как-то знавался с нашими, так вот, некоторые так затянули пояса, ушли в себя, понимаешь? Это опасно, Саммерс. Потому что они до сих пор как будто все еще там, в неестественных условиях. Так, вот мой совет — вылезай из норы, пока не поздно.

— Конечно, — Чарли смотрел на него невидящими глазами.

— Господи, да где же наш зайка, что они так долго несут? Давно уже могли бы вытащить его из клетки, прикончить,

1. Это война (*франц.*).

освежевать, приготовить и подать пострела со всеми почестями.

— Захожу на кладбище, а там, возьми его нелегкая, ее муж.

— Ты подумай, неудобно вышло. И дальше? Всплакнули, как говорится, друг у друга на груди, стоя над ее могилой? Постой, или вы были знакомы раньше?

— Приличный парень. Мы пошли перекусить потом.

— Заманчиво. Обменялись, так сказать, мнениями?

— Нет, — поморщился Чарли.

— У меня была похожая история. Тоже ужасно неудобно получилось. Я тогда только закончил школу и стал встречаться с одной девушкой, со своей улицы. Моя ровесница. Оно, конечно, между нами ничего такого, мы же были совсем детьми. А потом она заболела, не помню, кажется, менингит, ужасная штука, и умерла, и мне пришлось утешать ее мать, я ходил к ней каждый вечер, наверное, несколько недель подряд. Милейшая дама, во всех отношениях, но я был еще молод, ничего не понимал в этом. Нет, ты не подумай, для своих лет я был вполне себе хорошо развитым мальчиком, так сказать.

Саммерс промолчал.

— Со временем понимаешь, сколько было в жизни упущенных возможностей. Обидно, — вздохнул Мидлвич, вспоминая годы заключения. — Да вот, взять хотя бы этого ушастого. Знал бы я, сколько мне придется есть одну крольчатину, стал бы я отказывать себе в жареных ростбифах? Я, видите ли, полагал, что они слишком тяжелы для моего желудка. В те времена я захаживал к старому Джорджу на углу Вуд-лейн, там сейчас один руины, и у него почти всегда можно было заказать кролика. Знать бы тогда. Но такова жизнь.

Чарли молчал. Лично ему было безразлично, что у него в тарелке, а когда Мидлвич подозвал официантку и заказал сыр и кофе, то Роза превратилась для него не более, чем в имя. Все девушки в кафе звались одинаково. И он с жадностью набросился на мысль о грантовской вдове.

— Думаешь, звякнуть ей? — бросил он в тишину — за их столом сделалось такое молчание, словно тихий ангел пролетел.

Но мистер Мидлвич утомился.

— Слушай, давай я познакомлю тебя с Эрни. Он может тебе пригодиться. Так о чем мы? Позвонить ей? Да Господь с тобой, ни в коем разе! Иди сам, дружок. Потому что у женщин навык говорить по телефону — как ножом отрежут. Надо идти, без предупреждения. Иди и все, вот мой совет.

Глава 4

Миссис Фрейзер пристроилась рядом с Чарли перед полыхающим в камине огнем. Эта худощавая дама лет пятидесяти сдавала ему комнату с удобствами.

— Был бы уголь, остальное приложится, — вздохнула она. — Наслаждайтесь, пока есть возможность, грейтесь, сколько вашей душеньке угодно. А то, кто его знает, что там впереди, какие еще несчастья на нас свалятся. Этот теперь бросает на нас новые бомбы, они летят так неслышно и падают как снег на голову. Вот сидишь дома и вдруг среди бела дня как обухом по голове — тьма египетская и потолок под ногами, если вам еще повезло, и ни крыши над головой, ничего, одно несчастье. А насчет угля — что верно, то верно. "Уголь? — спросил меня торговец. — Какой уголь, мадам? Не слышал о таком". Люди говорят, эти бомбы летят неслышно и падают так, что и моргнуть не успеете. А люди знают, что говорят — кто еще Богу душу не отдал, конечно.

Чарли молчал, гадая про себя, будут ли у него шансы на повышение. Потом вспомнил про карточки.

— На той войне все было иначе. Боже святы, теперь все так изменилось. Раньше их хотя бы слышно было, и люди, бывало, как заслышат — так ничком на землю. Я все помню, меня мистер Фрейзер научил. Но в этой войне вы и разобраться толком не успели. Вот, сами мне давеча говорили, что, дескать, высадились на том берегу, повоевали без году две недели — и в плен. Так что милости просим. Вот вам последнее ведро угля, да будет оно вам в радость. Опустел погребок-то. Я так и сказала Мэри: "Отдай уголь мистеру Саммерсу, Мэри. Мы этому человеку обязаны за все, это он из-за нас натерпелся. Так она мне: "А как же вы, мадам?". "А я, — говорю, — Мэри, присяду рядышком и посмотрю с мистером Саммерсом, как догорает наш последний огонь".

Однако в глубине души миссис Фрейзер была спокойна, ибо знала, что в другом ее погребе хранится честных полторы тонны угля.

Она украдкой взглянула на его большие карие глаза. Молодой человек, казалось, совсем о ней забыл. Хотя лицо у него очень приятное.

— Смотрю на вас и в толк не возьму, отчего вы дома сидите? Сходили бы куда-нибудь. В ваши-то годы, да еще через такое пройти. А там, глядишь, и девушку себе найдете.

Он весело рассмеялся.

— Веселитесь? Ну смейтесь на здоровье, только я к вам со всей душой.

Чарли молчал.

— Вот мистер Мидлвич — тоже чудак-человек, впервой с таким столкнулась. Пришлось даже пожурить его ненароком.

— Мидлвич? — переспросил Чарли. — Который из СЭГС?

— Ну, наверняка не скажу, — и она подробно описала его внешность. — Так вы, часом, не по работе знакомы?

— Это он.

— А я порой думаю, как он теперь?

— И вы не подозревали о нашем знакомстве?

— Подумать только, как все-таки тесен мир. Это ж надо, вы знакомы с мистером Мидлвичем. Нет, я плохого не скажу, все люди разные. Полагаю, он и вправду решил, что в Кенсингтоне, да по соседству с парком, куда удобнее. Он все бегал по утрам или что-то в этом роде — убегал перед завтраком. А потом съехал. Оплатил все как миленький, долгов за собой не оставил. Порядочный джентльмен, разве что кое-какие мелочи... Но я, должна вам сказать, ничуть не расстроилась, когда за ним захлопнулась дверь. И дай Бог ему всего. А ведь он не с улицы ко мне пришел, а по рекомендации одного уважаемого господина. Мистера Джеральда Гранта.

— В годах и проживает в Редхэме?

— Он самый. Ну разумеется, вы знакомы. Ведь это он за вас хлопотал. Вам очень повезло, вы уж простите, что приходится себя хвалить. Но не будь у вас за плечами таких напастей, я бы, вероятно, отказала вам.

— Конечно. Я совсем забыл.

— Хотите — можете считать меня старой занудой, но вы вернулись недавно и не успели оглядеться — скоро вы и сами поймете, что прошлого как не бывало, жизнь стала другой. И в наши дни — это непростое дело подыскать приличное жилье. У многих ведь даже крыши над головой не осталось. Так что, когда мистер Грант позвонил мне насчет вас, я сказала: “Надеюсь, это не очередной мистер Мидлвич?” — “Нет, что вы, — ответил он. — Небо и земля”. Но этот человек — вы уж меня простите. Я дама замужняя, и не такая уж ханжа, но любовные связи этого джентльмена — что-то совершенно неописуемое.

— Я и не полагал, что эти двое знакомы, — Чарли был ошеломлен.

— Что уж тут странного? Жизнь — череда совпадений, сплошь и рядом. Я вам сейчас такое расскажу, ни за что не поверите, но, видит Бог, говорю сущую правду, — и она поведала какую-то длинную историю.

Он не слушал. Новость о том, что старик Грант и Мидлвич знакомы, глубоко опечалила Чарли, и он, сам не зная почему, нашел в этом нечто подозрительное.

И совсем забыл о собеседнице.

— А я и говорю: "Так ведь это один и тот же человек, — история миссис Фрейзер близилась к концу. — Предупреждаю, — говорю. — Я сейчас свалюсь в обморок", — говорю, и она хвать меня под руки. И эти двое оказались как две капли похожи друг на друга, — закончила она и торжествующе посмотрела на Саммерса.

— Да что вы говорите, — Чарли не понял ни слова.

— А вам необходимо встряхнуться. После той войны таких, как вы, было пруд пруди — что сиднем сидели по домам и кисли в одиночестве. Оно, конечно, понятно, но в жизни всякое бывает, и нечего вешать нос. Это, скажу я вам, чести никому не делает. Посочувствовать можно, оно грех не посочувствовать, ведь шутка ли — пережить такое. Но есть тут одна загвоздка, мистер Саммерс. Так, к чему это я — ах, да: никто вас вечно жалеть не будет, люди этого не любят. Так что подыщите себе порядочную девушку. Так оно лучше.

— К вопросу о внешнем сходстве, — он не отрывал взгляда от огня. — Положим, дети, их отцы и матери, они всегда похожи?

— Ничего подобного, — миссис Фрейзер очередной раз с нескрываемым интересом посмотрела на Чарли. — Ничегошеньки подобного.

И заворковала о каких-то тетушках и племянниках. Но он думал о Ридли и клял себя за то, что редко вспоминал Розу.

В прихожей зазвонил телефон.

— Я отвечу, — с готовностью предложил он. Удивительно, но звонили ему. И более того, звонил мистер Грант.

— А как поживает миссис Грант?

— Грех жаловаться, — ответил старик. — Ведь если подумать, беспамятство — это своего рода компенсация, да ты по себе знаешь. Но я вот чего звоню. Ты созвонился с той молодой барышней? Я тебе скажу, в чем дело. Ты ведь не такой, как все, неуверенный в себе. Не позвонил?

— Забыл.

— Слушай. Я старше тебя. И умею говорить прямо и без обиняков, а не хожу, как нынешняя молодежь, вокруг да около. Я же это не выдумал. На то есть определенная причина.

— Спасибо.

— Да не за что.

Чарли вернулся к себе. Миссис Фрейзер снова заладила о своем. На этот раз о росте цен.

— Дефицит-то все рос за...

Чарли вздрогнул, услышав странное созвучие. Вот, сейчас его захлестнет боль, знакомая, с которой он давно свыкся, осо-

бенно в Германии, он задержал вдох, приготовился к ее накату. Скрипучий голос миссис Фрейзер изолировал его от мира. Он знал — боль неминуема, как песнь кукушки когда-то ранним воскресным утром накануне войны — всякий раз, когда он проходил тропинкой мимо одного открытого окна. Тогда как раз пришла пора кукушек. А сейчас, по-видимому, стояла осень, и она, кажется, только что обмолвилась о Розе, но он ничего не чувствовал. Ничего. Он удивился. Он винил себя. Но ничего не чувствовал.

— Никакой тревоги, — он пресек ее словесный поток.

— Тревога? — испугалась миссис Фрейзер. — Да вроде тихо. Я бы услыхала, если что.

— Простите. Я опять говорю с самим собой.

Она уставилась на него. Он был явно не в себе, и это странное замешательство на его лице.

— Говорите с самим собой? Но, мистер Саммерс, вам бы следовало быть осторожней. В вашем-то возрасте. Вы так громко говорите, зачем это? Ах, Боже ты святы, неужто вы и впрямь чуете какую угрозу? — и опять это слово, сейчас, еще немного, и вернется это старое, привычное чувство вины, но в душе его была пустота. — Осторожней, мистер Саммерс, ладно в мои-то годы, но вы-то еще совсем молоды.

Повисло молчание. Он был готов ловить каждое ее слово.

— Возьмите цены на цветы, — миссис Фрейзер вернулась к своей мысли. — Тюльпаны, нарциссы, хризантемы и даже лесные фиалки, — Чарли ждал, ждал сигнала, — цветы исчезли, и совершенно непонятно, с какой такой стати. Зато их при всем честном народе продают на черном рынке. Это же не дело.

— То-то и оно, — подхватил Чарли изо всех сил желая, чтобы она продолжала говорить.

Она, как завороженная, смотрела в его огромные глаза, и ей почудилось, будто они отделились от лица и повисли прямо перед ней в воздухе. Аж дух захватывало от этих глаз.

— Ах, да, — она на секунду задумалась, но, вспомнив, продолжала: — Вот вы говорите, мол, вы — как все, не слушаете меня и сидите тут, словно испанский гранд. — Он улыбнулся, подумав о своей девушке. Что за чушь она несет? — Но вы же ничего не делаете, а лучше бы пошли и купили с получки цветы для девушки, когда она у вас появится, конечно — чего, осмелюсь предположить, не произойдет, если будете сидеть и слушать мою болтовню. Так вот, я давеча как увидала эти цены за углом, у меня аж мурашки, как от мороза.

Больше он ничего не слышал. Все мысли его сосредоточились на последнем слове, впрочем, он ничего не чувствовал. Совсем ничего.

Роза ушла.

Глава 5

Лишь только он собрался бросить клич о помощи, как СЭКО — ведомство, руководящее его предприятием, подыскало ему лаборантку по имени Дороти Питтер.

Все девушки на работе, как могли, печатали для него отчеты в свободное время. И последние несколько недель, в течение которых он мало-помалу забывал Розу, они то и дело с нетерпением спрашивали: “Когда же, наконец, пришлют новенькую?” и “Почему СЭКО так тянет время?”. Его нога сослужила ему добрую службу, и он пользовался успехом, но из-за нехватки кадров машинистки не всегда успевали ему помочь и не могли каждый раз долго засиживаться на работе. Поэтому он ушам своим не поверил, когда, по прошествии нескольких дней после разговора с миссис Фрейзер, к нему подошел счетовод и шепнул: “Прислали”.

И когда он вошел в кабинет, его взору предстал живой продукт этой тягостной волокиты и бесконечной переписки — первоначального отказа, затем официального разрешения при условии наличия вакантного места, последующего уведомления о закрытии вакансии, далее уведомления о сотруднике на эту вакансию и наступившего затем долгого ожидания, мертвой паузы длиной в несколько недель — и вот, без всякого предупреждения все эти письма, бланки, формы, и номера ссылок воплотились в образе молодой особы с умением стенографистки и некоторыми навыками машинистки.

Оказалось, она блондинка, довольно неопрятная с виду. С пустым и глуповатым лицом. Но он был так рад ее появлению, что почти разговорился.

— Итак, мисс, мы вас заждались.

— Не знаю. Все произошло мгновенно — я и чихнуть не успела. И даже не предупредили.

— Странно. Нас пять недель назад известили о вашей кандидатуре.

— Это все СЭВЭ.

— Вы хотите сказать, СЭКО?

— СЭКО? — вскрикнула она. — Но здесь какая-то ошибка. Вы уверены?

— Конечно, мисс, — он показал ей документы.

Он хранил эти бумаги, как талисман, в самом надежном месте, поверх пачки документов в левом ящике кухонного стола, который ему выдали в качестве рабочего места.

— Ну, вот видите! — воскликнула она. — Значит, это длилось целых несколько недель, смотрите, здесь число, а я ни-

чего не знала и трудилась в поте лица, чтобы заработать два дня отгула и съездить к маме на север.

— Ваша мать далеко от Лондона?

— Ее эвакуировали с другими родственниками в Хадерсфилд. Неужели они не могли отпустить меня на эти два дня, ну чего им стоило?

— То-то и оно. Но, возможно, у нас получится устроить вам командировку. Мы часто выезжаем из Лондона.

— Ой, правда? Вы серьезно? Но это замечательно! А чем вы тут занимаетесь?

— Установками для переработки сырья и производства parabolam.

— Подумай только, а мы делали пенициллин.

— Производство?

— Я сидела в лаборатории, с картотекой. Но с такими я еще не сталкивалась, — она взглянула на высокие стальные стеллажи по обе стороны стола, где он хранил документы по своей собственной, особой, системе, которая спасла его от безумия, еще когда Роза впервые после возвращении расцвела в его памяти.

— Это моя наглядная система, — он подвинул ей стул. — Присядьте, пожалуйста, я покажу, как это устроено. Мы — инженерно-конструкторская компания. У нас нет своего завода. Он был разрушен во время блица, сгорел дотла, так что теперь мы только проектируем, и отправляем проекты другим заводам, которые производят для нас все оборудование. Все до последнего гвоздя. Разумеется, наша компания пользуется поддержкой правительства, иначе бы нам не справиться с объемом задач, которые встали перед страной. Мы для правительства очень важное звено, и оно делает все, чтобы заводы шли нам навстречу. А контролирует это СЭКО, очень влиятельная, как вы убедились на собственном опыте, организация. Мы выполняем всю проектно-конструкторскую часть и тщательно отслеживаем реализацию своих заказов и сроки доставки, иначе другие конторы, такие, как Адмиралтейство или МАП, опередят нас, и мы окажемся в хвосте. Вот для этого и существует моя картотека. Каждая карточка соответствует одной детали, каждая деталь имеет свои сроки производства и доставки и имя-фамилию ответственного сотрудника.

— Ну и ну!

— Вот алфавитный указатель. А вот перекрестные ссылки. Вся система наглядна. Может быть, поначалу она кажется запутанной, но без нее мы не смогли бы работать, — Чарли так долго говорил, что даже устал и откинулся на спинку стула.

— Понятно. А можно, я пойду познакомлюсь с девочками?

— Ох, простите! Конечно, они покажут, где можно оставить вещи, — он отвел ее к самой приветливой машинистке в приемной директора.

Он был несказанно рад ее приходу. Самое важное, ему больше не придется засиживаться допоздна, и он будет раньше возвращаться в свою берлогу, ведь теперь, когда воспоминания о Розе остались в прошлом, дом перестал быть для него камерой пыток. Он стал острее ощущать свою неприкаянность и не знал, куда деть по вечерам свободное время. Он объяснял это усталостью и тем, что еще не до конца оправился от всех утрат, особенно от утраты Розы.

И потихоньку начал присматриваться к жизни. Даже на работе, несмотря на известную мудрость не заводить служебных романов.

Все началось в один прекрасный день в три часа тридцать минут пополудни за чашкой чая с сахарной булочкой.

— А можно спросить? Скажите, чем мы тут все-таки занимаемся?

— Сталью.

— Тут делают сталь?

— Нет. Parabolam. Для особой стали.

— Ничего не понимаю, — и шмыгнула носом. Она была ужасно неряшлива.

Но все-таки что-то в ней есть.

— А что это такое? — она не сдавалась.

— Это делают из птичьего помета.

— А вы меня, случайно, не разыгрываете?

— Слово чести, — сказал он. Она терпеливо ждала.

Как любой неразговорчивый человек, он умел свободно рассуждать о технических вопросах, порой его даже трудно было остановить.

— Помог случай. Как и во многих других открытиях. Например, с нержавеющей сталью. Тогда, во время очередной инспекции в плавильном цехе, в струе воды что-то сверкнуло. Маленькая стальная стружка. Ее взяли на экспертизу, провели, на всякий случай, анализ. И вот вам, пожалуйста — теперь ей разрезают мясо.

— Впервые слышу.

— Так и parabolam — все решил случай, но на этот раз с птичьим пометом. Как-то раз, ласточки решили устроить гнездо прямо над карнизом топки. А начальник плавильного цеха решил избавиться от гнезд и отскрести весь помет. Но рабочий, которому это поручили, видимо, слишком устал и, недолго думая, выбросил грязь прямо в горн. И когда этот му-

сор переплавился с металлом, сплав получился настолько твердым, что не поддавался даже обыкновенной отливке.

— Быть не может!

— Нет, возможно, я, действительно, несколько преувеличиваю. За это взялись специалисты, вещество выделили, а позже обнаружилось, что оно в еще больших пропорциях содержится в помете морских птиц, в местах их массового обитания. И его стали закупать как настоящее промышленное сырье и поставлять через океан из Южной Америки. Его плавят в специальных ретортах, которые мы заказываем Диксонам. Во время горения это вещество выделяет газ, который затем проходит через катализаторы. Оттуда образовавшийся пар поступает в охлаждающие камеры, которые нам поставляет АБП, затем происходит преобразование охлажденного газа в кристаллическое вещество, и, наконец, наши кристаллы оседают на поверхности — вы ни за что не поверите и снова решите, что я вас разыгрываю, — они оседают на поверхности самых обыкновенных листьев лавра благородного — их мы раскладываем на специальных полочках, которые изготавливает для нас компания Пардьюс.

— Ой, а у меня есть знакомая по имени Лорел[1]. Только мы зовем ее Гарди[2].

— А у меня была знакомая по имени Роза.

Странно, но имя Розы не вызывало в нем никаких чувств. Он даже перестал думать о ней.

— Так вот, — продолжал Чарли, — затем листья промывают. Вы не поверите, но лавровый лист обладает особыми свойствами, благодаря которым мы используем его в своих технологиях. Далее эта вода проходит через испаритель, который мы заказываем у Беннетов, и дело в шляпе! Двести пятьдесят фунтов за тонну. В общих чертах, это все. Если вас интересуют подробности, идите к Коркеру.

Коркер был главным инженером и конструктором установки.

— Ну что вы, я и не посмею, — почтительно кивнула она.

— Но он мастер своего дела, — пробормотал мистер Саммерс и неожиданно ушел в себя. Он молчал минут пять, забыв отвести от нее взгляд, так что больше она не вытянула из него ни слова, пока не зазвонил телефон.

Все-таки, что-то в ней есть, — очнувшись, решил он.

1. Laurel — лавр (*англ.*).
2. Лорел и Гарди — популярный комедийный дуэт в американском кинематографе первой половины XX в.

Уходя с работы, они столкнулись в дверях.

— Что творится в небе, не знаете? — спросила она.

— Я пока не выходил.

— Ой, ну с вами не соскучишься! — она рассмеялась.

И он почувствовал какое-то новое волнение, неведомое, казалось, даже в той, довоенной жизни. По дороге она тараторила, жаловалась на коллег. Он прислушивался к своим чувствам и не обращал на нее внимания. Они дошли до остановки.

— Мы с вами тут совсем одни, — сказала она.

Он молчал.

— А мне одна девушка сказала, что вы награждены Военным крестом?

— Я? Нет.

Она ждала. Он молчал. Они сели в автобус.

— А говорят, вы были в лагере для военнопленных?

— Верно.

— Ой, вам не позавидуешь. Сидеть там за семью замками.

Он молчал. Она сдалась.

— А, кстати, какой это номер?

— Девятый.

— Господи, не знаю, что на меня нашло. До завтра! — и выпрыгнула из автобуса.

В ту ночь она не выходила у него из головы.

На следующий день она вновь взялась за свое. “А что тут такого?” — решила она. Терять все равно нечего.

— Помните, как я вчера запрыгнула в тот автобус? — сказала она, склонившись над картотекой. — Забавно, правда? Вот только мама уехала, и я постоянно делаю глупости. Все одиночество.

Он поднял на нее глаза.

— Нет, конечно, в общежитии скучать не приходится, но мама была мне другом. Знаете, мы ведь жили с ней душа в душу, хотя и под одной крышей — обычно бывает наоборот.

— Допустим.

— “Точка[1], — так она называла меня, — точка — запятая, что там идет за углом?” — и мы бросали все дела и бежали в киношку. Но она уехала от этих бомбежек.

К счастью, зазвонил телефон, и Чарли не пришлось додумывать ответ. В тот день он звонил, не переставая.

Но он прозрел.

1. Dot — точка (*англ.*). Также имя Дот, сокращенное от Дороти.

Он обманывал себя, бежал от своих мыслей, но ведь у нее была грудь. Она как будто стеснялась ее и куталась в свои мягкие, как пуховое гнездо, кофточки, внутри которых, казалось, пряталась пара белых мышат. Эти жуткие укутанные пупырышки преследовали его. И он знал, что она знает, когда он смотрит.

Они целыми днями просиживали за одним столом. Она заполняла карточки, приносила ему документы, когда он звонил поставщикам. Ей приходилось тянуться через стол, и однажды он заметил, что у нее были гладкие, как овал, руки, которые конусом суживались в узкие, с красивыми пухленькими ямочками, запястья, маленькие хрупкие кисти и ловкие, жутко белые пальцы с заостренными накрашенными ногтями, похожими на оболочку бутонов, вот-вот готовых распуститься в тюльпан — как, если бы, допустим, начать мыть посуду.

В эти минуты он боялся самого себя.

Или, порой, когда он диктовал письма, у него вдруг перехватывало дыхание, когда он представлял себе ее нежную кожу на тыльной стороне рук, где как раз заканчивалась округлость мышц, перехваченная канвой коротких рукавов платья; и монотонно бубнил: “Их номер CM/105/127 — наш номер 1017/2/ 1826”, просиживая целыми днями на месте, не желая оставлять ее одну с корреспонденцией.

Тюрьма сделала его непорочным. Сам он считал, что имя его чувствам — вожделение. Он терзался. Но, как всегда, бездействовал. Вероятно, так было еще и оттого, что вся она состояла из противоречий. Эти руки выглядывали из рукавов мешковатых платьев, голубые глаза смотрели из-под лохматой челки, взгляд ее был сообразительным, но нервным и чересчур самоуверенным; ноги были ничем не примечательными, самые обыкновенные ноги, однако же руки ее были само совершенство; и он захлебывался от смущения, поглядывая на ее грудь.

Он полагал, что может обмануть ее проницательность, если смотреть, не таясь, только на ее руки. И ни разу не прикоснулся к ней.

Бедра ее — благодаря исключительной красоте этих рук — нисколько в его воображении им не уступали, а скорее напротив, ее довольно заурядные лодыжки являли ему — пока она старательно выводила “игольчатый вентиль из нержавеющей стали...” — утонченную версию чего-то непостижимого и запретного, что таилось под складками платья где-то между бедром и коленкой и будоражило — пока она бубнила “вакуумные вентили...” — какой-то невообразимой полнотой и силой,

или рисовалось — когда она, например, спрашивала "что такое доступные ловушки?" — чем-то невыразимо белым, круглым, крепким, как завиток невысказанного вопроса, безмолвного обещания, цветка, рвущегося сквозь толщу четырех лет плена с четырьмя тысячами опустившихся подонков. И он поднимал на нее бездонные карие глаза и говорил: "Их поставляют Смиты", и она в глубине души страшилась: "А не спустился ли у меня чулок?".

Он сгорал со стыда.

Но жизнь, в которую он вернулся, ничего другого пока не предлагала. И для него — вечно рефлексирующего, безнадежно сосредоточенного на себе, настолько добросовестного и до того щепетильного, что подчас мисс Питтер едва не срывалась на крик, когда он скучно диктовал одни и те же письма одной и той же компании, добиваясь ответа по поводу обещанных поставок, подбирая каждое слово, с убийственной въедливостью вникая в каждую деталь — для него Дот была единственной морковкой на удочке, болтавшейся перед его носом и заставлявшей шагать вперед, поскольку — осенило его однажды вечером — он ушел в небытие, в туман, с тех пор, как исчезла Роза.

Порой ему снились рыжие толстухи. Но они были не похожи на Розу.

А что до мисс Питтер, то, когда в общежитии спросили, как она освоилась на новом месте, она, сделав презрительную гримасу, ответила: "Я сама до сих пор гадаю, зачем меня перевели. Цирк какой-то. Комедия Фреда Карно[1]. А мой начальник — главный шут на арене".

И молчала о его больших темных глазах.

Но как бы там ни было, ей приходилось осваивать картотеку. И первое, что она обнаружила, была ее убийственная непогрешимость. Придя на работу, она решила, что Чарли немного не от мира сего, и на всякий случай сверила все его карточки с главным журналом заказов и поставок. И не нашла ни единой ошибки. И позже, когда ей пришлось иметь дело с новыми заявками проектного отдела и самостоятельно вносить данные, регистрировать каждую поставку и переписывать данные сопутствующей документации, она стала бояться совершить ошибку. И, сама того не замечая, была порабощена системой.

Но в один прекрасный день что-то случилось.

1. Фред Карно — до Второй мировой войны знаменитый антрепренер, работал в комедийном жанре с актерским дуэтом Лорел и Гарди.

Он, по своему обыкновению, был на проводе. Вел переговоры с Бракстонами. Она открыла карточку, в которой собственной рукой зарегистрировала номер оборудования.

— Речь идет о заказе номер BMO/112. — уточнил он. — Это Саммерс, от Мидзов. Касательно нашего заказа номер 1528/2/1781. Нам нужны те соединительные болты, которые вы обещали поставить на этой неделе. Что пойдут в Ковентри.

Он подождал. Рассмеялся.

— Нет, нет — никаких претензий, — он как обычно, закрыл глаза, прижимая ухом трубку. — Что? Они давно у нас? — бросил на нее взгляд. Сердце ее испуганно забилось.

— О, нет! — воскликнула она.

— Какого числа? — спросил он. — Понятно, спасибо, дружище, я перезвоню.

— Десятого сентября, — глядя с укором.

Она кинулась в отдел документации, зарылась в папках. Вчера она, правда, немного повздорила с Мюриел, подругой по общежитию. Найдя извещение от Бракстонов по тем самым злополучным болтам, обнаружила, что, оказывается, забыла его зарегистрировать, следовательно, мистер Пайк, главный конструктор Мидзов, не знал о доставке. Она вернулась в кабинет и, уткнувшись головой в гадкий зеленый шкаф, разрыдалась.

История эта не на шутку расстроила Чарли, он решил, что Дот использовали, чтобы досадить ему лично. Да как бы там ни было, вышло некрасиво. Он встал, неловко склонился к ее макушке и, не прикасаясь к ней, поцеловал сквозь желтоватые пряди в висок. Она успокоилась, громко отругала себя за глупость и больше не сказала ни слова.

Однако, не имея на то привычки, это вовсе не просто — взять и невзначай поцеловать девушку в висок, думал Чарли, застыв, как ирландский землекоп. А ведь он совсем забыл, как это бывает. И последний раз это было так давно.

И не помнил еще очень, очень многое.

Его спас телефонный звонок. Но когда контора закрылась, он, вместо того чтобы идти на остановку, решил пройтись до дома пешком и поглядеть по дороге на девушек, как они возвращаются с работы.

И не поверил своим глазам, оказавшись в нескольких ярдах от дома из записки мистера Гранта.

Странно, но парадная дверь была открыта.

Он вошел. Поднялся на этаж. И тут же пожалел об этом.

Дверь выросла перед ним сама собой. И на ней имя.

Он в недоумении уставился на косо приклеенную визитную карточку. Мисс Нэнси Витмор. Готические, как на кладбище, буквы; дверной молоток в виде медного, подвешенно-

го за хвост дельфина; чудовищного малинового цвета дверь; стены в белых обоях с розовыми венчиками; снова эта дверь невообразимого малинового цвета; странно, что ее так часто моют, — думал он; так часто, что краска стала отходить, и по краям ехидно выглядывал прежний желтый цвет; карточка была приклеена каким-то нелепым розовым пластырем.

Шлюха, решил он.

Первая мысль была — уйти. И вернуться, положим, в другой раз. Уйти сейчас же, покончить с этим сию минуту.

Он постучал.

Дверь отворилась. Он медленно поднял глаза и отпрянул. Его пронзила острая внезапная боль. Словно от разрыва аорты. Которая не выдержала ударов его бедного, перепуганного сердца. Его толкнуло вперед, он потерял сознание и упал. Поскольку это была она — живая и такая близкая, что до нее можно было дотронуться, дышащая, настоящая, совершенная копия, сама во плоти — Роза.

Глава 6

Он очнулся на полу, в незнакомой комнате, голове было жестко и неудобно. Над ним в кресле свернулась серая полосатая кошка и таращила на него громадные желтые глаза с узкими, как щели бойниц, зрачками. Откуда тут кошка? Кажется, он что-то забыл. Что за ерунда, где он? Он повернул голову и увидал Розу.

Вспомнил.

— Ты покрасила волосы, милая, — прошептал он, гордый, что так скоро догадался в полутьме. Но остальное, кажется, на месте. Там же, где шесть лет назад.

— Так-то оно лучше, — услышал он.

Он закрыл глаза и глубоко вздохнул. Вокруг было хорошо и тихо. Он лежал и слушал стук своего сердца. Правда, у нее теперь другой голос.

Но все остальное на месте.

На висках лежала лунная прохлада ее пальцев, в кресле, жмуря глазки, задремала кошка.

Он тоже закрыл глаза.

— Ну, будет вам.

— Милая...

— А вот этого не надо.

Но он не слышал. Поскольку теперь происходило то, о чем мечтал все эти годы истосковавшийся солдат, вернувшийся с войны.

— Почему? — несмело спросил он.

— И вы еще спрашиваете?

Он приоткрыл глаза. Кошки нет. Где-то рядом закипает чайник. Ее милое лицо так далеко сейчас, думал он. Но это ничего, он хорошо знает, это ничего.

— Вот, — протягивая ему подушку. — Подложите себе под голову.

Он закрыл глаза, глубоко вздохнул — все хорошо.

— Отдохните и проваливайте ко всем чертям, — она резко выпрямилась.

Конечно, она шутит, просто шутит. Он приподнялся, хотел ее поцеловать, открыл глаза и вдруг увидел, что он один. Но вот из кухни долетели звуки. Все хорошо, она не ушла.

Он приподнялся, переполз в кресло. Внутри — пустота и боль. Комната плывет, кружится вместе с кошкой — та снова здесь. Он сосредоточил взгляд на кошке — она устроилась на полу и прямо перед ним принялась мыть мордочку лапкой.

Он медленно переместил взгляд на кухню. Видимо, он пока слаб, а ему еще столько нужно спросить у Розы. А он, болван, не знает, с чего начать.

Она вернулась и принесла две чашки. Ну вот, кроме этих темных волос, она совсем прежняя.

— Я только начала заваривать, а тут вы.

Она протянула чашку, но увидев, что он дрожит, поставила ее на стол.

— Не могу, — виновато сказал он.

Она присела к столу и, глядя на него из-за краев чашки, принялась короткими глоточками пить чай. Оба сидели в полной тишине и настороженно смотрели друг на друга. Ему так много надо ей сказать. Но как? Эта невозмутимость и что-то новое, чужое в ее лице пугало его.

— Да что с вами? — не выдержала она.

Вот, что, — догадался он. — Ее глаза. Конечно, она же ничего не знала все эти годы. Думает, он ее бросил, вот и смотрит, как на врага. Но это ничего, он хорошо знает, это ничего. И окончательно потерял дар речи.

— И как вы все умудряетесь так одеваться? — ледяным голосом, разглядывая его костюм.

Да что же я такого сделал? — думал он. — Она как будто рехнулась, в самом деле.

И с чего вдруг такое бесстрастие? И это хладнокровие? У него совсем пересохло во рту, и — с ужасом представляя, чем это может кончиться, — он потянулся к чашке. Благо она была с блюдечком.

— Так-то оно лучше, — сказала она. — Пейте и уходите. Господи! — он уронил чашку. Он так и знал. — Ну вот, смотрите, что вы натворили, — она выбежала за полотенцем. — Возьмите, — бросила она. Он промокнул брюки. — А как же мои чехлы? — он, шатаясь, встал и принялся покорно вытирать обивку.

— Роза, — простонал он.

— Какая еще роза?

И тут его осенило: ну конечно, она, как и мать, совсем потеряла память. Значит, торопиться не стоит, — решил он и вернулся к тряпке.

— Вот, кажется, все. Простите, мне очень стыдно.

— Ну что мне с вами делать? — почти улыбаясь. Весь чай, в конце концов, остался на костюме.

— Я ужасный разиня, — протянул он с видом провинившейся собаки, так что сердце ее обязано было сжалиться.

— Кажется, еще осталось в чайнике, — и, видимо, не желая показать свои чувства, удалилась на кухню.

Он опустился в кресло. Вскоре она вернулась с новым чаем, но на этот раз без блюдца.

— Я непременно достану замену.

Она не сразу сообразила. Слово вылетело у него случайно, это был инженерный жаргон. Но поняв, что он не шутит и всерьез собирается купить новую чашку с блюдцем, топнула ногой.

— Только этого не хватало! Уверена, что не буду рада видеть вас снова. Не то войдет у вас в привычку, знаю я вас. Я бы и сейчас не пустила, просто ненароком узнала, что мистер Мидлвич сегодня дома, он живет тут у меня напротив.

— Мидлвич?! — он ужаснулся.

— Опять начинается...

— Мидлвич?? — и растерялся.

— Слушайте, что вы у меня выпытываете? Имена жильцов? И на что вам далась наша развалюха? Или надеетесь, вам тут выпадет дважды?

— Выпадет? Мне?!

— По пайке в руки. В стране дефицит.

— Да, черт возьми, — чуть не хохоча от этого безумия.

— Да, что-что, а хорошие чашки нынче редкость. Но я, чтоб вы знали, не принимаю подарков от незнакомых мужчин, так-то.

Как она может так невозмутимо, так прямо нести в глаза этот бред? Камень, камень, а не женщина, лед. Он подозрительно сощурился.

— Значит, Мидлвич. Не тот ли, что из СЭГС?

— Знаете, что: допивайте-ка свой чай и будьте здоровы.

— Только когда ответишь: он?

Она сжала рот. Наступила долгая пауза, ни один мускул не дрогнул на ее лице. Чудовищное самообладание, он не верил своим глазам.

— Слушайте, ну почем мне знать? — не выдержала она.

Значит, в яблочко, решил он, пошла на попятную. Он аккуратно, чтобы не разбить, вернул чашку на стол. Дрожь почти угомонилась. Мидлвич — это замечательно.

— Ну, неужели ты меня совсем не помнишь?! — взмолился он.

— Опять двадцать пять!

— Господи...

Молчание.

— Значит, вы так на жизнь зарабатываете? Все по людям ходите, по домам побираетесь? — нарушила тишину.

Он не отвечал. Пусть говорит глупости, не знает, как выкрутиться.

Молчание.

— Эй, у вас остывает. Честное слово.

— Роза, я виделся с Ридли, — глядя на нее глазами провинившейся собаки.

— Опять вы за свое? Вот пристали со своими загадками. Ну и кто такой этот ваш Ридли?

Он открыл рот с видом совершенного болвана.

— Да перестаньте на меня таращиться. Со мной такое не впервой. И поэтому знаете что? Спускайтесь с небес на землю и скатертью вам дорожка.

— Не впервой?

— Случалось. Ну, принимали за кого-то. С кем не бывает? Наверное, у меня в этом городе где-то двойник, так-то. А хотя, с чего я должна вам все рассказывать? — разгладив на коленях юбку.

— У тебя потеря памяти, милая, — силясь улыбнуться.

— Что? Вызвать полицию? Знаете что? С меня довольно. И вообще, за кого вы меня принимаете? И сейчас же сознавайтесь, почему вы не в армии? И никакая я вам не милая. Что вы обо мне выдумали? — Она распахнула перед ним дверь. — Хотите, я позову мистера Мидлвича? Уж он-то наверняка приведет вас в чувство.

— Да. Имею честь быть с ним знаком.

— А его нет дома. Это я так, нарочно, чтобы вы отстали.

Чарли рухнул в кресло и в изнеможении уронил голову на колени. Победное очко за ним.

— Значит, вы у подъездов подкарауливаете? — кажется, ей стыдно за себя, подумал Чарли. — Жильцов выслеживаете?

Стыда на вас нет, как я погляжу. А теперь, пора бы вам и честь знать.

Он ее не слушал, додумывал про себя какую-то новую мысль.

— Ну что еще не слава богу? — не выдержала она.

— Ты сказала, тебя, действительно, принимали за другую?

— Вот заладили! И что с того?

— И все последнее время тоже?

— Сто лет ничего такого!

— Так в том-то и дело. В смысле, то-то и оно. Так, говоришь, последнее время тебя ни с кем не путали?

Он полагал, что если Роза, допустим, умерла пять лет назад, то, возможно, ее уже забыли. Он ухватился за эту мысль, несмотря на ее очевидную абсурдность.

— Вот завели шарманку. Но причем тут я? И кто вы такой, черт возьми? — она прикрыла входную дверь. Вид у него, видимо, совсем сумасшедший, если она боится, что его увидят. — Значит так. Вопросы задавать буду я, и слушайте, что я вам скажу. Вы врываетесь в мой дом, теряете на пороге сознание и летите вниз головой прямо мне в руки. И как только я спину с вами не потянула, удивляюсь.

Она приблизила к нему свое прекрасное лицо, и он испуганно закрыл лицо руками.

— О, Роза, как ты могла?! — промычал он сквозь пальцы.

— Опять мы за старое! Кстати, как, вы говорите, вас зовут?

Он глупо разинул рот. Так прошла минута.

— Вот умора-то, ну ладно, будет хотя бы, о чем с матушкой посмеяться, — сказала она.

— Как бы не так.

— Послушайте, это уж слишком. Вон отсюда, и наше вам спасибо. Что вы, вообще, командуете? И какое вам дело, смеяться мне с мамой или нет?

— Мне пришла одна мысль — вам можно.

Он и правда, подумал, что обе эти страдающие потерей памяти мать с дочерью могут с очень высокой долей вероятности смеяться, аж до колик в боку.

— Ну, благодарствуем! А теперь сделайте милость, проваливайте к чертям собачьим. Конечно, у нас все для фронта, все для победы, была бы только воля, но всему есть предел и нянчиться с незнакомцами, простите, не по моей части.

Он, словно жалкий пес, поник головой.

— Знаете, вам нужно здоровое питание. Вот идите в армию. Две-три недели солдатского пайка и станете как новенький.

— Но я демобилизован. У меня отняли ногу. Я не писал тебе?

Мисс Витмор хотела ответить, но, опустив взгляд, увидела, где ткань на его ноге проседала глубокой складкой, как будто над пустотой. И озадаченно нахмурилась.

— Меня выпустили в июне, — сказал он.

— Выходит, вы из плена?

Он молчал.

— Вернулись, значит. Тогда понятно. Представляю, каково вам! А давайте, будем считать, что ничего не произошло. Ну обознались, с кем не бывает? Кстати, вы не первый и не последний. Меня часто с кем-то путают, и вполне уважаемые люди — подходят на улице и заговаривают. И ничего, потом не обижаются. А вы? Что же вы так убиваетесь? Видели бы вы себя. Я и дверь закрыла, чтобы соседей не пугать. Давайте-ка, собирайтесь духом и ступайте себе с богом.

— Они называли тебя Розой?

Она, опустив голову, молчала и чувствовала на себе его взгляд, полный отчаяния. И боялась смотреть ему в глаза, сказать слово, поскольку все, на самом деле, так и было.

— Меня прислал твой отец, Роза.

Она молчала.

— Мистер Грант, Роза.

Она резко отвернулась, спрятала лицо.

— Роза? Ты ведь не будешь отрицать, что он твой отец?

— Ладно, скажите, как вас зовут.

— Чарли Саммерс, — с готовностью ответил он.

— Впервые о таком слышу, — она повернулась к нему. И он увидел на ее лице то, что никогда, насколько знал, не водилось за Розой, — стыд.

Вдруг лицо ее исказилось злостью, чистой, неподдельной злостью. И он понял, что она не опустится до лжи.

— Что? Вы приходите в мой дом, ломаете эту грязную комедию, притворяетесь, что падаете в обморок! — топнула ногой. — И смеете при мне произносить это имя? — с яростью и чем-то еще, чего он пока не мог понять, выкрикнула она. — Нет, вы не мужчина, настоящий мужчина не способен на такую низость! Да как у вас язык поворачивается произносить это имя? Что мне до него? Кто он мне? Что я получила от него в этой жизни, от мистера Гранта? — и разрыдалась, пряча глаза, нос, рот — все разом — в какой-то игрушечный носовой платок, которого хватало разве что утереть слезинку.

— Роза, — промолвил Чарли, — ты просто потеряла рассудок.

Она ревела, как белуга, грубо, некрасиво. Он боялся сделать к ней шаг. Она немного успокоилась и отвернулась.

— Ну вот, видите, что вы натворили, — всхлипнула она. — Что, довольны? Уходите же, прошу вас.

— Роза, милая, ты не в себе.

— Никакая я вам не Роза, — всхлипнула она. — И никогда не была ею, и не могла быть ни на секунду. Да будь проклят тот день, когда этот человек стал моим отцом! — вырвалось у нее — не то слова, не то рыдания. — И даже не дал мне своей фамилии! — она захлебывалась в слезах. И громко, как в трубу, высморкалась.

Чарли чувствовал себя подавленным, разбитым, смущенным, почти счастливым.

— А что же твоя мать — миссис Грант?

— Довольно! — закричала она. — Довольно! Я вас не просила обсуждать мою личную жизнь! — тряся его за плечи. — Убирайтесь вон! — и вытолкнула за порог.

Напоследок, перед тем как за ним захлопнулась дверь, перед его глазами мелькнула кошка — хвост трубой, она бесшумно — топ-топ, топ-топ — утаптывала коврик.

Споткнувшись о порог, он вывалился на улицу и заковылял, куда глаза глядят, часами кружа по городу, ни разу не посмотрев вслед проходящим девушкам.

Глава 7

Он любил Розу, любил отчаянно и безнадежно.

На следующий день он не явился на работу. И даже не предупредил. В конторе не знали, что и подумать. Все это время после возвращения он был таким добросовестным. И ему простилось.

Тем не менее, дабы не вызывать подозрений у миссис Фрейзер, он вышел из дому в обычный час. Постель его, что ночью превратилась в беспокойную могилу[1], свято хранила тайну и ни о чем, ни о чем не поведала горничной Мэри.

Он бежал от Розы, но образ ее являлся всюду — в корзинах цветочницы, в прозрачных отражениях витрин, на пыльных полках букиниста, в подборке прозы мисс Роды[2] Броутон, в раскрытом томике "Растущей, как цветок"[3]; в лавке продавца семян с этикеткой "Роза Картера", болтавшейся на носике лейки.

1. "Беспокойная могила" ("An Unquiet Grave") — старинная английская баллада о юноше, которые тоскует на могиле своей умершей возлюбленной двенадцать месяцев и один день. Она умоляет его оставить ее могилу и не беспокоить ее сон.
2. Rhoda — роза (*греч.*).
3. Рода Броутон (1840–1920) — английская писательница. Автор романов "Как роза красная в цвету", "Растущая, как цветок".

Ведь она отвергла его, указала ему на дверь. И жизнь его стала пыткой.

— Чертовы попрошайки, слетелись, как мухи на мед! — услышал он за собой.

И он увидел Розу — как однажды давным-давно, в тот день, когда уехал Джеймс, — обнаженная, в лучах заката, она стояла на кровати, такой мягкой, что почти утопала в ней, его Роза, она смеялась и подпрыгивала, пришлепывая к потолку комаров, и копна ее пышных, озаренных, волос вздрагивала, как пламенеющая на закате роза.

Он почти бежал, выбиваясь из сил, волоча за собой культю, скорее прочь, и только сильнее припадал на костыль.

Роза, которую он когда-то любил, которую нельзя объяснить словами.

— Видать, на войне ногу-то оставил, — другой голос.

И он увидел Розу — как однажды давным-давно — и паучка на тыльной стороне ладони, и непослушный локон, норовящий пощекотать ей нос, а знаешь, сколько у паучков лапок, она знает, она все смеялась, да, рыжие паучки приносят счастье, это к удаче, милая, дорогая Роза.

Он забылся, потерял счет времени.

Когда очнулся, то удивился, что день продолжается. Он понял, что стоит перед витриной и не отрывает глаз от темного бордового пальто, и, как всегда, думает о карточках. Откуда-то, кажется, из соседних дверей, лилась знакомая мелодия. Она вывела его из забытья. Ханисакл Роуз. И он проклял себя за то, что забыл свою Розу. Но надо найти Гранта, прямо сейчас, во что бы то ни стало. Зачем, почему этот злодей, вышедший из преисподней, отправил его к ней? Что у него за цель? Или все они в этом семействе выжили из ума? И снова использовали его как подопытную мышь? Произвели над ним вивисекцию? У Розы наверняка были причины вести себя так, не зря же она его прогнала. Во всем виноват Грант.

Перед телефонной будкой выстроилась длинная очередь, из нее как раз выходила девушка. Чарли, не соображая, что делает, кинулся к седовласому мужчине:

— Прошу прощения. Сделайте милость. Я только из Германии. Из лагеря для военнопленных. У меня деревянная нога.

И, не дожидаясь, ворвался в кабину. Набрал номер. Сквозь стекло он видел, как седовласый обратился к толпе, все повернулись к его ноге, но Чарли не понимал, почему. Ему казалось, он простоял там уже несколько часов.

Однако, услышав голос мистера Гранта, Чарли растерял весь пыл. Его парализовала ярость. Старик Грант повторил:

“Я слушаю”. Чарли выдавил дважды: “Слушайте...”. И промолвил: “Это Саммерс”.

— А, это ты, сынок, — мистер Грант вернулся. — Немного не вовремя, — ужалил он. — Мать неважно чувствует себя с утра. С минуту на минуту придет врач. Так ты пошел по этому адресу. Признаюсь, я надеялся, что уважишь мою просьбу. По крайней мере, я считаю, что заслужил такое отношение. Если ты понимаешь, что я хочу сказать. Да. Я особо подчеркнул, чтобы ты не проболтался, откуда у тебя адрес.

Ты мерзавец! — думал Чарли. Но молчал, слушал его дальше.

— Что ж, сынок, ты сделал все в точности наоборот, — продолжал мистер Грант. — Слушай, это врач. Я должен идти. Но знай — да, да, иду! — это просто... а, впрочем, бог с тобой... всего тебе доброго, — мистер Грант повесил трубку.

— Мерзавец, мерзавец, мерзавец, — Чарли грозился в глухую трубку. В окно постучали. Тот самый седовласый, он недовольно качал головой.

Чарли очнулся далеко, около какой-то церкви. У входа висел плакат. “Подай[1], Господи!” и там еще что-то о верном слуге.

Увидав, он пошатнулся. “Мерзавец!” — закричал он.

Он все связал в уме. Эта миссис Фрейзер и дом в Редхэме. И его озарило. Срочно бежать и поговорить с ней. Она в заговоре с мистером Грантом. Не иначе, как торговля белыми рабами.

Он оглянулся в поисках такси, к черту деньги, если нельзя ждать ни минуты, выскочил навстречу кэбу, наперерез машинам — раненая сорока — хлоп-хлоп — вверх, вниз — беспомощно вздымает крылья, пытается взлететь. Но такси было занято. Чарли поскакал назад, на остров посреди дороги, облокотился о светофор, вскидывая, вскидывая руки, завидев такси. Полицейский подозрительно к нему присматривался.

Наконец, поймал.

Дал адрес, подался вперед, приник к ветровому стеклу, потому что миссис Фрейзер могла пойти в магазин. Хотя до дома была еще миля. Поскольку ждать нельзя ни минуты. До этого он за всю жизнь лишь пару раз брал такси, не более.

Горничная Мэри сказала, что хозяйки нет, должно быть вышла за продуктами, и объяснила, где найти лавку зеленщика. По слухам, туда завезли свежие овощи. Он заковылял к магазину, почти бегом, растрепанный, взъерошенный, на него оглядывались на улице. И вдруг, посреди длинной очереди, она — тонкая почерневшая статуя.

1. Здесь: grant — подай, даруй (*англ.*).

Она заговорила первая.

– Мистер Саммерс, – задребезжало у него в ушах, – что вы здесь делаете в рабочее время? Только не говорите, что эти ужасные новые бомбы разнесли вашу контору в щепки.

Она говорила громко, неестественно громко, на всю очередь, специально, чтобы ее было слышно. Но никто не повернулся. Все женщины, как завороженные, смотрели в одну и ту же точку, на овощи, что таяли буквально на глазах, не успевая попасть в их дряхлые кошелки, смотрели, будто желали пришпилить, пригвоздить, пронзить их длинными – как от зрачков до самого прилавка – стальными шпильками – все эти вожделенные бобы, горох, стручковую фасоль и нечто – там под прилавком, что у других уже лежит на дне корзин, и ни одна из этих счастливиц не проболталась. И каждая была готова ждать, надеясь на редеющий запас чего-то, – забытого, желанного – вцепившись в эту тайну железной хваткой старых изнуренных глаз.

– Если вы будете достаточно находчивы, то пройдете с этим вашим боевым увечьем без очереди, и сделаете за меня покупки, – она лукаво улыбнулась. – Скажу, что вы мой племянник, только из Германии с... что там у вас? На первый раз они простят и пропустят.

– Никогда, – он забыл про телефонную будку.

– Да что с вами, мистер Саммерс? – понизив голос. – С вами что-то не так. Посмотрите на себя.

– Послушайте, – он отвел глаза, спрятал измученный взгляд.

"Что он мычит, словно дикий?" – думала она.

– Все лишнее, лишнее, вот оно, главное – у Розы, Розы... – он задыхался.

– Розы, – перейдя на шепот и с опаской озираясь. – А что они? Теперь их не найти, и потом цены. Их выращивают в теплицах. Но их почти все разбомбили, мистер Саммерс.

– Все не то, не то... это мистер Грант...

– Слушайте, мистер Саммерс, – испугалась она, – только не на улице, вокруг люди. Неловко обсуждать частную жизнь на ходу, вы уж меня простите.

– Скажите только одно, одно слово, – отчетливо произнес он. Его карие глаза смотрели на нее в упор. "Нет, черные, черные вишни", – думала она. – Он, в самом деле, потерял дочь?

– Не имею ни малейшего понятия. А теперь не изволите ли пойти домой и выпить чашку чая? Пускай Мэри позаботится о вас. Все нервы, – громко, на всю очередь. – Со мной такое случалось.

– Сей же час.

— Как? — полушепотом. — Но передо мной всего четыре человека!

— Вы должны! — взмолился он.

— Но завтра вас ждало бы такое угощение, ах, когда вы увидите, что у вас в тарелке! Право, даже не знаю, но миссис Ингланд говорила, сегодня завезут нечто особенное. Мистер Бланденс всегда так обходителен со мной.

— Вот, самое важное, — очень громко. — Его дочь. Откуда вы знаете, что она умерла?

Все шляпки дружно повернулись к ним. Щелк-щелк — защелкали булавки длиною в ярд, отворотились от прилавка, от закромов зеленщика, и впились в тайну глаз-хамелеонов странного хромого юноши. И миссис Фрейзер это заметила.

— Это невыносимо! — громко, чтобы вокруг было слышно. — Я уважаемая замужняя дама. Не забывайтесь, молодой человек! И откуда мне знать, что стало с его дочерью. С какой стати? Эти люди не имеют ко мне никакого отношения. Если не верите, спросите у мистера Мидлвича, — сказала лишь затем, чтобы избавиться от Чарли Саммерса. И попала в цель.

— Мидлвич... — прошептал он и в ту же секунду оставил ее.

Он нашел телефонную будку и позвонил в СЭГС, там ответили, однако, что мистер Мидлвич вышел. Весь оставшийся день он блуждал по городу. И, наконец, выйдя из забытья, увидел перед собой ворота в парк. Облокотился о ствол, рухнул прямо под деревом, забылся долгим глубоким сном. Проснувшись через несколько часов, почувствовал себя немного лучше. На сердце его лежала тяжелая, щемящая тоска.

Это был его последний здоровый сон перед наступившими затем мучительными ночами.

Глава 8

В контору он пришел на следующее утро, пропустил лишь день. Увидав свое отражение в зеркале — а придя на работу, он имел обыкновение первым делом мыть лицо и руки, — удивился, не найдя в себе перемен.

— А, вот и вы, — встретила его мисс Питтер. Она говорила с нарочитой грубостью, поскольку неожиданно для самой себя обрадовалась его появлению.

— Да.

— Я уж решила, вы отправились в Бирмингем, но заглянула в ваш календарь и ничего не нашла, — деланно, небрежно. — А вчера пришла целая пачка повторных запросов.

Он молчал, просматривал почту.

— И еще звонили от Пардьюс, — с нажимом. — Они отказали адмиралтейству. И поддоны пойдут к нам. Их мистер Рикетс приносит извинения, они были обязаны подписать другой договор. Что-то срочное, сказал, важнее, чем мы.

Он молчал.

— Я сказала, вас нет, — надеялась вытянуть из Чарли оправдание, — что вам срочно пришлось выехать в Бирмингем. И потом постаралась добиться от него обещаний. То есть каких-то сроков по поставкам этих ваших поддонов, подносов, или как их там, — это было уже вовсе ни к чему. — И знаете что?

Он только рассмеялся. Комедиант какой-то.

Она облокотилась о шкаф, смотрела на него сверху вниз. Он просматривал почту. Она повернулась так, чтобы были видны ее руки, нарочно, чтобы он заметил. Но ему было все равно, он не смотрел.

— Все хорошо?

Он поднял на нее глаза. Что-то новое и страшное застыло в них. Она сгорала от любопытства.

— Да. А в чем дело?

— Просто спросила. Так что я сказала, вы перезвоните. Понимаете, я всегда так, волнуюсь, а впрочем, наверняка напрасно, — она явно лукавила.

Он вернулся к письмам. Наступила пауза. Она припудрила нос.

— Не буду обманывать, что это мечта всей моей жизни, — она бросила презрительный взгляд на картотеку, — болеете вы, или что там у вас стряслось, нет уж, увольте, только не малышка Дот.

Отношения их были не такими близкими, чтобы разговаривать столь фамильярно, но ей очень хотелось выудить из него правду. Он был таким беспомощным. Вчера она перенервничала из-за его исчезновения, сегодня этот странный взгляд. Она уверяла себя, что просто не хочет оставаться одна с этой картотекой.

— А что вы вчера делали? У вас было свидание? Вы что-то отмечали? Какое-то событие?

Он испуганно взглянул на нее. Она притворилась, что поняла по его глазам причину.

— Так, у вас похмелье? — защебетала она. — А у меня ни разу в жизни не было похмелья. Только голова немного кружилась, совсем чуть-чуть, даже мама ничего не заметила. А если не знает мама, то другим и подавно нет дела.

Он выпрямился на стуле. Она знала, что он не умеет лгать.

— Так, пара стаканчиков портвейна, но мне сразу ударило в голову. Это, наверняка, его аромат, знаете, сладкий, как роза... — она запнулась, увидав, что лицо его перекосило судорогой.

— Что с вами? Вам плохо?

— Слабость.

— Опустите голову на колени, я принесу воды.

Он сгорбился на стуле.

— Да, глядя на вас, буду осторожней, — она кривила душой, притворялась, что верит в это похмелье.

— Благодарю вас. — Он даже не притронулся к воде. Она молчала.

Как всегда, выручил телефонный звонок. Он жадно схватил трубку, прижал к уху.

— Это ты, Дот? — звонила помощница Коркера.

— Да.

— А, мистер Саммерс. Доброе утро, мистер Саммерс. Мистер Мид просит вас уделить ему немного времени.

— Когда? Сейчас?

— Да, будьте так добры. Благодарю вас, — и повесила трубку. Мистер Коркер Мид был главным начальником Чарли.

— Коркер, — объяснил он мисс Питтер, выходя из комнаты.

— Ах ты, леший, — выругалась она без тени лукавства.

Мистер Мид ждал его в кабинете. Он удивился, узнав, что Чарли на работе, думал, болезнь продлится несколько дней. Каждое утро он получал список тех, кто не явился — самым первым делом. И никак не ожидал, что юный Саммерс вернется так быстро. Для мистера Мида не было ничего неожиданного в том, что эти молодые солдаты, пришедшие с войны, ведут себя не совсем нормально — это вполне естественно. И он хотел побеседовать с Чарли, он все предусмотрел. Более того, он постарался и подготовил небольшую речь, так как этот юноша был первым, кто вернулся. И хотя Чарли проболел лишь день, это был подходящий повод поговорить по душам. Поскольку он был мастером своего дела, этот Коркер Мид.

— Доброе утро. Присаживайся. Все путем? Курить будешь?

— Мы запаздываем с первой установкой, — мрачно сказал Чарли. — Опаздываем на девять недель.

— Ну, в наши дни — это не такой большой срок. Ничего, для нас это не фатально. Но я о тебе. Как сам?

— Хорошо.

— Отлично, раз так. Но вам, молодым, должно быть, трудновато, после всего, что было.

Чарли молчал. Он сосредоточенно рассматривал фотографию на столе у шефа. На ней была миссис Мид. С большим зобом.

— Хотя на этой войне пострадали все, в том числе и в тылу. Так что досталось не только на фронте, — держась за свою мысль. — Здесь тоже пришлось пороху понюхать.

Чарли молчал.

— Вы не думали взять несколько дней отгула? — без тени сарказма спросил Коркер. — Надо как-то оглядеться, освоиться, я все понимаю.

— Нет, мистер Мид, спасибо.

— Подумайте об этом. А мы с удовольствием дадим вам отгул. И не тревожьтесь вы так из-за этого контракта. Вы отлично справляетесь, Саммерс. На этом все. Но в следующий раз прошу предупреждать заранее.

Чарли и на этот раз молчал, ушел, не проронив ни слова. Это и не понравилось мистеру Миду. И еще: он ни разу не сказал "сэр".

Мисс Питтер нервно поджидала его в кабинете.

— Да, вид у вас неважный. Надеюсь, вас не уволили? — лицемерила, хотела пококетничать. Но он не слушал.

— Подумаешь, одни сутки, тоже мне — проблема. Но вы же в любом случае имеете право на полгода? Это ваше законное право после демобилизации, правильно?

Он молчал. Ей стало скучно. И тут вдруг он сделал нечто, чего не делал никогда. Он поднял телефонную трубку, сказал:

— Простите, у меня личный разговор.

— Мне надо уйти? Пожалуйста!

Но не забыла про гардероб, который стоял за стеной кабинета, из него было слышно все, что происходит в комнате. Она была уверена, он звонит своей девушке, а в таком случае грех не подслушать. И незаметно проскользнула в шкаф.

Он затараторил: Мидлвич? Мидлвич?

— Мидлвич, это вы? Я о Розе...

— Чарли Роуз? — отозвался Мидлвич. — Столкнулся с ним где-то позавчера. Мы тебя вспоминали. А в чем дело? Не можешь его найти?

— Чарли Роуз? — запнулся мистер Саммерс, и, вздохнув, мисс Питтер покинула шкаф. В конце концов, это не вежливо — подслушивать чужие разговоры.

— Нам необходимо встретиться, — выдавил Чарли.

Но мистеру Мидлвичу порядком надоел Чарли Саммерс. Он, со свойственной ему проницательностью, считал его чудаком. Последний раз, когда они вместе обедали, тот так уставился на вилку с ножом, как будто видел их впервые в жизни. И эти странные звонки время от времени, звонит и молчит в трубку, чистое безумие. А еще даже десяти нет.

— Что за вопрос, старина? В любое время. Знаешь что? Давай так. Звякни мне на следующей неделе. Сейчас у меня завал. А кстати, что там отчебучил наш Чарли Роуз?

— Нет, нет, не Чарли Роуз. Роза.

— Мне пора. Жду от тебя звонка, на следующей неделе, — мистер Мидлвич положил трубку. И выкинул его из головы.

Глава 9

Итак, Мидлвич от него избавился. Труднее оказалось с миссис Фрейзер, она все время попадалась ему на глаза. Но от нее было мало толку. Ему удалось вытянуть, что она никогда не видела Розу, несколько лет назад познакомилась с мистером Грантом, и тот рекомендовал ей Мидлвича, так же, как потом рекомендовал Чарли.

Все это сильно сказывалось на его работе.

Однажды, когда Дот кое-как тянула за него дела, он сложил про себя все, что знал про Розу, и ему открылось, что она шлюха, падшая женщина.

И все встало на свои места. Он поклялся себе вернуть ее на путь истинный.

Перебив Дот на полуслове, он напомнил ей созвониться с партнерами и, как ошпаренный, выскочил из комнаты. Оттуда сразу же направился в магазин и, проявив несвойственное для себя коварство, купил, в качестве предлога, новую чашку с блюдцем.

Он нервничал и торопился, боялся опоздать. Продавщице приглянулись его большие глаза, и она услужливо упаковала сервиз в бумагу. Он развернул его перед дверью мисс Витмор и, прижимая к груди драгоценный фарфор, осторожно постучал. Дверь как-то слишком быстро отворилась.

На пороге стояла Роза.

И он забыл все, что намеревался сказать.

— Я должен тебе признаться, — выпалил он и, не дав ей опомниться, прошел в дом.

— Это еще что за новости? Даже не вздумайте.

— Так больше нельзя. Я изнемогаю.

— Я тоже. Лишь только вас вижу. Прочь отсюда, — и распахнула перед ним дверь.

— Вот, тут чашка с блюдцем.

Но, вероятно, что-то в его несчастных глазах ее тронуло. Поскольку она неожиданно отступила, смягчилась.

— Хорошо. Спасибо большое. И ступайте на все четыре стороны, — менее уверенно.

– Мне плохо.

– Чая нет. Я на мели.

Он воодушевился. Правда, дверь еще не закрылась. Он отчаянно подбирал правильные слова. И молчал.

Неожиданно это подействовало, дверь затворилась.

– Вас, я смотрю, так просто не выгонишь. Ладно. Выкладывайте, что у вас стряслось? Говорите четко и членораздельно. Впрочем, это вряд ли что-нибудь изменит.

– Послушай, с этим надо что-то делать, – начал он.

– С чем?

Он молчал.

– Вы опять за свое? Ладно, сделайте одолжение, присядьте. В ногах правды нет.

Он сел.

– О, Роза!

– Вот, заладила сорока... Но вы не стесняйтесь! Главное, не вставайте, а то не ровен час свалитесь мне опять на шею. Только, больше на меня не рассчитывать – помнится, я уже сорвала поясницу.

– Виноват, – он не сводил с нее глаз.

Это ее рассмешило.

– Что ж, в таком случае, давайте веселиться! Я, кстати, сама люблю подурачиться, – она закурила папиросу. – Вот умора-то – сижу и развлекаю человека, которого видела – да при каких обстоятельствах! – раз в жизни. Ну что, какие мысли?

У него не было никаких мыслей. Он вытащил носовой платок и, потупив взгляд, принялся сосредоточенно вытирать руки.

– Ну, хорошо. Раз уж вы здесь, можно вас спросить? Для разнообразия. Кто все-таки дал мой адрес?

Он потупился и промямлил что-то невнятное.

– Ладно, давайте начистоту. И не бойтесь – я не кусаюсь. Просто тогда вы застали меня врасплох. Значит, прошлый раз не считается. Все по-честному.

– Это все мистер Грант, – виновато промычал он. Он страшно стеснялся.

– А дальше? Причем тут старик? И с какой стати он вас ко мне присылает? Только без врак!

– Он же сам.... Ты ведь...

– Что вы на меня таращитесь? Может, папиросу? – он покачал головой. – Ну ладно... Давайте сначала: что у вас с ногой? Вы ранены? Только по-честному!

– О, да! Во Франции.

– Выходит, вы все-таки друг друга знаете. С моим отцом.

– Конечно! Разумеется, я с ним знаком! Потому я и...

— Довольно! Вам вредно волноваться. Это всего лишь вопрос. Просто я подумала, вдруг это опять Артур со своими шуточками.

— Артур?

— Артур Мидлвич, разумеется. Вы же говорили, что знакомы.

— Что у тебя с ним?!

— Спокойно! У вас может случиться истерика. Вы ведь правда считаете, что я Роза?

— А?

— Но я не Роза! Она была моей единокровной сестрой.

— Единокровной сестрой?

— А-а, понятно. Вы были сильно увлечены ею?

Видимо, она просто уводит разговор в сторону, хочет казаться светской, догадался он и принялся комкать носовой платок. Ему было не до любезностей.

— Нет у нее никакой сестры.

— Да что вы говорите? А вот и не угадали — есть! Только никто не может в это поверить.

— Кто никто?

— Я же говорю: вы не первый такой. Впрочем, все мы считаем себя единственными и неповторимыми. Но это не так, и мне очень рано пришлось познать эту истину.

— А Джеймс?

— Тот самый вдовец? Боже мой, ну причем тут он! Даже не знаю, что бы он подумал, если б я покрасилась в рыжий.

Его стало тошнить от этой мерзости.

— И потом, у меня фамилия матери.

Он смотрел на нее с отвращением.

— Вы думаете, это так приятно иметь двойника, вернее, полу-близнеца? — продолжала она. На самом деле таких, кто приходил к ней, принимая ее за Розу, было всего пара человек, но она не стала вдаваться в подробности. — Не скрою, из-за этого уже были проблемы. Сначала я просто слушала... — она задумчиво улыбнулась, словно переживая все заново.

И уже в третий раз истина открылась ему без прикрас, как она есть. Она шлюха, и отец отправил его к ней, чтобы искупить вину перед Розой. А она и есть Роза. Но как же война изменила ее. Прав был Мидлвич: война делает из женщины черствый сухарь.

— ...и никого не прогоняла.

— Кого никого?!

— Чур, имена не говорить! Но если серьезно, то, раз уж я такая получилась — живой портрет кого-то, — то выходит, я перед ним ответственна. Понимаете, это обязывает. Так я

для себя решила. Ведь это один случай на миллион! И не пытайтесь вытянуть имена: я — могила, — гордо сказала она. — Кроме моего отца, — и криво усмехнулась. — А за что мне его благодарить?

Он поднял на нее глаза. Он боялся, его стошнит прямо на ковер.

— И все это было так тяжело, что я положила себе за правило — буду защищать себя. И с тех пор я никому ни слова. Почти. Пока не явились вы. С вашим обмороком.

— Кому никому?

— Ну как? Я же во всем призналась. Чего вы еще хотите?

— Не знаю даже, что и подумать.

Как, как она могла, она, его Роза? — думал он.

— Я вижу, вы немного потрясены. Ну, правда, выкиньте это из головы! Хотя, говорят, первые два года всегда самые трудные.

— Роза, выслушай меня...

— Постойте, давайте сперва договоримся: вы прекращаете этот бред про Розу. Или просто держите рот на замке. Иначе можете проваливать.

Он молчал.

— Я порядочная девушка.

Он молчал.

— Хотя совсем одна. Но это потому, что мою маму эвакуировали из-за войны. Не верите — можете спросить кого угодно — вам скажут.

Он вдруг подумал, что будто бы проститутки отдают свои деньги каким-то старым женщинам, которые выполняют для них некие поручения и берут на себя хлопоты с полицией. Вероятно, одна такая прячется на кухне.

— Конечно, положение мое очень двусмысленно. Но согласитесь, каждый имеет право на личную жизнь, а у меня их две — моя и еще чья-то, — она словно оправдывается, думал он. — Вот поэтому я и говорю про ответственность. Почему я так нянчилась с вами, когда вы ворвались в мой дом? — он ничего не помнил, только то, что его выставили за дверь. — Потому что вы тогда словно с луны свалились. Я видела — вы даже ни капельки не притворялись. Поэтому не спустила вас с лестницы. Хотя любая девушка на моем месте в ту же секунду прогнала бы вас. Но у меня ответственность.

— Ответственность?

— Опять двадцать пять! Я же объяснила. Хотя сама я ни в чем и ни перед кем не виновата. Я делаю это во имя справедливости. И когда меня принимают за другую, не грублю с бухты-барахты чужим людям. Я боюсь обидеть.

— Понятно.

— Что-то не заметно. Судя по вашим глазам. Ладно, что с вами поделать. Я все понимаю. Время лечит, увидите, и вы привыкнете. И не бойтесь вы так — я вас не съем. Даю честное слово!

— И многих мистер Грант к тебе присылал?

— Это еще что за намеки? Что вы себе позволяете? Я же просила не произносить его имя. Чтоб последний раз, понятно?

Нет, не понятно. Он ничего не помнил. В том числе и просьбу мистера Гранта не раскрывать, откуда у него адрес.

— Я ведь позвонила ему. И все ему высказала. "Первый и последний раз! — сказала я. — Мало того, что ты и так заварил всю эту кашу, — сказала я. — Что люди подумают, если ты будешь и дальше присылать ко мне мужчин? Меня же просто выселят отсюда!"

— А если к тебе придет Ридли? — спросил он с видом человека, который открывает главную козырную карту.

— Парнишка ее? Знаете, я и сама все время об этом думаю. Что ж, наверное, это было бы жестоко. А вы так не считаете?

— Это ты говоришь.

— Что-то мне не нравится ваш тон! Ну конечно: это было бы жестоко, но я же ни в чем не виновата. И не виновата в том, что у меня такое лицо. Это все мой отец, его рук дело.

— А если мистер Грант возьмет и приведет его к тебе? — он покраснел, но не отводил глаз.

— Нет, не думаю, он не способен. Это было бы слишком... Да пусть только посмеет!! При том что малыш уверен, что мама его на небе и среди ангелов. Мне даже иногда снится — как мы встречаемся на улице. Что, если бабушка возьмет его в Лондон? Кто ее знает, почему бы и нет. Это было бы ужасно. Но все равно, все равно — я же ни в чем не виновата!

— А кто тогда виноват?

— Отец, конечно.

И тут только он осознал, что она не в своем уме. Вот откуда и этот голос, и непонятное поведение. Его охватила глубочайшая грусть. Та — его Роза — ушла и превратилась в другую.

— Поэтому мне приходится так себя вести.

— Как так?

— Ну какие же вы, мужчины, иногда тупые! Неужели вы думаете, что мне больше делать нечего, как только вести с вами душеспасительные беседы? Я, между прочим, хожу на работу. Нет, я не хочу вас обидеть. Но повторяю — это обязывает. Но тогда я как с цепи сорвалась, узнав, что вас прислал мой отец. Все понятно или повторить еще раз?

— Да, — он боялся вывести ее из себя.

— А вы... вы все принимаете так близко к сердцу, я пожалела вас. А сами вы вот как со мной.

— А у меня из-за тебя работа стоит!

— Ну и незачем так себя изводить! Слушайте, я думаю об этом много больше вас. Я, если хотите, с пеленок с этим живу. Но такова судьба, и ничего не поделаешь. Обычное невезение. Мне все пришлось узнать уже в шестнадцать лет.

Узнать, что бросит будущего мужа!? Узнать еще не родившегося ребенка?! — кричал он про себя. С него довольно.

— Что все? — спросил он.

— У вас, в самом деле, не все дома? Что вы опять начинаете? Я говорю о своей единокровной сестре, о ком же еще! А вы о чем? Говорят, мы с ней, как две капли воды — это правда?

— Не отличить.

— Хотя удивительно: я, например, ничегошеньки не чувствовала, когда она болела, ну знаете, как это у близнецов? С другой стороны, мы ведь неправильные близнецы. А представляете, мы с ней появились на свет с разницей всего в три недели. Чертяка старый... — ему послышалось, в голосе ее звучит восхищение.

— Это он прислал к тебе Мидлвича?

— Да нет, конечно. Сколько можно повторять одно и то же?

— В таком случае, как вы с ним познакомились?

— На такие вопросы не отвечаю. Да что с вами? Или я не имею права на личную жизнь? И вообще, я ни в чем не виновата. И не прогоняю вас, потому что чувствую перед вами ответственность. Пусть он и специально вас послал, хотя тоже в уме не укладывается. Ладно, когда на улице подходят.

Он ее почти ненавидел. Шлюха. Это было невыносимо — представлять, как эти мужчины были с ней, ночь за ночью были с его старой Розой.

— Нет, нет!!!

— Простите? Вы это мне? Как прикажете понимать? И послушайте: даже если вы совсем сумасшедший и в моем присутствии вас начинает штормить, зарубите себе на носу — вы не имеете права делать мне реприманды.

— Виноват.

— Ему, видите ли интересно, откуда я знаю Артура Мидлвича! Наглец.

Только бы она его не выгнала. Если уж она в состоянии умственного недомогания чувствует некоторую ответственность, то какова же в таком случае ответственность его самого?

— Прости, беру свои слова назад. Представляешь, каково нам увидеть мертвеца, восставшего из могилы.

— А вы, я смотрю, с юмором. Когда не болеете.

— Жаль только миссис Грант, не правда ли? Это ужас — потеря памяти.

— Больше о них ни слова.

— Виноват. Навязчивая идея.

— У меня своя жизнь, я, кажется, ясно выразилась. А вы прихóдите и заставляете девушку выслушивать притчи о людях, которые лишились ума и потеряли память, прекрасно понимая, что сама эта девушка — ходячая память тех, которых она знать не знает. Зачем? Это не делает вам чести. Но вы, мужчины, вы, которые знали ее, с этими ее рыжими волосами, о которых вы твердите, как заведенные, вы привыкли думать только о самих себе!

Его объял ужас, он судорожно повернулся, чтобы увидеть ее постель. Пусть так: чем больнее — тем лучше. Она прочитала его взгляд и поняла по-своему: натянула юбку, хотя та и без того целиком закрывала ее ноги.

— Ступайте вон, сию же минуту. Больше повторять не буду.

— Да, да, ухожу. Но после того, как... — и не сумел договорить. Он выскочил из квартиры, схватив на бегу шляпу, и с грохотом закрыл за собой дверь.

"И что за напасть такая? — думала она, оставшись одна. — Удивительные глаза у этого парня. Но все кончено. Вряд ли я его еще увижу, ну и слава богу.

Глава 10

Пережив самую страшную ночь в своей жизни, он наутро позвонил мистеру Гранту. И даже не взял на себя труд попросить Дот выйти из кабинета. Подслушав разговор, она окончательно уверилась, что дела у него совсем плохи. Они условились на вечер. Мысли его весь оставшийся день были далеки от работы.

Вечером Чарли отправился прямиком в Редхэм и застал мистера Гранта в саду.

— Ей лучше. Мать немного пришла в себя. Честно говоря, не могу заставить ее весь день лежать в постели. Поэтому в дом не зову. Помнишь, чем это́ кончилось последний раз? — Он словно обвинял Чарли. Как будто он виноват в том, что она приняла его за своего брата. — Так ты, полагаю, пришел просить прощения? — он ходил туда-сюда по маленькой лужайке. — Ну что с вас взять? Молодо-зелено! Я все понимаю. И потом, тебе пришлось пройти через такое пекло, мы ведь

должны быть благодарны вам. Но ты неважно выглядишь. Похудел. Знаешь, ко всему надо привыкать постепенно. Бьюсь об заклад, дело в питании. Тебе много пришлось голодать — по возвращении любая нормальная еда, при самых мизерных порциях, слишком тяжела для желудка. Наверняка, все дело в этом.

Чарли, как обычно, не успевал за его мыслями.

— Позвольте, я бы никогда... я бы не посмел... если бы знал, что миссис Грант... — Он же не виноват в том, что миссис Грант так сдала после его визита.

— Хватит, сынок, оставим это. Признаюсь, я тоже не без греха. И если виноват, или думаю, что виноват — ибо нельзя делить мир на черное и белое, жизнь ведь не такая простая штука, и это понимаешь только с годами, — но даже если существует ничтожная капля моей вины, я признаюсь первым. Но сдавать меня Нэнси — это какое-то новое, изощренное коварство, — и, застав Чарли врасплох, встал прямо перед его носом.

— Ну никак не могу понять, — вздохнул мистер Грант.

— Я никогда... — растерялся Чарли.

— А теперь слушай меня внимательно. Я старик и у меня за плечами большой опыт. То, что я сейчас скажу, пойдет тебе в копилку. Держи язык за зубами, сынок. Все. Запомни это на всю жизнь. Знаешь, мне приходилось встречаться с разными людьми, и с конкурентами, которые нет-нет, да и бросят мимоходом словечко, проболтаются — и при желании, я бы каждый раз сжимал в руке по стофунтовой банкноте Банка Англии. Но я могила. Никого не выдал. И то, что поначалу казалось враждой, позже превратилось в священный союз. Вот такие дела. И они отплатили мне сторицей. Сколько же раз это было в моей жизни, даже когда я не совсем понимал всю ценность сказанного слова. Я и сейчас нем, как рыба. Знаешь почему? Потому что молчание — золото. Доверие, вот что главное.

Вдруг из дома послышался тонкий дребезжащий голос:

— Джеральд, — позвали дважды.

— Давай, отойдем, не будем на виду. Мы же не хотим, чтобы у Эми начался очередной приступ.

Они встали за тем самым деревом, где он вручил Чарли адрес мисс Витмор, ни словом не обмолвившись о том, что ему следует держать рот на замке. Мистер Грант возобновил свою лекцию. Чарли был абсолютно подавлен несправедливостью.

— Нет, я благодарен за то, что ты нашел в себе силы приехать. Но ты не представляешь, как это трудно, учитывая со-

стояние Эми, хотя бы на минуту покинуть дом. У каждого из нас свой крест. Вся разница лишь в том, сколько каждый мелет языком. Это тебе еще один урок. Нет, я благодарен за то, что ты проделал такой путь, чтобы попросить прощения. Значит, для тебя не все потеряно, сынок.

— Простите, но...

— Запомни: научись держать язык за зубами. Это жизнь.

— Но зачем вы меня к ней послали?

— Да чтобы чуть-чуть скрасить ее одиночество, зачем же еще? Она осталась совсем одна. Муж ее погиб в Египте. И она вернула свою фамилию. Отважная девочка. Так что запомни, сынок, ты родился в рубашке. Ты вернулся. Помню, мне самому приходилось повторять себе эту прописную истину, когда я пришел с германской, я вернулся из Франции, и кажется, долго не мог прийти в себя. Как видишь, я доверял тебе. Я не стал давать ее адрес первому встречному. И по-прежнему тебе доверяю. Да и кто из вас, молодых, видит дальше собственного носа? А где-то живет себе одна маленькая девочка, и у нее никого нет, ей даже не с кем поговорить с тех пор, как эти бомбы разлетались над нашим небом. Естественно, я сразу подумал о тебе.

— А когда она вышла замуж?

— Когда ты был в Германии. Они и пожить совсем не успели. 1943 год. Тогда это все произошло. Три раза побывал в увольнительной, и его не стало. И она обратила всю свою горечь на меня. Это жизнь. Всякое бывает.

Двоеженец! — подумал Чарли.

— У нее на площадке живет некий Артур Мидлвич.

— Мидлвич? — вскрикнул мистер Грант. — Тот, который из СЭГС?!

Чарли молчал.

— Откуда ты знаешь?

— Она мне сама рассказала, — не без злорадства ответил Чарли.

— Ты знаешь Артура Мидлвича? — осторожно, почти шепотом.

Чарли молчал. Это насторожило мистера Гранта.

— Ты с ним знаком, верно? — повысив голос.

— Мы познакомились в центре, где ставят конечности.

— Ты их свел?

— Я? — с неподдельным презрением.

— Хотелось бы верить, — сказал мистер Грант. — Я действительно когда-то рекомендовал Артура твоей хозяйке. Как и тебя. Многие из вас, юнцов, обязаны мне за добрую службу. А иначе ради чего жить? Но только не он и Нэнс. Хорошего же

ты обо мне мнения. Или считаешь, что это я их познакомил? Признайся, были мыслишки? У самого рыльце-то в пушку, верно?

— Ну...

— Возможно, я ошибся в тебе. Хотя хорошо разбираюсь в людях. Но все мы имеем право на ошибку. Что ж, будет мне уроком. Иначе, пустяк-цена жизненному опыту, если не учиться на своих ошибках. Интересно, за кого ты меня все-таки принимаешь? Энн Фрейзер раскрыла мне глаза на этого человека только через три недели после того, как он съехал. Отправить этого типа к порядочной девушке? Был бы я молод, всыпал бы тебе по первое число за такие слова.

— Я не посылал его, — Чарли едва успевал за его мыслями.

— А я и не говорю. Возможно, я делаю слишком скоротечные выводы. Жизнь сложная штука. А тем более сейчас, в наши дни. У меня на руках Эми. Но Нэнс еще совсем дитя. Никакого жизненного опыта. Кто-то должен предупредить ее, что это за человек. Грязное животное. Она слишком обижена на меня и не послушает. Но, держу пари, ты успел раскрыть ей на него глаза, а, Чарли?

— Мне не представилась такая возможность.

— Скверно. А вот это скверно, Чарли. Слушай, я не виню тебя. Я понимаю. Но кто-то все равно должен. Я не могу. Пока. У нас не те отношения.

— Она не послушает меня, мистер Грант.

— Эх, сынок. Не спеши с выводами. Стоит узнать женщин получше, как сразу понимаешь эту истину. Никогда не разберешь, что у них на уме. Никогда. Но ведь ее следует предупредить.

— Боюсь она не захочет видеть меня в третий раз.

— Как так? У нее есть повод? — подозрительно.

Чарли не нашел, что сказать, и молчал.

— Возможно, я ошибся в тебе, — не дождавшись его исповеди, продолжал мистер Грант. — Но только не это. Сынок, скажи правду. Ты ведь не предлагал ей непристойности?

— Не предлагал.

— Что ж, хорошо. Мне бы такое и в голову не пришло. Тогда в чем дело?

— Я потерял сознание, — ему было стыдно, неловко.

— И незачем так из-за этого убиваться, мелочи какие! Ну да, неприятно, такой конфуз. К слову, у меня есть пара анекдотов на эту тему, сам был свидетелем... О боже. Ну да ладно. Так я на тебя рассчитываю? Скажешь ей?

— Лучше бы вы сами.

— Что ты опять за свое, — нетерпеливо. — Это ведь по твоей милости она обо мне и слышать не хочет. Повторяю, ты обманул мое доверие, и отныне я не могу явиться ей на глаза. Вообще, это длинная история, чудна́я она, все-таки...

— Это понятно.

— Так я могу на тебя рассчитывать? — подобострастно.

Но Чарли меньше всего хотел видеть ту, которая — все еще верил он — была его Розой. Рана, которую она нанесла, была слишком глубокой, и к тому же она специально бередила ее, поворачиваясь к нему то одной острой гранью, то другой. И, в конце концов, кто он такой, этот мистер Грант, как он смеет просить его об одолжении после того, как причинил ему столько боли. Поскольку старик этот погиб для него еще раньше — когда Чарли впервые увидал ее, перекрашенную блудницу — и был погребен глубоко, на два метра под землей, у черта на куличиках в какой-нибудь Фландрии, со старым железным забралом на голове. Поэтому у него вылетело, он проговорился:

— Я думал об этом, и, знаете, лучше бы ей узнать от собственного отца.

Мистер Грант растерялся. У мальчишки аж слезы на глазах. Да что с ним? Никак пронюхал про них с Нэнс?

И стал злой, как сам Чарли.

— Кто тебе сказал?

Чарли молчал. Он боялся не выдержать и ударить старика.

— Я имею право знать! — закричал мистер Грант, трясясь от ярости, и голос его сделался высоким, как у жены.

— Она сама сказала.

— Господи помилуй! — Оба боялись посмотреть друг на друга.

— А иначе кто вы ей? — еле шевеля губами.

— А иначе кто я ей?! — захлебываясь гневом. — Ты на что намекаешь? Вот она, человеческая благодарность! И я должен выслушивать такое в собственном саду, то есть на лужайке. Ты сошел с ума, сынок. В самом деле. Помешался после этой войны. И заметь, я ни отчего не отрекаюсь, — глядя безумными глазами. — С какой стати? Но когда тебе стукнет столько же лет, сколько мне, ты наконец, поймешь, что у каждого человека есть свои тайны, но не все они твоего ума дело. И даже не моего, прости Господи.

— Я что-то не понимаю, — Чарли смотрел прямо ему в глаза. О какой тайне он говорит? Что она шлюха?

— Да прояви же хотя бы каплю деликатности! — чуть ли не подпрыгивая от злобы.

— Деликатность? — тихо, с презрением.

— Именно, деликатность. Или тебе не знакомо это слово? — и вдруг откуда-то тренькнуло: — Джеральд! — дважды. — Ну вот, нас наверняка могли подслушать!

— Не смешите меня, — попрощался молодой человек.

И ушел прочь, ослепнув от ярости, не разбирая дороги.

Глава 11

По своей доброте душевной — а он был человеком доброго нрава — Джеймс решил, что в следующий раз, когда будет в Лондоне, должен непременно проведать Чарли. Он думал, что Чарли, который был так дружен с его Розой, будет рад вспомнить старые добрые времена. К тому же Джеймс был очень тронут, что тот, вернувшись с войны, первым делом навестил ее могилу. Кончина Розы — которая постепенно удалялась все дальше и дальше в прошлое — была самой большой печалью в его жизни. И все, что соединяло его с ней, был Чарли.

Джеймс написал Чарли, что миссис Грант находится не в лучшей форме, а мистер Грант, надеясь, что к ней вернется память, настаивает, чтобы она виделась с внуком не реже, чем раз в полгода, и поэтому в следующий раз он оставит у них Ридли на пару дней. И как это будет замечательно, если у Чарли найдется возможность встретиться с ним вечером, — писал Джеймс, не сказав о мальчике.

Чарли как раз обдумывал, не навестить ли ему Розу, хотя бы для того, чтобы рассказать про Мидлвича, и когда — через пару дней после той сцены с мистером Грантом — получил письмо, ему неожиданно открылось, что теперь у него появилась возможность выяснить все раз и навсегда. И вновь соединить супругов. И спасти ее от жизни, которую — он был уверен — она вела. И ответил в письме, что придет в гостиницу ближе к чаю.

Увидев Ридли, Чарли был так ошеломлен, что в первую минуту даже забыл о Джеймсе, думая на этот раз только о сходстве между собой и этим мальчиком, поскольку давно убедил себя в том, что это его сын, но совсем чужой, из чужой жизни, разве что ходячее напоминание о его Розе. Поскольку Роза на самом деле ошиблась, и, возможно, умышленно. Во всяком случае, она никак не могла вспомнить, когда зачала мальчика. Но Саммерс был уверен, что ребенок — его, и искал в его скулах отражение собственного лица, между тем как сразу по возвращении искал в нем одну только Розу, которую — думал он — давно нашел, и с тех пор больше не желал

видеть ничего, что бы ее напоминало, ни, тем паче, этих ямочек на щеках, ни уголков улыбки.

В то же время он полагал, что сразу предъявить ей Ридли было бы слишком жестоко. И решил повременить. И пока Джеймс забрасывал его дежурными вопросами и осторожничал, выясняя, как его здоровье, Чарли мучительно искал случая выкрасть этого мужа и предъявить его заблудшей супруге, доказав бесчестие Гранта: размышляя все последние дни, Чарли решил, что отец забирает у дочери долю ее аморального заработка — вероятно, в силу того, что болезнь миссис Грант сделалась слишком накладной.

— Вот я и подумал, надо повидаться, дружище, — в третий раз повторил Джеймс, — в память о былых деньках, проведать, что у тебя да как. Честно говоря, последний раз впечатление у меня было не самое грандиозное. Так-то, дружище.

Ридли сидел напротив и от скуки вертел головой, выглядывая из-под густых, как частокол, ресниц. Чарли думал о том, как бы он обрадовался, узнав, что где-то у него есть мать. И винил Джеймса в том, что тот отпустил Розу.

— Тут такое дело, мне надо тебе кое-что сказать.

— Конечно, выкладывай! — охотно согласился Джеймс, и Чарли многозначительно посмотрел на Ридли.

— Верно. Послушай, Ридли, я забыл в комнате носовой платок. Ты помнишь номер? Точно? — и обращаясь к Чарли, — ты не представляешь, какая у него ужасная память. Девичья. Иногда отправлю его в магазин, так он уже по дороге успевает забыть, зачем. Номер 56. Смотри, не потеряй.

— Что, прямо сейчас? — насупился Ридли.

— Если не возражаешь, дружище. Папе надо высморкаться.

Ридли посмотрел на Чарли. Тот испуганно опустил глаза, уловив презрение на лице своего предполагаемого сына.

— Ну ладно, иду, — мальчик зашаркал к выходу.

— Боже, как же он походит на мать. Вылитая мать, особенно, когда она так упрямилась. Заметил? Так о чем ты?

— Об одном человеке.

— Да ну? Он здесь?

— В десяти минутах пешком.

— Из старых знакомых? — Джеймс говорил так, будто речь шла о борделе.

— Он обычно у себя в это время, — пространно ответил Чарли.

Тем временем мисс Витмор, накормив кошку, собралась на работу. Весь день она думала о матери. Отправив ее в эвакуацию, Нэнс попадала под закон о мобилизации свободной рабочей силы. Это означало, что, если в министерстве про-

слышат о том, что она одна, то ее запросто могут отправить в самый удаленный район Англии или вообще одеть в форму и заслать под прицел к японцам. Разумеется, она не стала извещать министерство об отъезде матери, которая сама купила билет, отказавшись от пособия по эвакуации, чтобы избавить дочь от последствий. Но все равно, у Нэнс было немало поводов для беспокойства. Мать ее окончательно поссорилась с мистером Грантом и, оставшись без средств, оказалась на иждивении дочери. Заработка Нэнс вполне хватало на двоих, они не голодали. Кроме того, мистер Грант каждую субботу передавал ей небольшую сумму. И все-таки сердце ее было не на месте. Поскольку накануне к ее подруге нагрянули гости из министерства. О, они вели себя безупречно, никакой тревоги, мисс, очень культурные люди, не считая того, что явились, в некотором роде, без приглашения, как будто хотели произвести обыск. О, они были очень вежливы, что поделать, мисс, не по своей же воле, не будь дефицита женских рабочих рук в стране, они бы не посмели столь бесцеремонно врываться к людям, но, увы, списки сгорели во время бомбежек. Да-да, вели себя безупречно, очень учтиво. Но с другой стороны, у Эллен есть мать, огромная, как мир, мать. А если они заявятся к ней? Она так испугалась, что за всю ночь почти не сомкнула глаз, боясь в любую минуту услышать стук в дверь.

— А ты, как же будешь ты, Черепаха? — она погладила кошку. И тут как раз раздался стук в дверь. И она, в точности как когда-то миссис Грант, закрыла рот руками.

Чарли не составило никакого труда уговорить Джеймса. Тот даже не допытывался, куда и зачем они идут. На самом деле, Джеймс испугался, что Чарли просто-напросто сбежит. Он не хотел его терять. Возможно, когда-то ему казалось, что они слишком часто видятся с Розой, но теперь все это было неважно, и Чарли оставался для него единственной связью с теми счастливыми днями, которые неминуемо уходили все дальше и дальше в прошлое. К тому же эта война искалечила Чарли.

Саммерс спрятался за Джеймсом и постучал. И поэтому, отворив, она увидала перед собой совершенно незнакомого мужчину.

— Пожаловали, — мрачно сказала она, давая ему пройти.

Чарли истолковал ее реакцию по-своему. Кроме того, ему было до того неловко исполнять роль сводника бывших супругов, что был почти готов провалиться сквозь землю.

Но, разумеется, когда мисс Витмор увидала Чарли, она сразу же догадалась, что никакие это не министерские ищей-

ки, и у нее отлегло от сердца. И, как следствие, она впала в ярость.

— А-а, так это вы?!

Чарли с замиранием сердца поднял глаза на Джеймса, и его едва не хватил удар. Он ожидал чего угодно, но только не того, что увидел. И решил, что сходит с ума. Поскольку Джеймс просто стоял. И смотрел на нее как ни в чем не бывало, с учтивым, как подобает такому случаю, и несколько смущенным выражением лица. Только верхняя губа у него чуть-чуть подрагивала.

Чарли почувствовал западню.

— И что на этот раз? — спросила она.

Он не знал, что сказать, и молчал.

Джеймс, не найдя ничего лучшего, вежливо представился.

— Джеймс Филипс, — сказал он.

— Вы муж Розы? — в ужасе воскликнула мисс Витмор, и самому придирчивому взгляду было бы очевидно, что она и не думала притворяться. — Вы?!

— Совершенно верно, мисс, — Джеймс, похоже, был сама невозмутимость. — А разве вы были с ней знакомы?

Наступила тишина. Чарли слушал нарастающую дробь своего сердца.

— А я вам скажу, что́ это! — выкрикнула она, отчаянно подбирая слова. — Это гадко, вот что!

— Что? — Чарли не верил своим ушам.

— Приводить сюда этого человека! — она с грохотом захлопнула дверь, чтобы не слышали соседи. — Который спал в одной кровати, вместе со своей голой женой! Приводить его в мой дом, ко мне! Это гадко!

В ответ мистер Филипс сжал губы, лицо его заметно побелело.

— А по-моему, вы вообще не похожи, — сказал он.

Чарли был взбешен. Что за леденящая кровь комедия! Это все из-за нее!

— Все так хорошо притворяются невинными овечками. А сама-то замуж успела выйти! Ну, что теперь скажешь? — сказал он, вспомнив, что мистер Грант якобы рассказывал о ее двубрачии.

— Ах ты свинья! — завопила она, бросаясь на него с кулаками. — Не смей порочить имя Фила! Понял? Он за тебя погиб смертью храбрых, вот! — и хлестнула его по щеке, больно.

— Эй, ребята, довольно! — сказал Джеймс, разнимая их.

Но было поздно. Чарли свалился в кресло, которое когда-то пострадало от его чая.

— Погиб за меня? — повторял он, как сумасшедший.

— Он тоже там побывал, — тихо сказал Джеймс, — недавно вернулся из плена.

Она бросилась в слезы.

— Бедная я, несчастная девушка!

Но из всей этой троицы самой большой жертвой мистер Филипс считал себя. Вообще-то это у него умерла жена, оставив на его руках ребенка, это ему приходится воспитывать мальчика без матери, от которой остались одни изображения на микрофильмах. Что здесь вообще происходит? Девушка эта совсем, нисколько не похожа на Розу. И не только волосы — они вообще разные. Ничего общего!

— Ну ладно, ребята, повеселились и хватит, — тихо сказал он.

— Никогда не думал, что в человеке столько грязи, — мрачно заявил Чарли.

— Довольно, старина, — сказал Джеймс

— А что, разве нет? — сказал Чарли Саммерс.

— Ты не в себе, дружище, и кажется, мы должны извиниться перед этой барышней. Милая, во всем виновата война. И все было так давно. В газетах пишут, что, по мнению врачей, все сошли с ума. Такие дела.

— Никакая я вам не милая. Я не та, за кого он меня принимает, вовсе не его девушка, которая умерла, — она скосила обиженный взгляд на Чарли.

Явный намек на Розу и ее вероятную связь с Чарли стал для Джеймса последней каплей. Но он держал себя в руках.

— Что ж, пожалуй, мне пора. Меня еще ждет один человек, — вежливо сказал он и бесшумно прикрыл за собой дверь.

Сгорбившись на стуле, мисс Витмор тихо и безутешно зарыдала. Отравленный цинизмом, Чарли, казалось, сразу постарел на десять лет.

— Какая грязь, — как заведенный, твердил он, и голос его звучал словно откуда-то издалека.

Она продолжала плакать.

— Жизнь кончена, — вслух думал он. — Вот и все. Я уничтожен, — прибавив драматизму, продолжал он.

Она по-прежнему плакала.

— Что ж, прощай, Роза, я оставляю тебя. Обещаю, ты больше никогда меня не увидишь, — он встал и уже хотел идти.

— Нет, постойте! — она решительно высморкалась. — Я только хочу объясниться, и на этом все, — по-видимому, растратив весь гнев.

— Да что ты еще можешь сказать? — беспомощно.

— То, что сказал мистер Филипс, что вы были на войне. Возможно, я вас неправильно поняла. Вы попали под взрыв, да?

— Нет.

— Хорошо, но разве девушке нельзя спросить? А если перед ней человек, который так и корчит из себя клоуна? И ломает собственную жизнь? Как ей на это смотреть? Как она может пройти мимо? Естественно, ей захочется поговорить с ним. И образумить. Даже если жизнь переломила его, как сухую ветку. Ведь после всего, что вы тут натворили, я могла бы просто выставить вас отсюда, разве не так?

— Но за что? Что я такого сделал? — он боялся взглянуть на нее и, как болван, смотрел с чувством оскорбленного достоинства куда-то в сторону.

— Вы привели сюда мистера Филипса. Что, по-вашему, должна чувствовать девушка в такой ситуации?

— Да вы сами, вы оба затеяли эту грязную игру, — возмутился Чарли.

— Я так и знала. Вы даже не хотите понять. Знаете, вы такой гордый, что не видите дальше собственного носа. Поэтому я сижу тут и пытаюсь понять правду и донести ее до вас. Так вот, приводить сюда этого человека было дурно. И низко — напоминать ему о матери его сына, которая умерла. Низко.

Она говорила хорошо, с достоинством. Он слушал ее и думал, что перед ним грязная двуликая женщина. И что, на самом деле, она гордится своей ужасающей схожестью с покойной сестрой, и наверняка так было всегда, с тех пор как она впервые об этом узнала.

И его пронзила догадка.

— Вы обе в этом замешаны, — в безумстве закричал он.

Она заплакала.

— Хорошо. Больше мне нечего сказать, — всхлипнула она. — Но вокруг вас такая тьма, что вам опасно выходить из дома. Ступайте, уходите сейчас же, чтобы я больше никогда вас не видела.

Он ушел. И только когда за ним уже закрылась дверь, она вдруг испугалась. Поскольку поняла, что перед ней был, вероятно, случай тяжелой контузии, опасный случай.

Глава 12

Это было так неприятно, что Джеймс почел за благо все забыть. Вернувшись из Лондона, он нашел у себя номер литературного обозрения, которое когда-то почитывала его жена, а он, по привычке, продолжал подписку. Пролистывая его, он

наткнулся на одну переводную статью, которая показалась ему чем-то похожей на случай Чарли, и он решил во что бы то ни стало передать ему журнал. Написав на обложке: "Читайте, замечайте, учите и уразумейте"[1], он поставил свои инициалы, начертил рядом со статьей жирный крест и отнес номер на почту, простив по дороге все.

Приблизительно в то же время Чарли слег с температурой. Позвонив в контору, он сказался больным и днями не вставал с постели, чувствуя, как постепенно теряет разум. Вошла Мэри и принесла толстый конверт. Он сразу узнал журнал, который раньше часто попадался ему на глаза. Пропустив дату и послание Джеймса, он без интереса перелистывал страницы, пока не наткнулся на жирный крест. Сердце его сжалось. Он понял, что это поцелуй от Розы. Долго гадая, кто и зачем это сделал, стал засыпать и уже собрался отложить журнал, как вдруг ему бросилась в глаза фраза о женщине, которая лишается чувств. Он вернулся к началу и нашел рассказ, который здесь в точности передается[2]:

"Из Воспоминаний Мадам де Крекй (1710—1800). Посвящается ее маленькому внуку Танкреду Раулю де Креки, принцу Монтлаурскому[3].

Я считаю своим долгом рассказать тебе о Софии Септимании де Ришелье, единственной дочери маршала де Ришелье и принцессы Елизаветы Лотарингской. Кстати, она никогда не делала секрета из того, что дорожит своей материнской линией более, чем отцовской. За что не раз получала от отца нагоняй.

Септимания была неописуемо хороша. Можно сказать, в ней, как в зеркале, отразились все добродетели старой Франции — смесь остроумия, изысканных манер и почитание традиции. Да, она была неподражаема, и эта утонченность и неповторимая грациозность сочетались в ней с едва уловимой печалью, происходящей от постоянного предчувствия страшной смерти, которая должна была столь скоро ее настигнуть. Она была высокая, стройная, глаза ее имели удивительное свойство менять, в зависимости от настроения, цвет, становясь то черными, то серыми. Право, никогда еще

1. Несколько измененная строка из Общего английского молитвослова.
2. Перевод с французского на английский Генри Грина, 1944.
3. "Воспоминания маркизы де Креки" ("Souvenirs de la Marquise de Créqui, 1710 à 1800", edition Fournier, 1834) впервые были опубликованы в Париже в 1834—1836 гг.

мир не видел таких глаз, что умели бы столь талантливо передавать настроение и, произведя этот волшебный эффект, превращаться в истинную награду для тех, кому выпало счастье попасть под их чары.

Бабушка моя подумывала выдать ее замуж за графа де Жизора, сына маршала де Бель-Иля. В свое время этот юноша был таким, каким, мы надеемся, станешь и ты — красивейшим, изящнейшим и самым обворожительным. Но отец Септимании был не самого высокого мнения о его семье.

— В самом деле, — сказал он моей бабушке, — эта парочка может благополучно встречаться и после замужества Септимании.

Вот так, невольно, Септимания превратилась в мадам д'Эгмонт.

Супруг ее, Казимир-Август д'Эгмонт Пиньятелли, был человеком почтенным, молчаливым и наискучнейшим.

Итак, превратившись в графиню д'Эгмонт, моя дражайшая подруга, как теперь принято выражаться со свойственными нашему времени простоте и вкусу, породнилась с одной из самых значительных семей, раскинувшей свои ветви по всей Европе. Другими словами, она стала принцессой де Клевз, принцессой Империи, герцогиней Гельдерской, Жуерской, Агригентской, а также — по велению Карла Пятого — герцогиней Испанской, встав на одну ступень с первыми леди Европы герцогиней Альба и Медина-Коэли. Если бы я пожелала, то могла бы еще на четырех страницах продолжить рассказ о титулах великого и могущественного рода д'Эгмонтов, который восходит по прямой линии к правящим герцогам Гельдерским и который на глазах у всей безутешной аристократии Европы вымирал, так и не произведя на свет наследника. Позже всегда говорили, что в этом вина мадемуазель Ришелье.

Но что бы там ни говорили, а мадам д'Эгмонт великолепно ладила со своим супругом. Однако не более того. Приблизительно в те же самые дни состоялась и помолвка мадемуазель Нивернэ с месье де Жизором. Но спустя несколько месяцев после свадьбы месье де Жизор был убит. Бедный, бедный юноша!

И юным влюбленным после замужества Септимании так ни разу и не пришлось свидеться.

Шло время, а мадам д'Эгмонт так и не смогла его забыть. Более того, она буквально лишалась чувств, заслышав его имя. Что и произошло, когда в один прекрасный день принц Аббо де Зальм намеренно упомянул в беседе его имя — бедняжка, с ней тут же случились ужасные конвульсии. И потом

все приличные семейства закрыли для этого старого горбуна двери своих домов.

А в те самые времена жил один старый-престарый человек. Он был из знаменитого рода де Люзиньянов. Никто никогда его не видел и даже не знал в лицо. Зато имя его было на слуху у всех. Звали его Видам де Пуатье. Известно было, что проживал он один в огромном доме, и дом этот был знаменит. Но хозяин его оставался для всех невидимкой. Это был крайне эксцентричный человек. Так что теперь ты вполне можешь представить изумление графини д'Эгмонт, когда в один прекрасный день она получает письмо, в котором он приглашает ее к себе под предлогом, что у него — якобы — есть для нее нечто важное, оговорившись, что не имеет возможности нанести ей визит лично, поскольку, как он изволил выразиться, был "неперемещаем" — фраза, которая, как потом выяснилось, и если у тебя еще хватит терпения выслушать свою бабушку до конца, была, как ты убедишься, в наивысшей степени важной для дома Ришелье.

Мадам д'Эгмонт не желала об этом слышать. Но неожиданно вмешался ее отец-маршал и настоял на визите. И ей пришлось уступить.

И вот настал день, когда она села в великолепную, запряженную шестерней, карету и отправилась в путь. Правда, как выяснилось уже в дороге, форейторы даже не знали, куда ехать, поскольку давным-давно позабыли дорогу в его дом. Но в конце концов она благополучно добралась и ее встретили, проводив через самую обыкновенную и ничем не примечательную дверь, которая снаружи никак не выдавала то, что ей предстояло увидеть внутри. Дом Видама был настоящим сказочным дворцом — ни более и не менее. Мадам д'Эгмонт — которая, разумеется, привыкла к элегантности отцовского дома и к великолепию особняка своего двоюродного дедушки-кардинала, дома, которому не было равных в Париже — была ошеломлена тем, что предстало перед ее взором. Античные статуи, чередуясь с живыми вечнозелеными деревьями, украшали парадную мраморную лестницу; ливрейные лакеи выстроились в два ряда вдоль дворцовых галерей и вестибюлей; залы сверкали небывалой роскошью и, соединяясь анфиладой, переходили в прекрасную оранжерею под высоким прозрачным куполом, где были апельсиновые и миртовые деревья, и к куполу поднимались цветущие кущи роз. Ее проводили к уединенному, похожему на лесной эрмитаж, павильону с простой деревянной лестницей и грубыми перилами. Слуги удалились и оставили ее одну. Она поднялась по ступенькам и неожиданно оказалась в удивительной комнате, напоминаю-

щей не что иное, как самый настоящий хлев, разве что безупречно чистый и уютный. На узкой лежанке спал старик. На голове его была повязана шаль. Мадам д'Эгмонт сделалось крайне неловко. Ожидая, пока старый Видам проснется, она осмотрелась вокруг. Кругом были чистейшей белизны стены, рядом, в самом деле, были настоящие стойла, и в них — пять или шесть коров. Напротив лежанки простая деревянная мебель. И во всем — совершенная, безукоризненная чистота. Ей даже показался забавным этот интерьер, напоминающий театральные декорации во дворце в самом центре Парижа. Мадам д'Эгмонт присела на низкий плетеный стул и стала ждать. Прошла четверть часа — она кашлянула. Потом кашлянула громче. И, наконец, оставив все свое воспитание и скромность, кашлянула так сильно, что у нее чуть ли не пошла горлом кровь. Однако увидав, что усилия ее тщетны и старый джентльмен спит сном младенца, она решила, что это просто смешно — уйти, не обменявшись ни с одной живой душой, даже с пажом Видама, который все это время ожидал ее внизу, ни единым словом.

Итак, собравшись у Ришелье, все мы с нетерпением ждали возвращения мадам д'Эгмонт. И вот, когда мы уже до слез хохотали, слушая ее рассказ, в дверь незаметно вошел ее отец-маршал и стал страшно вращать глазами и шевелить усами, что было явным признаком его недовольства.

— Графиня д'Эгмонт, — произнес он таким противным голосом, на какой только был способен, что уже немало говорит об этом субъекте, — я считаю, что вы вели себя неподобающе с человеком его лет, положения и здоровья. Я бы посоветовал вам всенепременно и завтра же утром ехать к нему еще раз.

— Но месье, как же, по-вашему, мне его разбудить? — сказала она, и это прозвучало так нежно и в глазах ее было столько ласки и озорства, что она буквально околдовала нас своими чарами.

Но, как бы там ни было, мадам д'Эгмонт пришлось уступить, и маршал резко повернул беседу в другое русло, правда, недовольство его так и прорывалось наружу, пока он, ко всеобщей радости, не покинул наше общество. И лишь только он вышел, мадам д'Эгмонт сникла и посетовала на его нестерпимо тяжелый нрав. Оказывается, она боялась ненароком рассмеяться в лицо господину Видаму и так или иначе оказаться в недостойной роли маленькой девочки, глупо подшучивающей над стариком. И открыла истинную причину — ее мучило злое предчувствие, которое нашептывало ей, что следующий визит к Видаму обернется бедой.

На следующий день он принял ее, сидя в постели. Но вид у него был такой изможденный, что бедняжка вся затрепетала, поняв, к своему ужасу, что дни его сочтены. Однако Видам начал разговор без тени смущения.

Месье де Пуатье самым галантным образом поблагодарил ее за то, что она приняла его приглашение и, ни словом не обмолвившись о ее первом визите, который он благополучно проспал, вручил мадам д'Эгмонт некий сверток. В нем хранились письма от покойного графа де Жизора, адресованные на имя месье де Пуатье. И тут же стал умолять их прочитать. Бедняжка. Давясь слезами, она обнаружила, что все они без исключения были посвящены ей, и ей одной. Граф де Жизор писал о ней с такой нежностью, с такой страстью, что, как она сказывала потом, сердце ее словно попало в раскаленные тиски. Но это было еще не все. Дело в том, что в некоторых письмах упоминалось и о другом человеке — некоем несчастном ребенке, которого когда-то отверг отец — причем не кто иной, как сам маршал де Бель-Иль. Благородный юноша хлопотал за этого ребенка и умолял Видама оказать ему свое покровительство. "Уверен, с войны не вернусь, — писал он, — и призываю вас присмотреть за Севераном, чтобы я мог умереть с сердцем, спокойным за судьбу хотя бы этого человека".

Мадам д'Эгмонт несколько минут безутешно плакала, сидя у изголовья старика. И как только она выплакалась, Видам впервые за все это время открыл глаза.

— Мадам, — сказал он, — тот, по которому вы льете безутешные слезы и о котором мы с вами одинаково горюем, не держал от меня секретов. Он покинул нас, оставив после себя другого мальчика, почти одного с ним возраста, своего двойника.

И старик поведал ей, что этот юноша, месье де Ги, считается родным сыном маршала Бель-Иля. Еще Видам признался, что — поскольку жить ему оставалось недолго — он желал бы сделать кое-что для этого молодого человека и смел бы надеяться, что мадам д'Эгмонт — во имя их общей любви к покойному графу де Жизору — соизволит взять у него кое-какие облигации на предъявителя и, как только смерть приберет его к себе, лично вручить их месье де Ги. Он объяснил, что это был единственный способ обойти кредиторов и законных наследников, и умолял мадам д'Эгмонт хранить эту тайну, не говоря никому ни слова, и добавил, что, кроме нее, нет никого, кому бы он смог доверить столь деликатное поручение. Мадам д'Эгмонт, после некоторых сомнений, соблаговолила выполнить просьбу, заручившись некоторыми гаран-

тиями, которыми я уже и не смею забивать тебе голову. И через пять-шесть дней Видам скончался.

Приблизительно в это же самое время скончалась и королева Португалии. В Нотр-Дам состоялась прощальная церемония. Мне, по этому случаю, пришлось выполнять обязанность фрейлины их высочеств принцесс, впрочем, у меня нет и не было никаких личных обязательств ни по отношению к самому Людовику XV, ни к его двору, за что — да простят мне мою гордыню — я не устаю благодарить Всевышнего.

На самом деле — поверь мне, это есть и было совершенно очевидно — королеву Португалии просто-напросто отравили, сразу же отправив на тот свет. Наша мадам д'Эгмонт, как она мне потом призналась, считала себя обязанной присутствовать на церемонии, поскольку — через своего мужа — она была грандессой Испании и — в соответствии с титулом — имела право на место в первом ряду, вместе с другими женами герцогов. Но когда мы с принцессой вошли в церковь, то — представь себе наше разочарование — места герцогинь были почти пусты. Не считая какого-то бесформенного кулька с явными признаками слабоумия, которым могла оказаться единственно мадам де Мазаран; да некого подобия воротного столба, такого прямого и неподвижного, что в нем издалека угадывалась герцогиня де Бриссак; да еще чего-то тщедушного и трепещущего — один в один летучая мышь — что, в целом, выдавало графиню де Тессе. И ни одной, хотя бы отдаленно напоминавшей нашу милую мадам д'Эгмонт! И тут я, неся за своей подопечной шлейф — в то время как тетушка де Парабер несла мой, — сказала своей принцессе, что нам все-таки не помешало бы найти мадам д'Эгмонт, иначе вся эта церемония обернется для принцессы Луизы, а заодно и для всех нас, истинным разочарованием. Дело в том, что Септимания, делающая реверанс во всей красе своего придворного наряда, была абсолютно неподражаема. Впрочем, я знавала двух женщин, которые могли бы с ней в этом сравниться: королеву Марию-Антуанетту да некую (при всем моем уважении к королеве Франции) мадемуазель Клэрон из "Комеди Франсез".

После отпущения грехов, на которой ни принцессы, ни пэрессы присутствовать не обязаны, мы вернулись к своим местам рядом с архиепископом, где нам сообщили, что мадам д'Эгмонт, проходя через центральный неф, вскрикнула и лишилась чувств.

Я нашла ее дома. Бедняжка была мертвенно бледна. И так плоха, что почти не могла говорить. И лишь, едва шевеля губами, прошептала, что, когда вошла в церковь и только со-

бралась присесть напротив катафалка, ей почудилось, будто перед ней стоит граф де Жизор.

— Обещай, что не станешь надо мной смеяться, — промолвила она. — Но это был он. Я знаю. Я чуть не умерла, я видела его, собственными глазами видела.

Я же передала ей слова месье де Нивернэ, который поделился со мной некоторыми наблюдениями и уверял, что один из гвардейцев почетного караула — живая копия покойного месье де Жизора. По-видимому, это и был тот, которого видела Септимания. Бедняжка разрыдалась.

— Как же ты не понимаешь? Это же Северан, его младший брат, — рыдала она, — тот юноша, которому мне предстоит передать наследство Видама. Я дала слово. Но как я увижу его вновь? Мне страшно.

Признаюсь, дитя мое, что на этом вся моя осведомленность исчерпана, но сознаюсь, что мне не пристало бы знать всего, что случилось потом. Правда, несколько месяцев спустя мадам д'Эгмонт — не без некоторого смущения — поведала, что послала за месье де Ги и назначила ему тайное свидание в церкви. Она явилась одна и без сопровождения слуг и вручила ему десять тысяч фунтов, которые завещал Видам. Но я невольно обратила внимание на легкий румянец, выступивший на ее щеках. Мне показалось, что она желает сказать что-то еще, и история не исчерпана. Однако я предусмотрительно воздержалась от шагов, которые могли бы воодушевить ее на дальнейшую откровенность, я боялась обмануть ее своей лаской, пробудив в ней еще большую искренность или, того хуже, желание объясниться со мной, что вызвало бы между нами неловкость. Я не испытывала особой решимости распалять ее интерес в деле, с которым, как мне представлялось, было покончено. И лишь позволила себе выразить, мягко говоря, недоумение, почему встреча произошла в церкви. В ответ бедняжка лишь опустила свои прекрасные глаза и прикусила губку. Мне было горько так поступать с ней. Но она поняла. И я поспешила сменить тему. С тех пор я ее почти не видела. И лишь по прошествии пяти-шести месяцев слухи о месье де Ги дошли до меня снова.

В один прекрасный день я получила приглашение на обед у Ришелье. В тот вечер, помнится, разыгралась страшная буря. Маршал любезно поинтересовался, не угодно ли мне побывать на следующий день в Версале и отобедать с их королевскими высочествами. Я ответила, что именно так и намереваюсь поступить.

— Там будет моя дочь, — неожиданно сказал он. — Итак, кто из вас за кем заедет?

Для меня никогда не было секретом, что старик прочит меня в подруги своей дочери и желает, чтобы я сопровождала ее в свете. Этот лис, наверняка, заметил, что мы давно перестали быть друг для друга тем, чем были раньше, и задумал посадить нас в одну карету, воображая, что этого будет достаточно для того, чтобы возобновить старую дружбу. Мы с мадам д'Эгмонт переглянулись и обменялись приветливыми улыбками.

И так, устроившись в великолепной карете Септимании, мы на следующий же день отправились в Версаль. Ах, казалось, никогда еще не была она столь хороша и столь изысканно одета. На ней были фамильные жемчуга. Те самые, под которые когда-то Венецианская республика одолжила графу Ляморалю д'Эгмонту круглую сумму на войну против короля Филиппа. Воистину, мой мальчик! Жемчуга эти настолько драгоценны, что в этом мире им нет цены. Однако льщу себе тем, что не одни они в ту ночь приковывали взгляды света. Ведь сама я в тот вечер выезжала в алмазах, которые тебе когда-нибудь предстоит унаследовать со всем нашим семейным достоянием. И королева, лишь только заметила их, тут же послала за мной, изволив воочию увидеть мой "Ледигьер". И лично соблаговолила засвидетельствовать в тот день и на том самом месте, что он один в несколько раз превосходит двенадцать ее алмазов "Мазарини". И уже потом мой дядюшка командор д'Эскло был несказанно доволен, когда — после некоторой перепалки — мне все-таки удалось отговорить его написать королеве благодарность за эти добрые слова. Видишь ли, этот милейший человек принадлежал тому старому миру, где ценность любого слова, брошенного их величествами, не сравнима ни с какими благами. То был человек старого порядка, какого уже много лет не знает Франция! Ведь он так и покинул этот мир, никому не позволив убедить себя в том, что у мадам Ленорман д'Этуаль была собственная квартирка в Версальском дворце, и тем паче — но такое под силу лишь самому изощренному воображению, — что она-таки обрела титул маркизы де Помпадур.

В те дни на королевских обедах публику быстро впускали в одну дверь и очень быстро выпускали в другую, позволив ей совершить вокруг стола их величеств одну четверть круга. Мы сидели по правую руку от короля, как раз рядом с дверью, через которую проплывали посетители. Мадам д'Эгмонт сидела подле меня и, соответственно, с самого края. Другими словами, ближе всех к этому людскому потоку.

Внезапно я услыхала, как по зале пронесся тихий гул, который, как я полагала, означал восхищение перед королем. Однако я заметила, что начальник королевской гвардии пе-

решептывается с каким-то солдатом, который встал как вкопанный поперек дороги, ни на секунду не сводя глаз с мадам д'Эгмонт. Это был прекраснейший молодой человек. Лицо его, весь облик, несмотря на скромный чин, были воистину превосходны и благородны. Ты, полагаю, уже догадался, о ком идет речь. То ли эта сцена застала меня врасплох, то ли я просто забыла о месье де Жизоре и о месье де Ги, но даже не обратила внимания на их сходство.

Я невольно повернулась к мадам д'Эгмонт. К сожалению, из-за этих кринолинов и дистанции между местами, которая была продиктована дворцовым этикетом, я не могла шепнуть ей ни слова. Несчастная, она была в таком плачевном состоянии, что это было видно всем. Взгляд ее затуманился, глаза подернулись слезами, и бедняжка наполовину прикрыла свое чудесное лицо веером (нечто, совершенно непозволительное в мои дни в Версале, поскольку никто не имел права открывать веер в присутствии королевы, разве что в самых исключительных случаях). Молодой человек так и стоял, не видя ни короля, ни капитана королевской гвардии, который приказывал ему двигаться дальше — нет, солдат буквально окаменел, глядя на нашу Септиманию, которая в черном бальном платье была в тот вечер краше обычного. Но дело в том, что он перегородил дорогу всей толпе. Не говоря о том, что просто мешал тем господам, которые прислуживали за столом его величества. Он словно оглох и потерял разум. В конце концов, его пришлось силком вывести из зала. Бедная мадам д'Эгмонт, что с ней сталось! Она более не могла сдерживать чувства и издала такой стон, что испугала меня не на шутку.

Король же, который через своих тайных агентов всегда был в курсе того, что происходит в Париже, в том числе и всех любовных связей, повел себя с присущим ему безошибочным чутьем — черта, которой он всегда отличался и которая делает ему великую честь.

— Месье де Жуфруа! — обратился он к капитану гвардейцев, громко, чтобы было слышно всем, и повернулся к нам так, чтобы не смотреть прямо на мадам д'Эгмонт. — Месье де Жуфруа! — продолжал король. — По всей видимости, молодого человека не на шутку удивило наше великолепное застолье!

И его величество отдал поклон королеве, сопроводив его самой обворожительной улыбкой.

— А возможно, этот юноша растерялся, увидав ее величество, — продолжал король. — Оставьте его и передайте, пусть идет с миром! Однако, капитан, благодарю Вас за службу.

Из уст мадам д'Эгмонт вырвался громкий вздох. Она была спасена. Кровь постепенно возвращалась к ее щекам, и через

некоторое время она почувствовала себя лучше. Но все сидящие за столом стали между собой перешептываться, а маршал де Ришелье, как всегда, не сдержался и один или два раза при всех гневно посмотрел на дочь.

Мне было очень жаль ее.

Позже, когда мы садились в карету, я услыхала низкий дрожащий голос: "Это ты, это правда ты". Я, конечно, никак не могла разглядеть его с той стороны кареты или даже расслышать, что ответила Септимания. И за всю дорогу в Париж она не проронила ни слова. А только все плакала, обливаясь слезами, пока мы не доехали до дома.

На следующее утро, когда я собралась навестить свою дорогую мадам д'Эгмонт, мне доложили, что внизу меня ожидает ее отец. Коварный человек. Не сомневаюсь, что он рассчитывал застать меня врасплох и, осуществив задуманное, вытянуть те ничтожные крохи знаний, которыми я обладала. Но маршал де Ришелье никогда не был собеседником, с которым я готова обсуждать такого рода обстоятельства. Как же порой ошибаются подлые, недостойные люди! Они воображают, будто любое сочувствие, которое порой вызывает сгорающий от любви человек, не исключает терпимости к тому, что в данном случае было самой очевидной закулисной грязью. Они не понимают, что такое простая человеческая доброжелательность. Они даже не способны понять, что в жизни существует что-то срединное, на полпути между суровым аскетизмом и мягкой уступкой. Именно такие люди и совершают самые жестокие ошибки в отношении честных женщин.

Кончилось тем, что я добрых полчаса развлекала его одним безумно скучным процессом, который наша семья затеяла против Лежен де ля Фюржуньеров, и он, скрежеща зубами, вынужден был удалиться, на что, должна признаться, я как раз и рассчитывала. Но, как выяснилось в дальнейшем, это было с моей стороны ошибкой, поскольку, поняв все по-своему, он решил, что я раз и навсегда отреклась от своей подруги. И это в ту самую минуту, когда имя ее было на устах у всех, включая Граммонов!

В конце концов, Септимания сама пожаловала ко мне с просьбой использовать мое влияние на ее отца и заступиться за Северана. Как выяснилось, отец этого юноши, маршал де Бель-Иль, вышвырнул его из армии и предложил отправить в Сенегал, в котором ни один белый человек не выживает более года.

— Пожалуй, — не без злорадства говорил мне Ришелье, ответив на мое приглашение, — пожалуй, я бы с удовольствием выслушал вашу историю о процессе против Лежен де ля Фюржуньеров.

Но меня не так легко обескуражить, и после некоторых ухищрений мне удалось принудить его посмотреть на месье де Ги с более или менее объективной точки зрения, и тут я неожиданно поняла, что — учитывая его давнюю ненависть к маршалу Бель-Илю и более высокое положение в обществе — он вовсе не прочь выручить несчастного юношу. Чтобы не испытывать твое терпение, скажу лишь, что просьбу мою он исполнил, мальчик остался во Франции, и, более того, я виделась с ним лично. Это был в высшей степени прелестный молодой человек. Месье де Креки полюбил его как собственного сына, а мои двоюродные бабушки были от него и вовсе без ума. Но, увы, однажды он таинственным образом исчез. Сомнений нет, с ним расквитались. С тех пор его никто никогда ни видел и ничего о нем не слышал.

Септимания так и не оправилась от горя. Первые несколько месяцев она еще как-то влачила существование, смирившись с судьбой, и после продолжительной лихорадки скончалась.

Но я на всю жизнь запомнила эту любовь к двойникам, эти две привязанности, полные необыкновенной страсти, которую она выплеснула на двух мужчин, совершенно разных и в то же время неотличимых друг от друга, мертвого и живого — блестящего графа де Жизора и простого бедного юношу. И мне никогда не забыть тех последних минут ее жизни, когда, потеряв и того и другого, она — теперь уже сама на смертном одре, — казалось, смешала в своем сердце две памяти — о первом и втором — в одну картину и обрела единственную истинную любовь".

Прочитав все от корки до корки, Чарли проворчал:

— Нелепая история.

И, погасив свет, уснул впервые за долгое время крепким здоровым сном.

Глава 13

В тот же самый день мистер Мид получил письмо с пометкой "Управляющему директору". Его Коркер прочитал первым делом, придя на работу.

УСТАНОВКА PARABOLAM

Уважаемые господа,

осенью этого года, по поручению Министерства (департамент СЭКО), мы получили от вашей компании заказ № 1526/5812 на 60

(шестьдесят) ротационных насосов NV калибра и 60 (шестьдесят) центробежных насосов OU калибра.

По получении этого заказа мы ответили вам и мистеру Тернеру из СЭКО, что готовы взять на себя это обязательство, при условии, что вы своевременно обеспечиваете нас насосными корпусами, отлитыми из особого, устойчивого к воздействию кислот, засекреченного, по вашему требованию, металла.

Проследив историю нашей переписки, вы увидите, что мы особо отметили тот пункт, в котором излагаются сложившиеся обстоятельства, а именно, непредусмотренная приостановка поставок корпусов, без которых процесс невозможен. Мы, на сегодняшний день, нарушаем график работ и отстаем по срокам производства не только вышеупомянутых насосов, но и прочих заказов, выполняемых в том же самом цехе, стоящих в списке наиважнейших приоритетов СЭВБ, СЭПК и СОМФ.

Мы неоднократно направляли вам самые настойчивые требования по поводу поставок данных насосных корпусов (исх. № СиС/ДП) и до сих пор не получили ни одного ответа. К сожалению, мы вынуждены проинформировать вас о том, что сегодня нами было получено распоряжение от ниже названного министерства, а именно СОМФ (исх. № МИС/ ПОМ/ 1864), в котором говорится, что, начиная с сегодняшнего дня, мы прекращаем обслуживать ваш заказ до тех пор, пока не убедимся в достаточном количестве поставляемых нам изделий из данного металла.

Мы вынуждены известить вас о том, что значительно отстаем от графика по контрактам с СЭВБ, СЭПК и СОМФ, потому что нам приходится бросать все, чтобы выполнить ваш заказ по корпусам. Но если мы сейчас же не возьмемся за выполнение своих обязательств — то, как нам сегодня дали понять, рискуем нанести серьезный ущерб всей обороноспособности страны.

Сожалею, что возникшая необходимость вынуждает меня прибегнуть к такому тону со старым и уважаемым партнером, однако мы не вольны поступить иначе.

С уважением,
Роберт Джордан,
директор, Генри Смит и К°, Лтд.

Мистер Мид велел послать за начальником конструкторского отдела. Сделал несколько звонков. И вызвал к себе Чарли.

— Саммерс, прочитай.

Чарли понял, что нагрянула беда, еще когда к ним с утра явились за бумагами. Он был ошеломлен, прочитав письмо. И некоторое время не мог выдавить из себя ни звука. Коркер терпеливо ждал.

Наконец, Чарли произнес:

— Я не могу поверить своим глазам, сэр.

— А я могу. Приходится.

Повисло молчание.

— И тебе придется, — продолжал мистер Мид. — Куда ты денешься.

— Но только не Смиты. Это неправда, — Чарли дрожащими руками вернул письмо Коркеру.

— Правда или ложь, тут все черным по белому, Саммерс, — мистер Мид протянул ему папку с письмами.

— Не верю, что Смиты на такое способны, — Чарли чувствовал, что его предали со всех сторон, — они же дали слово.

— Подумай хорошенько. Найди тут свое письмо в литейных цех, которое ты отправил шесть недель назад.

— Да, сэр, — Чарли нашел письмо. — У них не получалась отливка, вышло много брака.

— И что мы, по-твоему, должны делать? Говорить им за это спасибо?

Чарли был убит, он не мог поверить.

— Послушай меня, мой мальчик. За пять лет войны и бесконечных указов, которые то и дело насаждает наше министерство, все в этой игре отупели, как эти болванки.

— Четвертый абзац у Смитов совершенно бессмысленный.

— Дело не в этом. Я знаю Роба Джордана всю свою жизнь. Мы вместе учились. Он всего-навсего решил, что нам больше не нужен этот заказ, и точка. И должен сказать, что я бы на его месте подумал так же. А заешь, в чем дело? Я скажу тебе. Смотри, люди его ходят по цехам и лично проверяют все отливки. И правильно делают. Потому что идут сами, а не пишут эти письма. Кому-то из них показали твою писанину. Это мне Роб рассказал, я только что говорил с ним. Посмотри на свои инструкции: полная галиматья. И откуда такая неряшливость? Чтобы люди потом вырабатывали брак? В нашем деле, когда перед нами стоят важные государственные задачи, надо быть твердым, не стесняться требовать, даже запугивать, если на то пошло. Какая фирма поставляет эти отливки?

— “Бланделс”.

— Значит, там кто-то показал твою писанину одному из его ищеек. Слушай, только не надо так сильно волноваться. Я договорился с Робом, позвонил ему. Но ты должен сделать для меня одно одолжение, понятно? Иди и сейчас же напиши Бланделсу такое письмо, чтобы пальцы прожгло тому, кто возьмет его в руки. Пригрози, что передашь дело самому министру, лично, если только Смиты не получат баланс, и ров-

но через месяц. И, ради Бога, пойди сам, Чарли, довольно уже забрасывать их письмами. И тогда мы успеем. И еще, Чарли.

— Да, сэр?

— Не суди сгоряча, умей смотреть глубже. Ты заблуждаешься на счет Джордана. Он всего лишь хочет прикрыть себя, если придется отвечать. И вот что. Смотри на мир веселее. Не думай, что вся жизнь — обман.

Саммерс забрал бумаги и вернулся к себе.

— Прочитай это, — сказал он Дот.

Она бегло просмотрела.

— Все на месте.

— Значит, не все! — она впервые слышала столько злости в его голосе.

— Если это СОМФ, то дело плохо. Мы с ними сталкивались. Когда я работала с пенициллином.

— Нет, это сплошная ложь. Уловка.

— Как вам угодно, — дерзко сказала она.

— Дай мне картотеку.

Они нашли карточку, на которой были записаны все поставки Бланделсов Генри Смиту и К°, а также краткие выдержки из переписки. Он даже не посмотрел в них.

— Не знаю, — пробормотал он. — Все свалилось как-то разом.

Она звонко отчеканила, что беда не приходит одна.

— Подлый лжец! — он закричал так, словно это была записка мистера Гранта.

— Надеюсь, ничего невозможного не случилось?

— Послушайте, мисс, — раньше он называл ее Дот, — это — уловка, обман. Я понял это, как только увидел. Недавно со мной произошел такой же в точности случай. Было время, когда я верил всему, что видел. Полагаю, и вы такая же. Но не знаю. Вы уж меня простите.

— По-моему, вы слишком расстроились.

— А если женщина, которую ты знал всю свою проклятую жизнь, говорит, что она — это не она? Не больная или нездоровая, нет, а вовсе другой человек. Вдруг и на ровном месте.

— Что? — сказала она.

— Все равно вы не поверите.

— Ну я же поверила этому письму, хотя вы сразу увидели его насквозь.

— Какому еще письму?

— Которое от Смитов, про эти ваши драгоценные отливки. Но вы догадывались, вы как-то изменились последнее время.

Он молчал.

— В самом деле, — продолжала она. — Я все вижу. Мама моя всем уши прожужжала, что если кто и умеет разбираться в людях, так это Дот. Мы с ней подружки. А мамы с дочками редко ладят.

В комнате повисло долгое молчание.

— Вернулся из Германии, — произнес он, думая вслух. — Ладно, а дальше?

— Та девушка, которую я когда-то знал, говорит, что она не та девушка.

— А она та самая? — мисс Питтер не знала, смеяться ей или плакать.

— И покрасила волосы.

— А почерк? Вы не заметили что-нибудь странное в ее письмах? — сказала Дот с пресловутой женской проницательностью.

— О боже, — это ему еще не приходило в голову. — О боже.

Тут зазвонил телефон, и оба погрузились в работу. Во время перерыва он прихватил письмо от Смитов и отправился к мистеру Пайку.

— У вас есть свободная минута? — спросил он. — Прочтите это, мистер Пайк.

Мистер Пайк, делая вид, что видит письмо впервые, быстро прочитал.

— Мне не нравятся две вещи, мистер Саммерс, — начал он и вдруг запнулся, глядя перед собой, как сова на свет.

Чарли ждал.

— Во-первых, слово parabolam. И во-вторых, тут ваша ссылка.

— Да, мистер Пайк.

Последовала длинная пауза.

— Разумеется, это уловка.

— Совершенно верно.

Оба немного помолчали.

— Которую видно за милю, — продолжал главный конструктор. — И вот еще что. У нас засекреченное предприятие, Саммерс. Parabolam не должна ассоциироваться ни с одним особым металлом.

— Конечно, мистер Пайк.

— И знаете, мне плевать на то, что здесь ваша ссылка. Это низость. Честное слово. Спасибо, что показали мне.

— Глупо, я знаю, — покраснел Чарли. — Я лишь хотел спросить. Последнее время стало происходить что-то странное. Надо бы проверить почерк.

— Наш старик и мистер Джордан вместе сидели за одной партой, — отчеканил мистер Пайк, давая понять, что разговор окончен.

Молодой человек ушел. И мистер Пайк долго еще не мог приступить к работе. Он размышлял о том, что наступили унылые времена. "Они возвращаются с готовым диагнозом, все как один неврастеники. Как тогда, после Великой войны, — думал он. — Значит, все абсолютно безнадежно".

Вернувшись в кабинет, Чарли неожиданно напугал мисс Питтер. Она что-то задумчиво искала на полу и, как только открылась дверь, быстро выпрямилась, одернув на заголившемся колене юбку. У него мелькнула мысль, что, случись это еще несколько недель назад, он был бы более чем растроган.

— Итак? Все просто, как дважды два? — спросила она.

— Он говорит, что это уловка, — он смотрел сквозь нее невидящими глазами.

— Отлично, правда это не мешает им отвлекать нас от основной работы, я из-за них запуталась с картотекой.

Он молчал.

— Нет, вы не подумайте, что он специально, такое никому и в голову не придет, — накануне она пришла к заключению, что мистер Пайк все-таки душка.

Он смотрел в пустоту.

— Вы все принимаете слишком близко к сердцу. Или мистер Мид тоже расстроился? А знаете, что? Утро вечера мудренее.

Он смотрел на нее так, словно она была не в своем уме. Зазвонил телефон. Он что-то продиктовал ей. Она сделала пометку на карточке. Он положил трубку и, думая вслух, сказал:

— Как же заставить ее написать?

— Зря волнуетесь, — сказала она, как будто он обращался к ней. — Она, наверняка, сама ищет предлог.

Он издал циничный смешок. Она быстро взглянула на него.

— Ну, раз вы поссорились, тогда другое дело. Она не станет за вами бегать. Девушка должна относиться к себе с уважением.

— С уважением? — горько усмехнулся он.

Зазвонил телефон. Она была готова разбить его об пол.

— И с этого дня ни слова о parabolam, — сказал он, положив трубку. — Даже если я забуду и продиктую это слово. Не пишите, не надо. Мистеру Пайку не нравится.

Чарли переключился на работу и как будто пришел в себя. Но она заставила его вернуться:

— А я кое-что знаю, хотя вам это безразлично. Ее имя.

Он вскочил, ужаленный и такой растерянный, как будто его, нагого, высветил из темноты луч прожектора. Но она была беспощадна.

— Да я уже сто лет знаю, — продолжала она. — Это Роза. Роза ее имя, это же Роза, верно?

— Нет, — солгал он.

И, чувствуя, как горлу подбирается тошнота, вышел из комнаты.

Глава 14

Когда-то он думал, что никто не отнимет у него веру в Розу, но она в назначенный час покинула его сама.

Он не спал по ночам и корчился от боли, вспоминая, как они были вместе.

Он все больше убеждал себя в том, что это такой же заговор, как и афера Бланделса.

И однажды, встав с постели, он отправился — чем не бродяга с посохом? — поговорить с Мидлвичем.

Он все сильнее ревновал Розу и подозревал, что с Мидлвичем у нее связь, которая, возможно, тянется и доныне.

Артур увидал его издали. Он знал, что дело пустое, но у парня явно настали тяжелые времена. Их связывала война. Даром что каждому из них выпало свое, и все, что у них было общего — это алюминий, тележки на подшипниках да резинки для протезов. И не посмел ему отказать.

Он с показной веселостью поприветствовал Чарли и, не закрывая ни на минуту рта, пригласил его за барную стойку. Чарли нехотя согласился, хотя сам напросился в это кафе. От смущения он забыл все, что собирался спросить.

— Роза, Роза, — мистер Мидлвич позвал официантку.

— Кстати, — тихо сказал Саммерс. — Вы знакомы с Нэнс Витмор?

— Черт возьми, старина? Да ведь она живет со мной на одной площадке. Грандиозно! Надо же — Нэнси. Чудная девочка.

— Бывшая Филипс.

— Как?

— Филипс.

— В самом деле? Как все-таки тесен мир! Ты подумай, надо же, ты знаешь малышку Нэнс. А ты, оказывается, темнил, старина!

А ты почему ничего не говорил? — подумал Чарли с молчаливой усмешкой.

— Конечно, мы не так давно знакомы, — продолжал Мидлвич, решив, что Чарли какой-то странный. — Мы познакомились, когда я прошляпил старую квартиру и мне пришлось переехать. Роза, радость моя, только не кролик! На этой неделе с меня довольно!

— Но, мистер Мидлвич...

— Но Роза! — и оба рассмеялись.

— Ее звали Роза, — сказал Чарли и заказал еще виски.

— Кого?

— Розу Филипс.

— Не понимаю, старина, что ты заладил о какой-то Розе Филипс. Не имею чести ее знать, — Мидлвич смотрел по сторонам в поисках знакомых.

— Теперь она Нэнс Витмор.

— А раньше ее как звали, пока она не вышла за Филипса?

— Нэнс Витмор была Розой Грант.

— Ошибаешься, старина. Муж Нэнс погиб на фронте. Никаким Филипсом он не был. Потом она вернула себе девичью фамилию. Мужа ее звали просто Филип Уайт. Фил и Филипс. Ты в этом смысле? Он погиб в Эль-Алямейне[1].

Чарли был сыт по горло.

— Что дают за двубрачие? Даже если второй муж мертв?

— Двубрачие? Ты спятил, старина? Держись от этого подальше.

— За двоемужие, — Чарли залпом опустошил стакан. Мидлвич с отвращением покосился на него.

— Не завирайся, старина. Мы знакомы с этой девочкой с тех пор, как я вернулся.

— Старик Грант вас свел?

— Джеральд Грант? Он тут причем? Или они знают друг друга? А, впрочем, какое мне дело!

— Это двоемужие, — повторил Чарли.

— Слушай, Саммерс, не доводи себя до беды, или это плохо кончится. И еще — не смей так говорить о ней. А если на то пошло, то смотри в глаза тому, с кем говоришь о даме. И плевать я хотел, на что они способны! Мне можешь не рассказывать: знаю не понаслышке, — Мидлвич смотрел на него, как солдат на "Салли"[2].

Чарли поднял на него глаза. И Мидлвич отвернулся, не выдержал его взгляд.

1. В 1942 году в районе Эль-Алямейна (Египет) произошли два крупных сражения Второй мировой войны.
2. Так Союзные войска прозвали бесславный японский бомбардировщик К-21 времен Второй мировой войны.

— Понял, — сказал он и, помолчав, воскликнул: — Вот оно как!

— Вот оно как! — горько усмехнулся Чарли, осушив свой стакан.

— Но нет, постой. — Мидлвичу показалось, он что-то начинает понимать. — Она настоящая, понимаешь, бесхитростная. Жизнью клянусь. Нэнси Витмор. Да бог с тобой!

— Ты знал про ее сына?

— Ну, миленький, ты глубоко заблуждаешься, поверь мне. От этого у женщин бывает такая темная полоска на животе. А у нее нет. А нет — и суда нет.

— А ты откуда знаешь? — поймал его Чарли, и Мидлвич нервно сглотнул слюну.

— Как откуда, мы плавать ходили, — солгал он. — Еще летом. А что? Пригласил девочку в Маргейт.

— В компании с минами?

— Нет, кажется, в Palais de Swim, не помню. Знаешь, только не обижайся, и можешь думать обо мне, что угодно. Но, ради бога, давай сменим тему. Она мой дружок, понимаешь? Знаю, звучит странно. Но ты сам порой не совсем верно все понимаешь, честное слово. Но поверь, этот парень, — он ударил себя в грудь, — тут ни при чем.

— А тогда, пускай, она попросит у меня прощения и напишет письмо.

— Ладно, старина, пошутили — и довольно. Ты сейчас договоришься. Так, что там у нас на десерт? Роза! — Артур нетерпеливо окликнул официантку. — Роза!

— Виноват, — сказал Чарли. — Кажется, я слегка не в духе.

— Оно и видно, дружище.

— Ее звали Роза. Все из-за того, что ее звали Роза.

— Довольно, Саммерс. Как прикажешь их называть? И эту официантку? И Нэнс Витмор? Знаешь, старина. Посиди пока, остынь немного. А я мигом. Там Эрни Мэндрю, я только на пару слов к нему и назад. А по пути попрошу у Розы, пусть принесет чего-нибудь. Или еще по маленькой?

— Послушай, милашка, — Мидлвич поймал официантку. — Мне надо идти. А ты позаботься о моем друге, хорошо? Он немного того, но это война, понимаешь, такое дело. Вернулся из плена вскоре после меня. Налей ему еще стаканчик, сделай милость, пусть пропустит. А я загляну завтра. Кстати, он немного сдвинулся на какой-то Розе. Странное совпадение, ты не находишь? — захохотал он и вышел.

Час и три виски спустя, Чарли оплатил по счету. И даже не заметил, как к нему за стол подсадили человека.

Мидлвич был зол на Чарли весь оставшийся день, но потом, когда пришел домой и принял душ, вся эта история представилась ему уже в более розовом свете. Парень хлебнул горя в плену. Но девушкам нравятся такие — как они с Чарли. Стоит перемолвиться с ней словечком, если она еще дома. И он постучал.

Она открыла не сразу. А сначала осторожно спросила, кто там.

— Всего лишь Арт.

— Ой, Арт! — впуская его. — Тут ко мне повадились ходить какие-то странные клиенты. Честно, живу, как в осаде, — рассмеялась она.

— Клиенты? — садясь в лучшее кресло. — Но Нэнс, осторожнее на поворотах, так тебя неправильно поймут.

— Во-первых, ты, кажется, уже неправильно понял. Ты не представляешь, чего я тут только не наслушалась за последнее время. А тебя уже несколько месяцев не видно. Где пропадаешь?

— Повсюду — ношусь, как заводной. И кстати встретил на днях кого-то, кто тебя знает.

— Продолжай, продолжай! И какого цвета у нее волосы? Случайно, не рыжие?

— Ты чего? Это парень, с которым нам ставили протезы. Он вернулся из плена сразу после меня. Некий Чарли Саммерс.

— И ты туда же?

— Слушай, Нэнс, мы с тобой давно друг друга знаем. Вообще-то, это не мое дело и я знать не знаю, что там у вас вышло. Согласен, Чарли Саммерс немного не от мира сего. Но, пойми, он совершенно безвредный. И знаешь, он побывал в таких переделках, столько горя хватил, не представляешь. Я и сам навидался в этих лагерях для военнопленных. Попробуй только чихнуть на портрет герра Гитлера — будешь сидеть в одиночном карцере. Статья о подстрекательстве против великого вермахта. Такие дела. И он провел в этом дерьме несколько лет своей жизни, Нэнс. Il l'a eu, как говорят французы. Хлебнул лиха. Я все понимаю, может быть, он обидел тебя, не знаю. Но если это правда, то я бы не стал принимать его всерьез.

— Это все?

— Я что-то не так сказал?

— Значит, это ты прислал ко мне того психа?

— Я? Ты в своем уме?!

— Ладно, Арт. Но ты свидетель: с тех пор как я потеряла Фила и отправила мать в эвакуацию подальше от этих черто-

вых бомб, я живу очень тихо и совсем одна. И справляюсь. Мне никто не нужен, понимаешь. И вот, кто-то ни с того ни с сего дает этому пациенту психлечебницы мой адрес. И теперь я даже боюсь открыть дверь. Мне страшно. Сначала он падает в обморок, а потом... Впрочем, ты же сам говоришь, он ненормальный.

— Я тут ни при чем. И вообще, все это не моего ума дело, и ты не обязана меня слушать, и я уважаю твое право, но только там и в самом деле пришлось несладко, вот и все. Сделай милость, черкни ему пару строк.

— Господи, который час? Мне пора, или я опоздаю.

На следующий день она отправила Чарли записку, в которой выражала надежду, что между ними больше нет никаких недоразумений.

У нее и в самом деле было доброе сердце.

Глава 15

Мисс Нэнси Витмор все-таки написала письмо. Она узнала у Мидлвича адрес и отправила его Чарли на работу. В тот же самый день на имя Чарли пришло приглашение от Филипса, который в память о былых временах простил все обиды и звал его к себе в деревню на августовские выходные. В письме стояла приписка, что Чарли может прихватить с собой какую-нибудь знакомую, если это, конечно, не мисс Витмор.

Корреспонденция Филипса была помечена “личное”, и Дот ее не тронула. Но на конверте Нэнс специального клейма не было, и она с чистой совестью его распечатала. Прочитав, она поняла, что автора связывают с Чарли самые серьезные отношения. И ждала его прихода, сгорая от нетерпения и любопытства.

Чарли, придя на работу, первым делом вымыл руки и только затем приступил к почте. Дот притворялась, что работает и исподтишка подглядывала за его реакцией. Однако он поверг ее в недоумение. Прочитав письмо Нэнс, он разразился странным, сумасшедшим смехом. Как он и ожидал, оно было написано рукой Розы, которая просто-напросто изменила свой почерк.

Чуть позже он нашел приглашение от Филипса. И сраженный манерой, с которой этот жалкий муж писал о своей бывшей жене, цинично рассмеялся.

— Что вы делаете на выходные, Дот? — спросил он.

— Я? Ничего, как обычно, — растерялась она.

— А вы не хотели бы составить мне компанию и поехать к одному моему старому другу в Эссекс?

— Это немного неожиданно, — и Чарли понял, что отступать, к сожалению, некуда.

— Места там очень красивые. Старинные места, — смутившись, пробормотал он.

— Хорошо, я подумаю, — и видно было, что она уже подумала.

"А почему бы нет?" — чуть позже размышлял он. Судьба, в конце концов, была перед ним в долгу. Телефонный звонок перебил его мысли, и он забыл о ней и об этом глупом разговоре. Оба погрузились в работу.

Домой он вернулся поздно и о Дот не вспоминал. Он думал лишь о девушке, которая изменила почерк. Не откладывая дела в долгий ящик, он залез под кровать и выдвинул оттуда чемодан. В нем еще с довоенных времен хранилось пять писем Розы. Были они без дат и пролежали несколько лет в одном большом конверте. Чарли задумал выбрать из них самое подходящее и отнести его специалисту по почерку. И сравнить его с письмом мисс Витмор.

"Милый Жмот, — с нежностью читал он, — все-таки ты настоящая вонючка. Ведь я же просила тебя — съезди вместо меня в Редхэм и проведай моих родителей. Вчера от старичка опять ни строчки. А ты прекрасно знаешь, как я люблю писать письма. Муж даже не верит, что я ходила в школу, и говорит, что писать мне нельзя, потому что все равно никто не разберет мои каракули. Так что, будь душкой, поезжай немедленно и скажи им, что видел меня на Троицин день и что их маленькая Роза цветет и пахнет. Сию же минуту. Твоя миссис Сиддонс".

Письма эти были мукой, физической болью, ведь он любил ее так сильно, больше всего на свете. И очень личные. И тогда он перешел к следующему письму.

"Милый Жмот. Должна сказать, что ты у меня настоящий плутишка, ну честное слово, ты же нарочно все забыл, а я, между прочим, особо просила тебя пойти и купить мне те тапочки, помнишь, которые мы видели в рекламе? Какой же ты у меня все-таки Вонючка. С любовью, Роза".

Разве с этим можно расстаться? И отдать чужому человеку?

"Милый Жмот. Пишу тебе в постели. Старушка Габбинс только что принесла завтрак. Я обнюхала всю постель, но, увы, нигде нет моего плутишки. Знаю, знаю — ты уже сто раз проклял себя за то, что не приехал, старый ты мой обманщик. Джима не будет до конца недели. Чувствую, ты совсем

покрылся пылью на своей работе. Я права? Надеюсь, ты еще не забыл, как пахнет твоя Роза".

Нет, это священно — к глазам его подступили слезы, — он ни за что не отдаст его в чужие руки. И взял следующее.

"Милый мой. Разумеется, я думаю о другом человеке, ведь я ношу ребенка. Мне следует быть осторожней и, вообще, поменьше двигаться. А насчет встречи в Лондоне — разве ты не понимаешь, чем это для меня может обернуться? Этот крикет, да еще перед всем честным народом. Так что привыкай и знай, что нашему милому Жмоту придется запастись терпением. Нет, в самом деле, доктор говорит, мне следует беречь себя и чуть что — лежать ногами вверх. Доктор этот просто прелесть, такой душка, ты не представляешь. Так что не только Чарли-Барли. Предстоящие несколько недель будут для моего положения очень опасными. Не дуйся и выше нос. Твоя Алая Роза".

Чересчур откровенное. И к тому же все узнают, что Ридли — его сын. И взял последнее.

"Милый Жмот. Должна сказать, что эти вещи следует прислать как можно скорее. Видел бы ты, как я вся извелась и целыми днями только и делаю, что бегаю встречать почтальона, давно бы уж что-нибудь придумал. С ног сбилась. Но ты, милый, у нас, как всегда, — что с глаз долой, то у тебя сейчас же из сердца вон. Так что сию минуту иди, пока опять не забыл. Твоя..." — и, видимо, забыла подписать письмо.

Поняв, что расстаться нельзя ни с одним, он бережно сложил письма в конверт и упрятал назад в чемодан. Прошло несколько минут. Он вскочил и опять залез под кровать. Достав из чемодана письма, он схватил ножницы и на одном дыхании искромсал все на тонкие полоски. Потом приклеил самые, казалось, незначащие фразы к обрывку газеты и получил некое подобие телеграммы:

"Милый — съезди за меня в Редхэм и — скажи им, что видел — те тапочки — в Лондоне — Так что, будь душкой — беги — от Розы.".

Несколько минут он с гордостью любовался своим творением, пока, наконец, не осознал, что все испортил, разрушил, убил. И впал в отчаяние, казня и проклиная себя всю ночь. Но нет, Нэнс — это Роза, твердил он себе, и эта самая истина, в конце концов, и погубила ее письма.

Полночи оплакивал он память о своей возлюбленной — ее утраченные письма, которые вспоминал все эти годы в немецком плену, молясь, как проклятый, чтобы только увидать их снова, если вернется.

И уснул чистым, младенческим сном.

Глава 16

Все августовские выходные лил дождь. Дом Филипса, в котором Чарли последний раз виделся с Розой, стоял на главной улице, и старинные стены его весь день дрожали от гула грузовиков, которые бесконечным конвоем перевозили по территории Англии американские союзнические войска. Дот приходилось всякий раз орать и повторять каждое слово. Они долго не могли перейти дорогу, пропуская этот пыльный железный караван, одну колонну, другую и, проскочив кое-как сквозь чудовищный ревущий поток, влетели в бар, где из старинной ворсистой мишени то и дело падали один за другим железные дротики. Мгла поглотила лица черных американских шоферов, оставив в темных провалах кабин одни их широкие белозубые рты.

Накануне Джеймс приготовил для своих гостей спальни, и, когда они приехали, сразу показал их Дот. Та смотрела перед собой дерзким и — ну мало ли что — вызывающим взглядом. И увидала в своей комнате двуспальную кровать.

— Очень мило, — сказала она.

— Что? — сквозь гул переспросил он. Мимо прогрохотала колонна грузовиков. Она подошла к окну, которое выглядывало на задний двор, и повторила. Второй раз эти слова прозвучали плоско.

— А где комната Чарли?

Он не расслышал. Она промолчала. И, скрывая смущение, выводила на стекле пальчиком “Дот”. Маникюр она сделала перед отъездом, и теперь ноготки ее приятно поблескивали на стекле, словно влажные и слегка переспелые ягоды.

Джеймс рассмеялся.

— Боюсь, у нас все очень просто.

Осмелившись, она осторожно подняла глаза. Он, как завороженный, смотрел на ее руки. И она очередной раз поздравила себя с тем, что вовремя успела привести их в порядок.

— Смешно, но всегда, когда я вижу эти милые старинные окна, мне хочется выцарапать на них алмазом свое имя.

Он засмеялся. Она подумала, что он весьма недурен.

— Да будет так, — ответил он.

— Что? — переспросила она, прекрасно расслышав. — Испортить такие красивые окна? Подумать страшно! Чтобы вы потом говорили, где мое воспитание? Это была шутка, я только пошутила.

— Что ж, вы тут устраивайтесь, а я пойду, помогу Чарли. И милости просим к столу. Ужин, правда, холодный, но на кухне нас кое-что ждет. Увидимся внизу.

В тот вечер не произошло ничего, абсолютно ничего. Ужин был отменный, что ни говори, в деревне накормить умеют. Потом прогулялись; зашли выпить и, кстати, ей ни разу не дали заплатить. Потом она сказала, вернее, прокричала: "Все хорошее когда-нибудь кончается!" Все встали и вместе вернулись домой. Она прямиком отправилась в спальню. Оделась в эту шикарную пижаму — ту, что специально купила накануне. Выключила свет и стала ждать. Сначала на кухне были слышны голоса. Она немного прислушалась. Вот чьи-то шаги на лестнице. Ее бросило в жар. Сердце затрепетало — врагу не пожелаешь, не важно, первая это ночь, или нет. И ничего. Она была совсем готова, притворилась спящей, растаяла в этой постели, как масло на бутерброде. И ничего. Вот шаги Чарли в ванной. И минута сладостной истомы. Все-таки, думала она, все-таки все они возвращаются, как олухи небесные после плена: никогда не поймешь, что у них на уме. И, непосещенная, уснула; одна.

На другой день они занимались всякой всячиной, ничего особенного. Чарли, как обычно, витал в облаках; все равно как на работе. Но позже ей стало казаться, что эти двое вместе съели не один пуд соли. Пару раз в их разговоре проскочило имя. Роза. И она поняла, откуда дует ветер: общие воспоминания. Встреча эта была, как говорится, дань прошлому. О, они были весьма галантны, чуть ли не пылинки с нее сдували. Но для них она была одно большое ничто; абсолютное ничто. И Чарли взял ее с собой только для блезиру.

Вечером все повторилось сначала — освежающая прогулка через дорогу, бар, захватывающие посиделки. С той разницей, что на этот раз — огромное всем спасибо, но хороший сон и деревенский воздух благотворно действуют на кожу, так что грех упустить такую возможность — и, оставив их одних, ушла спать. И даже почти уснула. Как вдруг — с ума с ними сойдешь — скрипнула дверь; и некто — шмыг к ней под бочок; глазом не успела моргнуть; толстый Джеймс, кажется, он самый, даром что темно было, хоть глаз выколи.

Но когда она той прошлой ночью ждала Чарли — а они все не могли наговориться на этой кухне, и никто потом не пришел, — у нее еще мелькнула мысль, что его, вероятно, что-то остановило. Так ли это? И да и нет. Говоря по правде, он просто-напросто о ней забыл.

В тот — все еще первый — вечер, как только она ушла, над столом повисло молчание.

— Ну, вот ты и снова здесь, — нарушив тишину, сказал, Филипс.

— Да.

— Давно это было.

Чарли молчал.

— Я постелил ей у Розы. А кто она?

— С работы.

— Живется же вам в Лондоне! Только постарайтесь не разбудить Ридли.

— Он тоже плохо спит? Как мать?

— Именно. Она вечно жаловалась на бессонницу.

— Бессонница — дрянь, — равнодушно сказал Чарли. В душе у него был холод. Только холод.

— Все это ее выдумки.

— Как знать.

— Это очевидно, если спать рядом. Она даже храпела и на утро жаловалась, что глаз не могла сомкнуть.

— Не знал, — солгал Чарли.

Ему было приятно так запросто говорить о Розе. Он уже не понимал, забыл, отчего накануне впал в такое безумие из-за писем. И тут он со всей очевидностью понял, что она, наконец, покинула его, навсегда и на самом деле.

— Врач сказал, что из-за бессонницы организм ее совсем ослаб. Я не стал его переубеждать. Что толку. Она всегда жаловалась на плохой сон, с того дня, как я перевез ее в этот дом.

— Я долго не спал, когда вернулся. Все тишина.

— Вас еще не так бомбили.

— И одиночество. Нас было двадцать на одну камеру.

— А что военные врачи?

— Трюкачи. Толку от них как от козла молока. А как ее родители? Рядом были?

— Мать была совсем плоха, старик не мог ее оставить.

— Конечно.

— Во всяком случае, так сказал этот старый лис Джеральд. Прости, дружище, надеюсь, я не слишком перегибаю. Зятья, одним словом, что говорить, — сказал он абсолютно без ревности, будто они с Чарльзом годами делили между собой Розу.

— Не стоит, Джим, я знаю ему цену.

— Рад, что мы понимаем друг друга. У старика тяжелый нрав. Не удивительно, что ее довели, я имею в виду миссис Грант.

— И не говори.

— Хорошо, что так. Я боялся, ты меня осудишь.

Чарли смотрел на мистера Филипса. Все очень изменилось и в то же время оставалось прежним. Они столько сиживали за этим столом, когда она уходила, пожелав им спокойной ночи. И всегда говорили об одном и том же.

— Сколько воды с тех пор утекло, — словно о сточных водах сказал Чарли.

— Бедняжка. Это было ужасно. Труднее всего оказалось с Ридли. Знаю, тебе тоже было больно. Это было первое письмо из тыла?

— То-то и оно.

— Жизнь странная штука, — Филипс рассуждал так, словно успел похоронить нескольких жен, пожив с каждой не более трех месяцев. — Можно тебя спросить? Скажи, а зачем ты познакомил меня с той девушкой?

— Так, ты заметил, как они похожи?

— Ни капли. Так вот в чем дело?

— Избави боже, — солгал Чарли. — К ней меня послал мистер Грант. Спросишь, зачем? Убей, не знаю. Очередная стариковская прихоть. Признаюсь, сначала между нами возник конфуз. Господи, что она обо мне подумала, представить страшно. Но потом я решил, а почему бы нам не зайти вместе. Надеюсь, ты не в обиде?

— Само собой, старина, все в порядке. Но вот я все думаю. Слушай, а ты часом не запутался?

Чарли испуганно вздрогнул; все вернулось, и он корил себя за то, что позабыл Розу.

— О чем ты? — холодно спросил он.

— О том, что внешность это еще не все.

Чарли сжался, испугался, что это намек на Ридли.

— На что ты намекаешь?

— Хотя говорят, когда мужчина женится второй раз, он подсознательно выбирает тот же тип. Вы ведь с Розой старинные друзья. А, впрочем, что говорить, ее нет. И все, что меня с ней связывает, это ты и наша дружба.

Напоследок они выпили еще по двойному виски. Чарли боялся, что Джеймс слегка перебрал, и не хотел выслушивать его признания.

— Знаешь, думай обо мне, что хочешь, возможно, я и, правда, сую свой нос в чужие дела, но мне не с кем больше поговорить. Все вокруг думают, что у меня есть Ридли. Но это не так. Ридли это Ридли. Он не может ее заменить. Ты бы на моем месте понял, но не дай бог, конечно. Но нет, меня не проведешь — я в той квартире понял, что ты хотел сказать. Ты уже тогда знал, что эти две женщины похожи, как две капли воды, и хотел увидеть это в моих глазах.

— Не понимаю, о чем ты.

— Прости, я не хочу никого обидеть. Забудь. Но я желаю тебе добра. Мне было очень дерьмово, когда она умерла. И чертовски больно оставаться в этом доме. Кстати, подруга

твоя в ее комнате. Больше постелить негде. И тебе было больно, потому что ты был на войне. А знаешь, кто ее живое напоминание? Ты. Вот такие дела. Ты похож на нее, а не твоя подруга. И не этот сын. Внешность — это пустое.

— Так ты заметил, как они похожи?

— Возможно. На первый взгляд. Что-то в ней есть, особенно голос, когда она нам открыла, и эта ее насмешливость. Честно говоря, я был чертовски на тебя зол. А потом вдруг попался этот рассказ.

— Какой рассказ?

— Значит, не читал? Я нашел его в одном журнале, неважно, раньше его любила моя сестра, когда приходила убирать дом, еще до свадьбы. Не знаю, почему-то я сохранил его. Зачем, не знаю.

— Я читал.

— И ничего не понял? Ладно, нет, так нет, оставим.

— Я не верю книгам. Все вранье.

— Я тоже. Странная вещь — семья. Ничего общего с книгами, — сказал Джеймс.

— А она знала кого-то по имени Артур Мидлвич?

— Как?

— Мидлвич.

— Впервые слышу. Ты дольше ее знал.

— Забудь об этом. Ерунда.

— Знаешь, до рождения Ридли, она вбила себе в голову, что у нас будет девочка. — Чарли вздрогнул: ему Роза говорила, что у них будет мальчик. — У нее начались эти бзики, такое часто бывает у беременных, так вот, у нее был бзик на оливках, понимаешь, ей все время хотелось оливок. И Оливию.

"Чертов лгун!" — подумал Чарли, даром, что Роза ушла и, кажется, уже ничего для него не значит.

— И она, — продолжал мистер Филипс, — взяла с меня слово, что если во время родов случится несчастье, то я ни за что не отдам ребенка Грантам.

— Так она, похоже, знала про них? — сказал Чарли. И что это за чушь про дочь, когда она уже была полна их сыном?

— И я обещал, — сказал Филипс. — Как любой бы на моем месте. И мне это ничего не стоило. В конце концов, дети — это смысл жизни. Единственное, ради чего стоит жить. Так мне кажется. Видимо, что-то было не так, в Редхэме, между стариками, понимаешь? Это же очевидно. Несчастливый дом.

— Это точно, — согласился Чарли, не успевая за его мыслями.

— Но к чему я? Женись, Чарли, и заведи семью.

— Женись сам и заведи еще одну семью.

— Я? И наступить на те же грабли? Шутка, конечно. Просто я связан по рукам и ногам, у меня Ридли. В самом деле, старина, подумай.

— Никогда, — Чарли держал оборону.

— А как же барышня, что спит наверху? Что у тебя с ней?

— Я же сказал, она моя лаборантка.

— И что? Не ты первый, не ты последний, если уж на то пошло. Ладно, положим, так оно и есть. Но, чтобы ты ничего не подумал — мне пришлось положить ее у Розы, рядом со своей спальней. Без задних мыслей, конечно, — солгал он.

— Не стоит. Поверь, между нами ничего нет, и не может быть никогда, — солгал Чарли. Правда, в данном случае наполовину, поскольку к нему вернулись сомнения, и ему показалось, что он опять любит Розу.

— Женись. Такой, как ты, непременно должен жениться, — заключил Филипс.

— Почему?

— Потому что ты одинок, старина.

— А ты не одинок?

— У меня Ридли.

— Верно, — сказал Чарли, думая: "Ты, старый пень! Если бы ты только знал".

— Женись и все. Пока не поздно. Потому что ты болезный, Чарли. Тряпка, старая мокрая тряпка.

Чарли молчал. К нему вернулось то знакомое, давнишнее чувство, что все вокруг желают причинить ему боль — весь мир, сама эта жизнь; и везде, куда ни глянь, угроза.

— Не обижайся, старина, но ты вернулся совсем другим.

— А ты бы вернулся не другим?

— Очень может быть, — признал мистер Филипс. — Но мир не изменишь. В конце концов, мы живы. И потому обязаны брать от жизни все. Знаю, ты мне не веришь, но, черт возьми, Чарли, ты же совсем не умеешь приспосабливаться к людям.

Чарли молчал.

— В наше время никто не имеет права жить для себя, — говорил сытый толстяк. — Это эгоистично, в самом деле. Эгоистично не заводить семью, не быть опорой.

— Я не готов, — он болезненно усмехнулся. Он был раздавлен и жалок.

— Да бог с ним, дружище, как скажешь. Не пора ли нам прикорнуть?

Чарли не сдвинулся с места.

— Там, в лагере для военнопленных...

— Что там? Дерьмо, дело ясное.

– Нет, лучше не стоит...

– Вот и ладушки. Довольно ворошить прошлое. Ты только посмотри на часы. Давай-ка на боковую.

"Хренов белобилетник", – подумал Чарли.

Засыпая, он видел перед собой Розу, а потом ему приснилось, что он снова в германском плену.

В то – еще первое – утро к Дот явился Джеймс. Он принес чашку чая и вежливо поинтересовался, хорошо ли она выспалась. На другое утро, после того, как она побывала с Джеймсом, к ней явился Чарли. Он тоже принес чашку чаю и – ну вылитый лунатик! – присел к ней на край постели.

– Вот, Дот, – сказал он, пряча от нее глаза.

Она брезгливо сжалась в комок и отползла в дальний угол кровати. "Что с него взять? – думала она. – Убогий. И что на меня вчера нашло?".

И он исчез так же незаметно, как и появился.

Позавтракав – в первое по приезде утро – вареными яйцами, кстати, в городе их было не достать, Чарли остался на кухне убрать посуду. И неожиданно столкнулся с той самой драгоценной миссис Габбинс, которую когда-то обожала Роза. Джеймс ушел по каким-то важным делам, предоставив их друг другу и взяв с Чарли обещание рассказать потом, как прошла встреча.

– "Не верю своим глазам, неужели я снова вижу вас?" – рассказывал Чарли, в то время как на самом деле было "Не верю своим глазам, неужели я снова вижу вас *здесь*?".

– Ну, теперь ты точно знаешь, за что воевал! – воскликнул мистер Филипс. – Каков прием, а? – и пояснил Дот, что женщина эта была настоящим сокровищем для его жены, и как ему повезло, что она осталась с ними.

– Все ради Ридли, – продолжал он. – Ребенку нужен женский глаз. С ней он как за каменной стеной. Такова женская природа. Мне спокойно, когда она приходит каждый день.

– У вас очаровательный малыш, – сказала Дот. – Уверена, вы того стоите.

– А я боялся, вы будете укорять меня. Ведь я воспитываю его, как умею, полагаясь только на самого себя. Но рядом с этой женщиной мне ничего не страшно.

– Уверена, это не будет продолжаться вечно.

– Что? – переспросил он, перекрикивая шум грузовиков.

Она покраснела. Но не сдалась. И повторила:

– Это же не будет продолжаться вечно. Вы не согласны?

– Откуда вы знаете?

– Я просто сказала.

– Нет уж, извольте объяснить, что вы имели в виду.

— Такой человек, как вы, обязательно должен жениться, и этот прекрасный день не за горами, — смутившись, сказала она.

— Замечательно сказано. И, поверьте, если это произойдет, то только ради ребенка.

— Не упусти свою птицу счастья, Дот, — возник мистер Саммерс.

Казалось, они совсем о нем забыли. Он чувствовал какой-то удивительный подъем в это первое утро.

— Все лучше, чем сидеть на работе, — добавил он.

Она нисколько не смутилась. Напротив, она прекрасно умела ставить его на место. И потом то, что должно было случиться, еще не случилось.

— Поосторожней, — задорно сказала она. — Здесь вам не литейный цех!

Стояло еще то первое прекрасное утро, и все также лил дождь. После завтрака Чарли уснул за газетой. Она предложила помочь по дому. Ей было в этом отказано. Накрыв к обеду, Джеймс вернулся в гостиную.

— Идите сюда, — позвал он Дот.

И снова — как и в первый раз — они встали у окна, глядя на неухоженный заросший сад. На самом деле, садом были две яблони, выгребная яма и бомбоубежище, на крыше которого лежали полусгнившие мешки с песком, заросшие сорной травой и желтым крестовиком. Но, окруженный сочной живой изгородью, он переливался каплями дождя, сверкал зеленым, черным, красным — скудным урожаем красных яблок, полуприкрытых, как грехи, намокшей глянцевой листвой, и черным, жирным росчерком ветвей да горькими густыми травами.

— Роза, — сказал он. — Так звали мою жену, упокой ее душу. Она покинула нас, умерла. Знаете, она все мечтала построить беседку. Там, где сейчас бомбоубежище. Война разрушила все планы. Но как только у меня появится минутка, я построю ее; непременно построю; вот только перебьем этих немцев. Что вы скажете? Конечно, здесь не так много места. Но я хочу такую, с треугольной крышей и колонной из кирпича. А внутри — две скамейки. Я поставлю их спинками друг к другу. Что вы думаете?

— По-моему, это мило.

— Что вы сказали? Кажется, мне стало небезразлично ваше мнение.

— Я сказала, это мило.

— Да, и еще я хочу, чтобы повсюду были розы. Вы пока не судите строго. Сейчас они совсем одичали. Все запущено. Но

придет время, и я приведу их в порядок. Да, она жаловалась, что у нас в саду хаос. А потом, когда ее не стало, мне было не до того.

— Розы, которые вы посадите повсюду, будут для нее самым достойным памятником.

— Она была лучшей женой на свете. Однако, нам пора. Пойдемте, посмотрим, как там наш друг. Вы знаете, он все время как будто в ином мире. Но это война.

— Бедные мальчики, как жаль их, это ужасно.

— Что? — переспросил он.

Она повторила.

— Ему очень повезло, что рядом есть такой человек, как вы.

— Ах, он такой милый, — сказала она, думая, что мистер Филипс такой милый, и совсем не подозревая о том, что было уже не за горами.

Ридли почти не было видно. Он появлялся лишь на кухне, каждый раз опаздывая к столу. И, жадно уплетая за обе щеки, молчал в священной тишине, пока кормили. И тут же возвращался к Габбинсам, пропадая с их детьми по целым дням.

В тот — еще первый — день, во время чая, над ними, одна за другой, пролетели пять бомб. Первые три проплыли почти незаметно, тихо прожужжали над крышами. И пока Дот с Джеймсом решали, идти ли в бомбоубежище, в небе прострекотали, глухо прогудели еще две. Но как же все изменилось на второй день, когда в тот же самый час произошло то же самое. Дот пискнула, услышав слабое, далекое дребезжание в небе. Джеймс сорвался, схватил ее в объятья и бросился вон — в темноту своего сырого полуразбитого бомбоубежища. Они страстно целовались под землей. Чарли не сдвинулся с места. Он был погружен в думы. Ридли, как обычно, был где-то, сам по себе.

О чем же так глубоко задумался Чарли? Дело в том, что утром — этого, второго, дня — он вышел прогуляться в город и неожиданно столкнулся с Артуром Мидлвичем.

Тот шел себе по улице покупать папиросы.

— Боже правый, Саммерс! Глазам не верю! Ты-то здесь какими судьбами?

— Я у Джима Филипса.

— На выходные?

— А ты? — Чарли был в прекрасном настроении.

— Я-то? Ах, да, конечно. У старины Эрни Мэндрю, разумеется, — сказал он свысока. Однако сбавил шаг, видя, что Чарли не поспевает. — Жаль вы не познакомились тогда в Лондоне.

Знакомиться Саммерсу никто, насколько он помнил, не предлагал.

— Зря ты меня не послушал, а то пошел бы на коктейль. Роскошный дом. Только представь: весь кишит прислугой. И как это ему удается?

— В таком случае, отложим до лучших времен. Можно попить чайку и устроить душевные посиделки, — для Чарли это был злейший сарказм.

— Буду рад. Не скажу, что я большой поклонник чая, ну да бог с тобой, все равно до двух все закрыто.

Они зашли в кондитерскую.

— Отлично выглядишь, старина, ты явно поздоровел. Я, что греха таить, волновался за тебя не на шутку. Поэтому сделал тебе одно одолжение.

— Что?

— Взял на себя роль бойскаута и замолвил за тебя словечко перед Нэнс.

Странно, но при упоминании ее имени, Чарли сдавило грудь.

— Разве можно пройти мимо, видя, как два достойных человека не могут друг с другом договориться? — Мидлвич запнулся на слове "достойных" при мысли о Чарли.

— Угу, — Чарли жадно его слушал.

— Помяни мое слово, дружище. Тебя ждет удача. Ты подумай, а этот чай не так уж и плох с утречка! Видел вчера жужжащие бомбы? Не самый счастливый день для городка, жители совсем перепуганы. Дьявол возьми эти хлопушки.

— Что она говорила?

— Никаких обид, Чарли. Милые бранятся — только тешатся. Все в прошлом. А что, она тебе ничего не написала?

— Ах, да.

— Рад стараться, — сказал Мидлвич, оглядываясь в поисках хорошеньких незнакомок. — Ты здесь не один?

— Да нет.

— Один?

— Нет, мы у Джима Филипса.

— Кто мы?

— Девушка. Просто Дороти Питтер. И я.

— Темная ты лошадка, Саммерс. Значит, не один?

— Угу.

— Ну тогда о чем разговор! Сказал бы, что у тебя роман или помолвка, не знаю.

— У меня?

— Ну что ты, как я мог подумать?! Мы же с тобой не из тех, кто заводит гнездо. Пока, во всяком случае. Это моя главная проблема, понимаешь — все, только не семейный очаг. Ну, говори, как она?

— Говорить-то нечего.

— Так я тебе и поверил! Расскажи это своей бабушке. Мы с тобой прошли через огонь и воду, дружище, через величайшую войну в истории, так что не жмись и выкладывай, что там у тебя за секретное оружие?

Чарли засмеялся.

— Эх, Саммерс! Вода под лежачий камень не течет. Вот в чем дело. Ты вечно ждешь у моря погоды, прости Господи. Смотри, упустишь и поминай как звали! Да ты посмотри на часы! Пора бежать. Безумно рад тебя видеть, Чарли, — и выскочил из кафе за изумительно тонкой блондинкой.

Чарли остался один. Видимо, Мидлвич прав: с Дот время не вернешь. И еще. Он видел, как она съежилась, отшатнулась, когда он принес чай. Хотя, конечно, с женщинами никогда не знаешь. Никогда.

И ему ни разу не пришло на ум заглянуть на кладбище и навестить могилу Розы.

Он вернулся домой. В пять, как уже говорилось, была воздушная тревога. Над городком повисло жужжание бомб. Позже из укрытия вернулись Дот с Джеймсом. Чарли так ничего и не заметил. Все трое тихо устроились в гостиной, и Чарли завел долгую шарманку о карточках, что их мало, вечно не хватает, и он не может выбрать, что купить.

Возвращались они на следующее утро. Накануне Филипс с мисс Питтер как-то чересчур быстро заторопились, а Чарли не хотелось рано заканчивать вечер и покидать бар. В эту последнюю ночь ему было особенно одиноко и неуютно. Он долго не мог уснуть. Он лежал и думал на все лады, идти ли ему к Дот. И решил, будь что будет. В конце концов. Это ведь совершенно ни к чему не обязывает. Ежели не сложится, можно просто сделать вид, что зашел проведать и пожелать ей спокойной ночи. И тогда не будет ничего. А ежели сложится — на то ее воля. Как, впрочем, и его. И взятки гладки. Прошло полночи. Он думал так и эдак. И не знал, вылезать ли из-под одеяла или нет.

Наконец, решился. Дверь в ее спальню была открыта. Комната пуста. Через решетчатый узор старинного тюдоровского окна лился тусклый лунный свет. На постели дыбилась откинутой волной пена ее одежд. Подушки она унесла с собой. И тогда он услыхал звуки.

И понял, что в эту ночь всем было не до сна.

Разумеется, он сразу почувствовал себя обманутым. Но выспался на славу.

Чай мисс Питтер, однако, на утро не принес никто.

Позже они втиснулись в переполненный вагон и на обратном пути не сказали друг другу ни слова.

Глава 17

Дома его ждало письмо от графолога. Тот писал, что эти два послания категорически не имеют между собой ничего общего. И что записка мисс Витмор и письма Розы написаны двумя совершенно разными людьми. Почему-то теперь это казалось неважным. Его все больше терзало предательство Дот. Он сунул послание Нэнс в карман и отправился погулять. Пройдясь немного, он, к своему удивлению, обнаружил, что стоит перед малиновой дверью. И, не успев сообразить, что делает, постучал.

Она была в слезах. Весь ее облик его глубоко тронул.

— Черепаха, — всхлипнула она, пропуская его в дверь. — Моя кошка, понимаете? Связалась с дурной компанией.

— О, — сказал он, не сводя с нее глаз.

— Это обидно. Я знаю, мне давно надо было отвести ее к врачу, сделать эту операцию. Но я все тянула, а теперь уже поздно.

— А что случилось?

— Котята. У нас будут котята. Ее первенцы. Гулена ты моя, — из глаз ее выкатились две огромные слезы.

Он рассмеялся. Ему казалось, как будто он видит ее впервые в жизни.

— Вы правы, — грустно улыбнулась она, — Наверное, я кажусь глупой.

— Последний раз я выглядел не меньшим идиотом.

— Не знаю. Может быть, — она присела, держа на коленях кошку. — Ах, Черепаха, ну как же ты так, милая? А знаете, забудем прошлое, это, как говорит моя мама, дело житейское.

И он поймал себя на том, что больше не думает о ее матери как о миссис Грант. Впрочем, это еще следует доказать.

— Но ведь это просто? — сказал он.

— Что просто?

— Котята появляются просто.

— Все равно. Придется брать отпуск.

— А где ты работаешь?

— В ГПО, в ночную смену.

— Зато котятам не нужны карточки, — утешил он, чувствуя себя на удивление хорошо и свободно.

— Это точно. А вот вам, думаю, тяжко пришлось.

Ему легко было говорить о карточках. Почти как о работе. И он затянул свою старую песню о карточках: как мало у него вещей, как вечно всего не хватает, одни эти военные брюки, которые на нем, но ведь они совершенно не подходят для Лондона. Она слушала его с живым интересом и сочувстви-

ем. Хотя странно, когда он только вошел, даже не собиралась с ним разговаривать. Как выяснилось, за все это время он так и не получил положенных ему по демобилизации карточек.

— Говорят, надо обратиться в ЦПН. Ты не знаешь, что это такое? — сказал он.

— Центр поддержки населения. А кто вам посоветовал?

— Одни знакомые, у которых я был в гостях.

— В те выходные? А кто они?

— Честно говоря, один из них тут был.

— А, этот толстый. Да бог с ним. А еще?

— Одна девушка с работы.

— Вот! Так я и знала. Все вы, тихони, таковы. Нет, чтобы жить, как все нормальные люди, романтику вам подавай!

Он и ликовал, и стеснялся.

— Мне даже крошек со стола не досталось, — рассмеялся он.

— Да бросьте вы! После всего, что вы тут вытворяли?

— Честное слово. Джим увел ее прямо у меня из-под носа.

— Как это некрасиво!

— То-то и оно.

— Ладно. Но только не кормите меня баснями! Не люблю, когда врут, особенно в моем доме.

Он молчал.

— Спорю, вы просто сами проканителились?

Он засмеялся.

— Что ж, всякое бывает! — сказала она.

— И ни говори!

— Если вам нужны карточки, попросите моего папу, он отдаст свои.

— Какого лешего?

— А что тут странного? Мне казалось, вы с ним на одной ноге. Просто спросите. И вообще, он уже старый, зачем ему столько?

— Я бы не стал.

— И в этом весь вы! Я уже не первый раз замечаю. Что здесь такого? Просто попросите.

Он молчал.

— Он же не постеснялся просить вас?

— Конечно.

— О чем?

— Прийти сюда, — нехотя признался он.

— А еще?

И Чарли сдался.

— Вообще-то, сказать тебе про Мидлвича.

— Так я и знала! Трогательная забота! И что он ко мне привязался? Арт хороший. Честно, он только языком молоть умеет, а как до дела — в кусты. Да он и мухи не обидит.

Он промолчал.

— Мы, женщины, это чувствуем, — она свысока посмотрела на Чарли.

— Надеюсь я тебя не расстроил?

— Нет, что ты! Ты хороший.

Он удивлено на нее взглянул.

— Я сама во многом виновата. Но, согласись, ты выбрал весьма необычный способ знакомства. Помнишь, как в первый раз? Но я говорила, у меня есть ответственность. И не только перед собой. Но и перед своим двойником — той, которая умерла и оставила после себя ребенка. Но тогда мы оба как не с той ноги встали. И не хотели понять друг друга. Но сейчас, кажется, пришло время.

— Это правда.

— Хорошо, что ты пришел. Знаешь, а мне было очень плохо. Сначала у меня погиб муж. Потом приехала мама. И только я встала на рельсы, как появляются эти жуткие летающие бомбы. И маму эвакуируют. Теперь, я надеюсь, ты все поймешь.

— Тебе не позавидуешь.

Он, не таясь, разглядывал ее с головы до ног долгим внимательным взглядом, хотя раньше боялся даже поднять на нее глаза. Конечно, она видела. Только не знала, что обязана этим Дот, чья измена с Филипсом вывела его из спячки, открыла ему глаза, и теперь он смотрел на Нэнс так, будто видел впервые в жизни, впервые в жизни не найдя в ней отражения Розы. Он сравнивал ее с мисс Питтер. И оставил ту, которую давно любил, которая умерла.

Она была невелика ростом, но во всем облике ее было что-то крепкое и несуетливое, тогда как Дот была вертлявая и жеманная. Глаза ее были глубокие и темно синие. А у Дот — прозрачные и голубые. Он хотел вспомнить, какие были глаза у Розы. Но позабыл. Волосы ее были темные и блестящие. Ноги сильные. Грудь бесстрашная, не то, что у Дот. И даже кошку она гладила как-то хорошо. По-своему.

"Редкая девушка", — думал он.

— Но что я все о себе? Рассказывайте, что у вас с карточками? Раз вы не получили то, что вам полагается по праву, то давайте обратимся в Совет ветеранов.

— Мой СВВ? Я и не подумал.

— Вас просто все используют.

— Как это?

Ему было приятно такое внимание.

— Например, мой отец.

— Но он же не работает в СВВ.

— Нет конечно. Что у тебя в голове творится? Смотри, это он прислал тебя, правильно? Поверь, о тебе он думал в последнюю очередь. Он просто хотел проследить за мной. Потому что я одна. Вот и все. А потом он переполошился из-за Артура Мидлвича. И позвал тебя. Это очевидно, как мой нос, — Чарли глупо уставился на ее нос, она его смешно наморщила. — Ты бы лучше о себе подумал. Кто еще о тебе позаботится, как не ты сам? Так что, иди и звони.

— Куда?

— В Совет ветеранов, разумеется. И бейся за свои права. Скажи, что ты, между прочим, не для того принес такую жертву, чтобы тобой пренебрегали. Пусть они почувствуют свою вину.

Чарли рассмеялся, восхищаясь ее находчивостью и красотой.

— И как вы, бедняги, тянете эту лямку, не представляю. Спорю, она из тебя веревки вьет.

— Кто? — он улыбался во весь рот.

— Ну и пожалуйста, смейся, если хочешь, но я серьезно. Как зовут эту девушку?

— Питтер.

— Ах, Питтер! Потому что это не смешно. Она дурно обошлась с тобой, гадко. Вот так-то.

— Ну, не то чтобы... мы даже не...

— Да знаю, — рассмеялась она. — Она облапошила тебя.

— Ладно, как скажешь, — радостно заулыбался он.

— И ты, конечно, проглотил эту пилюлю?

— Не знаю...

— А я бы, на твоем месте, знала! — И строго на него посмотрела.

— Можно тебя спросить? — Он хотел говорить только о ней.

— Спроси.

— Почему ты вернула свою девичью фамилию?

— Потому что, когда убили Фила, я умерла вместе с ним.

— Понятно.

— Как-то не заметно.

— У меня было так с Розой Грант, — без боли, как о вынутом ребре, сказал он.

— Верю. А ты давно не был в Редхэме?

— Давно.

— Интересно, как там папа?

– Что?

– Давно от него ничего не слышно.

– Ты мне не веришь? Меня никто не просил к тебе идти, я сам.

– Знаю. Нет, просто уже две недели от него ни строчки, ни...

– Послушай, если ты нуждаешься... – сказал он, как последний идиот.

Она сразу преобразилась, стала прежней, как во время первой встречи.

– Что ты себе позволяешь? Не смей больше никогда, слышишь?

Он поступил на удивление разумно: попрощался и быстро вышел, избавив себя от лишних волнений. И оставил ее наедине со своей совестью. Зато теперь она будет много о нем думать.

Глава 18

Сразу после августовских выходных в конторе грянул второй, еще более сильный, гром.

Утром Чарли вызвали к директору.

– Так не пойдет, Саммерс, совсем не пойдет, – выговаривал ему Коркер. – Я, конечно, еще не сказал последнего слова по поводу твоей картотеки. Но ради всего святого, пойми ты, наконец. Нет никакой другой системы. Ни видимой, ни невидимой. Есть одно – старая и надежная схема, с которой мы работаем испокон веков. Ясно?

– Да, сэр.

– Поэтому, повторяю последний раз, и ради твоего же блага: нельзя взять и просто начать дублировать одну систему другой. А потом сидеть сложа руки и смотреть с довольной физиономией на то, что у тебя получилось. Ты же поменял старую схему на новую, и потом ни разу не сверил их друг с другом! Хотя бы ради интереса. Так что, все, хватит изобретать велосипед. Итак, все наши заказы поступают из конструкторского отдела. Верно?

– Да, сэр.

– Все поставляемое оборудование сопровождается спецификацией. Верно?

– Да, сэр.

– Мы проверяем по этим спецификациям количество поставляемого оборудования. И каждый раз сравниваем их с копиями заказов, которые всегда храним у себя как зеницу

ока. Вот и все. Старая добрая схема. И она работает! Если мистер Пайк, или мистер Бенфилд, или даже я желаем проверить информацию, мы просто достаем копию заказа и смотрим, что и когда получили. Верно?

Чарли молчал.

— Теперь о твоей картотеке, которую я, против всякого здравого смысла, позволил тебе завести, — сказа мистер Мид. Лицо его побагровело, на шее выступили жилы. — Ты своей новой схемой стал дублировать схему конструкторского бюро. И получил, таким образом, некий двойной стандарт — свой и мистера Пайка. Но ты же полагался только на себя и на свою благословенную картотеку! И она подвела тебя, мой мальчик! Спросишь, почему? Да потому, что ты невнимателен, сынок. Твоя система не адекватна.

Чарли молчал.

— И каков результат? Оборудование приходит Бог знает как! Я все проверил, Саммерс. Возьмем пятую установку. Мы получили топки. Ладно. Их сполна хватит аж на три линии вперед. И ни одного поддона! А они нам нужны позарез! Так в чем же дело? А я тебе скажу. Это просто как дважды два. Дело в том, что в этих твоих карточках указана поставка пяти новых комплектов. Но их нет! Однако на нашей копии заказа все указано правильно — ровно столько поддонов, сколько мы получили. Система твоя приказала долго жить! Прости, но ты просто окосел с этой своей картотекой. А мы, по твоей милости, получаем все новые счета за лишние топки. Которые нам сейчас совсем не нужны. И не будут нужны еще полгода. Ты подумай только, во сколько нам обходится лишнее оборудование.

— Да, сэр.

— Не говоря уже о расходах по хранению. И последнее, Саммерс. Это доверие. Тебе поручили следить, чтобы оборудование приходило строго по спецификации и в положенные сроки.

Оба надолго замолчали.

— Что там у тебя за девушка работает? Как она? — спросил мистер Мид.

Чарли вспомнил голубоватый лунный свет. Пустую постель.

— Трудно сказать, — после долгой паузы ответил он.

— Она ответственная?

Чарли не отвечал.

— Видимо, нет? — ответил за него мистер Мид. — Поверь, я не собираюсь рубить сплеча и делать из тебя козла отпущения. Но в наше время рассчитывать можно только на самого

себя, сынок. Когда ты только предложил свою систему индексации, мистер Пайк сказал, что это разумно, потому что ты не сможешь целыми днями бегать к нему в кабинет проверять журнал заказов. Поэтому мы согласились.

Чарли немного перевел дух.

– Именно так, сэр.

– Но провалиться мне сквозь землю! Это тебя не оправдывает! Два неверных слагаемых дают неверный результат. Согласен? Нужны меры. Будешь лично сидеть ночи напролет, пока не проверишь каждую букву в каждой своей драгоценной карточке и не убедишься, что не осталось ни одной ошибки. Только так. Или всем нам грозит долговая яма.

– Я и сам хотел это сделать, мистер Мид, я начну сейчас же.

– Знаю, знаю, сынок. Но что эта твоя помощница? Как она?

Чарли не хотел выдавать Дот и молчал.

– Между вами ничего нет?

– Что вы имеете в виду, сэр? – Чарли отлично понимал, что тот имеет в виду.

– Не пойми меня превратно, – сказал Коркер. – Но давно, еще во времена германской, я работал в Министерстве. У нас был похожий случай. Личный помощник начальника контрольного отдела и его машинистка. Рыжеволосая ирландка. Все кончилось тем, что деталей, которые закупал наш отдел, было к началу 1919 года больше, чем надо, на один миллион. Две недели все стояли на ушах. Нами занялось Министерство финансов. Эти двое, вместо того чтобы смотреть на горы бумаг, которые росли прямо у них под носом, смотрели друг на друга.

– Но я не... – начал Чарли, боясь, не дошел ли до Коркера слух об их августовских каникулах. Потому что этот человек никогда не поверит в то, что Филипс перебежал ему дорогу.

– Не волнуйся, мой мальчик, – сказал мистер Мид. – Нелегко быть молодым в наше время, и вам через такое пришлось пройти, чему уж тут удивляться – лагеря для военнопленных, война.

– Она не привыкла к такой работе, – Чарли быстро сменил тему.

– Но ей тут нравится?

Чарли вспомнил, как она отвергла его.

– Нет.

– Тут паленым пахнет, Саммерс, – заявил мистер Мид. – Мы выполняем важное государственное поручение. Если она не соберется и не начнет как следует работать, то окажет

своей стране медвежью услугу. И мне придется сообщить о ней в Призывную комиссию. Неприятно, конечно, но придется, что делать.

— Дайте ей еще один шанс, сэр.

Мистер Мид пропустил эти слова мимо ушей.

— То есть ты не можешь на сто процентов ручаться, что она корректно ведет картотеку? Полагаю, она девушка с гонором, не принимает тебя всерьез, верно? Но это неправильно, так не должно быть, нет, нет и нет!

Чарли не знал, что сказать.

— Ты думаешь, что женщина есть женщина, берешь ее на работу, к такому парню, которому всего-то надо только руку протянуть. — Чарли поморщился словно от оскомины, — Ты уверен, что любая нормальная девушка будет из кожи лезть, лишь бы оправдать доверие. Знаешь, что я думаю? Что ей не помешает пойти и примерить на себя форму. Пусть поскребет полы, где-нибудь в АДС. Пришли ее ко мне, — сказал Коркер.

— Можно дать ей хотя бы одну попытку, сэр?

— А можно, в этом кабинете решать буду я, Саммерс? Будь любезен, делай, как тебе говорят. Пришли ее ко мне. Сейчас же. Я разберусь. Благодарю тебя.

Чарли не посмел возразить.

Через полчаса мисс Питтер вернулась. Глаза ее горели сухим блеском. Лицо было неестественно белым. Она застыла в дверях, глядя на него, как сквозь лунный свет.

— Я уволена, — сказала она.

Он встал, бледный, как полотно, вышел из-за своего кухонного стола.

— Почему?

— Потому что с меня довольно, вот почему! — заявила она. — Я так и сказала. "Прекрасно, мистер Мид, можете меня уволить! Я с радостью пойду в Призывную комиссию, — сказала я. — Все лучше, чем сидеть в этой унылой дыре", — сказала я.

Он молчал.

— И ни одна душа не заступилась.

Он молчал. Глаза его были пусты, как та постель.

— Знаете, как вас тут называют? "Расстреляй меня!", — он знал, что это была чистой воды выдумка.

— Расстрелять меня? — переспросил он.

— Потому что вид у вас, как у несчастного мученика. Вы же просто помешались на войне и этой своей Розе!

— Роза? Ах, эта... Так это же вымысел, — сказал он и отрекся от своей любви в третий и последний раз.

— Охотно верю. Слава Богу, больше мы с вами не увидимся, — и хлопнула дверью, ушла.

Он вернулся за стол. Все это было каким-то дурным сном. Вдруг она воротилась. По щекам ее ручьями лились слезы, лицо ее было похоже на залитое дождем окно.

— Простите. Забудьте, что я сказала про войну. Я не хотела, — и ушла навсегда.

Ну, вот и все, думал он, оживая. И вернулся к работе, с ужасом представляя, как ему придется одному переворошить всю картотеку.

И все-таки душа его была не на месте.

Глава 19

Итак, Чарли с головой ушел в работу. Он дни и ночи, все выходные напролет, сидел над своей картотекой и совершенно забыл о жизни, которая шла за стенами конторы. Но вот однажды, в тот самый день, когда он почти разобрался со всеми поставками, в кабинете раздался телефонный звонок.

— Это Нэнс.

— Как? Трантс? По поводу вентилей?

— Нет, это Нэнс. Вам неудобно говорить?

— Ах, простите. Слушаю вас.

— Понимаю, вы очень заняты, но произошло одно очень тревожное событие. Плохие новости из Редхэма.

— Редхэма?

— Чувствую, вы нас совсем забыли. Речь идет о моем отце. Мистере Гранте. Арт — вы же, наверняка, помните Артура Мидлвича — откуда-то узнал, что мой отец в тяжелом состоянии.

— Сочувствую.

— Значит, вы ничего не знали? Понимаете, я не могу поехать одна, у нас не те отношения с Грантами. И подумала, что если бы вы выкроили минутку и заглянули к ним? Просто, чтобы я успокоилась.

— Конечно. А что случилось?

— Ничего не знаю. Слышала только, что дела у них совсем из ряда вон. Я была бы очень признательна вам, Чарли. Уверена, они будут рады.

— Хорошо, я помогу, с удовольствием. Как вы поживаете?

— Вы меня совсем забыли.

— Я не забыл. Слушайте. Я позвоню им, навещу и потом сразу обо всем отчитаюсь.

— Вы очень добры, — упавшим голосом сказала она. — Заходите тогда уж на чашку чая, — и положила трубку.

Он минуту гадал, что бы это значило, и, не найдя в ее словах подвоха, успокоился.

И в ближайшее воскресенье отправился в Редхэм.

За дверью откликнулась миссис Грант.

— Ах, Чарли! — сказала она, целуя его в щеку. Внешне она была все та же. — Посиди пока в саду. Прости, я не подмела, всюду опавшие листья. Отец у нас слег и некому присмотреть за садом.

Чарли был ошеломлен. Он молчал. И вдруг миссис Грант расплакалась, тихо, беззвучно.

— Так ты вернулся! Живой! — сквозь слезы. — Как же ты напоминаешь мне Розу, мою девочку.

У Чарли защипало в глазах, он не знал, но, кажется, больше из жалости к самому себе. Поскольку вот только сейчас, после возвращения, его как родного встретили, как дома.

— Роза, девочка моя родная, — повторила она. — Ты уж не обессудь, Чарли. Просто смотрю, а перед глазами — она.

Он больше ничего не понимал. Он был смущен, не знал, вспоминать ли предыдущие встречи, и решил не бередить, нашел, как всегда, убежище в молчании. И долго держал, не отпускал ее руки, и так они стояли, как двое влюбленных.

— Думала, мне уже никогда не одолеть, как будто сама погибла, ушла вместе с ней. Ах, господи, но ты, тебе было так больно, мальчик мой. Я ведь ничего вокруг себя не видела, эта боль, она отрезала меня от мира. Я даже не была на похоронах. Когда ее не стало, я слегла, надолго. Ну вот. А теперь и наш отец. Знаешь, а ведь он совсем плох. Ах ты, боже мой, боже мой. Я расскажу, все расскажу тебе. Дай только минутку. Но я даже не спросила. Как ты? Ах, что же это такое! Чарли, дорогой, скажи, как ты? Ну, вот ты и вернулся, а, Чарли-Барли?

Это было выше человеческих сил. Старая его кличка. Он несколько раз пытался сказать, но в горле у него стоял комок.

Она сжала ему руки.

— Плохо тебе было, сыночек? — как когда-то его мать, которой не стало давным-давно, да, все эти годы, прошло столько лет, и он не вспоминал ее, больше никогда, с тех пор, как врач наложил на срез швы. И это было хуже, намного хуже. Он отвернулся, чтобы не смотреть, пришлось тогда отвернуться, сжать зубы, не дать себе воли. И она, вероятно, поняла. Поскольку сказала:

— Ладно, не смотри на меня. Но, Чарли, как это милосердно! Взять и навестить нас, стариков. Отец, господи, как это печально, болезнь его очень серьезна. У него был удар. Вся правая сторона парализована. Мне так страшно. Он в созна-

нии, но от этого только хуже, потому что он не говорит и больше никогда не будет говорить.

– Это плохо, – сказал Чарли. Он понемногу приходил в себя.

– Боюсь, это необратимо, – и тихо-тихо заплакала. – Порой, я благодарю судьбу за то, что Роза не видит его таким.

– Да. Она не любила болезни.

– Ах, но это же другое. Она сидела бы с ним ночи напролет, ручаюсь, с другого конца света примчалась бы. Но ты прав, она ненавидела болезни, помнишь? Но только не ты, ты это другой случай. Помнишь, как перед ее свадьбой ты заболел этой ужасной свинкой? Господи, нам даже пришлось вызывать врачей, чтобы ее успокоить.

– Не знал. – Чарли слушал свое сердце. Оно молчало, почти.

– Сколько раз я жалела, что она не вышла за тебя замуж.

– Так получилось.

Он боялся выдать себя, открыть, что любовь его к Розе прошла.

Оба какое-то время молчали.

– Как поживали вы все это время? – Ему было страшно от того, что она не помнит последний его приезд.

– Неважно, совсем неважно, Чарли. Но отец слег. И все мои недомогания отошли в сторону, нет времени на собственные болячки. Чарли, а можно тебя попросить?

– Да. Я вас слушаю.

– Мне кое-что никак не дает покоя. Есть один человек, которому надо бы сообщить о Джеральде. Дело очень щепетильное. Самой мне неловко и несподручно. Они вроде его родственников. Им стоило бы приехать. И побыть рядом.

– Кто это?

Конечно, он прекрасно знал, кто это. И хотел услышать от ее матери. Ради Розы.

– Некая миссис Фил. Уайт. Только, смотри, отец не подозревает, что мне известно. Но все эти годы я поддерживала связь с матерью этой девушки. Знаешь ли, порой в семейной жизни случаются мелкие недоразумения, – сказала она, и Чарли глубоко вздохнул, с чувством выполненного долга. Значит, действительно, Розы больше нет, и Нэнс – настоящая.

– Она не Роза, – вырвалось у него.

– Так ты знаешь, – с нежностью, поняв его по-своему.

– С недавних пор, – осторожно, продолжая ее испытывать.

– Это ничего, – ей хотелось помочь ему преодолеть смущение. – Такое бывает. Вот, слушай. Вскоре после нашей

свадьбы я слегла, надолго. Он познакомился с миссис Витмор. Их свела одна общая знакомая — очень нехорошая женщина, но с ней, я надеюсь, ты никогда не столкнешься, некая миссис Фрейзер. И родилась эта девочка. Постой, но, кажется, я что-то понимаю. Тебе, наверняка, бросилось в глаза их сходство, правильно?

Он просто не знал, что сказать. И только покраснел.

— Ах, Чарли, — ласково сказала она.

Он стоял и, как болван, не знал, куда деться.

— Но нет, конечно. Это две совершенно разные девушки, — продолжала она. И он понял, что она прощает.

— Но, представляю, как это было страшно — вернуться и вдруг увидеть. Как же вы с ней познакомились? — спросила она.

— Мистер Грант, — выдавил он, как оправдание, словно за это ему простится.

— Жестоко. Но не нам судить. А ты знал, что бедняжка потеряла на войне мужа? Отец тогда все нервы себе истрепал, весь извелся. Нет, он, конечно, уверен, что я ничего не знаю! Но разве от женщины можно что-то утаить? После стольких лет совместной жизни? Конечно, я все эти годы молчала. Но он заболел, и доктора уверены, что это конец, и остается вопрос с этим небольшим пособием, знаешь, он ведь помогал ей все эти годы. Да и вообще, ей лучше бы приехать. Попрощаться.

И быстрее потекли слезы.

— Она ни за что не возьмет у меня деньги.

— А кто говорит? Нет, ее надо привезти сюда. Непременно. Только так. Пока не поздно... Что ж, решено. Значит, я могу на тебя рассчитывать. Я знала, что ты согласишься, спасибо, Чарли. А теперь пойдем в дом, ты же приехал навестить его. — И платочком она промокнула круглое свое лицо. — Только помни — он слышит абсолютно все, — и проводила его на второй этаж.

Мистер Грант был неподвижен, как бревно. Единственное, что оставалось в нем живым, были глаза. Чарли промямлил "Добрый вечер" и что-то несуразное, как он хорошо выглядит.

— Да что же ты говоришь? Ведь это совсем не так! — вмешалась миссис Грант. — И врачи говорят, он уже не восстановится, — громко сказала она. — Это Джон, то есть Чарли Саммерс, дорогой. Как мило, что он заехал к нам.

Мистер Грант даже не моргнул. В блестящих голубых глазах его была пустота. На заледеневшем лице застыло вечное изумление. Поздороваться и быстро сбежать, как надеялся

Чарли, не удалось. Миссис Грант вела себя со своим беспомощным мужем так, словно он совсем оглох. Бедный старик, он не мог подать ни малейшего знака. Чарли подумалось, что это похоже на суд, хотя все говорилось вроде бы невинными словами, и ему было больно на это смотреть. Но он понимал, что миссис Грант причитает лишь от избытка чувств к своему Джеральду. Наконец, его отпустили. Но когда он выходил из сада, к воротам подъехала машина с табличкой "Доктор" на ветровом стекле.

— Добрый день, молодой человек, — окликнул его пожилой господин, выходя из машины. Чарли замер и повернулся, принял вызов. — Полагаю, вы навещали больного, я правильно понял? Могу я попросить вас на пару слов? По поводу миссис Грант.

Чарли напряженно ждал.

— В наше время стало совершенно невозможно найти помощь. Но это выше ее сил. Ей приходится все делать самой.

— А он слышит? — спросил Чарли.

— При чем тут "он слышит?" Конечно, слышит. Надеюсь, вы там не болтали лишнего перед моим пациентом?

— Я нет.

— Вот и хорошо, — с подозрением. — Надеюсь, так оно и есть. Но скажу одно — так она долго не протянет, понимаете, нести на своих плечах весь этот груз. Вы, полагаю, ее родственник? Так имейте в виду — эта ноша для нее непосильна.

— Она не узнавала меня, пока он был здоров, — сказал Чарли.

— Что вполне естественно для ее состояния. У меня уже несколько таких случаев. Последствие бомбардировки. В определенном возрасте, и когда-нибудь вы сами убедитесь, природа включает защитный механизм, вот именно, природа — она милостива, опускает некую ширму, понимаете, ограждает от того, что лучше забыть. А скорее всего, просто отказывает нервная система, отвергает то, что в данный момент не может вместить. Но во время кризиса эта прекрасная спасательная шлюпка летит за борт. Она узнала вас, потому что у нее шок. Из-за состояния мистера Гранта, разумеется. Но мы обязаны найти ей подмогу, иначе все повторится опять.

Чарли не понял ни слова.

— Да, — сказал он и пошел прочь.

— Ну, вот и договорились. Значит, я на вас рассчитываю! — крикнул вдогонку врач. — Простите, а что у вас с правой ногой?

— Ее нет, это протез, — обернулся Чарли.

— Вот как? Впрочем, мне с самого начала показалось.

Глава 20

Он позвонил Нэнс, договорился о встрече и отправился к ней на чай. Его ждало щедрое угощение — жареная рыба и шоколадный пирог из суррогата, которым она где-то умудрилась разжиться.

— Не стоило так беспокоиться, — сказал он.

— Ешь на здоровье. Я же не могла отправить тебя в такую даль и не сказать спасибо.

По правде говоря, она не любила выходные из-за одиночества, и ей хорошо было с ним.

— Там все неважно, — он в подробностях рассказал ей о состоянии мистера Гранта. — И вот тебе раз: сначала она едва ли не затыкает мне рот, чтобы не дай бог я не сказал лишнего, а потом сама заявляет, что он никогда не поправится. Как тебе это? И я выставил себя полным болваном перед этим доктором.

— Несчастная. Это выше ее сил, понимаешь. И зря ты себя мучаешь. Скорее всего, он не расслышал, но это никому не дано знать. Плохо, что он так заболел, Чарли, как же так?

— То-то и оно.

— Думаю, мне следует навестить их, что скажешь? Я могла бы помочь им.

— Ему уже все равно. И, по-моему, он держал твое существование в тайне.

— И прислал тебя ко мне?

— Положим. Но с миссис Грант он держал язык за зубами.

— Так, доедай всю рыбу. Бери, не стесняйся. Я не хочу есть. Честно, у нас на работе замечательная столовая. Как тут понять, насколько он был откровенен с миссис Грант? Знаю только одно: от жены невозможно что-то утаить, поверь мне.

— Верю, — сказал он с полным ртом и не замечая в ее глазах слезы. — У тебя был опыт.

— Как бы там ни было, но, если он не поправится, это так и останется тайной.

— Тухлое это дело, лучше не вмешиваться, не тревожь его, не надо ему в таком состоянии.

— Не понимаю.

— Ехать тебе не стоит, вот и все.

— Да, но как я могу оставить ее одну? С больным отцом на руках? И что делать с Черепахой?

— С кошкой?

— С любимой кошкой.

— Но ты же не век вековать там будешь?

— Нет, но, если делать, то хорошо, или вообще не начинать. Я могла бы ездить туда каждый день. Ах, у тебя чашка

совсем пустая! Что же ты молчишь? Сам не попросишь, никто о тебе не позаботится. Сидит тут с пустой чашкой в самом деле.

— Ты уже заботишься обо мне.

— И как ты живешь в той квартире? Тебя хотя бы кормят? Знаю я этих старушенций.

— О, миссис Фрейзер совсем не такая. Кстати. Миссис Грант сказала, что миссис Фрейзер была знакома с твоей матерью.

— Впервые слышу. Значит, решено. Я еду в Редхэм. И посмотрю, чем могу помочь бедной женщине.

— А работа?

— Чья? Моя? Я же говорила, я в ночь. А днем свободна.

Он чувствовал себя необычайно легко. С ней он обретал свободу.

— Ты не такая, как некоторые, — сказал он.

— О чем ты? Конечно, нет. Не все же по ночам работают.

— Я не об этом. Ты отчаянная, сразу рвешься в бой. У меня на работе была девушка, которая даже не могла письмо переписать по-человечески.

— Я помню.

— Да? Виноват. Нет, в самом деле?

— А с кем ты уезжал на выходные, забыл? — рассмеялась она.

— Правильно говоришь!

— Нет, это ты говоришь!

— Но по поводу Редхэма. Как там повернется, когда он тебя увидит, ты не боишься?

— Просто ты мужчина и думаешь только о нем. А мы, женщины, понимаем друг друга. Ты ведь не хочешь, чтобы они остались одни? Понимаешь, у меня перед ними ответственность.

— Вообще-то, она знает, что ты есть.

— Ладно. Давай лучше о стариках. Так вот, я потеряю к себе всякое уважение, если не поеду. Работа — это чепуха, я справлюсь. Могу навещать их хоть каждый день.

— Это благородно, — сдался он наконец. — Они только спасибо скажут. Смотрю, ты пользуешься моей чашкой.

— А что прикажешь? Из двух одна разбита. Они теперь такие дорогие, ужас.

— Даже не представляю, что ты обо мне подумала.

— В самом деле! — рассмеялась она.

— И все-таки? — робко спросил он.

— Будешь много знать — скоро состаришься! Я старалась все забыть. И позабыла.

— Все хорошо, что хорошо кончается.

— Угу. И кто старое помянет, тому глаз вон!

— Она хочет сохранить тебе пособие, — осторожно сказал Чарли.

— У нее щедрое сердце. А ты, смотрю, много обо мне знаешь!

— Простите великодушно. Разумеется, это не моего ума дело.

— Нет, что ты. Забавно это как-то, после такого начала... и тут ты, оказывается, знаешь всю мою жизнь, удивительно.

— Случай. Считай, что мне повезло.

— Выпей еще чаю. Кстати, ты не спросил у них про лишние карточки, помнишь, я говорила?

— Как я мог?!

— Вот что. Я сама попрошу, когда там буду. Мне это проще. К слову, ты не знаешь, как Арт? — спросила она.

— Арт?

— Да, Артур Мидлвич.

— Нет, а при чем тут он?

— Он как-то изменился. Совсем не узнать человека.

— Я ничего не слышал. А что?

— Не волнуйся, тебе не придется ни к кому ходить, это только с папой, — рассмеялась она. — Не бойся ты. Я только спросила, думала, может быть вы по работе видитесь.

— Я — нет. Мы в разных местах. Он в СЭГС, Артур. Значительное лицо.

— Мне пришла одна мысль...

— Да?

— Думаю, у него проблемы. Он стал совсем другим. Кажется, я догадываюсь, хотя даже не знаю, кем он работает. Не удивлюсь, если ты у Мидзов тоже большой человек.

— Я? Обыкновенный чиновник.

— А почему эта дама по телефону назвала тебя управляющим?

— А, это наша мисс Уиндл.

— Какая же у тебя работа?

— Она правильно сказала.

— Ну вот видишь. Надо научиться уважать себя. Например, Арт считал бы за честь работать в твоей компании, даже на более низкой должности.

— Да Бога ради, только не за одним столом, и в разных комнатах.

— Ты не справедлив к этому парню, и к себе.

Они поговорили еще. И не желая злоупотреблять ее гостеприимством, он через некоторое время ушел. Оставшись од-

на, она думала о том, что он ни словом не обмолвился о следующей встрече. Разумеется, самой предлагать ей не пристало.

Глава 21

В течение последующих трех недель он трижды наведывался к мисс Витмор, трижды стучал в дверь чудны́м молотком-дельфином. И ни разу не застал ее дома. Наконец, сообразил, что она, должно быть, каждый Божий день ездит в Редхэм. И в ближайшее воскресение отправился туда сам.

Он поднялся на крыльцо и постучал. Она отозвалась так, словно была в этом доме хозяйкой.

— Привет, дорогой, — сказала она. — Заходи. Папа все тот же. Здесь Арт, — шепотом добавила она.

— О? — сказал он.

— У него плохие новости. Потерял работу, — все еще шепотом. — Его уволили. Бедный Арт, как жалко его. Он приехал просить отца замолвить за него словечко. Он не знал, понимаешь? Сейчас с ним мать.

— Она вернулась из Хаддерсфильда?

— Нет, конечно! Я о миссис Грант.

— А-а...

— Хорошо, что я здесь. Она так устала, у нее все из рук валится. А он хороший такой лежит, тихий, ни на что не жалуется.

— Он заговорил?

— Ну что ты. Все у него на лице. А я уж и не знала, когда увижу тебя, — она опять перешла на шепот.

— Я заходил к тебе, дважды, и — никого.

— Как это мило. Пойдем, ты, наверное, хочешь поговорить с отцом?

Она проводила его наверх.

Мистер Грант лежал все так же, как несколько недель назад, но на этот раз глаза его были закрыты — неподвижный, бессловесный, безнадежный, как и подобает в таких случаях. Чарли вошел и поздоровался. Мисс Витмор наклонилась и, как ребенку, заворковала ему на ухо. Чарли смотрел на его опущенные веки, гадая о том, что скрывается под ними. Нэнс кивнула. Он выдавил из себя пустую фразу и вышел.

— Ты вредный, — сказала она, оставив мистера Гранта. — Я дала тебе знак, а ты не поговорил.

— Я не мог, — сказал он, спускаясь вниз.

— Знаю. Поначалу это нелегко. Но потом привыкаешь и перестаешь замечать.

— Это надолго?

— Врачи говорят, это может произойти в любую минуту. Мать держится превосходно, просто превосходно.

Внизу они неожиданно столкнулись с Мидлвичем и миссис Грант. Маленькая прихожая с трудом вмещала четверых.

— О, привет, Чарли, старый мой приятель, — Мидлвич по привычке говорил громко, очень наигранно. — Вот уж где не ожидал тебя встретить, — и вел себя, как хозяин. — Поговорим как-нибудь о том, о сем?

— Ну, Чарли-Барли, — пожала ему руку миссис Грант. Она выглядела прекрасно и казалась довольной жизнью. — Как приятно, что ты не забываешь стариков и приехал навестить нас с мистером Грантом!

— Как он? — спросил Чарли.

— Разве ты не от него? Я слышала, ты поднимался. Ты заметил, как он изменился? Он стал намного лучше.

— Это хорошо.

— Врач говорит, ждать надо в любую минуту, — невозмутимо продолжала она.

Саммерс впервые поднял глаза на Артура Мидлвича. Но тот был далеко. Он был занят.

— Не говорите так, — сказал Чарли.

— Чарли, все мы должны быть к этому готовы. Главное, он не страдает. Я же знаю, — настаивала она.

В прихожей повисло неловкое молчание.

— Это хорошо, — сказал Чарли.

— Ну, мне пора, — заявил мистер Мидлвич, — звякну тебе на днях, — обращаясь к Чарли. — Благодарю за то, что уделили время и выслушали меня, миссис Грант. Я ничего не знал о... — и, не договорив, поспешно вышел.

— Не по душе мне этот джентльмен, — сказала миссис Грант.

— Артур безобидный, мама, — сказала Нэнс. — Просто у него настали не лучшие времена.

— Пойду проверю, как там мой старый Грант. Вам, молодым, наверняка есть о чем поговорить друг с другом, — многозначительно сказала она.

Чарли не знал, куда деть глаза. Оставшись, они прошли в гостиную и сели друг против друга. Он чувствовал ужасную неловкость и не знал, с чего начать. Нэнс заговорила первая.

— Я знаю, чего никогда не прощу этой войне, никогда, пока живу на этом свете — она отняла у меня Фила...

Чарли страдальчески молчал.

— Все мы, по большому счету, просим у жизни одного, — продолжала она, — просто дать нам умереть на руках у близких. Но эти страшные бомбы отнимают все.

— Значит, он погиб под бомбами?

— Ну что ты, нет, конечно. Его самолет был сбит над Египтом. Он был совсем один. Без меня. Вот, что самое жестокое в войне — это, когда с тобой никого нет рядом, и я... я даже не могла положить его бедную голову к себе на колени. Потому что у папы есть мы. И ты. Миссис Грант сказала, он любит тебя. А Фил ушел, я отпустила его, и он был совсем один. Совсем.

Они долго молчали.

— Не надо себя мучить, — сказал Чарли.

— Понимаешь, — очень тихо. — Он погиб за нас.

Она говорила это раньше, но по-другому, как будто теперь речь шла о даре.

— Он не взял меня с собой, оставил. И это самое тяжелое.

Они помолчали.

— Поэтому я взяла другое имя.

Наступила долгая тишина. Он никак не мог придумать, что сказать.

— Но все-таки ты молодец, что приехала, хотя в городе у тебя дела, — выдавил он.

— Ты знаешь, она хочет, чтобы я пожила с ними несколько недель. Удивительно, но местная электричка до сих пор ходит по расписанию. Она отдает мне свою комнату и сама перейдет к нему. Понимаешь, ей хочется каждую минуту быть с ним рядом. Я ее понимаю. Вот только не знаю, как быть с Черепахой.

— Черепахой? — растерялся он.

— Конечно, с Черепахой. Не бросать же мне ее в самую важную минуту жизни. Как ты думаешь, можно ей сюда переехать?

— Уверен, что миссис Грант не станет...

— Я не о том. Но думаешь, она не сбежит домой? Ведь до Лондона так далеко, и я совсем сойду с ума. Я и так очень рассеянная, не заметно?

— Нет, ну что ты...

— Правда, вот на днях, вчера или позавчера... — она рассказала, как что-то перепутала, помогая миссис Грант.

— Он узнает тебя? — Чарли постепенно обретал уверенность.

— Знаешь, кажется, он думает, что я Роза. Моя единокровная сестра, помнишь?

Вдруг кто-то позвонил в дверь, и она ушла, оставила его одного.

Чарли был в смятении. Он слышал, как Нэнс спросила “кто там?”, и вдруг с крыльца совершенно отчетливо донесся голос миссис Фрейзер. Представившись старинным другом

семьи, она сообщила, что была неподалеку и вот решила заглянуть и навестить мистера Гранта, если, конечно, позволяет его состояние.

— Я спрошу, — сказала Нэнс и крикнула миссис Грант. — К вам миссис Фрейзер, она хочет повидаться с папой!

Ответ прозвучал незамедлительно. Миссис Грант стояла на верхней ступеньке, и с того места, где он сидел, Чарли отлично видел ее лицо. Щеки, на которых обыкновенно лежал гладкий розовый румянец, вдруг вспыхнули и грозно побагровели. "Пусть только посмеет переступить порог этого дома! Ноги ее тут не будет! Не пущу!!!" — заголосила она. И кричала еще многое, но Чарли больше ничего не уловил.

— Это что-то невообразимое, — обиженно воскликнула миссис Фрейзер. — Что тут происходит, в этом доме? Безобразие! — но лишь только Нэнс закрыла перед ней дверь, та удалилась.

Мисс Витмор бросилась наверх приводить в чувства миссис Грант.

Рыдания ее становились тише и вскоре затихли совсем.

Саммерс остался в гостиной, думая, сколько же выпало на долю старика, но вскоре забыл о нем, совсем. И стал думать о карточках. Тут, словно подслушав его мысли, в комнату вошла Нэнс.

— Я ведь не забыла, — и вручила ему нераспечатанную пачку талонов.

— Не стоит, это лишнее, — начал он.

— Успокойся, — просто сказала она. — Вряд ли они ему еще понадобятся.

Глава 22

Когда он в следующую субботу приехал в Редхэм, ему, как и в первый раз, дверь отворила Нэнс.

— Он намного лучше. Сейчас спит, — сказала она, принимая у него шляпу. — Вот, смотри, кто у нас!

Чарли посмотрел вниз и увидал кошку с раздутым, как пузырь, животом. Держа, как всегда, хвост трубой, она стояла у его ног и смотрела на него страшными глазами.

— Встречайте, моя несравненная киса, умница и настоящее золотце, которая не бегает за гадкими котами и даже не пытается сбежать в Лондон. Правильно, дорогая?

В прихожую вошла миссис Грант.

— Ах, Чарли, какой ты молодец, что приехал! — и повернулась к кошке. — Ты знаешь, я всегда относилась к ним совер-

шенно спокойно, — умилялась она, — но эта красавица — что-то необыкновенное.

— У вас уже котята? — поинтересовался Чарли.

Обе женщины рассмеялись.

— Ну что ты! — воскликнула мисс Витмор. — Вы посмотрите на него, мама, ох уж эти мужчины! Разве не видно? Конечно, все видно, кулема ты моя, сокровище ты мое необъятное! Мы решили, у нас будут две пары близнецов, да, дорогая? — обратилась она к миссис Грант, хотя ничего подобного не было. — Два сереньких и два рыженьких. Замечательно!

И поняла, что натворила. Она виновато взглянула на Чарли, на старушку мать, но те и не собирались делать из мухи слона.

— Пойдем, Чарли, проходи, — сказала миссис Грант, — устраивайся поудобней.

— Я не хотел мешать...

— Ну что ты! Он отдыхает. И знаешь, у него теперь есть колокольчик, с хорошей стороны, он позвонит, если что. Он стал таким молодцом, правда, Нэнси?

— В половине случаев гоняет нас по чем зря по лестнице! — сказала мисс Витмор.

— Но он очень хороший, и такой терпеливый, — улыбнулась миссис Грант.

— Еще бы, да он у нас просто чудо! — сказала мисс Витмор.

Тихо тренькнул колокольчик. Мисс Витмор кинулась наверх.

— Она замечательная, Чарли. Век буду ей благодарна, — сказала миссис Грант. — Я и представить не могла, но, знаешь, она стала мне, как дочь, которой нет.

— Кто бы мог подумать, — сказал Саммерс.

— Да, я и не мечтала. Как будто это Роза.

— Допустим, есть что-то общее, — неуверенно пробормотал Чарли.

— Ни в коей мере! Ты помнишь совсем другое. А у матери — память сердца. Это дитя — настоящее сокровище, добрая душа. А ведь она успела и на своем веку повидать горе.

— Оно верно, — согласился Чарли. Он чувствовал себя счастливым и свободным.

— Она просила поговорить с тобой. Слушай, пока она не пришла.

— Слушаю, — воодушевился Чарли.

— Дело касается мистера Мидлвича.

У Чарли вытянулось лицо.

— Не скажу, что сама в восторге от этого человека, но все мы призваны помогать ближнему. И потом, я кажется, доста-

точно знаю Нэнси и с уверенностью могу сказать, что она разбирается в людях. Она настолько чуткая, что всякий раз предупреждает желания нашего старичка. Я свидетель.

Он сидел очень тихо, замерев в ожидании. Сердце его ликовало от этих слов.

— Но этот Мидлвич остался без работы. Вот, собственно, и все. С его слов, случилось какое-то недопонимание с коллегами, но ничего серьезного, я уверена. Ты не мог бы замолвить за него словечко на работе? Ты бы так его выручил. Понимаешь, его собираются отправить на север. А он говорит, что здесь у него девушка. Если его вышлют из Лондона, они окажутся разлучены, и это разобьет его сердце.

— Какая еще девушка? — Чарли забеспокоился.

— Дорогой мой, доверие, как говорил отец, свято! Ах, но, кажется, я что-то начинаю понимать и заявляю с полной ответственностью: он для нее — пустое место. Забудь об этом раз и навсегда. Он даже назвал имя. Она из южного Лондона. Ну, а теперь признавайся, Чарли-Барли, что ты надулся, как гусак?

— Я? Я ничего.

Чарли охватил ужас от того, что он выдал себя.

— Эх, молодо-зелено, — сказала она. — Так, по рукам, Чарли? Вот и славно.

Он не понимал, к чему она клонит, но не смел спросить. Она улыбнулась.

— Прости. Я же к тебе, как мать. Почему бы не обронить за него словечко? Я больше ни о чем не прошу. Я же читаю газеты и вижу — везде не хватает рук, и наверняка у вас тоже. Отец впервые помог ему, когда он еще мальчишкой приехал в Лондон. Полагаю, сын кого-нибудь из партнеров по бизнесу. Джеральд был бы очень тебе благодарен. И Нэнс просила поговорить с тобой ради отца, понимаешь?

— Не буду обещать. Посмотрю, чем могу помочь, — слукавил Чарли.

— Ну вот, отныне сердце мое спокойно, — заявила миссис Грант. — Спасибо, Чарли, надеюсь, я не очень замучила тебя.

— А как вы сами, мама?

— Почти, как в старые времена. И ты зовешь меня мамой. Боже, боже, все стало, как прежде. Как сейчас вижу вас в этой комнате, совсем еще дети, сидите рядышком, такие неприступные, словно бросаете нам с отцом вызов. Как же мы порой хохотали, Господи, прости меня грешную. Но Роза, все-таки она была очень своевольная, помнишь? Понятное дело, единственный ребенок в семье. И никто не смел ей перечить, правда?

Он больше не хотел слышать о Розе.

— Вы хорошо выглядите, — сменив тему, сказал он.

— Тебе тяжело говорить о ней, верно? Ты знаешь, я раньше тоже отгораживалась от всего, совсем потеряла рассудок. Доктора дали отцу один очень вредный совет. Он заставлял меня вспоминать, ни на минуту не оставлял в покое. Это было очень нелегко, поверь.

— Я приезжал, вы помните?

— Не уверена. И да и нет.

— А когда у кошки будут котята? — спросил он, гордый оттого, что так удачно сменил тему.

Она посмотрела куда-то мимо, скосила взгляд и вдруг закрыла лицо руками.

— Ты слишком много задаешь вопросов.

В комнату вошла Нэнс. Она мгновенно поняла, что происходит.

— Он всего лишь попросил поправить постель, — весело сказала она. — И захотел вздремнуть, пусть немного поспит. Мама, может быть вам тоже прилечь, ведь потом всю ночь с ним дежурить. Отдохните чуть-чуть.

— Да, дорогая, — и, опираясь на ее руку, покинула комнату.

— Сиди здесь, — бросила ему Нэнс. Ему послышалась в ее голосе угроза. — Нам надо поговорить.

Он сидел и чувствовал себя перед всеми виноватым.

— Признавайся, что ты ей такого наговорил? — вернувшись, ласково спросила она.

Она была спокойна и, казалось, нисколько не сердилась. И он понял, что она не просто создавала настрой в этом доме — она вдыхала в него жизнь.

— Я? Ничего, — сказал он.

— Наверняка, ты, как всегда, говорил о своей Розе. Так к ней, того и гляди, вернутся припадки. И еще — Роза по-прежнему способна подействовать на тебя. И ты это знаешь.

— Ничего подобного.

— Расскажи это своей бабушке.

— Так всегда говорит Артур Мидлвич.

— И что тут плохого?

— Ничего, а ты всего-навсего подыскиваешь ему работу, миссис Грант все мне про тебя рассказала.

— Давай, не будем ссориться. Дался тебе этот Арт! Ему попросту надо помочь. Я же не тебя виню в том, что вы вспоминали ее дочь. А виню то сердце, которое порой само причиняет себе боль. Мне это знакомо.

— Ты о своем муже? — сказал он, словно совершая какое-то страшное открытие.

Повисло молчание. Он старался не смотреть на нее.

— Ладно, — начала она. — Чем была для тебя Роза? Твоей частичкой? Вы вместе просыпались по утрам? Ты знал каждую ее мысль, даже в тысяче миль друг от друга? О, Фил! — она не могла продолжать дальше.

Он чувствовал себя настоящим преступником.

— Ну что с тобой? — тихо сказал он.

— Прости. Ты не виноват. Я сама начала. Слушай, давай выйдем подышать. Все в этом доме на грани.

— А тебе можно?

— А у меня по субботам выходной. Разве я не говорила?

— Ничего, что она одна? Она справится?

— Да. И хватит суетиться. Она бежит к нему, едва заслышав колокольчик, днем и ночью. Мне не так много остается, в самом деле. Все на ней.

— Ты уверена?

— Хорошо, не хочешь — не иди, можешь оставаться. Мне нужен глоток воздуха. Думала, еще минута, и я не выдержу.

— Ладно, раз ты говоришь, — сказал он.

Ему казалось бессердечным оставлять миссис Грант. Но пришлось признать, что он пока очень мало понимал.

— Не смотри на меня так, — сказала она. — Это нелегко понять, но поверь, все будет хорошо. И сейчас же прекрати думать. Ты выйдешь и через пять минут забудешь все на свете. Это так на тебя похоже, — и пошла обуваться.

— Куда пойдем? — спросила она, когда они вышли.

— Куда хочешь.

— Не знаю. Туда, где все гуляют. Какая-нибудь аллея любви, например. Есть тут такая?

— Не знаю, — засмеялся он.

— Нет, знаешь. Пойдем туда, где вы всегда ходили.

— Тогда уж ты должна покрасить волосы.

Это ей не понравилось.

— Нет, за кого ты меня принимаешь? Это мерзко, вот.

— Я не хотел...

— Нет, хотел, тебя никто за язык не тянул. Куда теперь? Налево или направо?

— Сюда.

Она взяла его под руку.

— Надеюсь, не на детскую площадку, где по вечерам сидят на парапете?

— Сейчас увидишь, — сказал он.

Он знал, что играет с огнем.

Но она засмеялась.

Дождь лил, как про́клятый, все лето. И, может быть, поэтому наступивший октябрь был самым теплым за последние годы.

Стоял закат, и небо полыхало красным. Вечерний воздух отдавал прохладой. Было безветренно и тихо. Они шли быстро и молчали. Через пять минут маленький пригород, в котором мистер Грант когда-то построил дом, остался позади. Аллея вывела их на главную улицу с большими домами и широкими палисадниками. Один или два дома лежали в руинах.

Была глубокая осень, и роз не осталось. Они давно осыпались, и лепестки превратились в гниль. Их замело, как следы прошедшего лета, кучами ржавой сухой листвы. В воздухе застыла тишь. Но листья все летели, ныряли с высоты и, доставая до земли, шелестели у них под ногами.

На дне воронок, там, где упали бомбы, листва оставалась зеленой, и деревья стояли по-зимнему голыми.

Хрипло завыла сирена.

— Пойдем, — он свернул на задворки разрушенного дома.

— Нет, сюда вы не могли заходить, — поскольку развалины были совсем недавними. — Или ты боишься? — спросила она.

— Их не боюсь.

— Почему?

Они обошли останки стен, уцелевший камин и лестницу из ниоткуда. Она была обсыпана толстым слоем штукатурки и опавших листьев. Вдруг эти камни, их лица — все вспыхнуло в гранатовых лучах заката и окрасилось в пышный пурпур.

— Почему? — повторила она.

— Не знаю, — он быстро вел ее за собой.

— Куда мы?

Он знал не больше, чем она.

Они свернули за угол. Уцелевшая пристройка с гаражом была от земли до крыши увита багрянцем. За ней шла живая изгородь. Сойдясь с вечерней тенью, она блистала в темноте густым лиловым. За приземистой кирпичной оградой был старый полупустой сад и заросли шиповника. Там были розы. Они давно зачахли и потемнели, но чудом уцелели во время налетов. Словно вовсе не было никакого взрыва. Их кущи ярко лучились по краям красным прозрачным абрисом на фоне низких, в пять футов высотой, темных кипарисов. Выпустив колючие одичавшие побеги, они перекинули свои тернистые плети с дерева на дерево, с одного на другое и оцепили их чернеющую хвою. Прошла пора, когда на этих стеблях светились розы, розы, ликующие, дикие розы, что, бывало, качнутся в летний дождь, окропят росой и ненароком коснутся лба или, быть может, наполнят влагой чьи-то карие глаза, что увидали в кипарисах покинутое, опустевшее гнездо, которое — поскольку пора летать всегда приходит до цветенья роз — давно оставили окрепшие птенцы; давно уже, как разлетелись.

Они оглянулись. За ними сияли озаренные закатным светом груды развалин, багровеющая лестница и труба. Они были совсем одни. Вокруг был большой старый сад. На черных кронах повисли, переплетаясь в бурые венки, оголенные ветки шиповника. Последний луч упал на тернии. Они вспыхнули и запылали, излучая, наподобие накаленной нити электрической лампочки, жгучий, слепящий свет, вторя прощальной агонии света, отчаянной вспышке быстро уходящего за ночной горизонт солнца.

Она невольно обняла его и поцеловала.

— Вот так, — прошептала она. — За то, что ты приехал.

Он обнял ее голову и прижал к себе ее целующие губы. Сад почернел, и сделалось прохладно. Его накрыло теплой колдовской волной, лицо запылало черно-красными отблесками гаснущего солнца, и было дыхание ее — как розовый атар, волосы ее — виссон червленый и блистающий, ведь он увидел в каждой ее пряди сиянье роз; она была, как ночь, близка, темна, когда вокруг него переплелись ее персты — аира бронзовеющие стебли.

Она беспощадно все разрушила.

— Это было так? — отняла свои сладкие губы. — Так?

Он не понимал, что она говорит о Розе.

Отойдя на полшага, но все еще в его объятьях, она скосила на него взгляд, и он увидел, как вспыхнул уголок ее глаза, когда его пронзил последний догорающий луч, и — отраженный ее зрачком — зажегся, словно глазок полыхающего горна, слепящим пучком света.

Он хотел притянуть ее поближе, но она высвободилась, и руки его упали, как плети, язык онемел и весь он, казалось, одеревенел, совсем, как мистер Грант.

— Прости меня, — с досадой сказала она.

Он молчал и не мог пошевелиться.

— Слишком холодно тут стоять. Пойдем же, пора возвращаться, — настаивала она.

Всю дорогу они шли в тишине. Стало совсем темно. Она взяла его под руку и прижалась к нему. Он молчал. И ничего не чувствовал.

Глава 23

Когда они вернулись домой, выяснилось, что Нэнс забыла ключи. Им пришлось звонить. Послышались мелкие шажки миссис Грант. И дверь распахнулась.

— Вот и вы, — с упреком, на лбу — растрепавшаяся прядь. — У него случились конвульсии, — и зарыдала: — Бедный, бедный мой, как же ему плохо! Но заходите же скорее.

Она даже не взглянула на Чарли.

Обе женщины поспешили наверх.

– Дождись меня. Не уходи, – бросила мисс Витмор.

Но мысли его были все еще там, где он целовал эту девушку. И только войдя в гостиную и увидев опрокинутый стул, он наконец сообразил, что случилась беда. И сразу дом наполнился зловещими и неприятными предчувствиями.

Он вернул на место стул и вдруг услышал, как к дому подъехала чья-то машина.

Приехал врач.

Чарли пришлось самому открывать дверь.

– Что у вас?

– Не знаю.

– Как же это? – сказал врач и, поднявшись наверх, исчез в мертвой тишине. Он его явно презирал.

Чарли вернулся в гостиную, некоторое время в растерянности ходил по комнате. Сел. Закрыл голову руками.

Дом замер. Хуже всего была полная, абсолютная тишина. Шло время. Жгло опаленные закатом веки. Он до красноты расчесал глаза. А что, если вся эта история окажется очередной Дот Питтер? Да и сам он – безнадежный случай. Правильно сказала Нэнс. Копуша. Он не успевает за собственной жизнью. Тот эпизод, на работе, когда она расплакалась и он коснулся губами ее волос, кончился тем, что он, в конце концов, оказался у Нэнс, после чего пригласил Дот к Джиму Филипсу, что, в свою очередь, вернуло его назад к Нэнс, и вот он здесь.

– О, Роза, Роза! – беззвучно воскликнул он. – Как ты могла?

Впрочем, ему давно было все равно. И он заплакал.

Ему казалось, что он снова там, в лагере, как обезьянка, повис на колючей проволоке и тянет через нее лапки.

Вдруг кто-то тронул его за плечо. Это была Нэнс. Она вошла тихо, как по воздуху, он даже не слышал ее шагов. Чарли резко выпрямился и, не глядя, отошел к черному замаскированному окну.

– Не терзай себя, это моя вина, – сказала она.

Он стоял к ней спиной и думал о поцелуе.

– Ну не расстраивайся так, слышишь? Ты не виноват. Это же я повела тебя гулять. Ты меня предупреждал. А я тебя не послушала.

Она не решалась продолжить. Ей надо было передать просьбу миссис Грант. Дело в том, что, пока доктор осматривал старика, та попросила ее уговорить Чарли переночевать, чтобы в доме был мужчина. Но теперь, после его реакции на их невинный поцелуй, Нэнс боялась. Она была уверена, что

он поймет все, как всегда, по-своему и решит, будто у нее есть на его счет намерения. Хотя, с другой стороны, это был единственный верный способ оставить его до завтра. И она отважилась.

— Можно тебя попросить? — тихо сказала она. Он молчал. — Не уезжай в Лондон. Ты не успеваешь к последнему поезду. Ложись, пожалуйста, на диване. Там тебе будет удобно.

Он напряг спину и ей показалось, он вот-вот откажется.

— Будь другом, Чарли, пожалуйста. Тебе завтра не идти на работу.

И он решил, так тому и быть. Раз она просит, значит придет.

— Хорошо, — сказал он и прочистил нос.

— Спасибо, — она поняла, что обрекает себя на еще большие неприятности. — Прости, мне пора возвращаться к старикам, но я к тебе спущусь и раздобуду что-нибудь перекусить. И не забудь, ты никуда не едешь, слышишь? И чтоб сидел на месте.

Наступило молчание. И он решился. И, даже не смея надеяться прочесть в ее глазах то, на что и не дерзал рассчитывать, повернулся. И понял, что один. И больше не знал, что подумать. Зато уже решительно знал, чего хотел.

Он увидел кошку. Она неожиданно, точно призрак, возникла в его ногах и глядела на него страшными глазами. Чарли, на всякий случай, отвернулся. Но кошка, решив по-своему, запрыгнула к нему на колени и тяжело легла, громко урча всеми своими котятами. Он невольно погладил ее по спинке — следуя всего лишь обыкновенному порыву — так же, как — если бы он только знал — приблизительно час назад его поцеловала девушка. С той разницей только, что девушка та ревновала.

Кошка линяла и, вот тебе раз, все пальцы теперь были в шерсти. Ему захотелось встать и сполоснуть руки. Но он даже боялся пошевелиться из-за этого чудовища. Но нет же, думал он, все-таки этот поцелуй неспроста; и он определенно что-то значит; наверняка это к чему-то; вроде за людьми не водятся такие игры; Дот — не в счет; там все было из-за его нерасторопности; Нэнси права, он копуша; да, но сейчас-то куда бежать сломя голову? Она же сама отвернулась; тогда зачем так уговаривала его остаться? И он вообще перестал что-либо понимать.

И что за ночь такая? Вечно ему везет как утопленнику. Сначала у старика удар — и это, когда у него вроде бы что-то начинает складываться. Но, видимо — и тут поразительная догадка осенила его, — такова жизнь: просто за одним кризисом обяза-

тельно следует другой кризис; ведь иначе, не случись у старика рецидива, не было бы никакого поцелуя (и пусть они тогда не знали, неважно); и потом, не окажись этих ужасных последствий, — и тут он, в сущности, как в воду глядел, — его бы не пригласили заночевать. Однако, несмотря ни на что — а точнее, на самого себя, — он стал питать надежды.

Но с другой стороны, — думал он, — допустим, она сама захочет — у них все равно ничего не получится; эта миссис Грант начнет всю ночь ходить туда-сюда по дому; и ни на минуту не оставит их одних; но в таком случае Нэнс не оставила бы его ночевать; а следовательно, у нее есть план; и она наверняка что-нибудь придумает; короче — заключил он — лучше полагайся на женщину.

И тут в гостиную вошел врач.

— Печально, печально, — провозгласил он.

— Оно верно, — согласился Чарли. Он отлично владел собой: — То есть вы подразумеваете, что он...

Но война научила его, что смерть в своей постели — благо, тогда как смерть в пути — к дороге в ад.

— Может быть, может быть... Причем, в любую минуту. Скажите, голубчик, а вы ведь не родственник, верно?

— Нет, — Чарли насторожился.

— Вы, полагаю, остаетесь?

— Так точно.

— В таком случае, позаботьтесь, что бы они хорошенько выспались. И спокойной вам ночи.

Спокойной? Выспались? Да он издевается.

Но, вспомнив, что наверху старик одной ногой в могиле, устыдился.

И, почувствовав, что необходимо срочно действовать, встал, вышел на кухню и решительно принялся мыть тарелки.

Миссис Грант сидела у изголовья неподвижного, как крокодил, мистера Гранта и с замиранием в сердце прислушивалась к его дыханию.

— Мама, он остается, — шепнула ей мисс Витмор. — Я постелю на диване.

Миссис Грант не ответила. Нэнс вытащила пару старых одеял, которыми — если бы она только знала — до свадьбы укрывалась Роза, и спустилась вниз.

Увидав, что гостиная пуста, она перепугалась. И решила, что пташка улетела. Конечно, его можно понять, вздохнула она. Вдруг из кухни донеслись звуки. Воры, — подумала Нэнс, — бедный отец, почему все должно свалиться в одну ночь? Она на цыпочках прокралась в коридор и заглянула в

щелку. И чуть не прослезилась, увидав, кто помогает им в этот час.

Она бесшумно вернулась. И, пока стелила, поймала себя на том, что делает это с каким-то особым умилением и даже ликованием, он и эти грязные тарелки, как это хорошо, "ты становишься совсем сентиментальной, девочка", сказала она себе.

Она заботливо заправила постель и, убедившись, что все правильно и на месте, на цыпочках вернулась к мойке. Он, как и в первый раз, ничего не слышал, погрузившись в эту тоскливую больничную тишину, где все уже давно привыкли говорить только полушепотом. И вдруг она его поцеловала, в затылок. Он подпрыгнул. Она сделала вид, что ничего не случилось.

— А ты, я смотрю, совсем не безнадежен.

Он обнял ее и, к счастью, больше не спешил. Но легонько, почти не касаясь, целовал уголки ее губ, сначала один, осторожно, потом другой.

— Но Чарли, это же ужасно? — шептала она.

И нежность его, его забота согрели ее. И она оттаяла. И от этого мысли ее чудным образом вернулись к мистеру Гранту. А Чарли, теперь, когда она была покорна и тиха, почувствовал в своем сердце полное умиротворение и покой. И, как и ранее, хранил — не из холодного расчета, но по неведению души — свое обыкновенное молчание. Он просто не знал таких слов. Лишь бормотал, беззвучно шевеля губами, целуя уголки этих губ. Ей сделалось щекотно. Он почувствовал ее улыбку и невольно поцеловал сильнее. Мир опустел, оставив лишь завиток ее губ. Она отвернулась. И он легко, как бабочку, отпустил ее. Опыт подсказал ему быть осмотрительней.

Она хотела показать постель, но подумала, что сейчас не лучшее время и, отойдя на полшага, смотрела на него едва ли не мученическими газами.

— Ты ужасно хороший.

— Прошу меня простить, — сказал он.

Он просит прощения. Как же это на него похоже.

— За что?

Он молчал.

— Успокойся же. Все хорошо, поверь. Кстати, я там тебе постелила, — она взяла его за руку и повела за собой. — Пойдем, через секунду будешь у нас спать как убитый.

— Какая разница? — он шел за ней, словно зачарованный. — Я все равно никогда не сплю.

— А это еще что такое? После того, как я так старалась? И устроила тебе такую хорошую кроватку?

— Да. С тех пор как вернулся.

— Господи, тебе не кажется, что в этом доме уже достаточно одного больного?

Он молчал и больше ничего не понимал.

— Ну, давай по-хорошему, — сказала она, словно впервые отказывая малышу в варенье. — Мне все равно придется всю ночь бегать вверх-вниз по дому, так что я обязательно зайду, попозже, и поправлю тебе одеялко, договорились? А пока в кровать!

На лице его застыл большой вопросительный знак. Ей стало смешно.

— Глупый, ну что ты так испугался? А то вообще не приду.

Он смущенно засмеялся.

— А я бы на твоем месте легла на бочок и, как говорил мой Фил, баиньки. Боюсь, в эту ночь никому из нас не придется выспаться, так что марш под одеяло, пока есть время.

И оставила его.

И как прикажете это понимать? — думал он, расстегивая рубашку.

Когда, наконец, лег, ему было наплевать на все эти одеяла. Мысли его были только о ней. Он ждал ее шагов. Он научился их различать издалека. Вокруг была абсолютная тишина и какое-то неприятное, давящее ожидание, словно где-то за этой тишиной происходит что-то мерзкое, грязное, готовое в любую минуту просочиться из черной тьмы и расползтись липкой зеленой мутью. Он зажег свет, встал, приоткрыл дверь — так, чтобы она могла войти, не наделав шума. Он прислушался. Кругом тишина. Он вернулся в постель. Выключил свет. Закрыл глаза; потер веки, и перед ним расплылись красные и зеленые круги; они медленно вращались, постепенно тускнели, стали розовыми, и померкли совсем.

Но как, черт возьми, она придет со всем этим умиранием наверху? И тишина такая, что чихнуть нельзя, весь дом разбудишь. Он попробовал диванные пружины раз — другой — да, трижды. Они громко застонали. Предатели, — думал он, — это ж целый оркестр, леший его возьми. Ничего у нее не получится. Что это было? Скрип? Нет, все тихо. И вообще, неприлично это, прямо под кроватью Гранта. Но с другой стороны, кто их знает, этих женщин? Ну, хорошо, допустим, она согласится. И что потом? Сам-то он, как, сможет ли? Он зажег свет. Достал папиросу.

Стояла мертвая тишина. Прошло время. Вдруг ему показалось, что по пружинам прокатился едва уловимый рокот, и в ту же секунду где-то высоко в небе прогремели далекие приглушенные раскаты. Вот они стали ближе, и вдруг все небо

взорвалось могучим, оглушающим ревом. Самолеты. Они проплывали над землей грозными небесными сотнями, ревя моторами — рев за ревом — вой за воем — сотня за сотней — туда, — он слышал по звуку — где лежала страна, в которой он был когда-то заключен в неволе. Казалось, все бомбардировщики Англии, все до одного, разом поднялись в воздух, словно по команде, по тайному сигналу и, как шершни, слетелись на зов королевы в гудящий бесчисленный рой, и — на колючую проволоку. Он панически боялся шершней. Его затошнило. Он подошел к окну, опомнился, бросился выключить свет, вернулся к окну и потом долго глядел сквозь стекло на ясное ночное небо, освещенное белой молодой луной, где каждый бомбардировщик мигал с высоты красным — зеленым, красным — зеленым, и ничего, ничего, кроме этих огней, в мире не было. Земля, переливаясь в лунном свете, оделась в синий кембриджский и синий итонский, и Чарли вспомнил бесцветный серый лунный, лежащий на постели Дот. Он зажег папиросу, уже третью. И почувствовал, что стал замерзать.

И лишь только лег под одеяло, провалился в тревожный нехороший сон; и не вспоминал Нэнс.

Его разбудил звук. Он не сразу понял, и чувствовал один леденящий страх. Крик. Кто-то пробежал по коридору, в спальню мистера Гранта. Нэнс? И хлопнул дверью. Вот, снова тишина. И началось. Еще крик “Джеральд”. Кричала миссис Грант, так громко, что за криком не слышно было слов. “Джеральд”. “Джеральд”. И еще пронзительней “Ты меня слышишь?”. “Скажи, ты меня слышишь?”. И затем вопли. “Джеральд”. И жуткие рыданья. “Джеральд, дорогой, Отец, где ты?”; и раздирающее “Отец”, и, наконец, “Вернись”, и последняя, кульминационная точка. Но это — зная свой предел — он не впустил. Он выключил слух, закрыл уши, давя на них вспотевшими ладонями. Отдал себе приказ не вспоминать. И быть бесчувственным. Как покойник.

Он заставил себя сосредоточиться на предметах. Остаться за чертой. Взгляд его упал на кошку, она мирно спала, свернувшись в клубок, спала и ухом не вела. И тогда, от мысли, что это животное способно не замечать диких звериных криков, от которых он не мог скрыться, зажав изо всех сил уши, он испытал страх, поскольку чувства, которые ему нельзя было знать, восстали вновь, как только он увидел кошку, они вернулись, с шумом, с гвалтом, всей толпой, как по сигналу, из той ночной минуты во Франции. Но он вырвался. Он одолел. И когда смог опустить влажные от струящегося пота ладони, кругом стояла одна мертвая тишина.

Она все-таки пришла; наконец-то. Он издалека услыхал ее шаги. Странное чутье подсказало ему выключить свет. Он лежал в темноте и ждал.

Как только вошла, зажгла в комнате весь свет. Он сел на кровати.

— Он ушел, — торжественно объявила она. — Все кончено.

Она стояла перед ним такая гордая, серьезная и прекрасная.

— Я дала ей снотворного, — сказала она. На ней была красная ночная сорочка. Он молчал и не мог отвести от нее глаз. — Вот, выпей. Здесь немного виски.

И не стала говорить, что добавила ему несколько капель, чтобы он тоже мог поспать. Она протянула стакан. Он подумал, что руки ее, в широких рукавах сорочки, похожи на персик.

И, глядя на нее такую — само утешение и покой, — понял, что полюбил серьезно. Но не умел об этом сказать, или таких слов еще не придумали.

Она скоро ушла. И больше в ту ночь не вернулась. Он спал как убитый. И храпел. Так, что под ним до утра стонали пружины.

Глава 24

Через день-два его вызвали на ковер к Коркеру. Тот выпытал у него все подробности о поставках для десяти установок по производству parabolam и остался вроде бы доволен, потому как в конце сказал:

— Ну что ж, неплохо. Ну а теперь, Чарли, перейдем к тебе.

— Да, сэр?

— Я давно к тебе приглядываюсь.

— Да, сэр.

— То, что я сейчас скажу, Саммерс, будет для меня не просто, — это был дурной знак. — Помнится, я когда-то говорил, что и в тылу нам выпало немало. Вот на днях пришлось отправить в недельный отпуск машинистку из статистического отдела. Как бишь ее? Ну конечно. Мисс Пис. Я редко забываю фамилии, — он замолчал, давая Чарли возможность согласиться, но тот, как обычно, упустил свой шанс. — Но я давно к тебе приглядываюсь, — продолжал мистер Мид. — Дело не только в тебе, я говорю о всех, кто пришел и придет, и уже очень скоро, — он откинулся, глядя на него, как с судейской кафедры. И опять Чарли не знал, что сказать.

— Что касается тебя, Саммерс, мне кажется, ты как-то не до конца выкладываешься и, по-моему, относишься к работе не-

сколько поверхностно, как к чему-то второстепенному. А ведь ты получил блестящую возможность, Саммерс. Ты первый вернулся, и я дал тебе очень высокую для твоего сравнительно малого опыта должность. И что я вижу? Конечно, нам очень не повезло с той лаборанткой, которую прислало министерство. Вместо помощи — одна головная боль. И даже вред. И, заметь, я отдаю тебе должное за то, что ты справился. Но меня волнует другое. А именно ты сам, и вообще молодежь в целом. Что у тебя с женщинами? Проходу не дают, верно?

— Мне, сэр?

— Именно, тебе. Кто тут еще, кроме нас? А я скажу, в чем дело. Я знаю Роба Джордана всю жизнь, и вот пару лет назад он сообщил, что интересуется тюремной реформой. С тех пор я стал по случаю заглядывать на их заседания. Благо мы тут одни, без противоположного пола, так что будем говорить, как мужчина с мужчиной. Дело в сексе, Саммерс. Вот оно что. Секс.

— Секс, сэр?

— Знаешь, Саммерс, мне казалось, я имею право рассчитывать на твою искренность. И не притворяйся, что у тебя ни разу не возникло этой проблемы, тем более за четыре с половиной года в немецких лагерях. Что, не так? Да, черт возьми, все мы, в конце концов, люди. Это природа, возьми ее нелегкая.

— Вы имеете в виду девушек, сэр.

— Ну а кого же еще?!

— Но моя девушка умерла, в те же дни, когда я попал в плен.

И это спокойствие и безучастность, с которыми он сообщил о ее смерти, послужили для него мерилом того, насколько далеко отодвинулись все чувства и воспоминания о той девушке. Но он предусмотрительно промолчал о Нэнс, следуя старой привычке не высовываться, пока не спросят.

— Вот как? — растерялся мистер Мид. — Понятно. Тогда другое дело. Мои соболезнования, Саммерс.

— И ее отец отправился к ней позавчера. Я был рядом, когда все случилось.

— А что случилось?

— Второй удар.

Мистер Мид замечательно разбирался в болезнях и умел говорить о них часами. Таким образом, он вытянул из Чарли все, пока его познания в медицине не оказались абсолютно исчерпаны.

— Ну, а теперь вернемся к тебе, парень. Возможно, я ошибаюсь. Но буду говорить начистоту. Я понял, где зарыта соба-

ка. И заметь, никто мне не сказал ни слова. Но у меня сложилось впечатление, что все-таки между вами что-то было, с этой лаборанткой. Хотя, возможно, я ошибаюсь. Но это жизнь, Чарли, и у меня большой опыт, поверь, оно неизбежно. В общем, так, Саммерс, слушай меня внимательно. Женись. И обзаведись семьей. Детишки, оно главное. И еще. Не могу обещать, потому как решаю не я один, но, если женишься, приходи, и мы посмотрим на счет твоего повышения.

И тут случилось нечто совершенно из ряда вон. Чарли неожиданно икнул и поперхнулся, неправильно сглотнул слюну. Лицо его надулось, в один миг сделалось пунцовым; из глаз фонтанами брызнули слезы; и к своему ужасу, он осознал, что мистер Мид вот-вот решит, что над ним насмехаются. Коркер угрожающе гаркнул в кулак. Чарли ничего не мог поделать – глаза его сами полезли из орбит и чем дальше они вылезали, тем багровее и сердитее делался мистер Мид. Чарли совсем было задохнулся, привстал и уже опасно завалился на бок, как тут до мистера Мида дошло, и он встал, вытянул пухлый палец и прижал Чарли к стулу.

– С этим шутить опасно, очень опасно, – сокрушенно вздохнул мистер Мид и на целую минуту замолк, ожидая, что благодарный Чарли вставит "да" – но тот лишь по-дурацки ловил ртом воздух.

– От этого, между прочим, и умереть можно, – предупредил мистер Мид и тут, к счастью, зазвонил телефон. Он поднял трубку. Какое-то время слушал. Наконец, сказал "Да, Мюриель", из чего следовало, что на линии была жена с зобом. Коркер окаменел.

– Передай этому сынуле, что я душу из него вытрясу, когда приду домой, – заорал он в трубку. – В чем дело, Мюриель? Плевать я хотел, что ему семнадцать. Как? Я же не могу изменить своего сына! Слушай, и пусть идет прямиком в армию! Туда ему и дорога! Пока не поздно. Мюриель. Значит так, Мюриель...", и в трубке запищало. Коркер устало вытер лоб.

– Женщины, – со вздохом сказал он, – женщины.

– Мне пора возвращаться, – сделав плоское лицо, сказал Чарли.

– Прости, – мистер Мид откинулся в кресле. И в ту же секунду о нем забыл.

Чарли вернулся к себе и, спросив у оператора линию, позвонил Нэнс.

Теперь он часто говорил с ней по телефону. Больше ему некого было стесняться, ведь он остался один.

– Это ты? Это я.

— Ой, Чарли, подожди минутку, я только возьму папироску, — и, устроившись поудобней, сказала: — Давай.

— Ты сейчас будешь смеяться.

— А что такое?

— Коркер вызвал меня на ковер. Представляешь, он сказал, что мне следует жениться, в смысле, завести жену и детей.

— И?

— И все, — смешался Чарли. Почему-то он почувствовал разочарование. — Просто потом ему позвонила жена, я не успел выйти и слышал, они сцепились по телефону, как кошка с собакой, из-за Артура, их старшего сына.

— Что тут странного? Правильно, одними благими намерениями семью не построишь.

Он пытался припомнить, есть ли у него достаточно денег, чтобы жениться. И сказать, что Коркер предложил ему повышение, если он заведет семью, но передумал. Она плавно перешла на домашние новости: что кошка родила котят, что миссис Грант держится молодцом, и так далее.

— Ладно, пойду, подогрею маме обед. Ждем тебя в воскресенье. Спасибо тебе за звонок, милый.

И, умиротворенный, он вернулся к работе.

Когда он в ближайшее воскресение приехал в Редхэм, кошку было не узнать. Плоская, как доска, с расплывшимися масляными глазами, она возилась со своими котятами, которые то и дело норовили расползтись в разные стороны. И вылизывала их с какой-то очумелой заботой. Нэнс устроила им новое место в гостиной.

— Смотри, какие они милые, — сказала она. И в самом деле, он потом весь вечер не мог отвести от них глаз.

— Она у себя, отдыхает, — сказала она о миссис Грант.

Чарли молчал.

— А как ты? В вечной тревоге? Ну, скажи, отчего ты все время так волнуешься?

Он молчал.

— А зато наша киса никогда не волнуется, правда, милая? Да пускай хоть мышка пробежит, мы даже усом не поведем, правда, страдалица ты моя бедная? Я просто не представляю, как она вообще справляется? Ты только посмотри на нас, какие мы чистенькие, хоть в кроватку бери, пушистики вы мои маленькие! А ты? Ну что с тобой, Чарли? Что тебя все время так тревожит? Ты только посмотри на нашу кису! Посмотри, какие мы невозмутимые! Что-то на работе?

— Все в порядке, — сказал он. Ему и правда было хорошо — в этой симпатичной возне с котятами было что-то очень домашнее и уютное, все равно, как снять перед камином тапочки.

Она словно прочитала его мысли.

— Ты не замерз? За дверью стужа. Хочешь, я разожгу?

— Все нормально, честно.

— Ты не обманываешь? Тебя никогда не поймешь. Или наоборот, очень даже поймешь и даже больше, чем ты можешь представить. Просто ты очень хороший, понимаешь. И никогда о себе не думаешь. Давай просто поговорим о тебе, хотя бы для разнообразия. Что же тебя так тревожит? Работа?

— Нет, все в порядке.

— Ты же говорил, тебя вызывали к начальнику. И были неприятности с той девушкой, которую на тебя повесили. Или тебе не дает покоя плен?

— Как это? Ведь я вернулся, — он поднял на нее глаза.

— О, горе нам, женщинам! — вздохнула она. — Ну почему эти мужчины такие глупые?

— Допустим. Я, наверное, не совсем тебя понял. — Он насторожился, чувствуя в животе комок.

— Я всего лишь задала вопрос. Просто я хочу, чтобы ты забыл.

— Кого забыл?

— Не кого, а что, глупый ты мой. Вот увидишь, тебе станет полегче. Ведь тебя что-то мучает, но я вижу, это не Роза. Это что-то другое. Расскажи, как там было.

— Да никак.

— Ну разумеется.

— Оставим это, Нэнс.

— Как скажешь, — она отвернулась к котятам. — А вот и мама!

Он даже не встал. Он все еще смотрел на кошку: та взяла за шкирку котенка и вернула его в гнездо. Вид у нее был изнуренный, даже страдальческий. Котенок тоненько пищал.

— Чарли!

Он повернулся к миссис Грант: она была в трауре, но, как всегда, безупречна и, казалось, в отличной форме.

— Я хотела поблагодарить тебя, — она присела между ними на диван. — За то, что ты был с нами в ту ужасную ночь. Все-таки это совсем другое, когда в доме есть мужчина. — Она многозначительно посмотрела на Нэнс.

Эти обыкновенные слова успокоили его, ему опять стало хорошо. Простой домашний быт действовал на него умиротворяюще.

— Но он не страдал, — продолжала миссис Грант. — Я все время была рядом. И потому знаю, что это наверняка так. Он даже не понял, что у него очередной удар. И умер на руках у своих близких.

Она замолчала. Нэнс взяла ее руку.

— Ах, что бы я без тебя делала, родная, — продолжала она. — Знаешь, Чарли, она вела себя, как настоящая дочь.

Чарли растянулся на диване и с блаженной улыбкой смотрел на котят.

— И все ей по плечу, и днем и ночью, и ни на что не жалуется, ах милая, как мне повезло с моими близкими, — по лицу ее лились тихие слезы.

Нэнс что-то шепнула, но та не унималась:

— О, кому-то очень повезет с ней, она станет прекрасной женой. Отец был необыкновенным человеком, просто необыкновенным. Он никогда ни на что не жаловался, даже в этой живой могиле, бедный, бедный, как ему было тяжело. Ни одним взглядом. Нет, что ни говори, жизнь была добра ко мне, таких людей подарила. Да, я потеряла своего единственного ребенка, но ведь нашла другого. А такой муж, как мистер Грант, — это благословение свыше. Он был замечательный человек. Сорок семь лет в браке. Ни разу меня не обидел.

Чарли повернулся к ней. Лицо ее было спокойно, по круглым ее румяным щекам текли беззвучные слезы. Чарли отвернулся к кошке.

— Это все вы, — сказала Нэнс.

— Нет, детка, это он. Он сделал меня такой, — гордо сказала она. — Я была совсем несмышленой, когда вышла за него, ты знаешь, он буквально вел меня за руку. Можешь надо мной смеяться. Но когда-нибудь ты поймешь, вспомнишь мои слова. Я была юной, думала, что знаю все. Но скоро поняла, что это не так, — и под тихий, спокойный ее голос Чарли незаметно задремал. — И такой заботливый. Знаете, что я нашла на утро после его смерти? Страховку, о которой я и не подозревала. Он позаботился, чтобы у меня было маленькое содержание, пока мне не придет время вновь соединиться с ним. Да, он был очень порядочный человек.

Все трое тихо сидели рядом.

— Но это понимаешь только с опытом, дорогая. Ах, конечно, молодость прекрасна, но для женщины настоящая истина открывается только в замужестве, в этом смысл ее жизни. Так что, надеюсь, ты найдешь хорошего мужа и еще успеешь порадовать свою старушку.

— Конечно, найдет, — в полусне откликнулся Чарли.

— Что ты имеешь в виду: конечно, найдет? — вскинулась мисс Витмор. — Ты откуда знаешь?

— Я?

— Ох, молодежь, — улыбнулась миссис Грант. — Ну, мне пора к отцу. Это наш с ним последний день.

— Она настоящее чудо, как она держится, — сказала Нэнс.

— Ты сама чудо.

— Глупый, ну что ты? Каждый на моем месте сделал бы то же.

— Тебе не кажется, что котята совсем замучили ее?

— Да, но они такие милые!

— Это великолепно, что миссис Грант держится так хорошо! — заявил он. — Все благодаря тебе. — Он не сводил глаз с котят.

— Ты же завтра будешь на похоронах?

Об этом он не думал. И не знал, что сказать.

— Ты мог бы остаться. Я постелю тебе, как прошлый раз.

И об этом он не подумал. И снова промолчал.

— Пожалуйста. Все будет по-другому, поверь.

Он не понимал, что она говорит о мистере Гранте. И вновь почувствовал в животе комок. Он молчал. Но теперь, оттого что любил ее, растерялся совсем.

— Вряд ли смогу, — испугавшись своего счастья, сказал он.

— Тебя что-то держит? Надеюсь, не старушка Фрейзер?

— Ты не понимаешь, — избегая ее взгляда.

— И мать расстроится, если ты не придешь. Ты успеешь на работу после обеда.

— Это нехорошо.

— Ты разве не договорился об отгуле? Опять ты забыл, Чарли. Я думала, мы всё обсудили. Но раз так, то, конечно, ничего не поделаешь.

С ней он всегда все помнил. Но когда приходил на работу, забывал. Еще он плохо выспался. Потому что думал о ней всю ночь. Нет, она не придет, это невозможно. Но порой сама скажет такое — не знаешь, что и подумать. На самом деле, он давно мечтал просто хорошо выспаться.

— Положим, я останусь.

— И не пойдешь на похороны? — она грустно улыбнулась. — Так нехорошо, понимаешь, мать не поймет.

И он сник, чувствуя себя несчастным и никому не нужным.

— Перестань, что ты надулся? Из-за этого старого дивана? Чарли, по-моему, тебя что-то тревожит, я вижу. Ты никогда не бываешь совсем, по-настоящему, со мной.

— Это не так, Нэнс, — он потянулся обнять ее.

— Оставь, — сказала она. — Не сейчас. А из-за чего мистер Мид поссорился с женой?

— К чему это тебе? — и рассказал, как было, невзначай закончив историю ее собственной цитатой: “Одними благими намерениями семью не построишь”.

— Отчего они не ладят?

— Не знаю. Коркер приличный парень, — нехотя ответил он, повернувшись к кошке.

— О, мужчины! А миссис Мид? Она вообще не в счет?

— А у нее зоб.

— Ах вот в чем дело. Ну тогда понятно.

Он засмеялся.

— Что тут смешного?

— Просто ему не хватает подушки, — он не отводил глаз от серого котенка.

— Но Чарли! Ты грубиян! — засмеялась она.

И через минуту вновь стала серьезной.

— И все-таки самое главное, самое важное в жизни — это ее финал, — сказала она. — Посмотри на мать. Она просто святая. Я горжусь, что была с ними все последние дни, — с вызовом сказала она.

— Верно. Умереть в своей постели.

— Господи, о чем ты?

— Удобно, — сказал он, как о простой истине.

— Но как же? А погибнуть в бою? То есть жить до последних дней полной жизнью, работать, заниматься внуками и все такое?

— Пустое.

— Ладно, как скажешь. Тебе виднее.

Она все больше понимала, что Чарли совсем не так прост и постоянно ускользает от нее, закрываясь и к себе не подпуская.

— Пустое солдафонство.

— Да нет же. Вот Фил мой был военным летчиком.

— Смотри, как смешно он тянет ее за хвост, — глядя на серого котенка.

— Не уходи, Чарли. Что с тобой?

— Все хорошо.

— Надеюсь, ты ничего не хочешь сказать про Фила?

— Ни слова... — испугался он.

— Ладно. Знаешь, страдание и боль — это одно, а смерть — другое. Он отдал свою жизнь, — третий раз сказала она, и вновь это у нее получилось как-то по-новому. — И, между прочим, погиб в бою.

— Нэнс, я вообще ничего...

— Довольно. Забудем об этом. Я сама не своя, когда касается Фила.

— У меня и мысли не было...

— Замолчи! — крикнула она. — Прости. Не обращай внимания.

Чарли растерялся, и ей стало его жалко. Она взяла его руку и поцеловала в ладонь.

— Вот.

Он молчал и думал о том, что губы ее похожи на птичку. И долго смотрел на свою ладонь так, словно кроме этой птички в мире больше ничего не существовало.

— До чего они сладкие!

Он не расслышал и удивленно вскинул на нее глаза. Она глядела на котят.

— Скажи, ведь правда? — настаивала она.

И вновь он испугался счастья. И сказал. У него вырвалось.

— У меня там была мышка.

— И ее отняли охранники?

— Нет, что ты. Я смастерил ей клетку.

— А ты за это не обижаешься на мою кошку?

— Нет, что ты.

Вскоре в гостиную спустилась миссис Грант. Весь оставшийся вечер он просидел, удобно устроившись на диване и прислушиваясь сквозь дрему к тихой беседе двух женщин о чем-то простом и домашнем и, разумеется, о мистере Гранте. И потом, нехотя расставшись с диваном, побрел на свою электричку.

Глава 25

Нэнс оставалась жить у миссис Грант — и он по-прежнему навещал их каждое воскресенье. Он любил ее, но скрывал и не говорил ни слова. А она, между тем, решила, что станет его женой.

Он жил тихо и без надежд. И был абсолютно уверен, что ни одна девушка не посмотрит в его сторону. Потому что он копуша. И ничего не предпринимал, довольствуясь их короткими встречами. Впрочем, как и она сама.

Миссис Грант время от времени мягко и настойчиво подтрунивала над ней насчет Чарли, и, пожалуй, это было единственное, в чем у них сохранялись разногласия. Нэнс не открывалась ей. Она плавно переводила разговор в другое русло, и однажды, когда миссис Грант очередной раз пытала ее по поводу Чарли, Нэнс спросила, как же она оставит ее одну, на что миссис Грант ответила, что ей есть куда идти и при желании она всегда может перебраться к племяннице-учительнице, в Мидленд, на что Нэнс заявила, что миссис Грант ни при каких обстоятельствах не должна покидать свой замечательный дом. Небольшой ее зарплаты и содержания вполне хватало, чтобы вести хозяйство.

Приблизительно в те же дни Нэнс получила письмо от своей родной матери, где та сообщала о том, что в ближайшее время снова выходит замуж.

Когда приезжал Чарли, они, если позволяла погода, шли гулять и после прогулки немного целовались. От этого он делался еще несчастнее и всю последующую неделю сильно страдал, в свободное от работы время. После того, как миссис Грант начала делать недвусмысленные намеки насчет Чарли, они больше не целовалась в доме.

Она звала его "милый". А он ее — "милая". И с тех пор как полюбил Нэнс, перестал сиживать вечерами с миссис Фрейзер, отчего та к нему охладела.

Нэнси никак не могла забыть своего Фила, но постепенно вспоминала его реже и все больше думала о Чарли. В то время как пилот ее был душа нараспашку и до женитьбы независим, Чарли, наоборот, был настолько беспомощным, что она подчас недоумевала, как вообще он справляется на работе. И со дня на день ждала, что его уволят. И почти безотчетно немного тревожилась и сомневалась, способен ли он заработать на жизнь; и спрашивала себя, правда ли, что он забыл Розу, совсем и навсегда, ту, что когда-то была сущим наваждением, когда их впервые свел отец, и это было ужасно.

Ей нравилось, что он ничего не просит, даже самой ничтожной малости, хотя положение его было отчаянно, это было понятно и ребенку. Он был так безоглядно доверчив, что скоро она сама начала ему доверять.

Узнав его получше, она поняла, что он скрытен, и научилась уважать в нем эту скрытность. Она видела, что война сильно искалечила его. И мучилась оттого, что он не хотел или не мог открыться или хотя бы приоткрыть тайну, что скрывалась за этими чудесными карими глазами, в которых было столько неуверенной и отчаянной мольбы, когда она пришла сказать, что мистера Гранта больше нет, и которые с тех пор так и просят ее о чем-то и говорят, что она нужна, нужна по-настоящему, как никому на свете, и что теперь, с тех пор как Фил убит, она может принадлежать одному только Чарли Саммерсу.

Наступил ноябрь. И она решилась. Но еще молчала. Она ждала. Однажды ей пришло письмо от Эрни Мэндрю. Тот вспоминал Фила и звал ее на Рождество, предлагая, если она пожелает, приехать с другом. Она поняла, что случай настал. И пригласила Чарли.

Сначала она спросила, где он будет встречать Рождество. Ни о чем не подозревая, Чарли сказал, что не знает. И она позвала его с собой, почти теми же словами, какими он когда-то приглашал Дот. Оба эти эпизода были так схожи, что он испугался. Увидев его замешательство, она пала духом. Но решение было принято, и она не желала отступать.

Предлог, под которым он отказался, был убийственным по своей непосредственности: якобы Эрни Мэндрю за компанию со своей многолюдной прислугой человек важный и наверняка состоит в каком-нибудь большом деле. Она ответила, как же, разве его никто не просветил: ведь он букмекер. Чарли терзался сомнениями. И потребовал мельчайших подробностей об обстоятельствах их знакомства. Она выслушала его с ангельским терпением и столь же терпеливо поведала, что Фил работал на него в мирное время. Чарли, тем не менее, пытался углядеть какой-нибудь подвох. Хотя боялся даже в мыслях допустить что-нибудь конкретное. Далее он принялся пытать ее по поводу Мидлвича, и будет ли он. Она ответила, что, кажется, уже говорила, что Артур вылетел с работы, бедный Артур проигрался и даже не смог выплатить проигрыш. Но как же, удивился Чарли, с такой-то букмекерской конторой? Она сказала, как есть. Чужие деньги, сказала она.

— Так ты поедешь, Чарли-Барли?

— Пожалуй, — обессилев, ответил он.

Глава 26

В день наступившего Рождества она позвала его на прогулку. Она решила правдами и неправдами вывести его на прямой разговор и выяснить, что все-таки у него на уме. Ведь как бы туманны ни были его намерения, в своих она пока не сомневалась.

— А ты бы хотел когда-нибудь иметь детей? — спросила она.

Они шли по припорошенной снегом тропинке в сторону городка. Он вспомнил о Ридли и подумал, что совсем позабыл его.

— К чему это тебе?

— К чему люди задают вопросы? Глупый ты мой, чтобы получить ответ, конечно.

— Ну, не знаю.

Он как-то совсем забыл, что они могут повстречаться с мальчиком, но так или иначе думать об этом было поздно.

— Ну скажи, что ты опять молчишь? Понимаешь, дети — это самое большое счастье в жизни, если, конечно, девушке посчастливится найти для них отца.

— А ты?

— А мы сейчас не обо мне. Почему ты ничего о себе не рассказываешь?

— Я? Знаешь, возможно, у меня уже есть ребенок.

— Так я и поверила! — рассмеялась она. — Видишь ли, для этого надо хотя бы раз в жизни по-настоящему проснуться!

— А что? Все может быть.

— Чарли, по-моему, ты... Да нет же, правда, Чарли?

Он молчал. И на нее не смотрел.

— Ты говоришь будто... Но, Чарли, ведь это жизнь во лжи.

— Как так?

— Нет, в самом деле.

— Не понимаю.

— Это как я. Не иметь настоящего отца, понимаешь. Все мои беды оттуда. Мальчикам, может быть, все равно. Но девочки относятся к этому совсем по-другому.

— Значит, им здорово не повезло.

— Нет, Чарли, пожалуйста, скажи, что это не так.

— А что ты мне за это дашь?

— Серьезно, Чарли. Это же самое главное в жизни, такими вещами не шутят.

— Ни один мужчина на свете не может доказать, его это ребенок или нет. Вот.

— Ах, пожалуйста, оставь свой сарказм. Я тебя не для этого сюда привела, — и ненароком выдала себя. — Ты можешь хотя бы раз в жизни быть серьезным? — на самом деле, он был серьезнейшим из мужчин.

Она была озарена сияньем солнца и снега. Они высветили каждую отдельную ресничку, каждую клеточку кожи на ее лице; а он смотрел на нее и думал, как хорошо в ней все — и эти темно-синие глаза, и как она разговаривает с ним, отчего ему тут же делается легко и просто, и как идет рядом, и вдруг, в эту самую минуту, ему открылось, что перед ним — сама истина, утешительница и добродетель. В мыслях своих он унесся в такие волшебные дали, что напрочь забыл, о чем они только что говорили. Она быстро воротила его на землю и так или иначе все-таки выпытала, что он и в самом деле наверняка не знает, есть ли у него ребенок.

— И от кого? — потребовала она, заметно занервничав.

— Думаю, ты догадаешься.

— Ах, разумеется. Кто, как не твоя старая Роза, — и в миг успокоилась. — А я-то знай себе думаю, все у него давно в прошлом. Чарли? Ты очень любил ее, да?

— Это было давно.

— Я понимаю. Но все-таки? Это важно.

— Положим.

— О, горе нам, женщинам! — осчастливленная, воскликнула она и тут же подумала, что вот так ей и надо, пусть знает, если бы она была здесь, конечно. — Так ты даже сам не уверен?

– Я так думал, милая. А потом она ушла с другим.

– И вы продолжали встречаться? Ты мне сам говорил.

– Да.

– Как же это?

Повисло молчание.

– Она играла тобой, понимаешь? – произнесла мисс Витмор, однако Чарли больше не успевал за ее мыслями.

– Я уже не верил ей, как раньше, – выдавил он с трудом.

– Когда? – потребовала она, торжествуя.

– Когда она вышла за Джима.

– Доверие – это не то, – заявила она.

– Я не знал, – сказал он. – Но тогда она стала мне нужна еще сильнее.

– Ты понимаешь намного больше, чем я порой думаю, – грустно вздохнув, заметила она.

– А у тебя так же было с мужем?

– С Филом? Ах, все это в прошлом. И у нас не было детей. Я никогда не смогу его забыть, но поверь, он бы точно не захотел, чтобы я засиживалась в старых девах.

– Но тебе ведь это уже не грозит? Ты ведь вышла за него замуж.

– Разумеется! – засмеялась она. – Но, знаешь, когда долго живешь без мужа, то превращаешься назад в деву.

Это заявление вызвало в нем глубочайшее волнение.

– Нет! – воскликнул он.

– А, по-твоему, что такое старая дева?

Он не знал.

– Ну уж нет, все ты прекрасно знаешь! Но это не про меня! И потом, я хочу детей.

– Зачем?

– Это полезно для женского здоровья. Но я хочу их не потому. Я хочу их, чтобы любить.

Он не понимал, к чему все это, и еще больше занервничал. Но подумал, что его так часто обманывали, что лучше вообще молчать.

– А мужа своего ты будешь любить?

– Знаешь, я по-другому это вижу. Нельзя требовать больше, чем даешь. А дети – это твоя плоть и кровь. Женщина рискует жизнью, когда рожает. И пойдет на все ради ребенка, пока он не станет взрослым и не начнет о себе заботиться – в этом смысл ее жизни.

– Маловато остается для мужа, – осмелился он.

– Почему? А что для него плохого в том, что я сказала? Жизнь – это не только сидеть в обнимку, как вы с Розой, – я знаю, мне все про вас мама рассказала. Нет. Жизнь – это, ко-

гда ты строишь дом, заводишь семью и много для этого работаешь.

— Твой Фил так же думал?

— Оставь его, Чарли. Он не имеет к нашему разговору никакого отношения.

Оба молчали. Впереди показался городок.

Чарли был взбудоражен. Она испытывала его, говоря о Розе, намеренно наступала ему на больную мозоль и как будто — или ему показалось — пробовала для себя почву, раза два определенно. Хотя, с другой стороны, он сам виноват. Жена, потомство — это не для Чарли Саммерса. Он хорошо это понимал. Копуша. Тряпка. И ни одна женщина не будет его терпеть.

— И потом, Черепаха, — продолжала она как бы ненароком, по касательной, идя к определенной цели. — Я не могу ее оставить.

— Конечно, тебя никто и не просит.

— Я имею в виду, когда выйду замуж, — пояснила она, словно непонятливому ребенку. — И вообще, кто бы то ни был, но под венец он поведет меня только вместе с кошкой.

— Конечно.

Ему показалось, что она за ним наблюдает.

— Вот и хорошо, так что насчет Черепахи я буду непреклонна. Как и с будущими котятами. Ни за что их не брошу.

Он молчал, не мог придумать, что сказать. И понял, что начинает тонуть.

— Допустим, — сказал он. — И ты, верно, уедешь от миссис Грант?

— Нет. У меня на двоих нет места, а дом днем с огнем не найти. Буду жить, где живу. Она будет рада, если я приведу мужа.

— Мне казалось, у нее была какая-то племянница в Лейстере.

— В самом деле? Только она не уверена, что ей там будут рады. Да мы с ней уже обо всем договорились. Она поймет.

— Тогда другое дело. Для кошки и ее котят.

— Это верно!

Они дошли до единственной на весь городок улицы — той, на которой он в августе столкнулся с Артуром Мидлвичем и где они часто гуляли с Розой после того, как она вышла за Филипса. Здесь же Ридли обычно играл с детьми Габбинсов. Он вдруг подумал, не повстречается ли ему мальчик, но улица в этот час была тиха и пустынна. Все жители, вероятно, отдыхали после рождественской ночи. И это было хорошо, потому что ему не хотелось, чтобы Джеймс узнал о его

приезде. Теперь он бы никому не позволил перебежать себе дорогу. Не с этой девушкой. И тогда, абсолютно без всякого предупреждения, выйдя из наземного укрытия рядом с обочиной, буквально в трех шагах от них, появился Ридли. Глаза его были устремлены на Нэнс. Уже потом, когда Чарли прокручивал этот эпизод в памяти, он подумал, что еще ни разу, ни в одном человеке не видел столько боли. Поскольку мальчик вдруг покраснел, весь залился темно-алым в этом снежном прозрачном свете. Вероятно, ему почудилось, что перед ним мать в истинном своем цвете, ведь он помнил ее только по старым черно-белым микрофильмам отца. Но Нэнс не знала его и поэтому просто прошла мимо. Чарли незаметно обернулся и приложил палец к губам — почему-то ничего другого ему в голову не пришло. Ридли отвернулся и быстро убежал прочь.

Встреча эта так ошеломила Чарли, что он даже не понял смысла ее слов:

— У нас бы получилось, знаешь, если мы постараемся.

— Как?

— Ты не слышишь меня, милый, — тихо сказала она. — Я делала тебе предложение.

Он не верил своим ушам.

— Я не расслышал, — солгал он.

Она остановилась. Положила ему на воротник пальто руки.

— Я говорила, что делаю тебе предложение.

Сердце его билось так сильно, что он боялся задохнуться.

— Ты правду говоришь? — спросил он и за всю жизнь, за все свое бренное бытие, так и не вспомнил, что было в этот день потом. Упоение.

Глава 27

Она попросила его стать ее мужем. И получила согласие. У нее было только одно условие, что для начала они совершат "пробный рейс". И в эту самую ночь, под крышей дома мистера Мэндрю, он пришел к ней — впервые за всю их будущую и, стало быть, счастливую супружескую жизнь.

Она лежала совсем обнаженная, рядом с кроватью теплился розовый абажур. Она не опустила маскировку, и при свете слабой лампочки за окном разливалась дивная глубокая синева. Желая казаться непринужденным, он что-то пробурчал про свет.

— Иди сюда, глупый ты мой, — был ее ответ.

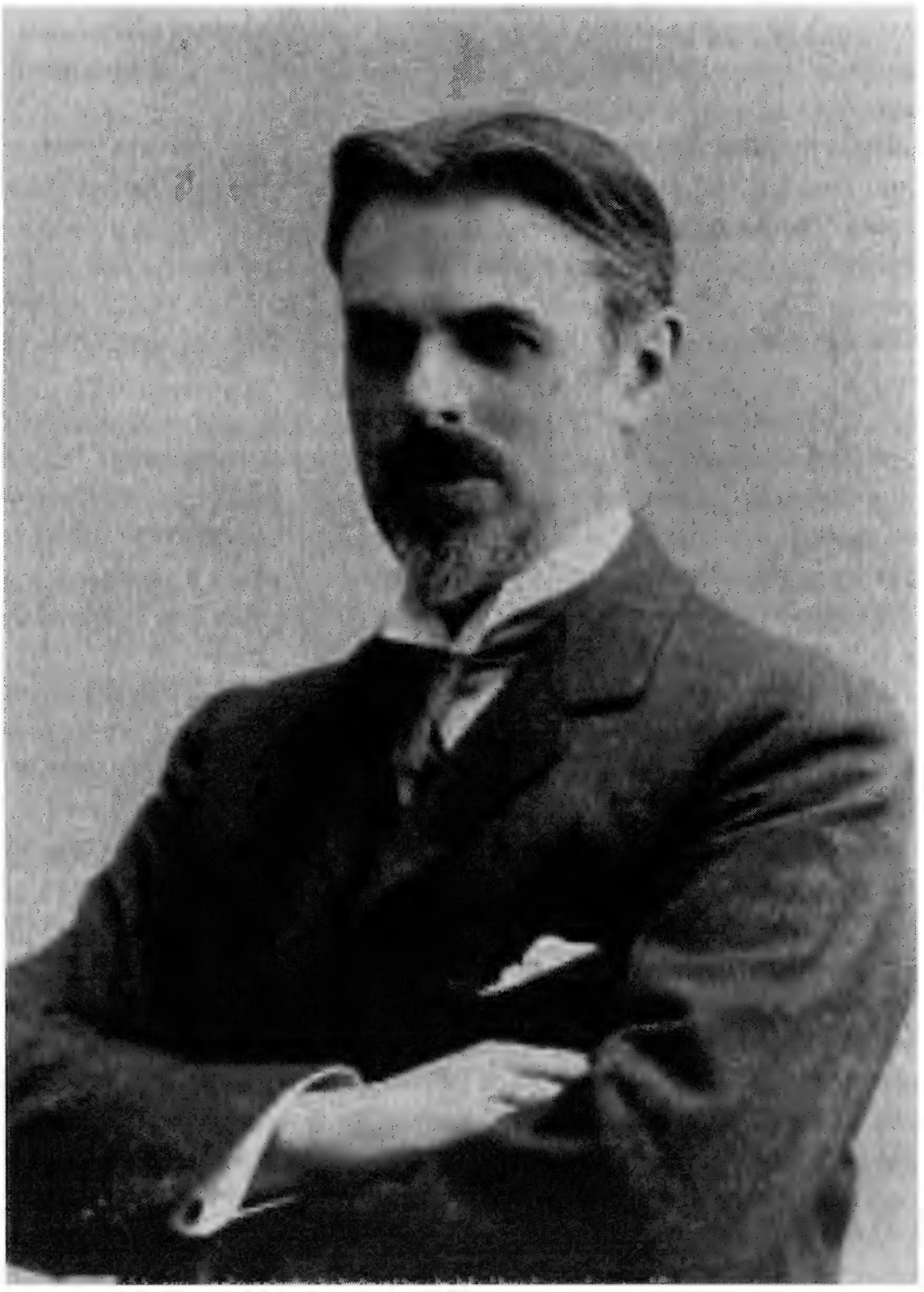
Он опустился на колени, и перед ним родилось это грандиозное, это ошеломляющее видение женщины, которую он любил. Ведь он увидел ее такой впервые. Абажур изливал на нее свет разноцветных, по-летнему жарких торжествующих роз, и казалось, на руках ее светились розы алые, живот был озарен янтарными, грудь — цветом чайных роз и шея — сиянье белоснежных роз невесты. Она прикрыла глаза, чтобы не помешать ему. Но это было выше его сил — и он, уткнувшись в ее бок, чуть ниже ребер, заплакал горько, как дитя.

— Роза, — всхлипнул он, не ведая, что говорит, — Роза.

— Ну будет тебе, — сказала Нэнси, — будет, — обнимая его голову.

А он плакал, размазывая по ее животу свои соленые слезы. Впрочем, она ведь знала, что́ на себя взяла. Все, в сущности, было так, как она ожидала, — не более и не менее.

Альфред Эдвард Хаусман



Стихи из книги “Шропширский парень”

Перевод и вступление Виктора Широкова

Альфред Эдвард Хаусман (1859—1936) — один из самых любимых и известных поэтов Великобритании. Его стихи печатались и печатаются в престижных английских антологиях, а его творчество неоднократно становилось темой критических и биографических исследований и сотен статей. Теодор Г. Эхрсам, к примеру, привел немало подобных свидетельств в книге “Библиография Альфреда Эдварда Хаусмана” (1941). В 1945 году Роберт Вустер Сталман издал свою “Аннотированную биографию А. Э. Хаусмана ‘Критические этюды’”, в которой собрал практически все, что писали о лирике Хаусмана, и сам написал о его влиянии на поэзию 1920—1945 годов.

Впечатляют и мнения о произведениях Хаусмана других поэтов, его соотечественников. Так, Томас Гарди полагал, что стихотворение “Цела ль моя упряжка” — наиболее драматургически выстроенное стихотворение во всей английской поэзии. Бабетта Дойч, Карл Шапиро, У. Х. Оден отзывались о творчестве Хаусмана с уважением и любовью. К. Д. Льюис сравнивал его с такими гигантами, как Джеральд Мэнли Хопкинс, Уилфрид Оуэн и Т. С. Элиот.

Сборник стихов “Шропширский парень” был написан под впечатлением драматических событий в жизни автора. Темы сборника — умирание и смерть, предопределенность судьбы и борьба с роком. Меланхоличные и в то же время ироничные, традиционные по форме и авангардные по внутренней энергетике, стихи Хаусмана повлияли и на поэзию Редьярда Киплинга, в частности, на его “Казарменные баллады”. Поэзия Хаусмана, притом что орнамент стихотворений, их строфика своеобразны и прихотливы, поражает экстраординарной простотой и красотой мелодий. Каждое стихотворение — уже готовая песня.

Альфред Эдвард Хаусман известен в нашей стране. На русский язык его переводили Б. Слуцкий, С. Маршак, другие поэты. О нем писали статьи, исследования. И все же “последний поэт-классик луговой Англии” (как назвал его М. Л. Гаспаров) во многом остается загадкой. Переводы, предлагаемые вниманию читателей, — еще одна попытка разгадать эту загадку.

© Виктор Широков. Перевод, вступление, 2016

XIV

Идут беспечно люди,
    Как их понять уму:
Стою я у дороги,
    Не нужен никому.

Как списанный на берег
    Моряк, мне все равно;
Душа мое и сердце
    Давно ушли на дно.

Нет пары безрассудству
    В просторе голубом,
Что привело б подругу
    В мой одинокий дом.

Цветы не исцеляют,
    Утрачен верный путь;
Потерянное сердце
    Мне разрывает грудь.

Так по чужой дороге
    Иду я без гроша:
Лежат в пучине моря
    И сердце, и душа.

XXII

Раздался незнакомый звук,
    Проходит взвод, гремя.
Один красномундирный вдруг
    Не сводит глаз с меня.

Мил человек, тебе со мной
    Навряд ли встретиться дано,
И то, что мы зовем судьбой,
    Давно предрешено.

Ни общих дум, ни общих дат,
    Но в счастье иль в беде
Всего хорошего, солдат,
    Желаю я тебе.

XXVI

Мы шли вдоль поля год назад
С любимой, догорал закат,
Вдруг слышим мы через забор
Осины странный разговор.
“О, кто там жаждет новостей?
Сельчанин с девушкой своей?
До свадьбы — несколько недель,
И время их сведет в постель,
Вот только ляжет он с другой,
Она ж — накроется землей”.

И верно, точно через год
Другая девушка идет,
И вновь звучит над головой
Осины разговор ночной;
Да только слов я не пойму,
Похоже, все идет к тому,
Чтобы не я — подружка поняла,
Как вскоре сложатся дела,
Знать, мне под клевером лежать,
А ей с другим беднягой спать.

XXVII

“Цела ль моя упряжка
В родимой стороне,
Слышны ли сбруи звоны
Как раньше, как при мне?”

Привет, бряцанье сбруи,
А также конский топ
Слышны; лишь ты под пашней
Лежишь, наморщив лоб.

“Играют ли ребята
В футбол на берегу,
И мяч со всеми вместе
Я погонять смогу?”

Играют классно парни,
Открыть, мечтая, счет,
Да и вратарь, как цербер,
Ворота стережет.

“Нашла ль подружка счастье,
Дружка во всем виня.
Или она устала
Оплакивать меня?”

Увы, она не плачет,
Тебя ведь не спасти.
Она теперь довольна.
Молчи и тихо спи.

“А что мой друг старинный,
И как его житье?
Он отыскал ли ложе
Удобней, чем мое?”

Да, с нами всё в порядке...
Тебе ж не стоит знать,
Где, с кем делю я ложе, —
Спокойней будешь спать.

XXXV

На горе пустынной, летней,
Где ручьев разбег ленив,
Барабана звук заметней,
Как во снах речитатив.

Громко, дискантом и басом,
То земля во все концы
Катит пушечное мясо —
Умирать идут бойцы.

Их товарищей убитых
Кости белые торчат
Всюду на полях забытых;
Не придет никто назад.

И рожки зовут напрасно,
И зачем их тон суров?
Был бы это женский голос,
Вот тогда я встать готов.

XXXVI

Ведет дорога далеко,
Над ней луна в крови;
Меня уводит далеко
Дорога от любви.

Недвижно до конца земли
Стоит теней конвой:
Но ноги по ночной пыли
Путь продолжают свой.

Мир кругл, недаром говорят,
Иди себе вперед,
Всё будет хорошо, назад
Дорога приведет.

Но прежде, чем вздохнуть легко,
Пройди круги свои:
Меня уводит далеко
Дорога от любви.

LI

С разбитым сердцем как-то я
В зал греческий забрел, друзья,
И там, в болезненном пылу
Заметил статую в углу.
Спал истукан немало лет,
Ан глянул пристально в ответ.
Казалось, он хотел сказать:
“Привет, не стоит унывать;
Пусть наша юность позади,
Но есть надежда впереди”.

Так он стоял, вперяя взгляд
И утешая невпопад:
“Что, парень, очень тяжело?
Да ведь и мне не повезло.
Я тоже должен тыщи дней
Взирать на чуждых мне людей.
Мне спину сгорбили века,
Ты под столом ходил пока.
Когда ты сбросишь иго лет,
Я так же молча гляну вслед.
Смелей, дружок, недолго ждать:

Будь каменным и сдюжишь кладь".
Вот что он взглядом мне сказал,
И я легко покинул зал;
Одолевать цунами чувств
С тех пор у статуй я учусь.

LXI

Колокольня Хьюли

Шпиль колокольни Хьюли
    Слепит, смотреть нельзя;
А близ нее уснули
    Соседи и друзья.
Там башня копит опыт
    Печали и обид,
Там час за часом пробит,
    Да только время спит.

Рядам надгробной толщи
    Не нужен передых;
Ведь мертвых в Хьюли больше,
    Гораздо, чем живых.
Опять копает землю
    Могильщик — знай, итожь;
А за оградой дремлют
    Самоубийцы сплошь.

Считает башня Хьюли
    Количество могил;
Парней, что здесь уснули,
    Я горячо любил.
Друзья лежат глубоко,
    Везде, от сих до сих;
Я тоже одиноким
    Не буду среди них.

Джон Фаулз
Дневники (1965–1972)

Перевод Валерии Бернацкой

Вступление Чарльза Дрейзина

Примечания Чарльза Дрейзина, Николая Мельникова

Дневник, думается, самый популярный из всех литературных жанров. Многие из нас вели дневник в какие-то периоды нашей жизни, хотя и не собирались посвятить себя целиком литературной деятельности. Универсализм

© John Fowles, Jonathan Cape, London, 2006
© Валерия Бернацкая. Перевод, 2016
© Чарльз Дрейзин. Вступление, 2016
© Чарльз Дрейзин, Николай Мельников. Примечания, 2016
Рисунок С. Б. Уайтхеда.

этого жанра, возможно, объясняет, почему он с трудом поддается определению — нельзя установить правила, которым следовали бы все, кто ведет дневник. Чтобы по достоинству оценить дневник, следует учитывать его обманчивую, иллюзорную природу, даже в том случае, когда он ведется с такой бесспорной честностью, какую демонстрирует Джон Фаулз в обоих дневниках — в этом и в предыдущем. Считается, что дневник дает возможность чистосердечно излить душу, но необязательное — от случая к случаю — обращение к нему автора требует от исследователя соблюдения множества условий и оговорок.

Взять хотя бы самую основную задачу дневника — фиксирование действительности. Но как относиться к временным пропускам? Означают ли они, что за это время не произошло ничего значительного или, напротив, жизнь автора была так наполнена событиями, что не давала возможности усесться за дневник? Нельзя знать наверняка, говорят ли эти пропуски о бьющей через край жизни или об отсутствии в ней ярких событий.

Цели у людей, ведущих дневники, очень разные. Дневник может сводиться к простому перечню событий, тогда он дает самое элементарное представление о действительности и предназначен только для глаз автора; однако, учитывая возможность будущего прочтения или публикации, дневник может стать средством самооправдания или самовозвеличивания — в его власти как открыть правду, так и спрятать ее.

Ни в коем случае нельзя предпочитать какую-то определенную форму — дневник может быть собранием необработанных записей или мемуаром, которому придали литературный лоск. Все зависит от характера первоначальных заметок и дальнейшей их обработки. Дневник, кажущийся простым и безыскусным, может быть лживым — по расчету или совершенно бессознательно, а тщательно отделанный документ, напротив, максимально приближен к истине.

Джон Фаулз назвал свое собрание дневниковых записей, часто очень противоречивых, "разрозненными заметками". Эти "разрозненные" записи неизбежно вобрали в себя колорит и дух времени: ведь Джон вел дневник на протяжении долгих лет и при самых разных обстоятельствах. Дневник служил ему практическим пособием, на страницах которого он оттачивал свое мастерство, здесь же он критически разбирал прочитанные книги, увиденные пьесы и фильмы, описывал свои путешествия, высказывал сокровенные мысли, делился наблюдениями страстного натуралиста. И все эти разнообразные функции выполнял дневник.

Многогранность — существенная черта его дневников. Важно и то, что Джон записывал непосредственные, спонтанные впечатления. Одно из величайших практических преимуществ любого дневника заключается в том, что вы не обязаны быть точным или справедливым. В этом своего рода плавильном котле есть место и прозрениям, и заблуждениям. Такая свобода способствует рождению не только тончайших наблюдений, но и совершенно абсурдных высказываний. Ценность дневника — и в том и в дру-

гом. Здесь рассудительность уживается с безрассудством, и подчас одно может переходить в другое.

На страницах дневника проступает много разных обликов, но главный из них — писатель Фаулз. В своих попытках увидеть сущность вещей он может часто выносить безжалостные, бескомпромиссные суждения, но делает это всегда искренне, не обходя критикой и себя. Любознательный и дотошный автор дневника никогда не оценивает вещи поверхностно, его не обманывает их внешний вид — он неустанно доискивается сути. Именно эта интеллектуальная жажда сделала Джона Фаулза одним из самых необычных романистов его поколения. Игнорируя устоявшиеся, общепризнанные истины, он искал новые формы выражения мысли и всегда оставался в первую очередь писателем, а не успешным автором.

Самые значительные писатели — те, кто лучше других познают смысл человеческого существования. На протяжении второго тома дневников Джон постоянно задается вопросом, насколько он состоялся как писатель в глазах современников, не забывая, однако, и об этой — высшей — цели. Чем меньше он *ощущает* себя "автором", тем больше истинное писательское начало заставляет его говорить о подлинных жизненных противоречиях. Голос, вдыхающий в дневник жизнь, принадлежит не столько крупному литературному деятелю, сколько человеку, поразительно лишенному тщеславия; этот человек, благодаря собственной уязвимости и подверженности ошибкам, способен сочувствовать неминуемым жизненным испытаниям других.

Второй том дневников продолжает рассказ, начатый в Оксфорде пятнадцать лет назад. Но поскольку дневник состоит из спонтанных, по необходимости выборочных наблюдений, он отличается от обычного повествования. Продолжая разговор, надо особо обратить внимание на любопытное явление, а именно на "дневниковое время": оно может ускоряться или замедляться в зависимости от того, насколько писателя в этот период занимает его дневник. Когда писался первый том, дневник играл важную роль в развитии Джона, являясь чем-то вроде опытной лаборатории для замыслов и творческой активности. Эти решающие годы, за которые случилось превращение выпускника университета в известного писателя, протекали довольно неспешно и представлены весьма подробно. Во втором томе обращения к дневнику в течение многих лет случайные и необязательные. Так с 1977 по 1980 годы Джон вообще не ведет дневник. "Не знаю почему, но последние несколько недель я испытываю желание возобновить дневниковые записи", — пишет он, принимаясь за прежнее дело. Если Джон не способен ответить на этот вопрос, то мы — тем более, хотя задним числом можно, по крайней мере, задуматься о причинах возвращения к дневнику.

Можно проследить тенденцию обращения к нему в кризисные моменты, когда у писателя возникало желание зафиксировать определенные жизненные ситуации — не безмятежные годы профессиональных успехов, а время срывов и сомнений. Так, например, во втором томе первая по-

ловина 1980-х годов, когда произошли такие кульминационные события, как выход на экраны удачной кинематографической версии романа "Любовница французского лейтенанта" или публикация в 1985-м романа "Червь", отражена весьма ограниченно, но затем, когда в начале 1988-го Джон перенес удар, связанные с болезнью волнения вызвали у него потребность в более серьезных и подробных записях. "Дневниковое время" меняет темп, чтобы сконцентрироваться на происходящем.

Заново обретя важную роль, дневник помогает не только справиться с жизненными трудностями, но становится основной литературной работой писателя. Его гениальность как рассказчика проявляется теперь не в очередном романе — хотя Джон часто размышляет над ним, — а в скрупулезном описании отношений между ним и женой Элизабет. Так как супруги не устояли перед тем, что Джон называет словом из лексикона древних греков, — keraunos, то есть резкое изменение судьбы, непостижимая тайна, — дневник в эти более поздние, мучительные годы становится грустным чтением. Однако прежняя мощь повествования, несмотря на все испытания, говорит о неиссякаемом таланте, который не изменял себе на протяжении всей жизни.

Первый том опубликованных дневников Джона, составленный из значительно большего количества материала, чем тот, которым мы располагаем сейчас, естественным образом распадался на части, отразившие разные вехи его жизни. Во втором томе всего две части, между первой и второй — временной разрыв с 1977-го по 1980-й. Годы, в течение которых Джон не вел дневник, являются переломными. После этих "темных" лет на страницах возрожденного осенью 1980 года дневника мы видим совсем другого Джона Фаулза — не того, кто забросил дневник три года назад.

Джону Фаулзу, каким мы видим его в первой части, нравится положение известного автора, чьи книги прекрасно продаются, он уверен в справедливости своих взглядов и бывает резок, высказывая подчас бескомпромиссные суждения. На страницах второго тома Фаулз мягче, не столь высокомерен и более скептичен по отношению к своим литературным достижениям. "Джон Фаулз" — странное существо, наводнившее лабиринты и склады книжных магазинов всего мира, — заключается им теперь в кавычки, потому что писатель все больше понимает, что между представлением о нем и тем, кем он действительно является, лежит пропасть. Отныне он живет в тени мифа, и на смену прежней уверенности и самонадеянности приходит сомнение.

Основная тема — разрушение былого представления о преуспевающем авторе. И рядом с ней другая — во многом более интересная: воссоздание заново, из отдельных фрагментов собственной личности. То, что эта стремящаяся к уединению личность подчеркнуто отворачивается от мирской славы, вовсе не означает, что писатель потерял интерес к литературному творчеству, — напротив, теперь он понял справедливость слов Эмили Дикинсон, утверждавшей, что "забота о публикации не должна интересовать поэта", и еще: поэзию можно найти не только в литературе.

Не менее важная тема в этом заключительном томе — природа; Джон всегда считал, что именно она оказала на него решающее влияние. Какие бы несчастья ни обрушивались на него в годы, завершающие дневник, они всегда с лихвой уравновешивались той радостью, что дарила ему природа. Он часто пишет о неких особых местах — уединенных, идиллических, пребывающих как бы вне времени и повествования; счастье — просто находиться там, без всяких занятий и цели. Его собственный парк в Лайме, прогулки по окрестностям Дорсета, даже созерцание птиц на озере в Риджент-парке во время редких поездок в Лондон свидетельствуют о том же. Путешествуя по Франции, он называет райским день, посвященный наблюдениям над флорой и фауной. Во время отдыха на Крите полянка в горах, на которой растут дикие орхидеи, становится для него "долиной счастья". Даже в самые унылые дни подобные места дают ему не просто убежище — они предстают источником покоя и умиротворения.

Джон продолжал вести дневник еще долго после поставленной в этом томе точки. Поэтому решение остановиться именно на этом месте можно счесть произвольным, но я верю, что будет справедливо завершить рассказ одновременно с окончанием самой напряженной и волнующей истории — той, что объединяет эти "разрозненные записи".

Июль 2005

Андерхилл-Фарм, ЛАЙМ-РИДЖИС. 5 декабря

Как чист здесь солнечный свет — белый, серебристый, золотой. Никогда так остро не сознавал этого. И еще изменения в характере, цвете, прозрачности моря — особенно в характере. Если волны идут с запада, они отбрасывают вечером на западные склоны нежный коричневатый отблеск, а если с востока — серо-зеленый с голубизной. Похоже на мягкий свет ранних акватинт.

Скука от книг, разговоров о них и на мировоззренческие темы, о направлениях и культурах; они — как потоп, как природная катастрофа. Множество голосов. В результате все они сливаются во всеобщий визг.

Крысы: вечерами они собираются у черного хода, и, когда мы выходим из дома, крысы, ослепленные светом, мигом рассыпаются в разные стороны. На днях я мог бы убить одну. Но даже крыса имеет право на жизнь.

Приезжал Подж[1]. Он — против мира, против провинции, против природы, невротичный и расхристанный, с ехидством задающий бесконечные вопросы, помешанный на сексе, сексуальной свободе. Его жизнь — вращающееся падение, бедняга хватается за что попало, чтобы остановить это падение, и все ухваченное тащит с собой. Он приводит нас в уныние. А дождь все льет и льет. Вышла из строя плита "АГА". А ведь огонь здесь такая же драгоценная вещь, как и для первобытного человека. Мы чувствуем себя всеми покинутыми; луна злобно сверкает на небе. Свет ее отражается во враждебном море.

10 декабря

Слава Богу, закончил работу над сценарием "Волхва".

Влияние свободного времени на восприимчивость. У большинства писателей, живших до двадцатого века, было больше времени для созерцания; они уходили в предмет изучения с головой — нам такого даже не вообразить, — само слово "созерцание" устарело. Экономические условия дают теперь гораздо меньше времени писателям — и художникам — для подготовки к творчеству (и для самого творчества). Импрессионизм мог возникнуть как реакция на опостылевший академизм, но мог также возникнуть из потребности создавать картины за более короткий срок, нарабатывать

1. Подж — Фред Портер, марксист, друг Дж. Фаулза; они познакомились еще в Оксфорде.

больше за определенное время. Можно пошутить, что импрессионизм появился из-за дефицита слуг.

Издательство "Делл" заплатило 125 тысяч долларов за право издавать в Соединенных Штатах "Волхва" в бумажном переплете. Это известие таинственным образом заставило Элиз[1] целый вечер пребывать в плохом настроении. Подобные новости всегда воспринимаются ею как некая угроза безопасности любви: ведь любовь — это соглашение между несоответствиями. Самое большее, на что мы рассчитывали, — это 60 или 70 тысяч... Но я не могу воспользоваться этими деньгами. Такая бессмыслица. Придется писать умоляющие письма в банк, чтобы зачли мой пятитысячный перерасход.

18 декабря

Все эти дни Элиз полна желчи. Похоже, она решила испортить нашу жизнь здесь, не занимается обустройством, не идет на компромиссы — все должно быть идеальным, а когда так не получается, взрывается в гневе. Ее выводит из себя, если я ухожу на часок в луга, если провожу утро за работой. Все это якобы несерьезно, пустая трата времени... Она ненавидит сельскую местность, этот дом, меня, ненавидит мою жизнь писателя и, конечно, себя, участницу сделки. Для меня такая жизнь — что подъем в гору с трупом на спине, говорящим трупом. Время от времени случается компенсация — прекрасные пейзажи, моменты счастья. Но потом труп возобновляет жалобы, гневается...

Похоже, она вступила в новую фазу жизни, где доминирует мужское начало. Постоянно говорит, что не может вести ту жизнь, какую хочет, иметь интересы, какие хочет, делать вещи, какие хочет... Но это негодование не имеет под собой оснований. Никак не могу ее убедить, что нет у нее никаких серьезных интересов, мощных желаний, и главная беда — в их отсутствии, а вовсе не в том, что их нельзя реализовать; и решить эту проблему можно только с помощью любви — не ненависти. Я никогда не говорю с ней, мне она нужна только как кухарка, служанка и т. д. ... Даже если б это было правдой (в какой-то степени это всегда правда; я точно так же могу сказать, что нужен ей как источник финансирования, как истопник, как восторженный поклонник ее достижений в декорировании дома и т. д.), ничего унизительного или недостойного тут нет. Она принимает в штыки саму идею благотворительности, помощи. Последний взрыв

1. *Элизабет Фаулз (1926–1990) – первая жена писателя.* (*Здесь и далее курсивом даны примечания Н. Г. Мельникова.*)

негодования произошел из-за моего намерения подарить Джонатану[1] на Рождество пять фунтов — по ее словам, я смешон как всякий работающий на публику сноб. Но я за последние две недели заработал более 70 тысяч фунтов. Неужели этого мало? Мне хочется сделать маленькие подарочки Джейн[2], женщине, живущей по соседству, но нет, лицо ее каменеет и становится похожим на лица сходящих в ад грешников со средневековых картин. На их лицах редко увидишь ужас — в ожесточенном оцепенении падают они в огонь.

Если б только уравновешенность, мягкость, спокойствие могли помочь... Теперь мне ясно, они не помогут — скорее, только ухудшат положение: чем больше здравомыслия я проявляю, тем больший вызываю гнев. Она вступила в разряд вечно недовольных, поэтому удовлетворение на моем лице (или видимость его) — главный раздражитель. Думаю, если б я потерял самообладание, разрыдался, сказал, что не могу больше так жить, она бы стала прежней. Но я не хочу до такой степени отрекаться ни от разума, ни от любви.

1966

АМЕРИКА, 3 января

Ночь в отеле при Лондонском аэропорте. Звук разрезающих темноту реактивных самолетов. Они взмывают высоко над землей; этот новый вид передвижения кажется прекрасным, хотя на самом деле ничего более уродливого не было за всю историю путешествий человечества.

4 января

Едем в Бостон. В Новой Англии жестокий мороз, но солнце светит ослепительно. В сумерках город темно-оранжевый, очень северный и симпатичный по цвету, но нет единого архитектурного стиля. Цветы от Неда Брэдфорда[3], виски от Джулиана[4]; мы чувствуем, как нас окутывает романская щедрость по отношению к привилегированным гостям. В очередной раз меня поражает сходство Америки с Римом: в основе всего — власть, низкое золото, а не золотая середина. Америка в принципе не способна метафорически думать о деньгах.

1. Родившийся в августе 1965 г. Джонатан — сын Хейзел, сестры Джона Фаулза и ее мужа, Дэниела Салливена.
2. Джейн Ричардс, двоюродная сестра Джона Фаулза, живущая в Лайме.
3. Редактор Джона Фаулза; издатель его книг в Америке.
4. Джулиан Бах, литературный агент Джона Фаулза в Америке.

7 января

Официальный обед в Клубе Союза – старый Артур Торнхилл[1], упоенный успехом удачных продаж "Делл", произнес приветственную речь в мою честь, плавно перешедшую в яростный разнос присутствующих сотрудников: "Джо, твои ребята должны быть шустрее"... "Боб, ты не поинтересовался моим мнением о твоих обложках. Теперь мистер Фаулз – член семьи, и я могу сказать при нем, что они ужасны, и если мы не можем создать ничего лучшего..." Сотрудники улыбались и терпеливо все сносили, а я чувствовал большую симпатию к янки и Бостону. Все придирки по делу, и нам это нравится.

Днем едем в Маршфилд к Брэдфордам. Идет дождь со снегом, пейзаж суровый, как и хозяева, – добрые, суровые, сдержанные люди. Как всегда в их обществе и в этом доме я ощущаю самые важные, вызывающие у меня восхищение американские свойства, они, в сущности, английские, но тут проявляются с большой очевидностью. На следующий день мы покидаем дом. Предки Неда приехали в эти места в 1620 году. Его прабабушка – индианка, но он законченный англичанин: в течение трехсот пятидесяти лет его английские предки жили на обращенном к Англии берегу океана, в месте, где климат сходен с нашим... Утром на побережье близ Кохассета мы смотрели, как высоко вздымаются пенящиеся волны. Триста лет стоять здесь в ожидании кораблей с востока. Нельзя эмигрировать в этот район Америки. Слишком уж он связан с прошлым, как и люди, в которых слишком много английского, чтобы мириться с колониальной дискриминацией.

9 января

В Нью-Йорке с Бобом Фетриджем[2]. Общественный транспорт стоит – это задерживает все, связанное с книгой. Люди не могут думать сейчас о книгах, в новостях только информация о забастовке. Испытываю глупое чувство вины. В этом мире имеет значение только быстрый – и большой – успех. Никаких компромиссов.

Высота Нью-Йорка; от художественного решения облика города (небоскребы) приходишь в безумие. Душевное равновесие – только в узкой полоске неба на пересечениях улиц. Пресса, захлебываясь, пишет о разных бедствиях, но вероятность

1. Артур Г. Торнхилл (1895–1970) был в то время главой издательства "Литл Браун". Его сын Артур Г. Торнхилл-младший сменил его на этом посту и в 1962-м стал президентом компании.
2. Глава рекламного отдела "Литл Браун".

того, что в центре города может произойти нечто из ряда вон выходящее, ничтожно мала. По лондонским стандартам "жуткие, парализующие жизнь города" транспортные условия почти близки к нормальным. Но американцы дальше нас отошли от хаоса, грязи и беспорядка. У общества, создавшего культ из благоразумия и опрятности (за все время я видел только двух бородатых людей, и один из них был ортодоксальным евреем), могут легко возникнуть трудности. Все города опасны, но этот больше всех.

14 января

Любопытно — последний раз, когда был здесь, обратил внимание на небоскребы. В этот раз между стенами с множеством окон видел холодные голубые воздушные колонны. Купили "Тайм" — чудовищная рецензия[1]. Все говорят, не волнуйся, книжные обозрения в "Тайме" никто не читает, вторую книгу обычно ругают, и вообще рецензенты чокнутые... Но все равно неприятно. Опять приходит на ум сравнение — ты на боксерском ринге, но руки у тебя связаны. Тут дело случая: все зависит от настроения, вкуса, характера десятка мужчин и женщин. Аналогия с судом присяжных неверна — ведь здесь постоянные игроки, и они больше заинтересованы в осуждении, нежели в оправдании.

18 января

Прием у Джулиана. Здесь Барбара Тачмен[2], тихая, седая женщина, скучноватая, как все хорошие писатели или, во всяком случае, все хорошие писательницы. Был Сидни Кэрролл, автор сценария отличного фильма "Карманник", — выщербленное оспой лицо, резкий, но человечный. Он мне сразу понравился. Помню эксцентричную даму за сорок; никогда не видел такого нелепого вечернего платья.

Складывается впечатление, что все здесь считают: роман как жанр безнадежно устарел, еще несколько десятилетий — и ему конец, и это несмотря на большие деньги, которые платят за издания в мягкой обложке и за право на экранизацию. Что займет место романа, никто не знает или не может вообразить; похоже, никто не осознает, что существует множест-

1. *Уподобив Фаулза пауку, запутывающему читателя в паутине повествования, рецензент "Тайм" счел, что в романе "Волхв" он повторяется и без особого успеха воспроизводит манеру, найденную в "Коллекционере" (Spidery Spirit // Time. 1966. January 14, p. 92).*
2. Барбара Тачмен (1912–1989) — известный историк. Получила Пулитцеровскую премию за книгу "Августовские пушки" (1962), описывающую события, предшествовавшие Первой мировой войне.

во вещей, которые под силу только роману. Другие формы понемногу вторгаются в его владения, но места еще достаточно. И оно всегда будет существовать, — место, где развивается роман, — ведь человеческие понятия и способность анализировать и фантазировать постоянно меняются.

Однако по вышеизложенным причинам издание беллетристики в прошлом году количественно снизилось — как в США, так и в Англии. Почти не ведется работа с молодыми романистами. "Литл Браун" берет примерно одну рукопись из четырех или пяти сотен, идущих без посредничества агентств. Всего за год к ним поступает около тысячи четырехсот рукописей. Издавая романы, издательство оказывается в убытке при тираже 6 000 экземпляров. Даже в случае с "Волхвом" (первые три издания составили 37 500 экземпляров) прибыль на книги в переплете оказалась меньше, чем у "Литерери Гайд" или "Делл". В каком-то смысле им уже не важно, хорошо или плохо продаются книги в твердом переплете.

Полное отсутствие сексуальности у американок, они подтянутые, ухоженные, но сдержанные и холодные; познания о сексе они черпают из различных пособий, но их самоуверенность приводит к обратному результату: вместо обещанной женственности — отталкивающая мужеподобность. Частично в этом виновны мужчины (и все общество), но как грустно, что так мало женщин противятся этому образцу. Большинство из них усваивает подобный американский стиль.

Ни мягкости, ни нежности.

Вечером крепко выпил с Арнольдом Эрлихом[1]. Он такой же типичный представитель Нью-Йорка, как Нед Брэдфорд — Новой Англии: остроумный, циничный, безжалостный к Америке. Я сказал ему, что хотел бы написать об Америке книгу, но мне нужен вопрос, который направит мысли в правильном русле. Он ответил: "Кто хочет тут думать?"

"Почему в этой стране практически никто не хочет думать? Почему каждый хочет просто жить и получать удовольствие? Почему это единственная страна, где можно продолжать существовать, сохраняя самые дурацкие национальные черты? Разве свобода сводится к тому, чтобы быть дураком?"

Хороший вопрос и совпадает с тем, что я все больше ощущаю здесь сам: американский образ жизни — это стенографическая запись, резюме, конспект, экскурсия... Ничего настоящего. Я хочу сказать, что американец проедет, не остановившись,

1. Арнольд Эрлих (1923–1989) — один из авторов, а впоследствии редактор американского журнала "Паблишерз уикли".

мимо разных любопытных мест, которые ему покажутся неинтересными... хотя за ними открываются огромные просторы, прекрасный и благодатный жизненный опыт.

Это существование подобно быстрорастворимому кофе. Он почти так же хорош, как и настоящий, и его легче приготовить. При этом ты заранее допускаешь, что потребление важнее качества.

22 января

Едем в Майами, чтобы встретиться с Джоном и Джадом[1]. Аккуратные группы домиков похожи на подносы с канапе, плывущие в голубовато-зеленых, спокойных лагунах. День пасмурный, сырой — парилка после пронизывающего холода Нью-Йорка. Пальмы какие-то поникшие, испуганные, словно в предчувствии тайфуна. Майами кажется мне неестественным городом, значительно уступающим Лос-Анджелесу. У меня он вызвал отвращение. Даже теплый воздух казался не природным, а искусственно созданным. Мы приехали в Майами-Бич, где множество огромных отелей протянулось белым рядом у затхлого побережья Карибского моря. Сюда стоит ехать только для того, чтобы собственными глазами увидеть огромные и вульгарные "Фонтенбло", "Иден Рок", "Дорал": вид их настолько отталкивающий, чудовищный, настолько (увы!) американский, что такое пропустить нельзя. Можно сказать, что это город мертвых, все жители старые, ни на что не годные, отходы производства. В лифтах пятидесяти-шестидесятилетние женщины стоят, как скот, в загоне. Чтобы выйти, надо сквозь них протискиваться. Они бродят по холлам, как сомнамбулы, — от одного приема пищи до другого, из комнаты в комнату, стреноженные, скованные — так раньше сковывали цепями чернокожих на невольничьих суднах; поведение идиотов в идиотском мире.

В каком-то смысле это европейский город, памятник мечте многих поколений бедных европейских крестьян. Они мечтали об аристократическом городе, о чем-то вроде Венеции и, когда представился случай, воплотили в жизнь свою мечту.

Режиссер, с которым сейчас работает Джад, называет Майами "накрашенным ногтем на ноге Америки". Но напрашивается и более отталкивающее определение: неподтертый зад Америки. Все самое худшее в стране проходит через него и остается здесь.

1. Джон Кон и Джад Кинберг — американские сценаристы и продюсеры; они были продюсерами фильма по первому роману Джона Фаулза "Коллекционер".

Мы сидим в гостиничном номере и просматриваем правку в сценарии “Волхва”; мое чувство реальности борется с представлением Джона Кона о зрелищности. У него все дерьмо или не дерьмо; он разрушает детали. Однако великолепно чувствует таинственную богиню кинематографа — Структуру. Он мне нравится. За его неистовством, детской любовью к спорту, за прекрасными качествами еврейского папочки, простотой в одном и хитростью в другом (в бизнесе) скрывается симпатичная личность.

Нет основных производителей. В Штатах не видно, чтобы кто-то занимался садоводством или земледелием. Никакой связи с землей. Эта пустота между городами порождает еще одну пустоту — отсутствие живого начала в жизни, что упрощает и разрушает Америку эстетически и интеллектуально.

Никто не пользуется чернилами — все пишут шариковыми ручками.

24 января

В Нью-Йорк; оттуда, замерзшие, прямо в Лондон.

Холодно, сыро, пасмурно. Рядом с нами, в гостинице аэропорта завтракает типично английская супружеская пара. Лопочут друг другу всякие пустячки. Жена: “Еще кофе будешь?” Муж: “А ты?” Жена: “Ну, нет”. Муж: “А я... (замолкает, потом продолжает минуту спустя) ...даже не знаю, может, еще чашечку выпью”. Жена: “Выпей, если хочешь”. Муж: “Ладно. Официант, еще чашечку. (Официант наливает кофе.) Выпью, пожалуй”.

Ностальгическая тоска по Америке; не то чтобы эти двое говорили глупости — я знал, что под банальными словами таилось много чего, касавшееся их отношений, уступок друг другу, — все это передавалось через интонации, паузы, они не говорили того, что думали. Только очень старая, декадентская культура способна порождать такие таинственные диалоги — таинственные и упадочнические. Америка живет, а Англия погибает. Популярность в сегодняшней Америке английского искусства, английских поп-певцов, английских рецензентов, английских романистов, вроде меня, так же подозрительна, как культ Афин в Древнем Риме. Это отдых от реальности — не сама реальность. Мы их развлекаем — не учим и не направляем ни в каком смысле.

Едем домой — Элиз, храбрая девочка, сама везет меня в Лайм-Риджис; серенький, сырой день, на Уилтширских горах уже лежит снег. Какая Англия печальная, крошечная, сырая; маленькие автомобильчики стараются стать больше — жалкие претензии на то, чем обладает Америка: мощь, первенство в технологии.

В нашем доме холодно, сыро, мрачно, нет и его души — плиты "АГА", ее снесли и восстановили прежний камин. Элиз стонет, каждые полчаса рыдает — как далеко мы от Америки, центрального отопления, комфорта в этом богом забытом местечке! Но в какой-то мере путешествие убедило меня в правильности нашего переезда сюда. Я осознал то, что раньше чувствовал только инстинктивно: в городе и его все более американизированной культуре ("культура" в антропологическом смысле) отсутствуют поэзия, реальность, многое так и остается непознанным. В Майами я согласился написать сценарий (и все, что еще потребуется по ходу дела), но согласился только потому, что буду работать здесь, ведь я знал: есть место, где можно укрыться от светской жизни, от погони за успехом. Я не могу без моря, вечерней темноты; можно даже сказать, что мне нужен холод, сырость и множество прочих жизненных проблем, которых полно в этом чертовом местечке. В моем возрасте надо возвращаться к себе, не гоняться за химерами, сконцентрироваться, защищать то, на что нападают или не обращают внимания.

31 января

Дни затянуты свинцовым туманом, постоянно моросит пришедший с запада дождь. Не холодно, но влажно, как в тропиках. Капельки зимней росы проступают на мху, покрывающем стены.

И в этой серой мгле я думаю о своей книге[1]. За неделю никаких новостей. Будто послал в космос ракету — и утратил с ней связь. Моя книга где-то далеко. Кто-то, должно быть, ее читает, ее покупают или не покупают, она находится или не находится в списке бестселлеров. Странно, но нет никаких отзывов, нет писем от читателей — ни хороших, ни плохих. То же самое было и с "Коллекционером". Так что я сам — та же ракета. Все на свете разделяют бездны.

Начал работать над сценарием. Это интереснее, чем просто вносить правку, и, как мне кажется, приучает к дисциплине: надо сократить текст, не упустив при этом главного.

12 февраля

Получил большую пачку рецензий из Штатов. В основном, положительных. Но я все больше понимаю, что главная радость — сама книга, работа над ней... и окончание работы. Все же остальное — рецензии доброжелательные и не очень,

1. *Имеется в виду роман "Волхв".*

деньги, — все это приходит и уходит. Но хуже всего — интервью. Я достиг такого положения, когда знаю: не хочу никаких интервью. Не так давно явился ко мне юноша по имени Николас Тресильян, вчерашний выпускник колледжа, с вопросом: “Вы серьезный писатель?” И прежде чем я ответил: “Простите, это глупый вопрос”.

А в некоторых интервью, данных в Штатах, — чудовищное извращение моих слов. Слава Богу, никто не обольщается и не ищет там правды.

14 февраля

Утро спокойное, как смерть, но смерть прекрасная, парящая... дымка на море, первые, нежные солнечные лучи, утро — как возрождение. Я был у дамбы... И вдруг в свете, озаряющем море, раздался нежный шелест крыльев, легкое посвистывание, словно точили большую косу, звук усиливался, перемещаясь на запад. На какое-то время он, казалось, заполнил все небо. Я было подумал, что это работает какая-то хитроумная машина, но звук отдалялся от Лайма, устремляясь в мою сторону. Лебеди... Звук странным образом усиливался. Самое удивительное, что их самих я так и не увидел, хотя захватил с собой бинокль, да и видимость была не меньше двух милей. Только спокойное свинцовое море и шум могучих крыльев.

16 февраля

По контрасту со спокойной погодой — бурные дни с Элиз. Она ненавидит “тишину, простор, пустоту” — те вещи, которые, увы, люблю я. Хотя не могу сказать, чтобы весной здесь была “пустота”. Земля торопится в обильное лето. Дом тоже плох: “холодный, неуютный, уродливый”. Мне нравится шум от центрального отопления, а ее он раздражает. Она пошла на прием к врачу в Аплайме, очаровательному старичку, и получила от него такой же очаровательный, старомодный совет: больше гулять и “участвовать в общественной жизни”. Последнее — современный вариант прежней веры в силу улыбки: просыпайся с улыбкой; найди удовлетворение в сознании исполненного долга — совершенно неподходящий совет. Я отношу ее беспокойство и неприятие этого места к мысли о расставании, преследующей Элиз в снах. Ее позиция в целом основана на домысле, что будущее враждебно настоящему. *Раньше* все было лучше. Еще она помешана на эффективности и порядке — своеобразный идеализм, порожденный неполноценным образованием, верой в некое вымышленное место, где все машины работают безукориз-

ненно, никто из работников не допускает ошибок, все доведено до совершенства.

Она обвиняет меня в том, что в своем дневнике я не пишу о ней ничего "приятного". Но в мыслях я с трудом отделяю ее личность от своей. Попытка писать об Элиз как о "ней" — почти так же трудна, как писать о себе как о "нем". "Этим утром он выглядел великолепно". "Мне нравится, когда он смеется". "Он состряпал вкусный обед" — разве скажешь такое?

Любовь нуждается в собственной теологии. У нас есть потребность в выражениях типа "допущение неделимости", в категории априорных утверждений и чистых концепций, которым верят или не верят люди.

Однажды во время ее очередного бунта я сказал, что жить здесь — все равно что жить в поэме. Так оно и есть. Поэма, часослов, собрание всех весен, что были раньше и будут впредь. Брожу по лугам в состоянии транса. Физически чувствую себя здесь намного здоровее и более спонтанно, остро переживаю все происходящее. Такое было со мною в школьные годы, но впоследствии эта непосредственность была испорчена, замутнена чередой ложных представлений о важности имен, псевдонаучной галиматьей, занимавшей умы юношества двадцатого века. Здесь же в голове рождаются поэтические строки, но они не складываются в стихи — это похоже на Грецию, где существование живое, оно заполнено чистой поэзией жизни, непрерывным потоком подлинных поэтических впечатлений. Коноплянки, не покидающие мои владения (ведь садовник из меня никудышный, и сад весьма запущен), издают красивые трели в духе Стравинского, а их крики на лету — как звуки старинных китайских арф; первые бледные крупные фиалки на большом уступе по дороге к морю; заросли мускатницы в лесу; великолепные совы, навещающие нас по ночам; стайка куликов на перламутровой поверхности моря — не менее пятидесяти птиц разных цветов: черные, белые, кораллово-красные; черно-серые бездны в настороженных глазах кролика — все это чистая поэзия на языке природы, и, если я начинаю писать об этом на своем языке, получается не собственное творчество, а просто перевод.

22 апреля

У нас гостит Анна[1]. Она создает проблемы, и ее требования довольно трудно удовлетворить. Играя на своем двусмыслен-

1. Анна Кристи, которой в то время было пятнадцать лет, росла у своего отца Роя Кристи, первого мужа Элизабет, и его второй жены Джуди (в девичестве Бойделл).

ном положении, она старается добиться особых прав у Элиз; основное требование – Элиз должна играть роль интеллигентной подружки, которой, по всей видимости, ей недостает в Лондоне. Там ее окружают одни "несчастненькие", и потому при встрече с начитанной и умной дочерью Чарли Гринберга она ощетинилась, как еж[1]. Элиз ее поддерживает: "Ребекка – самодовольная ханжа" и т. д. Возможно, это так, но привычным защитным механизмом у Анны становится бегство и ничто другое. *Конечно*, ее нельзя за это винить. Даже если забыть о ее прошлом, существует и настоящее: викторианский дух в Патни[2], где она то ли прислуга, то ли нянька при младших детях. Но Анне придется разобраться в себе – для ее же пользы. Ей необходимо научиться управлять эмоциями: своенравие равно свойственно и Элиз и Рою, а она его унаследовала. У Анны и Элиз – у обеих – предубеждение против Гринбергов, которые эмоционально черствы, зато умны и энергичны, они экстраверты и потому усиливают чувство неуверенности в интровертах. В Анне ощущаешь сильную и мучительную любовь-ненависть к своим одноклассникам, к экстравертам, к людям, вроде меня, – интровертам, которым повезло, хоть они и не экстраверты, то есть врагам в ее лагере. Элиз упрекает меня, говорит, что я не добр к ее дочери, не предупредителен, хотя я стараюсь, как могу, не впадая при этом в лживый, добродушно-панибратский тон, неискренность которого Анна сразу же заметит. Безумно трудно продвинуться в этом направлении: ведь обе шестнадцатилетние девушки не доверяют мне, как всякому взрослому человеку, странному существу, слоняющемуся по саду, полям, наблюдающему за птицами и собирающему цветы. Гринберги приехали уже после отъезда Анны, захватив с собой младшую дочь: бойкую, умную, не по годам развитую девочку, не погрязшую в собственных эмоциональных проблемах. Элиз неприятны ее усердие, бойкость, постоянные вопросы и странные паузы; возможно, и я бы так реагировал, но у нас она, как и ее родители, – словно порыв свежего ветра в душной комнате. Или в помещении без температуры и света. Так всегда: кто-то на солнце, а кто-то в тени.

25 апреля

В Лондоне. Работаем с Джоном Коном над сценарием "Волхва". Живем в "Вашингтоне" – жуткой гостинице для

1. Чарли Гринберг – канадский архитектор; друг Роя Кристи с начала 1950-х, когда оба преподавали в Кингстонском колледже искусства и архитектуры.
2. Южный пригород Лондона.

американских туристов на Керзон-стрит. Персонал состоит из несговорчивых иностранцев, выказывающих полное к тебе равнодушие. Погода превосходная, температура не опускается ниже двадцати градусов, мы задыхаемся от выхлопных газов, существуют и личные проблемы — я ненавижу город. Просыпаюсь по ночам от мужских ссор под окном, от рева автомобилей, проносящихся по улице, от диких пьяных криков. За последние шесть месяцев Лондон изменился (я тоже изменился, но тут речь идет не о субъективном), город помешан на наслаждении, на молодости, гнев божий прольется на этот город на равнине.

У Элиз в первый же день голова пошла кругом, она покрасила волосы хной, купила платье, которое совсем ей не идет, напоминая о временах, когда она еще работала, и это возвращение в прошлое взбудоражило нас обоих. Как будто одного Лондона мало...

"Волхв" появится в продаже второго мая. Обед с литературными редакторами и критиками, организованный "Кейп". Чувствовал себя словно конь на выгуле при конном заводе — его разглядывают и оценивают. Все были предельно вежливы, но за спиной говорилось разное. Никто так не далек от писателя, как литератор, пишущий о писателях; его простота (ее дает сам факт творчества) и их цинизм, их *tout vu, tout lu*[1].

У Бетсы Пейн[2] вновь трудности, ее жизнь пуста, она не хочет выходить из дома. Возможно, агорафобия — всего лишь метафора для обозначения внутренней пустоты. Их жизнь внешне кажется нормальной, но в ней много ставящей в тупик парадоксальности: при наличии почти всего необходимого их существование кажется мелким и несчастливым. Нам тоже это угрожало, и, хотя Элиз по сравнению с Бетсой кажется более живой и практичной, все же существует некий зловещий опознавательный знак: парашютист, прыгающий вторым, внимательно следит за тем, кто прыгает первым. И снова все беды от напряженной одержимости собой: собственная личность кажется абсолютно не связанной с внешними обстоятельствами. Тщательное рассматривание себя в зеркале — еще одна метафора отношений Элиз—Бетсы. Ни та ни другая не выносят любопытных глаз, внимания со стороны, которое может заставить их отвести глаза, отвлечь. Элиз утверждает, что я самый большой эгоцентрик, но есть разни-

1. Все известно, все прочитано (*франц.*).
2. Жена Ронни Пейна, друга Джона Фаулза по школе "Бедфорд" и Оксфорду.

ца между поглощенностью своим делом и поглощенностью собой: в первом случае объясняешь мир через себя, но живешь, считаясь с внешними причинами и целями, в то время как во втором случае ты сосредоточен только на себе и внешний мир попросту не существует. Я могу избавиться от оков отчаяния, переключившись на внешние предметы. А для сосредоточенного только на себе человеке ничего внешнего не существует — только он сам. Все равно что пытаться поднять себя собственными руками.

8 мая

Рецензии: два "сольных номера" в "Таймс" и "Обзёрвер". Неприятный отзыв от Энгуса Уилсона[1]; гермафродитный голос представителя традиционного английского романа двадцатого века, ругающего новый роман. Неодобрительную реакцию Пенелопы Мортимер[2] можно было предугадать. Есть разного рода промежуточные рецензии, некоторые положительные. "Кейп" придет в уныние. Меня все это не очень задевает, отзывы в печати не так трогают, как должны были бы; в какой-то степени приятно, когда в больной культурной среде тебя ругают, а не хвалят.

Вся радость — в самом сочинительстве. Это правда, но чувство, часто переживаемое мною в последнее время, — якобы все написанное моей рукой должно иметь значение и ценность только потому, что это написал я, — ложь, порожденная все той же истиной. Я поверил, что "Коллекционер" — хороший роман: ведь все это говорили. Теперь мне не так важно, хорошей или плохой называют мою книгу; "Волхв" существует, и уже в этом его оправдание. Раньше я просто писал, теперь у меня есть на это право. Можно с полным основанием считать такой взгляд свидетельством атеросклеротического синдрома; но растение нельзя отделять от почвы, в которой оно произраста-

1. См.: *Wilson A. Making With the Metaphysics // Observer. 1966. May 1, p. 27. При переиздании негативная рецензия Энгуса Уилсона была красноречиво озаглавлена "Непристойная фантазия Фаулза" (Fowles's Foul Fantasy // The Critic. 1966. August-September, p. 61).*
2. *Пенелопа Мортимер (1918–1999) – английская писательница и журналистка. Ее сборник рассказов "Воскресный обед с Браунингами" Фаулз удостоил кратким разбором на страницах своего дневника (запись от 29 декабря 1961 г.): "Отличный пример преобладающей в середине века манеры письма. Абсолютная чистота языка; строгая функциональность. Короткие фразы, тщательный отбор нефункциональных слов (существительных, прилагательных, глаголов). И – глаз камеры, полное самоустранение художника с холста. Ни сердца, ни индивидуальности: creator absconditus [отсутствующий творец (лат.)]" (Фаулз Дж. Дневники. 1949–1965. – М.: АСТ, 2003. – С. 638). Недоброжелательный отзыв Мортимер появился в журнале "Нью стейтсмен" (Into the Noosphere // New Statesman. 1966. Vol. 71. May 6, p. 659).*

ет. То, что можно принять за самомнение, — всего лишь принятие судьбы, сознание своей неповторимости.

17 мая

Дэн и Хейзел с сынишкой Джонатаном. Хейзел с ребенком гостили неделю.

Мальчуган прелестный, абсолютно нормальный маленький человечек с серо-голубыми глазками и ненасытной страстью к новым предметам. Мне кажется, особое очарование девятимесячного младенца не столько в его невинности — хотя, конечно, он еще не сумел нагрешить, как бы он сам смог? — сколько в его нормальности, таящей потенциальные возможности; он чистая страница, пустой холст, он может стать кем угодно.

28 мая – 1 июня

Элиз в Лондоне; я предоставлен самому себе, живу в своих владениях; погода необычно хороша для Англии — на небе ни облачка, зацветают розы. Я много брожу, бездельничаю, но на самом деле не в восторге от прекрасной погоды. Люблю отдельные хорошие денечки, но долгие лучезарные периоды вгоняют в депрессию, посещавшую меня и на Эгейском море, да и сад жаждет дождя. Одиночество — сродни жене. В наше время с моим поляризованным сознанием невозможно счастливо жить в одиночестве. Это плохо на мне сказывается: ничто не обуздывает мое воображение, оно растекается, не сосредоточиваясь в работе над "Разнузданными"[1].

И молчание вокруг "Волхва". Ни одного письма от английских читателей — ни одобрения, ни отрицания... А ведь книга уже месяц в списке бестселлеров. Мертв не английский роман, а английский читатель.

30 июня

Колин Уилсон. На днях он прислал мне длинное письмо, где в основном писал о "Волхве" и между делом проговорился, как ему приятно, что у него наконец-то появился последователь, который не боится возделывать целину[2]. Теперь мы по-

1. Идея романа, действие которого происходит в Турции, зародилась у Джона Фаулза в мае 1965-го на Каннском кинофестивале.
2. Публикация романа "Посторонний" (1956), когда Уилсону был всего двадцать один год, принесла молодому автору ошеломляющий успех. Первое время его почитали как лидера поколения "рассерженных молодых людей", однако многочисленные последующие книги былого резонанса не имели. В 1957 г. он покинул Лондон и с тех пор живет с женой в Корнуолле. *Колин Уилсон умер в 2013 г. на восемьдесят третьем году жизни.*

стоянно обмениваемся письмами и книгами. Я чувствую к нему симпатию, мне нравится его поразительная серьезность, неодолимая потребность печататься (четырнадцать книг за последние десять лет) и настойчивая попытка создать оптимистичный экзистенциализм. Однако он удручающе тщеславен и не пытается это скрыть. "Через пятнадцать лет меня будут считать самым выдающимся европейским мыслителем". И делится славой: "только мы двое выдающиеся писатели в этой стране". Это тщеславие — защитный механизм, позаимствованный у его любимых Шоу и Уэллса (и, возможно, Ницше), — я еще могу переварить, но он также демонстрирует пугающие свойства настоящего каннибала. Писателей, которых не любит (почти всех французов), он уничтожает одной фразой — и вас заодно, если вы воздаете им должное. Согласно воззрениям каннибалов, если вы пожираете своих врагов, их духи не станут вас преследовать; и он поступает так со всеми писателями, о которых не перестает думать, хоть их и ненавидит. В конце концов, мне придется поставить его в известность, что я не стану его обедом. Но я не тороплю события. Опасно быть невежливым с каннибалом...

25 июля

Лето здесь берет тебя в плен, оно быстро пролетает, а столько надо сделать в саду, в полях; столько предлогов не писать, не думать. Мне следовало бы отказаться от создания двойного портрета — Ванессы Редгрейв и новой сексуальной богини Ракель Уэлч, но это предложение стало искушением вновь выбраться в большой мир. Впрочем, не могу сказать, что мне хочется так уж много знать о внешнем мире. Здесь мы ведем уединенное, независимое, самодостаточное существование. Никого не видим; светит солнце, сверкает море, птицы и насекомые плетут рядом с нами свой летний мир. Он прекрасен — словно находишься в хрустальной сфере, где диаметр — морской горизонт, протянувшийся на семьдесят-восемьдесят миль. Чувство обособленности невелико; но все же чувствуется.

Журнал, заказавший эту статью, сам по себе уже оскорбление человечества — это небезызвестный "Космополитен". Утром получил от них письмо: им нужен взгляд "зрелого мужчины на обеих девушек". Под "зрелым" понимай "сексуально озабоченного".

8 августа

Неожиданно наше прошлое напомнило о себе самым неприятным образом, что можно было предвидеть. Во-первых, Рой согласился оставить Анну с нами на все летние канику-

лы. Тут и стало известно, что он пишет книгу. Потом он спросил, не согласимся ли мы ее прочесть, и тогда мы поехали в Фулем, чтобы забрать Анну и рукопись. Нам предложили выпить, отобедать, были очень любезны; Рой, как бы между прочим, дал понять, насколько ему важно напечатать эту книгу. "Хайнеманн" проявил интерес, получено одобрение юриста (опять Рубинштейн). Мы проявили искреннее участие, что было — прошло, и никто из нас не собирается вставлять палки в колеса начинающему писателю...

На обратном пути я сидел на заднем сиденье и читал рукопись. Это что-то вроде акта возмездия — бездарно написанное, полное черной ненависти, отмщения и зависти сочинение. Имевшие место события переиначены; впрочем, он чувствовал, что отъявленные злодеи из нас не получаются, и тогда свалил на нас недостатки других людей. Не гнев вызвала у меня его книга, а отвращение. Роя нужно остановить. Такое мог написать, а тем более хотеть напечатать, только человек не в своем уме. Принялся за старые фокусы: ставит людей в заведомо ложное положение, а затем проклинает за то, что те не выполнили его просьбу. Неудивительно, что раньше он так любил Иегову из Ветхого Завета. Требуй невозможного, а затем наказывай неудачника.

В то же время мне его жаль. Две сцены он просто выдумал: в одной он дает мне хорошую взбучку, а в другой — она в конце книги — к нему якобы чуть ли не на коленях приползает Элизабет, но он ее решительно отвергает. Не сомневаюсь, что он по-прежнему ее любит, ассоциируя со Сладостным Грехом, а Джуди — с Повседневным Долгом, и потому не может изгнать из своего сердца. Если б он действительно считал ее такой плохой, какой выводит в книге, то вряд ли нанес бы мне тот вымышленный удар в челюсть — скорее, пожал бы руку и поблагодарил за то, что я ее увел. В нем прочно угнездилась уродливая сцена расставания.

Написал ему длинное письмо. Теперь ждем, когда запруда прорвется.

18 августа

Письмо от Роя — скорее, записка. Он "глубоко разочарован" нашей реакцией и самой формой нашего ответа.

20 августа

Весь месяц с нами Анна. Она вдруг очень похорошела. В ней нет той модной привлекательности, которая считается современной красотой, но перемена разительная. В ней появилась основательная, тяжеловатая красота крестьянки —

скорее, немки или скандинавки, чем англичанки или француженки, — в сочетании с очарованием возраста, когда впервые осознаешь свое тело, кожу, изгибы фигуры, а в позах, движении, взгляде сквозит юная чувственность. Отношения между нами улучшились, хотя продвижение идет медленно — несколько шагов вперед и почти столько же назад. Похоже, мы трое вступаем пусть в искусственные, ограниченные, но все же отношения отца-матери и единственной дочери. Недавно я увидел Анну, лежащую на траве в невинно-соблазнительной позе — может, и не совсем невинной, и мне пришел в голову сюжет книги. Перенесение в реальность исконной природы этой ситуации, которая в контексте эпохи с ее культом наслаждения и вечной молодости становится все более и более пугающей и многозначительной. Условное название: “Классик”.

Вчера, поджидая, когда остальные соберут вещи на пляже, я рассеянно рассматривал обломки камней, размытые падающим со скалы потоком, и среди них увидел отличный экземпляр морского ежа — всего лишь четвертого, найденного здесь, — и в самом отменном состоянии. Это мои любимые окаменелости — прекрасная осевая симметрия и аккуратная шлифовка. И как в прошлый раз с Анной опять пришла в голову тема для романа: некоторые темы так и приходят — совершенно неожиданно, мгновенно предлагая (задолго до того, как разработаешь детали) неисчерпаемые возможности. В какой-то степени появление такой темы сродни неожиданному выходу на round-point[1] в лесу. Заранее знаешь, даже оглядываться не нужно, что эта rond-point даст перспективу, пробудит ассоциации, она (если только хватит мастерства) “сработает”.

К сожалению, накопилось много работы. Турецкий роман заброшен на середине, то же и с романом о Коллиуре[2]. Бродит мысль о расщепленном “я” — “чистом” поэте и “нечистом” романисте. Статьи о Редгрейв и Уэлч. Теперь еще и это. Ненавижу такие этапы в работе, когда ты на rond-point, но можешь выбрать только одно направление. Сейчас мне бы хотелось, чтобы было шесть Джонов Фаулзов, а не один.

Две недели назад, когда у нас гостила мать Элиз, я садился за стол с ней, Элиз и Анной. Будто три поколения богинь.

1. Круглое место, полянка (*франц.*).
2. В основе этого так и не написанного романа были события, пережитые Джоном Фаулзом на юге Франции летом 1948 г. в портовом городе Коллиуре на Средиземном море.

26 августа

"Фокс" собирается приобрести права на фильм. Все говорят, что это "наверняка", но в нашем мире ничего наверняка не бывает. Кончиса, скорее всего, будет играть Куин[1], Николаса — Майкл Кейн, Элисон — Мэгги Смит.

Разбогатев на тридцать шесть тысяч фунтов, мы пошли снимать яблоки со старой яблони в нашем саду. Я карабкался по верхним ветвям с легкостью шимпанзе, рискуя упасть с тридцати шести футовой высоты, вместо того чтобы стать богаче на злополучные тридцать шесть тысяч фунтов. Но судьбу, видимо, устраивает, что ее дела передаются в руки налоговиков; Боксол[2] подсчитал, что в самом худшем случае я получу всего 3 600 фунтов. Попробуем раскидать деньги на шесть лет.

29 августа

У нас гостит Эйлин[3]. Они с Поджем живут каждый своей жизнью; непонятно, как им удается существовать под одной крышей. С тишайшей Эйлин, красивой ирландкой, жить одно удовольствие, хотя в ней и отсутствует "изюминка". Впрочем, Эйлин на все смотрит с иронией и проявляет большую изобретательность, когда сама ситуация к иронии не располагает. Думаю, ирландское чувство юмора (совсем не похожее, скажем, на французское) обладает особой привлекательностью: оно кровно связано с природой, где много иронического. И, несмотря на то что подчас ирландская ирония обретает эксцентрические черты (в случае с Эйлин это вздорный дух противоречия, свою позицию она определяет через парадокс — еще один способ борьбы с логикой) или граничит с ужасом, как католицизм, все же она отражает суть бытия лучше, чем эмпирическое, "научное" знание. Последнее — разрушает, а юмор спасает.

6 сентября

Теперь приехали Подж и Кэти[4].

Кэти выросла и превратилась в насмешливое маленькое существо; она в постоянном напряжении (или мне так кажется), как бы не пропустить какой-нибудь наш промах — в логике мысли или в языке. От родителей она усвоила главное:

1. Звезда экрана Энтони Куин за два года до этого сыграл заглавную роль в фильме "Грек Зорба".
2. Джордж Боксол — бухгалтер Джона Фаулза.
3. Эйлин Портер — жена Поджа Портера.
4. Дочь Портеров.

почти все люди — безнадежные дураки и беспринципные лицемеры, их можно только высмеивать. Она — как маленький космический корабль из неведомой галактики, весьма опасный. Как мне кажется, самое печальное — то, что ее приучили видеть в художественном творчестве (особенно в литературе) главного переносчика безвкусицы и лицемерия. Если б не это, я поклялся бы, что из нее выйдет писатель, и неплохой. Думаю, Джейн Остин походила на нее.

7 сентября

Едем в Биндон к Ловериджам на обед[1]. Старинный дом, полный дорогого антиквариата, во всем чувствуется тонкий вкус; здесь Джин и Джон живут согласно своим нелепым идеям. Думаю, в один прекрасный день он наденет камзол, чулки и шляпу с плюмажем и станет принимать позы в стиле Николаса Хиллиарда[2]. Когда дамы удалились после обеда, он понес всякий вздор, утверждая, что Елизавета I способствовала примирению католиков и протестантов, и нам стоило бы следовать духу ее времени.

10 сентября

Мы переоборудовали "коттедж" в "студию" — обили деревом стены, заново их покрасили, но я не чувствую склонности к сочинительству уже несколько недель. А может, просто много других дел. Недавно приезжали Подж и Кэти. Мы обсуждали кошмарные последствия полной свободы и — самое худшее — коварно подкрадывающуюся апатию. Чувствую себя судном, попавшим в штиль; и испытываю при этом страшное раздражение: ведь сравнение неточное. И дело не в том, что здесь не дуют ветры, а в том, что, хотя занятий у меня хватает: много литературной работы и работы в саду, но результаты деятельности так ничтожны, как если бы я действительно завис в штиле. Даже не написав ни строчки, я в течение пяти-шести лет буду получать по десять тысяч фунтов или даже больше ежегодно; это расслабляет. Я должен все время находиться в тонусе, вынашивать новые замыслы, готовиться, готовиться и, наконец, — разрешаться от бремени...

1. Джон и Джин Ловеридж жили в поместье Биндон неподалеку от Эксмута. В 1954 г. Джон Ловеридж пригласил Джона Фаулза преподавать в семейный колледж Сент-Годрик в Хэмстеде, где готовили секретарей. Джон Фаулз работал там вплоть до публикации "Коллекционера" в 1963 г.
2. Николас Хиллиард (1547–1619) — портретист, оставивший на холсте изображения многих выдающихся людей елизаветинской эпохи, в том числе королевы Елизаветы I, сэра Фрэнсиса Дрейка и сэра Уолтера Рэли.

Подж говорит, что у человека наступает угнетенное состояние, если он социально не востребован и не нужен другим людям. Но говорить такое — все равно что просить не выбрасываться из окна того, кто уже летит вниз: он уже "свободен". То, что Подж предлагает: стать политически активным, деятельным и тому подобное, только создаст в моем случае новые проблемы: ведь я не уверен, что избранный мною путь не лучшее, что я могу предложить обществу (если общество этого от меня требует). Как всегда, предлагаемые Поджем марксистские решения проблемы выглядят безнадежно упрощенными перед лицом реальности. Они, возможно, подходят для крестьянского общества, для простых людей — на этом историческом этапе. Но я (и он) находимся уже на другой ступени. Если социализм всех уравняет, наше место займут неимущие. *Никакие* политические акции не смогут разрешить дилемму экономической и художественной свободы. До какой-то степени я могу понять, почему удачливые художники часто деградируют: они перестают многого от себя требовать, потому что в этом нет больше необходимости. Они видели бездну, видели ужасное отражение в зеркале, свое подлинное "я"; альтернатива — либо вновь обрести цепи, либо погрузиться в вечную скуку.

11 сентября

Через два дня отбываем в Париж, чтобы побывать на репетициях "Коллекционера" — пьесу ставит Оссейн[1]; затем в Малагу на встречу с Уэлч[2]. Мне ужасно не хочется ехать и — что удивительно — Элиз тоже; однако надо оправдать свое нежелание пускаться в путь, а для этого надо... поехать и вернуться.

15 сентября

В Париже — на репетициях "Коллекционера", режиссер — Оссейн.

Не был здесь пятнадцать лет (только проездом), и меня очередной раз ошеломила невероятная красота этого центра цивилйзации, архитектурная роскошь. На пути из Орли в Париж мы проехали мимо бистро "Кафе искусств", — и этим все сказано. Где в Англии встретишь паб с таким названием? Так могут назвать только какое-нибудь модное заведение в Челси. Величие Франции в том, что здесь даже у самых простых лю-

1. Актер и режиссер Роббер Оссейн; он поставил французскую версию "Коллекционера".
2. Кинозвезда Ракель Уэлч в то время снималась в Испании в фильме "Фатом".

дей есть врожденное чувство *стиля*. Для нас же, англичан, как нации, такая позиция слишком эфемерна.

Мы в театре "Варьете" на репетиции Оссейна. Замечания, которые я сделал на сценической версии, он оставил без внимания. Оссейн не из тех людей, которые обращают внимание на внутреннюю непоследовательность или несоответствия. Главное — общий эффект, сам спектакль. В режиссере однако есть мощь, сила. Героиня — хорошенькое, нежное создание, совершенная европейка (как я там писал? — "такая же закрытая, как отстроченный шелком карман"), совсем непохожая на Миранду-англичанку. Они явно хотят сделать фарсовое представление, а не интеллектуальный спектакль. Я спросил, до какой степени успех постановки будет зависеть от того, насколько удастся подтвердить мнение каждого добропорядочного француза (в том числе и сторонников де Голля), что Англия — это остров, населенный маньяками, но получил в ответ только дипломатичные отговорки. Оссейн, обращаясь ко мне, называет меня Фол: "Vous ne trouvez pas, Fol?.. Maintenant, Fol, je veux vous montrer..."[1]

Едем в Малагу — два часа в раскаленном Мадриде, затем полет в Андалусию на переполненном самолете. Изнуряющая жара. И удручающая бедность — сточные канавы полны грязи, облупившиеся стены домов, измученное, обреченное, лишенное надежды население. По контрасту вспомнились чистые, свежо побеленные стены греческих домиков; искрящиеся весельем, раскрепощенные люди. Испания — побежденная страна; некоторые страны изначально побежденные — независимо от того, сколько войн они выиграли и сколько проиграли. Грецию побеждали множество раз — и все же она победительница. Здесь же недостает витальности — той, что в избытке обладают греки и евреи: упорного желания выжить и преуспеть.

20 сентября

Беседы с Пэтом Кертисом, — возможно, тайным мужем Уэлч[2], и с самой актрисой. В "Мирамар" он явился первым — стройный молодой человек в светло-синих джинсах и рубашке, зубы слегка выдаются, карие глаза, агрессивность борется в них с неуверенностью; особая манера слушать — с приоткрытым ртом.

1. Вы так не считаете, Фол?.. А сейчас, Фол, хочу вам показать... (*франц.*)
2. В то время Кертис был любовником и агентом Ракель Уэлч; поженились они в Париже в 1967 г.

В девушке есть нечто отпугивающее, у нее змеиная красота. Сначала гипнотизирует, но потом отступаешь. С такой не хочется жить рядом. Она четко формулирует свои мысли, но в ней нет ничего оригинального — только непреклонное стремление добиться своего, преуспеть в этой жизни. Как и у всех кинозвезд, в ней чувствуешь под наигранной сердечностью ледяное нутро. Я хочу сказать, что эта сердечность сродни ее косметике.

Мы на месте натурных съемок — снимаются сцены на яхте примерно в десяти милях от Нерьи. Бесконечное ожидание солнца, выстраивание кадра, подготовка эффектов, настройка камер, возня со звездами, режиссером... и все ради тридцати секунд экранного времени. Примерно сто пятьдесят человек, которым платят не меньше сотни долларов в неделю, тратят свое время на откровенный идиотизм... Проснувшийся во мне марксист испытывает презрение. Чувство, будто тебя вываляли в грязи.

Гай Грин, будущий режиссер "Волхва", прилетает на пару дней. Пятидесятилетний мужчина с круглыми глазами, в прошлом оператор[1]. Чувствуется, что по-настоящему он не знает ни искусства, ни жизни, но зато понаторел в технике, хороший мастеровой. Очевидно, собирается во многих вещах поддерживать меня, а не голливудскую стратегию Джона Кона. Самое главное, он серьезный человек, а значит — имеет определенные убеждения, которым не станет изменять.

27 сентября

Возвращаемся в Англию на самолете, набитом англичанами, отдыхавшими в Торремолиносе. Какое чуждое и отталкивающее зрелище! Мы летели первым классом, и нашими соседями были отвратительные представители английского высшего сословия. Прожорливые и бесчувственные. Как было радостно вновь оказаться дома, в Дорсетшире, бродить по Дорчестеру, потом поехать на ферму, увидеть фруктовые деревья, овощи, древнее море. Пока нас не было, здесь жили Ронни и Бетса.

30 сентября

Вдоль берега моря — в направлении Стэнтон Сент-Габриел. Серебристо-персиковый день, угасающий и томный. Со-

1. В кинематографе Грин (1913—2005) снял как оператор несколько английских фильмов (1940—1950) по классическим сюжетам, в том числе два фильма по Диккенсу ("Большие ожидания" и "Оливер Твист", режиссер Дэвид Лин). Первый фильм, сделанный им в качестве режиссера, — "Излучина" (1954).

бирали ракушки. Такого прелестного дня в Испании быть не может. Не хочу больше путешествовать.

20 октября

После замечательного лета вновь неурядицы с Элиз. Она впадает в некое оцепенение, как попавшее в западню животное, — сельское уединение, открытое пространство ее гнетут. На этот раз вспышка ее гнева поразила меня. Я часто предлагаю ей куда-нибудь уехать, и в этот раз искренне этого хотел. При ней я не могу работать, испытывать радость. Серьезное ко всему отношение говорит об отсутствии чувства юмора. Октябрь здесь чудесный, но она не хочет этого замечать. Еще меня расстраивает ее скупость, нежелание тратить деньги — все это связано с ее страхом перед свободой. Для нее рутинное существование подобно убежищу, а та вольная жизнь, какую мы сейчас ведем, заставляет ее съежиться, "застыть" в надежде избежать такой участи.

Пишу пьесу — "Чувствительность". В героине есть мои и ее черты, а также Бетсы Пейн и Конни Фаррер[1].

30 октября

Элиз отсутствует уже десять дней. Живу как отшельник, моя единственная приятельница — маленькая синичка, проводящая под моим навесом каждую ночь. Погода отличная — прохладно, но ясно; каждый вечер на небе царит огромная луна. Но есть и свои минусы: я неряшливо одеваюсь, не моюсь, ем что попало и когда придется; на кухне горы мусора и грязной посуды — я же брожу по лугам и впитываю в себя жизнь природы. Это прекрасно само по себе еще и потому, что немногим поколениям суждено такое испытать. Развитие науки и техники, перенаселенность погубят природу. Конечно, останутся заповедники и натуралисты, но к 2066 году никто не сможет вот так таинственно сливаться с природой. Я живу как Джефферис[2], как Джон Клэр[3]. И не могу прославить это в словах — не потому, что не найду их, а потому что не смогу возвыситься над ними. Ведь я сам стал частью при-

1. Урожденная Констанс Моргенстерн, Конни Фаррер была подругой, а впоследствии женой Майкла Фаррера, товарища Джона Фаулза по Оксфорду.
2. Джон Фаулз имеет в виду натуралиста и писателя Ричарда Джефферис (1848–1887). Впервые прочитав в детстве его роман "Бевис: история ребенка" (1882), Джон Фаулз идентифицировал себя с его героем. В основе романа жизнь юного автора на отцовской ферме в Уилтшире; в нем описаны детские приключения Бевиса и его друга Марка.
3. *Джон Клэр (1793–1864) – английский поэт, сын батрака, "оплакивал" исчезновение традиционной английской деревни.*

роды. Недавно ко мне зашли двое юношей с ружьями и спросили, можно ли им поохотиться на голубей. Я сказал "нет" и очень вежливо постарался им объяснить, почему существуют природные заповедники, и, хотя я сам знаю по опыту, как приятно ощущать в руке ружье... все же "нет". В то же время я колебался, чувствовал себя негодяем, что лишаю юнцов развлечения, и чуть не сказал "да". Но они тоже были детьми природы, и я их перехитрил. Заори я: да как вы смеете, убирайтесь прочь с моей земли, они, конечно же, разозлившись, пошли бы охотиться.

Когда я вернулся, на земляничной грядке сидел старый фазан; он взлетел, не чувствуя ко мне никакой симпатии. А моя синичка чувствует. Вечерами мы смотрим друг на друга — расстояние между нашими глазами два-три фута — и стараемся установить контакт. Она понимает меня (то, что я всегда борюсь с собой и могу убить), а я ее не понимаю.

Не могу назвать себя счастливым отшельником. Мне нужно общество еще одного человека, а может даже троих или четверых — кто знает! Я не могу тосковать по той Элиз, какая она сейчас, но мне постоянно недостает ее прежней. Я живу в двух мирах, в одном я счастлив, "контактен", как говорят янки; в другом — нахожусь в официальном супружестве, кислый, как незрелая смородина, все из рук валится, ничего не получается, ничего не работает. Бесконечные телефонные разговоры с Лондоном, где находится Элиз; она изливает свое горе по поводу квартиры на Пембридж-Крессент, по поводу Анны, а также собственной личности — кто она? люблю ли я ее? любит ее хоть кто-нибудь? — она так одинока. Квартира не меблирована, она сидит в ней и переживает заново события пятнадцатилетней давности: я не терпелив с ней, не поддерживаю этот поиск себя — так оно и есть, это гонка за недостижимым. Ведь она всегда хочет того, чего у нее нет. Это болезнь века. Я пытался написать об этом стихотворение, но потом его порвал. Только первая строка меня устроила. "Хочу больше, хочу больше, хочу больше..." Вордсворт на Лондонском мосту сказал о том же самом лучше[1].

Знаю, что большинство мужчин, большинство мужей помчались бы в Лондон и постарались вытащить ее из трясины, куда она погружается. Но я тешу себя надеждой, что остаюсь

1. Джон Фаулз имеет в виду стихотворение Вордсворта "Сонет, написанный на Вестминстерском мосту": "Нет зрелища пленительней! И в ком / Не дрогнет дух бесчувственно-упрямый / При виде величавой панорамы..." (Перевод В. Левика).

нормальным в сумасшедшем мире. Буду взращивать в ней здравый смысл — не допущу, чтоб меня накрыло ее безумие.

5 ноября

Возвращение Элиз. Выглядит измученной. Улыбка искажает ее лицо, как искажает она его у Пьеро. Все, что она рассказывает о Лондоне, подтверждает (хотя она к этому не стремится) мои худшие страхи и подозрения. Сузанна Кинберг проходит полное обследование; Бетсе П. посоветовали сделать то же самое; Берт и Джейн возятся с девушкой, сделавшей аборт; паразит и по совместительству любовник их подруги Дафны закрутил роман с молодой девушкой, и Дафна ушла, оставив дом на Элм-Роу своим обидчикам в один из приступов сочувствия к ним. Меня все это не трогает. “Но где она найдет другого мужчину в ее-то возрасте?” — говорит Элиз. За судьбами всех этих несчастных женщин стоит один и тот же кошмар — одиночество, неприкаянность. Вина нашего общества в том, что оно, эмансипировав женщин, не научило их пользоваться свободой. Они, конечно же, должны быть равными с нами, но им предлагаются только наши способы существования, мужские представления (в социальном и карьерном смысле) о равенстве. Поэтому в выигрыше оказываются только женщины с мужским складом характера, которые могут подражать мужчинам. Что до остальных, то они, подобно птицам в клетках, оказываются в положении, когда не могут позаботиться о себе.

6 ноября

Работаю над вторым вариантом “Ласточки и косы”. Странно слышать рассказы Элиз о Лондоне, о несчастных женщинах. Часто, когда я начинаю работать над новым произведением, у меня складывается абсурдное впечатление, что жизнь подсовывает сюжеты, которые мне уже знакомы. Я написал пьесу, почти ничего не меняя в варианте, созданном несколько месяцев назад; и теперь Элиз и весь этот galère[1] в Лондоне подтверждают, что все правильно — если не в исполнении, то уж точно в эмоциях... в общем направлении.

9 ноября

Элиз снова постоянно в депрессии. Я могу долго терпеть, но потом взрываюсь. Ей не нужна моя любовь, мое сочувст-

1. Кошмар (*франц.*).

вие, мое понимание — только исполнение ее воли имеет значение. Она осознает ненормальность ситуации и называет это конфликтом. Прошлым вечером мы из-за этого выпили дикое количество виски, много спорили, кричали друг на друга, разрывая тишину. Я ушел в дальний конец сада и смотрел оттуда в темноту над заливом Лайм. Нежное море, мое море. А Элиз глубоко под ним, на две тысячи морских саженей ниже любви.

25 ноября – 1 декабря

Лондон, квартира Пембридж-Крессент. Теперь Элиз ненавидит и ее. Враждебность к Лондону — самый явный симптом ее болезни. Объяснение, возможно, самое простое. Она забыла, что такое работать. Квартира подходящая, то, что нам надо, — место, где можно жить неделю-другую, когда потребуется. Но она вынашивает свою архитектурную мечту, которая заслоняет все остальное, — мечту об особом элегантном жилище, и не просто элегантном, а еще и *компактном.* Что-то вроде огромной комнаты, где проходит вся жизнь, и я все время у нее на глазах. В конце концов мы страшно разругались. Элиз прочла "Косу" и решила, что это про нее. Так что на пьесу наложен запрет, и, если я обнародую ее, меня ждет кара. Во мне зреет молчаливое бешенство — это что-то новенькое.

Совещание по сценарию[1] в Лондоне. Джад не смог приехать. Джон К. и Гай Грин здесь. Последний меня несколько беспокоит — может, я просто еще не понял, как себя с ним держать. С Д. К. я уже освоился. У него врожденная мелкобуржуазная ненависть к претенциозности, которой предостаточно в "Волхве". Мне представляется также любопытным то, что инстинктивная ненависть, черпаемая Г. Г. из прошлого — ведь он не из среднего класса — и из самого его пути, начавшегося снизу, из операторов, — все это сейчас распространено и считается модным среди английских интеллектуалов. Иногда он кажется poujadist[2], в другое время интеллектуалом. Ему хочется, чтобы фильм воспринимался как видение Николаса: ведь "никто не поверит, что может существовать такой человек, как Кончис". К ужасу Д. К. (Et tu, Brute[3]) я не возражал. Конечно, я не сказал Г. Г., что у меня совсем другие мотивы: кино

1. *"Волхва".*
2. Реакционным, не способным меняться. Слово произошло от имени послевоенного французского политика Пьера Пужада.
3. И ты, Брут! (*франц.*)

слишком реалистическое искусство, и то, что возможно в романе, не будет убедительным в фильме.

Возвращение в Лайм. Какая приятная перемена обстановки — чистый воздух, покой, тишина. Мне кажется, жители Лондона утратили всякую связь с природной стороной существования. Города сужают внутренний мир жителей, навязывают им укоренившиеся условности, увлечения, интересы, способы достижения преимущественного положения. Уверен: сейчас лучше быть подальше от Лондона — в отличие от других эпох, шестнадцатого века, к примеру, когда все было наоборот. Город сыграл важную роль в развитии цивилизации, теперь же, возможно, столь же важным будет возврат к природе.

1967

4 января

С Майком Кейном мы познакомились как раз перед Рождеством. Обед в "Террацца". Чрезвычайно неприятный молодой человек, он настолько ощущает себя звездой, что его показное внимание к писателям и принятым в кинематографе художественным критериям кажется от этого еще более оскорбительным. Я только надеюсь, что нынешняя слава не исказила полностью его внутреннюю сущность (по его мнению и мнению Джона Кона, он сейчас номер один среди мужчин-актеров — правда, большинство называет его номером два после Шона Коннери) и под маской дешевой иронии таится что-то стоящее. Впрочем, он хорош, когда острит с бесстрастным лицом, и все такое. Но этого мало.

Два дня назад сюда на вечер заявился Тери Стэмп — он снимается в фильме по Т. Гарди в Дорчестре[1]. Он по-прежнему загадочен, как принц Гамлет, нелепого высокомерия у него не меньше, чем у его дружка Кейна, но держится он намного свободнее и естественнее. Его очарование в создаваемой им атмосфере естественной радости — невольно приходит на ум раскованность восемнадцатого века.

15 января

Обед с Твигги — жертвой последнего идиотизма в мире моды. Однако ее нельзя не любить. Это сама невинность. Разве станешь винить пташку в том, что она клюет цветочную завязь?

1. Джон Фаулз познакомился со Стэмпом во время съемок "Коллекционера". В фильме "Далеко от безумной толпы" Стэмп играл роль сержанта Троя.

Она рассказывает, как герцог Бедфорд возил ее в своем "роллс-ройсе" по Парижу. Увидев флаги на Елисейских Полях она обратилась к нему:

– Послушай, а у тебя есть флаг?

– Конечно, что-то развевается над домом.

Мать придает ей дополнительный шарм – настоящая кокни – миссис Малапроп[1]. "Пар-Матч" она называет "Гарри-Патч", а всем известный Видал Сассун – у нее Виктор Бабун.

Я написал статью, где сравнивал ее с Дюбарри[2]. Любопытные совпадения в датах – спустя два века.

25 января

"Любовница французского лейтенанта". Начал писать сегодня. В голове нет четкого сюжета – только настроение и чувство определенного стиля. Возникло все из зрительного образа – женщина стоит на краю мола Кобб и загадочно смотрит в сторону моря.

11 февраля

Вновь сложности со сценарием. Теперь мы в разных лагерях: в одном мы с Гаем Г., в другом – Джон и Джад. Спорим о финале. Мы хотим, чтоб он был спокойным и эмоциональным, они – "ярким" и мелодраматичным. Уже два дня спорим, ссоримся и теряем терпение. Гай говорит мало. Джад, напротив, с необычной горячностью отстаивает свое мнение. Мы с Джоном тут серединячки – но с разных позиций. Так ничего хорошего в искусстве не добьешься. Фильм обречен уже на этом этапе – что же тогда будет на следующих?!

22 февраля

Окаменелая губка – всего в дюйм – в камне. Я ее выковырял. Думаю, ей девяносто миллионов лет; впрочем, даже от легкого прикосновения миниатюрные рыжевато-коричневые выпуклости начинают крошиться. Такие хрупкие – и в то же время такие древние.

16 мая

В Лондоне. Пробы девушек на роль Лили. Я за Джин Шримптон, хоть она и не умеет играть. У киномира есть один изъян: никто здесь не способен мысленно что-то пред-

1. Персонаж пьесы Шеридана "Соперники", женщина, постоянно путающая слова.
2. *Мари Жанна Дюбарри (1746–1793) – официальная фаворитка французского короля Людовика XV.*

ставить. Киношники не видят будущие сцены, как вижу я (или любой другой писатель). Они читают строчки, описание событий — я же вижу, как они происходят. Идеи все чаще являются мне в виде зрительных образов, аналогичных фотографии или последовательному ряду кинокадров. На этом этапе создания фильма мое мнение меньше ценится, чем мнение режиссера и продюсеров, а как было бы приятно сознавать, что именно автор — наставник профессиональных создателей образов. Полный абсурд, но они до сих пор даже на четверть не видят в сценарии того, что вижу я. Мною все больше овладевает острое искушение попробовать ставить фильм самому. Сценарий я смог написать, и уж точно смогу снять фильм не хуже тех двух режиссеров, которых видел за работой (Уайлера и Грина); а необходимые технические познания не так уж и сложны. Если б в кино можно было бы иметь ту независимость, какая есть у романиста, искушение было бы огромным.

В последнее время мы несколько раз виделись с Шримптон[1]. Истинная причина, по которой она не может играть Лили, — ее неискушенность. Она меньше, чем кто-либо, умудрена в житейских делах, у нее умственное развитие радостного, уравновешенного четырнадцатилетнего ребенка. Восхитительная девушка. Равнодушный взгляд, с которым она смотрит на тебя с журнальных обложек, не имеет к ней никакого отношения. Она не встретилась с нами в воскресенье, потому что увидела на отцовской ферме гнездо зяблика и "просто не могла" не повезти туда Тери и не показать ему это чудо... Такая естественность очаровательна. Ей бы подошла роль нежного, великодушного создания в эдвардианской пьесе. И все же мне хотелось видеть ее в нашем фильме — из-за лица особенно; после проб — она играла лучше, чем я предполагал, но не настолько, чтобы произвести впечатление на остальных, — я наблюдал их с Элиз за ленчем в ее маленьком домике на площади Монпелье. Довольно застенчивая в общении, слегка напоминающая жирафенка, в робких и неуклюжих движениях есть даже нечто агрессивное, словно она скорее умрет, чем станет демонстрировать себя или просто двигаться более грациозно. Но это замечательное демократическое намерение "проваливается" из-за ее необыкновенного лица; ее угловатость сродни молчанию Гарбо — лишь усиливает очарование.

1. В то время она была подружкой Теренса Стэмпа.

От кастинга в кино голова может пойти кругом: такое несметное число красивых и талантливых актрис (и мужчин не хуже) из телевизионных студий находится в распоряжении режиссеров. Видя совершаемые Джин ошибки, я не мог не думать о тех молодых женщинах, которых каждую неделю вижу по телику; они могли бы тут блеснуть. Но кино не терпит конкуренции.

20 мая

Крит отпадает. Снимать будут на Майорке. И не по вине ребят. Фашистский переворот в Греции[1] и желание полковников нажиться на валюте (три миллиона долларов) нам отвратительны. Да и страховая компания откажется платить, если съемки задержатся из-за политической нестабильности.

Мнение Маклюэна (в "Инкаунтер" за этот месяц) о невозможности для литературы передать все значение слова — всегда происходит снижение его потенциала, получается фальшивый трюк по сравнению с истинной природой языка[2].

Сейчас пишу "Любовницу французского лейтенанта" и параллельно читаю Элизабет Гаскелл "Мэри Бартон". Ее диалог "современнее" моего — много сокращений и всего такого. Чтобы дать представление о времени, когда развивается действие моей книги, я поступил правильно, сделав диалог более возвышенным, чем тот, который использовали люди викторианского века. Мне кажется, это скорее создаст иллюзию присутствия. В каком-то смысле предельно точный викторианский диалог был бы *менее* достоверен. Не знаю, осуждал ли Маклюэн такое "искажение" реальности в романе. Если да, то я с ним не согласен. Роман — как бы разновидность метафоры, не отчет о жизни, а поэма о ней. Это относится и к романам гораздо более реалистическим, чем мои.

3–8 июня

В Лондоне. Окончательно доводим с Гаем Грином сценарий до ума. Наконец достигли некоего подобия соглашения.

1. *Речь идет о государственном перевороте, осуществленном 21 апреля 1967 г. офицерами греческой армии, и установлении в Греции авторитарного, крайне правого режима так называемых Черных полковников.*
2. Маршалл Маклюэн (1911–1980) после публикации прославившей его книги "Understanding Media" в 1964 г. стал влиятельным знатоком в области современной массовой культуры.
Упоминаемая Фаулзом статья "Театр памяти" вышла в мартовском номере журнала "Инкаунтер" (The Memory Theatre // Encounter. 1967. Vol. 28. № 3 (March), p. 61–66).

Он принадлежит к редкой породе людей: тугодум, но не дурак. Наши "согласования" прерывались долгими паузами, но в конце каждой — я привык их не нарушать, ведь дополнительные соображения только смутили бы его, — он изрекал нечто убедительное. Я многому научился у него — не только умению помалкивать. Чтобы быть режиссером, надо со страстью пуританина возненавидеть слово (у Уайлера это тоже было), возненавидеть литературную — лишнюю — фразу. Он терзает меня, как терьер, задавая вопросы: что я хотел сказать? что представляют собой персонажи? Часто он не понимает очевидных вещей — или притворяется, что не понимает, но я знаю: он ищет ключ к сцене, ему надо, чтобы ее понимала публика, среди которой будут японские крестьяне, чилийские интеллектуалы, люди из разных частей света, купившие билет. Ему на дух не нужна поэзия: слишком в ней много непонятного — пренебрежение к ясности смысла, диалог с самим собой, спусковой крючок у самого носа. Все эти каторжные голливудские штучки в надежде получить Оскара. Я мечтал о хорошем дизайнере, а вместо этого получил плотника, но, уверен, неплохого. На самом деле он перекроил весь сценарий и сложил его по-своему, сделав проще, а я получил удовольствие (здоровое смирение), помогая ему в этом.

22 июня

Все три недели трудился в поте лица в Лондоне — из-за сценария мы пережили несколько кризисов. Одно время казалось, что Гая Грина снимут с проекта: пошли тайные звонки, "прощупывание" на предмет других режиссеров. Я стал кем-то вроде секретаря при сценарной группе, пытаясь лавировать между моими тремя мастерами. В девяти случаях из десяти споры сводились к вкусовым пристрастиям, эти трое — увы! — никогда не слышали слов: Degustibus...[1] Бесконечный спор по сути был противоборством личностей, слегка замаскированный киношным жаргоном и повседневными подробностями. Не думаю, что сценарий от этого становится намного лучше; мы просто находим компромиссы, которыми, как жерновами, обвешано каждое совместное творчество.

Уже вырисовываются первые коммерческие трудности, связанные с массовой аудиторией и трудным характером звезд. Живем под постоянным страхом, нагнетаемым Джо-

1. Джон Фаулз имеет в виду крылатую фразу Цицерона: "О вкусах не спорят".

ном и Джадом; они боятся потерять Майкла Кейна, если у того не будет "сильной" заключительной сцены. Мысль о том, чтобы представить Мага учителем, а Николаса — человеком, которому надо поучиться, невыносима для них, это выбивает почву из-под ног Кейна. Поэтому придется прибегнуть к ненавистному для меня приему: хороший "ковбой" в конце концов побеждает плохого. Кроме того, у Гая страх перед самим предприятием — следствие путаницы в его сознании двух понятий "человек грамотный" и "писатель"; он вообще довольно невежествен в вопросах культуры, что плохо для фильма. У Джона Кона сексуальная неудовлетворенность. Он хотел бы, чтобы каждая сцена заканчивалась пылким объятием или преддверием секса. Джад подобен флюгеру; он часто бегает к своему психиатру, чтобы понять, почему его преследует чувство несостоятельности. Однажды вечером он сказал: "Почему я терзаю себя и семью, стараясь достичь совершенства?" На самом деле я отношусь к нему требовательнее, чем к другим. У него достаточно ума, чтобы понять, чего нам не надо делать, но ему недостает последовательности. То он бесконечно возится с одной строчкой, то ему все надоедает, и он хочет выбросить целые сцены.

Мы работаем в совершенно безумной атмосфере. Утром чрезмерно хвалим друг друга, ближе к вечеру отпускаем ядовитые замечания, сердимся. Возможно, в этом — проклятье совместного творчества: уважение к чужому мнению непременно приводит к тирании большинства, и тогда конечный результат становится усредненным, какой бы гениальной ни была отдельная личность. Однажды, когда они орали друг на друга, я сформулировал это в двух словах и записал их: "Музы молчат".

Однажды утром Джон Кон принес информацию о нашумевшей истории с "Роллинг Стоунз"[1]. Таинственная "голая девица" оказалась Марианной Фейтфул, а все ее действия сводились к тому, что она лежала, а из ее влагалища торчал шоколадный батончик "Марс". Молодые люди по очереди брали его и надкусывали. Фейтфул была одной из тех трех или четырех девушек, которых пробовали на роль Лили в "Волхве". Естественно, пошли мрачные шуточки: "Боже, ну и прославились бы мы при такой огласке..." или (каждый раз,

1. *Летом 1967 г. музыканты "Роллинг Стоунз" Мик Джаггер, Кит Ричардс и Брайан Джонс, а также тогдашняя подружка Джаггера, поп-певица Марианна Фейтфул, были арестованы за хранение и употребление наркотиков. Джаггер и Ричардс были привлечены к суду и получили условные сроки (первый – три месяца, второй – год тюремного заключения).*

когда увязали в сценарии) “ОК, начинаем с крупного плана батончика ‘Марс’”...

8 августа

Знойные дни, и у меня обычная летняя апатия. Следовало бы испытывать чувство вины за то, что я так ленив и не пишу ничего нового. Недавно я отклонил предложения пяти журналов или отложил на неопределенное время, сославшись на несуществующие обстоятельства, — на самом же деле я слишком поглощен dolce farniente[1]. Прошлогодняя лень, думаю, была частично связана с окончанием “Волхва” — длинного произведения, хотя причина не только в этом, а в ужасной усталости от публикации романа и отслеживания его дальнейшей судьбы. Вот что дается мне всего тяжелее. Публикация с каждым годом все меньше интересует меня. Увидеть свое произведение в печати мне хочется не больше, чем монаху играть в водевиле.

В прошлом году такая апатия не доставляла мне удовольствия, а в этом — доставляет. Три недели в Лондоне заставили вспомнить, как редко мы наслаждаемся здесь покоем, вспомнились здешние птицы, цветы, просторы. Я с ними один на один. И хотя ничего не пишу — лишь эпизодически возвращаюсь к “Любовнице французского лейтенанта”, ощущаю творческое горение. Я хочу сказать, что задуманных романов мне хватит, по меньшей мере, до пятидесяти лет, если к тому времени они еще будут меня устраивать: каждый день я все яснее вижу, что и как должен писать.

Анна опять с нами; за этот год она еще больше расцвела — маленькая, загорелая статуэтка Майоля — не только по формам, но и по тому теплу, которое излучает. Возможно, она простила нас.

6–20 сентября

Летим на Пальму. Мы с Элиз — единственные пассажиры в первом классе, под нами восхитительное море, затянутое розовыми и кремовыми барочными облаками. Пальма на первый взгляд (да и на все последующие) так непохожа на Грецию, что сразу же по приезде мы сникли, хотя отель наш уютный и старомодный и стоит на берегу центрального залива.

Во всяком случае с архитектурной точки зрения Пальма красивее Малаги. Это быстро растущий город, что необычно

1. Сладким ничегонеделанием (*итал.*).

для Испании; интернациональный город и, учитывая испанский строй, международный фашистский город. Повсюду богатые бельгийцы, французы, немцы — видно, что они в восторге от этого солнечного места. Политически городом управляют Церковь и фалангисты, а финансово — барселонские евреи — les chouettes[1], крючковатые носы. Для Европы — это Майами, крупный и дешевый туристический центр.

Можно сказать, тут сосредоточена энергия праздности, забота города — производство развлечений. Социальные отношения тут безобразны.

Вилла Кончиса мила, но больше киношная, чем греческая; и ее местоположение не совсем удачно: живущий по соседству землевладелец прокладывает неподалеку дорогу. За деньги он был готов остановить бульдозеры, но, получив отказ, продолжил работу. Дон Эштон, спроектировавший виллу, показал нам окрестности. Оба пляжа изгажены туристами, и каждый прилив приносит очередную порцию мусора. Ничего похожего на целомудренность Греции, на девственно чистые пляжи.

Утомительность натурных съемок — фильмы, подобно нашему, традиционно требуют огромного количества техники. На подготовку крошечной сцены уходит, по меньшей мере, полчаса; возня с аппаратурой, сбор зазевавшихся участников занимает почти все это время, а сама съемка — считаные минуты. Глупо, когда рамка оказывается важнее картины.

Первый день съемок Майка Кейна. Хорошее впечатление от его работы — безукоризненная точность, какой никогда не встретишь у любителя. Мне дали возможность сыграть с ним в одной сценке[2], так что теперь я могу судить. Конечно, мне было известно, что надо делать, но при работающей камере все совсем иначе.

Майк Кейн потом сказал: “Всегда кажется, что ты держишься и говоришь неестественно. Надо просто найти способ одурачить публику и заставить ее поверить в органичность твоей игры”. Он далеко не дурак, в том что касается его профессии, и его поведение в перерывах между съемками, когда у него поминутно просят автографы и фотографируют, подтверждает это.

Анна Карина с нами — хорошенькая и живая, но создается впечатление, что ее поведение bentrovato[3]. Ее живость, как

1. Совы (*франц.*).
2. *Джон Фаулз сыграл эпизодическую роль капитана корабля.*
3. Хорошо придумано (*итал.*).

аромат хороших французских духов — безумно соблазнительных, но не дающих забыть об их цене. Ледяные глаза выдают ее скандинавское происхождение. Однако она будет приковывать к себе внимание в каждой сцене, а именно это нам и нужно.

Пьем на прощанье с Гаем. Его сыну нужно возвращаться в школу, но мальчик настолько покорен процессом создания фильма, что вымолил у родителей согласие остаться до конца съемок в качестве мальчика на побегушках. "Если он хочет серьезно заняться нашим делом, то должен начать с самого низа", — говорит Гай. Я же не уверен, что это лучший путь к профессии режиссера. "Опыт, — продолжает Гай, — опыт — это все". Такой взгляд отражает весь идиотизм киноиндустрии. Они верят, что хорошему режиссеру знание технических средств производства важнее общей культуры. Как будто само искусство не доказывает противного.

14 октября

"Любовница французского лейтенанта". Написал примерно три четверти романа и, как всегда, полон сомнений. Кажется, я претендую на слишком многое. Хотя писать — в радость. Перед сном читаю "Балканскую трилогию" Оливии Мэннинг. Очень хороша, нечто вроде Во в утонченном женском варианте; удивительно здравая, очень английская и сдержанная по стилю проза. Никакого анализа характеров — только поступки и слова самих героев; те сравнения и метафоры, какие есть в книге, замечательно точные и яркие: так зимний день в Бухаресте "цветом напоминает синяк". Никакой явной иронии. Это действительно пример nouveau roman[1] и великолепный образец английского романа двадцатого века в духе Форстера. Часть меня стремится писать так. Разрываюсь между желанием писать как англичанин и, напротив, восстать против такой манеры.

27 октября

Закончен первый вариант романа.

28 октября – 7 ноября

Новая квартира в Хемпстеде[2]. Небольшая, красивая, все новое — мы здесь первые жильцы, но она так далеко от нашей фермы, что такое расстояние даже трудно вообразить.

1. Нового романа (*франц.*).
2. Новая квартира была на Хемпстед-Хай-стрит, 11, недалеко от станции метро. Раньше, между 1954 и 1964 гг., Джон и Элизабет снимали квартиры в разных местах Хемпстеда.

Однако приятно вновь оказаться в центре этого района, где через дорогу жила Эдит Ситуэлл[1] и располагалась библиотека, хотя дома выросли на месте прежних конюшен. За прошедшие пятнадцать лет здесь многое изменилось — появились бутики и модные молодые люди. Но кое-что сохранилось — места и знакомые лица. Я рад, что нам удалось узнать Ноттинг-Хилл-Гейт, но еще более рад тому, что мы вернулись сюда.

"Персона" Бергмана. С каждым его новым фильмом становится все яснее: он лучший современный режиссер. Образец экономности — и при ограниченных использованных средствах та же точность, что в фугах Баха. Два ракурса, одно место действия, минимум обстановки; простой монтаж, сдержанное движение камеры. Манера почти японская, и в то же время фильм явно вырос из искусства Северной Европы. Уверен, со временем Бергмана приравняют к Ибсену и Стриндбергу; и если нам суждено когда-нибудь иметь настоящий английский кинематограф, то придется ориентироваться на его пример.

"Война окончена" Рене[2]. Еще один хороший фильм.

8 ноября

У нас асфальтируют дорогу. Печально, что не будет старого проселка, но ездить по нему можно было только на первой скорости.

9 декабря

Неожиданно повалил снег, и сильно похолодало. До сих пор даже на почве заморозков не было. Впервые мы увидели здесь снег. Очень красиво — снег verglas[3], он покрыл инеем ветви и стволы деревьев. Украшены даже самые маленькие веточки; они обледенели, а сверху присыпаны снегом, создавая восхитительную матовость. Холод вызвал необычную миграцию птиц: восьмого и девятого они со скоростью 50—100 ярдов в минуту летели в направлении Корнуолла и Северной Ирландии. Среди них больше всего жаворонков — сегодня от девяти до десяти часов утра они тянулись непрерывным потоком. А также сотни певчих дроздов, дроздов-белобровиков,

1. *Эдит Ситуэлл (1887–1964) – английская поэтесса, прозаик, литературный критик (наследница рода Плантагенетов по женской линии).*
2. *Военная драма (1966) классика французского киноискусства Алена Рене (1922–2014).*
3. Обледеневший (*франц.*).

много дроздов-рябинников, были и скворцы (хотя их основная масса пролетела ближе к закату), а также черные дрозды. К морю направились крупные стаи зеленых ржанок. Своего пика миграция достигла к одиннадцати часам утра; вечером, за исключением скворцов, пролетали только отставшие птицы. Я не мог работать, остро чувствуя странное родство с птицами — всегда его чувствовал, но здесь это усилилось. Я простоял оба утра, наблюдая за этим странным потоком живых существ, летящих над фермой и Андерклиффом.

Видел также на кусте снегирей — семь самцов и одну самочку; в снежное время они не так боязливы. Прилетели поклевать ягоды на бересклете. Еще видел лису — она стояла всего в нескольких ярдах от меня, рыжий мех на спине пылал огнем, а брюшко казалось еще белей от близости снега. Этот отраженный от снега свет великолепен, лучше — только крылья чаек: их белизна совершенна. Склон за фермой, поросший ясенем и колючим кустарником, словно возник из сказки — нет сравнения, чтоб описать подобную красоту. Просто чудо — каждая веточка будто из хрусталя; когда видишь эти нежные хитросплетения, вновь превращаешься в ребенка. А море совершило нечто невероятное, обрело новый цвет — серо-голубой с бронзовым отливом.

Съемочная группа в Лондоне, съемки на Майорке закончены. Говорят, Карина всех затмила. Финал снова изменили, но хотя бы не в сторону усложнения. Я потерял к фильму интерес; нет никакого желания вновь входить в эту кухню. Впрочем, мы не можем ехать в Лондон в такую погоду, так что проблема решена.

24 декабря

Зацвели первые фиалки.

25 декабря

В Рождество одни на ферме.

31 декабря

Похоже, все газеты сошлись на том, что 1967 год был неудачным (хотя они и сами приложили к этому руку). Вернулись и прочно укоренились старые национальные грешки; медленно созревающая английская шизофрения распустилась пышным цветом, и эти цветы никого не радуют. В этом году я заработал больше двадцати одной тысячи фунтов — двенадцать из них уйдут на уплату налогов. Будь я бизнесменом, меня бы это злило. А так я остаюсь почти безучастен.

Доход свыше десяти тысяч или около того кажется мне несправедливым, и я не хочу делать для себя исключения. Права на "Любовницу французского лейтенанта" я передаю в благотворительный траст, чтобы помочь Хейзел, Анне и остальным родственникам.

Сейчас в Англии интересно жить. Но я далек от всего этого, меня совершенно не волнуют национальные трудности. Словно все происходит в чужой стране — не в моей. Думаю, такое отношение довольно распространено. Огромная разница между тем, что газеты и телевидение говорят о том, что мы думаем, и тем, что мы думаем на самом деле. По сути, все, что нас заботит на низшем уровне, — это сколько денег можно заполучить в современной жизни, то есть сколько свободного времени и развлечений мы можем иметь. И, наоборот, — полное недоверие к общественно-государственным расходам, ко всему общественному. Мнение Британии, роль Британии в мире, судьба Британии — кого это интересует? Мир может спокойно обойтись без англичан; и каждый раз, когда мы вмешиваемся в международные дела (или просто пытаемся проявить дружелюбие — как в вопросе Общего рынка), нас бьют по носу и унижают[1]. Так что мы пребываем в пассивном состоянии. Думаю, только катастрофа (или медленный естественный процесс) способны вывести нас из этой летаргии.

Кризис или революция — но цена тут такова, что отсеивается даже добро, что приходит вместе со злом.

1968

6–23 января

Элиз уехала. Я предполагал в эти дни закончить "Любовницу французского лейтенанта", но одна захватывающая история, которая некоторое время крутилась у меня в голове, вдруг потребовала, чтобы ею немедленно занялись. Вот я и написал ее за семнадцать дней — 110 000 слов. Раз в день я плотно ел, а работал с девяти до часу или до двух. В каком-то смысле рассказ был реакцией на интеллектуализм рассказанной от третьего лица "Любовницы французского лейтенанта". Ничего серьезного: просто стремительная и таинственная любовная история.

Название: "Кто-то должен это сделать".

1. Один из самых заметных ударов по национальному самолюбию нанес в мае 1967 г. президент де Голль, наложивший вето на просьбу Англии присоединиться к Общему рынку.

29 января

Элиз возвращается. Разлука идет нам на пользу. Ее энергия в борьбе с обстоятельствами, мое равнодушие ко всему, кроме пишущей машинки. Мне нравится жить — но не спать — одному.

17 февраля

Встреча с Теренсом Стэмпом на его съемочной площадке (квартирой место, где он живет, можно назвать с большим трудом) в Олбани. Он как всегда напряженный, слегка мрачноватый — вроде и рад тебя видеть и в то же время не прочь отделаться. Хотя он преуспевает — Феллини приглашает его в свою новую большую картину[1], — однако производит впечатление человека утратившего связь с реальностью. Еще больше отдален от общества, чем я. На днях он встретил Эдварда Хита[2], который тоже живет в Олбани. Тот пригласил его на ленч. Тери развлекал его беседой три часа: "Он мог бы узнать для себя много нового, но явно не улавливал сути и как бы не слышал того, что я говорю". Кажется, Хит сказал, что поведение Вильсона[3] в палате общин испугало и расстроило его. Тери дал такой совет: "ОК, ты сидишь напротив, на скамье оппозиции, видишь, что старик Вильсон встает. Как только его слова начинают тебя раздражать, ты скажи про себя: "Сегодня утром Гарольд проснулся у себя на Даунинг-стрит, спустился на кухню, приготовил отличный чай — нагрел чайник, сделал все по правилам — и понес его наверх своей старухе, надеясь, что вот сегодня она раскроет ему объятия и они наконец хорошо потрахаются. Но старая перечница только вздохнула "О боже!", повернулась на другой бок и снова заснула. Вот ты и подумай: он хочет расстроить не меня, а свою супружницу или еще кого-нибудь. Так что выяснить нужно только одно: кто так выводит Вильсона из себя, что ему приходится портить мне нервы. Вот тогда я смогу на него влиять".

Я спросил у Тери, воспользовался ли Хит его советом. "Он ничего не понял, — сказал Тери. — Совсем разучился слушать".

1. *Точнее – в совместную картину трех режиссеров (Роже Вадима, Луи Маля, Федерико Феллини) "Три шага в бреду" (1968), состоящую из трех киноновелл по произведениям Эдгара По. Теренс Стэмп исполнил главную роль в третьей новелле, "Тоби Даммит", снятой по мотивам рассказа "Никогда не закладывай черту своей головы".*
2. Эдвард Хит — премьер-министр Великобритании (1970—1974) от Консервативной партии
3. Гарольд Вильсон — премьер-министр Великобритании (1964—1970) от Лейбористской партии.

От Тери я пошел повидаться с Роем — он недавно решил, что нам надо встретиться наедине и поговорить об Анне. Хотя об Анне говорилось мало. На самом деле он хотел сообщить мне, что, наконец, его книга в печати. Я сказал: "Ну и хорошо, теперь забудем о прошлогодней истории". Но он не мог. Больше всего его обидело, что я раскритиковал диалог. "Нравственный" аспект был только придиркой. "Вспомни, как обошелся Достоевский с Тургеневым, но тот не обиделся"[1], — сказал я. "Но между ними не было Анны". Считая себя не хуже Достоевского, он продолжил все ту же тему. Его работа понравилась Хатчинсону, тот не изменил в рукописи ни слова. "Я рад, Джон. Думаю, у меня получилась хорошая книга". И все в таком же роде. Этот разговор происходил в помещении убогого паба в конце его улицы. Он нервничал, бедняга. Старался не быть агрессивным, но у него плохо получалось. Я же кротко смотрел на него, слушал и говорил как можно спокойнее. Как обычно, он в конце сказал, что мы могли бы быть близкими друзьями, я ему нравлюсь — а как насчет моего отношения? Мой ответ был: увы, я рожден троянцем — боюсь греков и т. д. Однако благодаря тому, что он все время говорил о своей книге (она называется "Плач соловьев"), вечер закончился вполне благополучно. Ситуация с Анной, похоже, сводится к тому, что Джуди устала от нее, от смены ее настроений и (возможно) хотела бы выставить ее из дома. Так что теперь мы думаем позволить Анне провести преддипломный год перед художественным колледжем в Эксетере.

21 февраля

Встреча с адвокатом, который предлагает нам использовать дискреционный траст[2]; его, похоже, больше забавляет, чем волнует, безнадежность ситуации. Нам не избежать налога на прирост капитала; мне нужно найти такую систему налогообложения, которая не превышала бы 30 процентов оценочной стоимости без учета другого дохода; так что все зависит от того, примет ли на веру Управление налоговых

1. Два писателя, дружившие между собой, в 1867-м поссорились в Баден-Бадене. Достоевский был должен Тургеневу деньги, но, вместо того чтобы отдать долг, обругал роман "Дым", обвинив Тургенева в ненависти к России и в атеизме. Пять лет спустя Тургенев узнал, что Достоевский в своем романе "Бесы" создал на него карикатуру, но оставил это без последствий. "Раз это доставляет ему удовольствие... Можно было бы обвинить его в клевете, но он безумец — в этом у меня нет ни малейшего сомнения".
2. *Траст – юридическое соглашение, по которому человек передает активы доверительному собственнику. Наибольшее распространение получил дискреционный траст, дающий широкие полномочия доверительным собственникам.*

сборов достаточно низкую цифру. Ситуация со сбором налогов становится откровенным фарсом. По меньшей мере, в течение трех лет я не могу публиковать ничего, что не облагалось бы налогом по высшей ставке: выходит, 90 процентов моих заработков исчезнут в этой ненасытной утробе. Единственный выход — жить за границей. Однако не хочется покидать Англию по материальным причинам — все, что мне остается, это работать даром.

Работаю с девушкой, которая переводит "Волхва" на французский. Она совсем не глупа, но ее окружает удручающая атмосфера усталости и безденежья. Уже появилось несколько смехотворных переводов. И это связано не с выходом фильмов, а с тем, что 90 процентов всех переводов делаются халтурно. Переводчикам платят гроши — отсюда и такой результат. Это не их вина.

25 февраля

Вчера вечером вернулись из Лондона — поздно, было совсем темно. Я мельком обратил внимание, что не вижу старого вяза в дальней части Бэча. Однако было слишком темно, чтобы делать какие-либо выводы. Но этим утром — сегодня воскресенье — я пошел на зады сада и там обнаружил, что весь нижний Бэч осел. Там, где прежде росли грибы, теперь был крутой обрыв с обнажившейся желтоватой землей. Удивительно, но шедшая под уклон земля опустилась, образовав плоскую поверхность, похожую то ли на теннисный корт, то ли на полигон. По лугу прямо к живой изгороди протянулись огромные трещины; примерно в сорока ярдах от садовой ограды была самая большая расселина. Самый дальний край Бэча рухнул к морю. Необычайная вещь — словно за время нашего десятидневного пребывания в Лондоне Господь Бог решил изменить пейзаж и для этой работы согнал тысячи людей.

Сердце мое екнуло: я тут же понял, что потерял около пятнадцати тысяч, — именно столько мы заплатили за дом и необходимые перестройки. Теперь за все это почти ничего не выручишь. Но после наводящих уныние лондонских прикидок, как сохранить заработанные в будущем деньги или хотя бы суметь их потратить, то, что произошло сейчас, кажется чуть ли не радостным событием... Освобождением. Вызовом. Ясно, что теперь нам придется уехать отсюда — и из страны тоже. После двух часов обсуждения мы решили, что должны жить в Париже. Элиз говорит, что мы еще слишком молоды, чтобы пускать корни. Что-то в этом есть, и это

заключается не только во владении слишком многим, не только в антиквариате и оранжереях, но и в любви к одиночеству и природе.

В случившемся обвале есть странная красота хаотического творения: беспорядочные, вздыбленные пласты дерна, обнаженные кремниевые породы, позеленевшая галька, похожая на старые золотые монеты; даже забор покосился, как бы показывая, насколько земля ненавидит заборы, и как она возрадовалась, получив наконец возможность восторжествовать над ними.

Большую часть дня мы провели, стараясь переварить произошедшее. В каком-то смысле мне хотелось немедленно покинуть это место, передав заботу о нем профессионалам, скупщикам мебели, аукционерам, специалистам по сносу и разборке домов. И продолжать жить в другом месте. Не могу присутствовать при упаковке и разборе вещей.

26 февраля

Погода прекрасная, если не считать холодного восточного ветра.

Любопытно: барсук, чья нора находилась у подножья рухнувшего склона, по-прежнему там, будто ничего не случилось.

Ночное пробуждение, чувство, что все это просто дурной сон, и постепенно приходящее осознание, что случившееся — реальность.

Меньше всего беспокоит потеря денег: в каком-то непонятном для меня смысле они мне противны. Внешне неприятен ущерб, понесенный в Хайгейте, но в глубине души меня это даже радует. Заработанные мною деньги не улучшают положения. Здесь я потерял пятнадцать тысяч фунтов, но заработал намного больше (на бумаге, конечно, не в жизни — из-за налогов) на сценарии для одного только "Волхва". Деньги для меня больше не являются чем-то реальным, как для других людей. Я понял это во время бесед с Боксолом и юрисконсультом по налогам. Для них деньги — нечто, к чему надо относиться серьезно и уважительно; для меня — головная боль, то, что мешает заниматься по-настоящему важными вещами. Поэтому я трачу их беспорядочно.

Все равно что проиграть в рулетку небольшое наследство. Почти удовольствие: ведь мало кто его испытал.

И еще одна вещь: я все больше становлюсь англичанином, для меня Англии слишком много. Болезненная связь с прошлым страны. Тайное освобождение — мечты о поездке на шесть месяцев в Персию, отдыхе в Японии, Перу и в дюжине других

мест. Не иметь возможности путешествовать стало своего рода удовольствием — так и запор может стать удовольствием.

27 февраля

Как я был прав, дав этому месту прозвище Nilmanet[1].

2 марта

Очень странно, что уже седьмой день нет ни ветра, ни дождя, будто земля после той безумной ночи наслаждается покоем и сном. Стараюсь не думать о том, что будет, когда пойдет дождь. Трещины по всему Бэчу постоянно увеличиваются и в длину, и в ширину, а задняя ограда, которая сократилась на несколько футов, торчит из глины, твердой черной глины — ненадежной плиты с песком по верху. Тяжелые глиняные глыбы вышли наружу, когда сошел почвенный слой. Похожие на черные горки, предательски скользкие под золотистым песком и коричневатым слоем суглинка.

Мы оставили ферму на старого Халберда, свекра Джейн, и попросили как можно скорее ее продать. Он так и брызжет оптимизмом, хотя в глазах читается: этого можно было ожидать.

Боксолл — против Парижа. Вчера нас вдохновили Нормандские острова. Но цены на собственность кусаются, и еще мы узнали, что там надо прожить не менее двух лет, чтобы получить разрешение на покупку дома. Боксолл хочет, чтобы мы все время переезжали с места на место, нигде не оседали и таким образом уклонялись от налогов. Мне такая мысль нравится, но она воскрешает в Элиз прежние страхи. На самом деле происходит странная метаморфоза: я рвусь с места, а Элиз вдруг понимает, что несмотря ни на что любит нашу добрую старую ферму.

Неожиданно объявилась сипуха. Прилетела днем, кружила по саду, вокруг студии, сидела на ограде, глазела на меня. Я видел ее здесь впервые, поэтому она казалась не просто птицей, а чем-то бóльшим. Предзнаменованием. Вчера мы полчаса изучали ее белую физиономию в форме сердечка со странными струйками крови, струящимися вдоль клюва из внутренних уголков прекрасных темно-карих глаз (на самом деле это были ржаво-красные перья). Действительно очень красивое, производящее серьезно-комическое впечатление создание — ничего зловещего. Когда она охотится на лету, то похожа на огромного, мускулистого мотылька. Большая голова, символическая плачущая маска создают гротескное впечатление, и в дополнение — аккуратные белые штанишки на лапах.

1. Ничто не вечно (*лат.*).

Сейчас я уже лучше разбираюсь в своей реакции на случившееся и вижу, что осталось одно только облегчение. И ощущение, что, хотя Дорсетшир был тупиком, я рад, что мы его узнали. Такое должно случаться с писателями. Это своего рода проверка стабильности, истинности философского состояния души – своего рода срывание привычных ярлыков. Я называю себя экзистенциалистом, но всегда при этом испытываю некоторую фальшь – интеллектуальную, литературную. Но в этой ситуации такая позиция очень помогла – во всяком случае, до сих пор помогала – принять реальность. На сегодняшний момент мы жертвы двух типов обстоятельств, над которыми не властны: земельный оползень и ситуация с налогами. Но истинная свобода не только в выборе будущих действий, но и в сегодняшнем поведении. Любопытно, меня не покидают мысли о Вольтере – Вольтере в "Кандиде": тут почти опора, поддержка, шедевр практической помощи в данной ситуации. Его парадоксальный вывод, что жизнь абсурдна, жестока и радостна (нельзя ничего изменить в этих трех определениях, потому что последние два определяют природу первого). В Кандиде (а это сам Вольтер) вызывает восхищение его способность подниматься после каждого удара судьбы и с улыбкой смотреть в будущее. Я читал "Кандида" давно, но в последние дни он припомнился мне вновь, став уместной поддержкой, большим утешением. Думаю, это случилось в тот момент, когда я увидел искореженный луг, и моей первой непосредственной реакцией стал смех. Частично – от шока. Но зрелище и в самом деле было смешным, хотя жертвой стал я сам.

Еще два следствия: во-первых, литературная работа стала приносить больше удовольствия. И – резкая перемена в Элиз: в ней заново вспыхнула любовь ко всему, что есть хорошего в этом месте, – птицам, свету, живым приметам весны. Видеть это все в последний раз или, более точно, *как если бы в последний раз.*

5 марта

Из Голливуда вернулся Джад, он показал черновой монтаж фильма Зануку и другим воротилам студии "Двадцатый век". По его словам, они пришли в восторг; его слова мало что значили бы для меня, не будь они подкреплены подписанным с Гаем Грином контрактом на полнометражную картину – снимать ее он должен этим летом – и просьбой вырезать последнюю сцену (хеппи-энд в Лондоне), чего мне всегда хотелось самому. Осенью фильм выходит на экраны.

Выгребаем разный хлам – в результате огромный костер. В сумерках я сидел в студии и увидел вдали на заборе большую

черную тень. Тень скользнула на землю, прокралась через сад к смоковнице, забралась на нее, нагадила на ограду, погуляла по ней, снова спрыгнула на землю и по тропе пришла под мое окно. Я вышел наружу и позвал ее. Но она убежала. Абсолютно черная кошка. Ни у кого из соседей такой нет. Никогда ее раньше не видел. А потом над моей головой пролетела сипуха.

7–9 марта

Едем в Лондон, чтобы посмотреть черновой монтаж "Волхва". Кроме нас на просмотре присутствовали Джад и Макс – редактор по монтажу. Чувство разочарования – особенно горькое после глупой надежды, вспыхнувшей после реакции Голливуда. Куин хорош, две девушки – тоже, но Кейн исключительно плох, он абсолютно неубедителен в роли выпускника английского университета – пусть даже пролетарского происхождения. На экране видишь просто Кейна, высокооплачиваемую европейскую кинозвезду, – он играет роль, которую не понимает. Похоже, даже не умеет реагировать – не то что играть. Виноват, конечно, Гай Грин – только у Куина есть талант, позволяющий обойтись без режиссера. Ни поэзии, ни тайны. И что всего хуже – они жутко порезали фильм, сцены так быстро сменяют друг друга, что нет ощущения пространства и даже короткой передышки. Провал Кейна, который почти все время находится на экране, особенно ударил по фильму, это единственная роль, которую ни в коем случае нельзя было испортить.

Посмотрел картину еще раз через два дня, часть за частью; на этот раз она не показалась мне такой ужасной, несмотря на то что в промежутке между частями мы увидели по-настоящему блестящий фильм ("Слуга Шекспира"), в котором было все то, чего нам не хватало... Любовь, искусство, человечность. Договорились кое-что вырезать, кое-что восстановить, произвести и другие доработки.

А первый вечер был из рук вон плох. Джад во время просмотра исчез – пошел звонить в Рим. Потом мы отправились в "Терраццо", за соседним столиком сидел Дзеффирелли и целая плеяда звезд – Ричард Харрис, Линн Редгрейв. Харрис обратился ко мне, чтобы сказать, как ему понравился "Коллекционер". Я едва мог говорить с ним. Эти знаменитости... как плохо их культ сказывается на искусстве.

Вчера я выяснил, как произошел обрыв. Рухнул нависший над морем большой холм. Место, где первой созревала земляника, безвозвратно ушло, нижние слои зашевелились, началось беспорядочное движение вперед глины и гальки. Холм развалился ярдов на тридцать по берегу, задерживая воды прибоя.

Сегодня — еще один чудесный день, восхитительная весенняя голубизна (дождя по-прежнему нет) — я чинил старый забор, укреплял столбы и натягивал проволоку. Не хочется, чтобы оценщик увидел, какое здесь царит разорение. Грустно видеть в таком плачевном состоянии Бэч — несомненно, старейший луг в этих краях, средневековый луг, на нем, как на всех старых пастбищах, было множество грибов. Целый микрокосмос сгинул.

15 марта

Мировая экономика разваливается: Лондонская фондовая биржа и Лондонский рынок золота закрыты, непредвиденные банковские каникулы, ощущение тридцати трех несчастий, эгоистическое западное мироустройство катится к закату[1]. Чувствую некоторую симпатию к французам, которых осуждают все эксперты: мотивы их действий в основе действительно политические. Но сама идея хранить золото, создав из него как бы хребет экономики, до того неудачная, что хочется приветствовать все, что встает у нее на пути. Золото по сути своей — недемократический металл: он ассоциируется со скрягами, накопителями, ставящими свои интересы выше общественных. События последнего года вообще схожи с тем обрушением, что случилось у нас на ферме: повсюду говорят о распаде Коминтерна, о пошатнувшемся российском стиле коммунистического руководства[2]. Но никто не ожидал возникновения подобных затруднений у капиталистического Запада.

Прослушав эти мрачные известия, я вышел вчера вечером в сад — великолепный весенний вечер, совершенно чистое небо, полная луна, ни ветерка, светящийся мягким серебром безграничный морской простор. Царящие вокруг мир и покой по величию не уступали поздним бетховенским адажио; история, время, человеческие заблуждения — все казалось таким ничтожным здесь, что я даже улыбнулся. Гармония подобных минут в том, что осознаешь: такая красота существует и ее можно

1. Произошедшая в ноябре 1967-го девальвация фунта стерлингов привела к спросу на золото. В то время как Франция отказалась участвовать в международном объединенном золотом резерве, цель которого была удерживать твердую цену на золото, Англия в пятницу 15 марта 1968-го объявила о чрезвычайных банковских каникулах. Объединенный золотой резерв был официально упразднен, а Лондонский золотой рынок еще две недели был закрыт и открылся только 1 апреля.
2. Наиболее значительный факт: 5 января первым секретарем Коммунистической партии Чехословакии стал Александр Дубчек, который провел серию либеральных реформ, получивших название “Пражская весна”, вызвав тем самым большую тревогу Советского Союза и других социалистических стран.

видеть — это совершенный интервал, аккорд, который в одно мгновение охватывает все. Все оправдано теперь, теперь оправдано все. Я передал свои впечатления поэтическим языком, но на самом деле это важнейший научный закон.

24 марта

Неприятный мистер Стидз предложил за ферму 12 тысяч фунтов, так что теперь придется относиться к нему немного лучше. После катаклизма земля все еще приходит в себя. Сама сделка по его предложению состоится в сентябре, так что теперь важно, как поведет себя земля. Мы хотим провести здесь еще одно лето, но, боюсь, как бы оно не обошлось нам слишком дорого.

15 апреля

Приехал Джад. Буду писать сценарий — не ради него самого, а ради замысла (в основу положена пьеса Айры Левина[1]), его захватившего, — о попытке воплотить в условиях новоанглийской деревушки идеи платоновской Республики. Начну 1 мая — к этому времени я должен завершить "Любовницу французского лейтенанта".

Я как раз работал над романом, когда на открытую страницу выполз паучок редкого вида, Scytodesthoracica, совсем молоденький. Взрослые особи, вероятно, живут в мастерской: эти пауки не обитают в природной среде. У scytodes остроумно решен механизм охоты. Паук захватывает добычу приемом retiarius[2], прыская изо рта микроскопической клейкой струйкой и в то же время качая головкой, будто поливает жертву из шланга. Таким образом, бóльшая по размеру жертва взята в плен.

9 мая

Три часа, самый разгар солнечного дня, а у меня под окном лиса. Крупная и смелая. Оглядевшись, она энергично побежала дальше, вдоль сараев, потом — на верхний двор. Кажется, ни одно животное не производит впечатления такой порочной и дикой независимости, Мне кажется, еще один — юмористический — аспект легенд о лисах, которые считаются такими хитрыми, вороватыми, как-то связан с их хвостом. Почему эволюция наградила лисицу таким длинным хвостом, остается загадкой: ведь животному он только в тягость.

1. Пьеса Айры Левина "Сад доктора Кука".
2. Ретиария, то есть гладиатора, вооруженного сетью, которую он старался накинуть на голову противника, чтобы затем поразить его (*лат.*).

12 мая

Заканчиваю первый вариант сценария по Айре Левину. Начал писать 29 апреля. Работы еще много, но самая трудоемкая часть сделана.

1 июня

Подписан договор о продаже фермы. Мы должны съехать 15 сентября.

Парочка косуль обосновалась в дальнем конце луга. Когда мы подошли ближе, они, стоя в зарослях папоротника, навострили уши. Косули думали, что не видны: их головы скрывал высокий папоротник, но белые ушки трогательно и смешно торчали наружу. Даже когда они лежат, я обычно их замечаю: ни с кем не спутаешь этот ярко-коричневый цвет, такой заметный в просветах между растениями. Однажды вечером мы разозлили самца, и он проводил нас с рычанием до середины луга. Слишком грозный рык для такого небольшого животного.

В зарослях утесника должна быть лисья нора. Мы видели лисят, гревшихся на вечернем солнышке.

6 июня

Убийство Роберта Кеннеди. "Волхв" должен был впервые выйти на экраны этого города и в тот же самый день[1]. Просмотр, естественно, отменили. Классическая ситуация — то же самое, что было с Освальдом: оба убийцы — *никто*, ничего не представляющие собой люди. Не верю, что объяснения Сирхана правдивы: что он якобы считал Кеннеди про-израильски настроенным политиком. Его мотивом, как и у анархистов девятнадцатого века, было желание прославиться, перестать быть никем. На первом судебном заседании он давал краткие ответы "да" или "нет" и больше всего был озабочен тем, чтобы его фамилия произносилась правильно, и этого можно было ожидать. Так что теперь Сирхан войдет в историю, независимо от того, что случится с его телом. Когда пошел слух, что у него была помощница, несколько женщин бросились в полицию доносить на себя. Показательно, что это случилось в Америке, ведь там такие неудачники терпят сокрушительное поражение (от более удачливых соплеменников) и более остро ощущают свои промахи.

1. Роберт Кеннеди был убит палестинцем, арабом Сирхан Сирханом, в лос-анджелесском отеле "Амбассадор" 5 июня во время президентской избирательной компании. Кандидат от демократической партии Кеннеди, получив большинство голосов в Калифорнии, собирался провести там пресс-конференцию.

20–26 июня

В Лондоне. Делаю телевизионную передачу и обсуждаю с Джадом сценарий по Левину. Два сезона мы плодотворно сотрудничаем, и теперь я понимаю, как много из прошлых трудностей нужно отнести за счет Джона Кона. Возможно, мы с Джадом составляем своего рода еврейско-гойское равновесие, некое взаимное понимание и терпимость — качества, которые ни один из нас не демонстрирует своим единоверцам. Он стыдится, что Джон его соплеменник, — точно так же и я испытываю чувство стыда за многих англичан.

23 июля

Элиз прочла "Любовницу французского лейтенанта", ей не нравится концовка и эпизод с Кэрролл. У меня тоже были подобные сомнения, и теперь я переписываю эти места. Слава Богу, на этом этапе работы персонажи еще мобильны и легко поддаются изменениям.

30 июля

Десять дней назад мы приехали на мельницу Чарли, где встретились с Роем Кристи и Джуди[1]. Они явились уже на следующий день, чтобы провести с нами вечер в надежде на примирение. Вечер затянулся до утра; для меня эти десять часов были самыми томительными в жизни. Рой по-прежнему опасно балансирует между неудержимым гневом и попыткой самообладания, — старанием контролировать свое обычное поведение. Он решил, что его сильная черта в литературе — сочетание комизма и серьезности. ("Только Шекспиру и Диккенсу это удавалось". Мне понравилось это "только".) В неофициальной обстановке внезапные приступы довольно агрессивного подтрунивания сменяются у него неожиданной серьезностью и даже важностью. Но под этим все та же мания величия и эгоизм; не думаю, что найдется второй человек, которому были бы так же не интересны другие люди. Около двух часов, после того как было выпито все на столе, Рой потребовал, чтобы я ежемесячно высылал ему чек на содержание Анны. После этих слов он вдруг разразился рыданиями. Все мы стали его утешать. Конечно, конечно... Но разве мы не предлагали этого раньше? Нет никаких причин волноваться... Ненависть ушла. Перемена была очень резкой, он поступился самолюбием — сказать было нечего. Поэтому мы сидели и молчали, пока он не

1. Друг супругов Кристи Чарли Гринберг незадолго до этого купил загородный дом в Фаруэе (Восточный Девоншир).

пришел в себя и не позволил нам добрыми словами вновь вернуть его хорошее настроение.

Мы вновь встретились с ним — теперь уже в Лондоне. На этот раз присутствовала и Анна. После двух часов, когда все из кожи лезли, чтобы быть приятными друг другу, Рой отправился в паб. Я пошел с ним. Мы сидели и пили пиво. Рой снова сел на своего конька: он так надеется, что мы станем добрыми друзьями — более того, близкими, у нас так много общего... Я, по своему обыкновению, упирался. Думаю, его симпатия основана на моем "уважительном" выслушивании его самовлюбленных тирад, с которыми я почти никогда не спорю. Он же видит в этом возможность более близкого общения. Я промямлил, что никогда не чувствовал потребности в тесной мужской дружбе, так как по натуре отшельник и т. д. Тут он вновь разъярился: "Почему ты всегда так говоришь? Зачем притворяешься, что не умеешь ладить с людьми?" — "Потому что многие из них заставили меня в это поверить, а я приспосабливаюсь к обстоятельствам", — ответил я. Домой мы возвращались в суровом молчании. Мне следовало бы знать: его неспособность уразуметь, что все люди разные, заставляет его верить, что любое отличие от него (или простая декларация независимости) — проявление враждебности.

Полагаю, это стало дополнительным аргументом в пользу эмиграции: от мысли, что предстоит снести еще много таких "дружеских" вечеров, меня затошнило.

Фильм "Волхв". Мы пришли на показ; в зрительном зале киношные друзья Джона и Джада. Мне показалось, что я ощущаю признаки неуспеха. Как мы и опасались, фильм получился пошловатым. Операторская работа и монтаж на уровне, но музыка оказалась невыносимо банальной. Игра Кейна, несмотря на все монтажные ухищрения, осталась топорной, полностью лишенной глубины. Мне отвратительна пугающая пустота и неискренность получившегося фильма. Частично виноват я сам — там, где сценарий откровенно плох, виноват полностью, — но я виноват и в том, что не предвидел опасность работы над сценарием с таким человеком, как Гай Грин. Теперь мне понятно, почему он хотел убрать все ремарки: он просто не знал, как перенести мои мысли в фильм. Все диалоги проходят с черепашьей скоростью, а каждая значительная реплика чрезмерно подчеркивается — и в манере ее произнесения, и в предшествующей тягостной паузе. После просмотра я не смог скрыть недовольства, чем ранил Джада — единственного, кого не хотелось бы обижать.

Будущее по-прежнему туманно. Родилась идея: не основать ли мне компанию, чтобы затем передать ее издательству "Бу-

кер". В результате через пять лет я получу около 40 процентов от того, что заработаю, а не 20, если соглашусь на прямое налогообложение. Но есть и недостатки: в структуре "Букера" я должен находиться не менее пяти лет, и еще — они будут брать себе половину того, что спасут от налогов[1]. Все завит от того, говорит Том Машлер[2] со своей обычной резковатой прямотой, что ты предпочитаешь — чтобы твои денежки пошли деловым кругам города или на строительство дорог и больниц. В его словах есть некоторое упрощение, но есть и рациональное зерно. Альтернатива — изгнание; предпочтительнее всего Мальта: там можно сохранить 95 процентов заработка. Мы колеблемся и каждый день принимаем новое решение.

5 августа

Белый как снег голубь летит в одиночестве на запад над свинцово-серым морем. У нас гостят Хейзел, Дэн и трое детей[3]. Они нас утомили и заставили почувствовать себя эгоистами — сколько же внимания требуют трое маленьких детей! Хотя Джонатан, которому завтра исполнится три года, так обаятелен в своем своеволии, что ему можно все простить; он очень изобретателен, требователен — в этом ангельском личике несокрушимая воля, ему нужно все рушить, ломать, опрокидывать, заливать водой. Трудно понять, как родился образ херувима; впрочем, может, и легко, если представить, что он возник от противного — настоящих детей.

Любопытно, что он совсем не испугался волов в поле, но в страхе отпрянул при виде слепозмейки, обвившей мой палец. Думаю, все дело в "защитном" влиянии слов: волы ассоциируются с приятным "му-му", для малыша это "муму-ки". А для слепозмейки у него нет ни словесного обозначения, ни привычной зрительной картинки. Когда же я показал, как она высовывает язычок, если прикоснуться к ее носику, он захотел ее поцеловать.

14 августа

Замаячил Гозо — как утверждают, приятный остров неподалеку от Мальты. Мы решили поехать туда — осмотреться, после того как съедем со старого места.

1. "Букер" к тому времени уже работал по своей системе ухода от прямого налогообложения с такими успешными писателями, как Агата Кристи и Ян Флеминг.
2. Редактор Джона Фаулза в английском издательстве "Джонатан Кейп".
3. В конце 1967-го сестра Джона Фаулза Хейзел родила близнецов — Саймона и Тома.

18 августа

Ничего не получается. Боксолл считает, что мы должны жить там, по крайней мере, месяцев шесть в году; похоже, и в этом убежище от налогов есть свои минусы. Вчера ездили в Корскомб, неподалеку от Биминстера, смотреть пришедший в негодность уродливый и мрачный викторианский особняк, затем осмотрели дом в Моркомбилейке, еще припомнился нам особняк Белмонт-Хауз в Лайме, его мы впервые посетили шесть недель назад, — он самый красивый в этой местности, несмотря на то что когда-то прекрасный сад теперь полностью во власти сорняков и разросшейся ежевики. Просят за него несуразно много — двадцать пять тысяч фунтов. Мы с трудом наберем столько. И вообще как-то нелепо — сниматься с места, чтобы поселиться поблизости. Инстинктивно мне хочется покинуть Дорсетшир хотя бы на два-три года. Все больше тянет дальше на запад — в Саут-Хэмз или Теймар-Вэли, в Корнуолл, возможно. Мы меняем решения каждый день; думаю, это происходит из-за власти, которую имеет над нами это место. Я всегда ее ощущал, а теперь и Элиз почувствовала то же самое, и даже в большей степени (почему мы продали ферму, почему бросаем ее прежде, чем она разрушилась, и т. д.). Подобного места нам больше не найти — ни этого мирного пейзажа, ни той близости к тайнам животного мира, которой был окутан этот дом. Я не могу об этом писать, хотя то что происходит — это ампутация, и заслуживает, чтобы о ней написали. Но я не могу. Стойко, мужественно, молча пережить это испытание — единственная возможность удержаться от слез.

21 августа

Грабал "Поезда особого назначения"[1]. Великолепная вещь: хороша, как шедевры Джойса в этом жанре (длинный рассказ или короткая повесть). Хотелось бы и себя попробовать в нем: искусство показать мир сквозь узкую щель. Можно добиться этого (Джойс и его "похороны"), взяв одно событие и представив его полностью, со всех сторон, что не получится даже в полноценном романе, или (как Грабал, Вольтер) ужав роман до половины или трети его длины. В по-

1. В трагикомической повести (1965) Богумила Грабала (1914—1997) рассказывается о судьбе железнодорожного служащего, работающего на небольшой станции во время оккупации фашистами Чехословакии. В конце повести он героически погибает, взорвав немецкий поезд. Фильм по этому произведению, снятый Иржи Менцелем, получил "Оскара" как лучший иностранный фильм 1967 г. На волне международного интереса к фильму в издательстве "Джонатан Кейп" вышел английский перевод этой повести.

следнем подходе я вижу параллель с акварелью: импрессионизм — со строчной буквы — характерен для этого подхода. Переработка, исправления здесь не очень подходят; не то чтобы они были невозможны, как в акварели, но, если заметны, — это катастрофа. Нужно уметь получать удовольствие от техники акварели: первый мазок сразу же класть безукоризненно. Это великолепно удавалось Грабалу.

25 августа

"Любовница французского лейтенанта".

Работа над романом закончена в октябре 1967-го.

Первая редактура завершена 23 апреля 1968-го.

Вторая редактура — 17 июня 1968-го.

Третья редактура и новый конец 25 августа 1968-го.

Не предполагал, что чтение Грабала будет как нельзя более кстати. Идет пятый день чешского кризиса, и то, что я называю "грабализмом", — Давид, убивающий Голиафа, скорее, с помощью юмора, чем пращи, — стало обычным явлением[1]. В каком-то смысле я рад случившемуся. Юные девушки, разрисовывающие русские танки разными непристойностями, мощный фонтан искрометной сатиры — это шаг вперед для человечества. На лучших фотографиях из Праги мы видим смущенные лица русских солдат. Этот инцидент чехи перевели в разряд чешской сатирической литературы — к этому приложил руку и Мрожек, приехавший в Чехословакию из Польши, чтобы принять участие в событиях[2]. По-своему я жалел русских — они просто отыгрывали свою роль не лишенного обаяния, нелепого "слона в посудной лавке".

Никто из пятидесяти одной тысячи комментаторов не объяснил мне, в чем истинные причины русской агрессии. Есть основания полагать, что оккупация планировалась задолго до самой акции. Было ясно, что подобные действия вызовут прилив ненависти к России. Русские не могли, учитывая расстановку сил в атомном противостоянии, серьезно беспокоиться по поводу потери Чехословакии как стратегического партнера (думаю, это всерьез и не рассматривалось). Руководители страны должны были понимать, что агрессия против чехов

1. В ночь с 20 на 21 августа войска Варшавского пакта вошли в Чехословакию. Вождей Пражской весны выслали в Москву, где они под нажимом подписали 28 августа меморандум, в котором выразили согласие с присутствием в их стране советских войск.
2. На самом деле польский драматург Славомир Мрожек жил в то время в Париже и отрицал в "Монде" участие Польши в агрессии против Чехословакии.

усилит недовольство и внутри страны. Как в былые времена, я начинаю думать, что они игроки высокого класса. И ищу основания для такого опасного риска с их стороны. Одна выгода для Кремля в интервенции против Чехословакии очевидна: она настраивает всех против России, страна оказывается в изоляции, что позволяет руководству вернуться к прежней сталинской политике. Любой спад напряжения в холодной войне неблагоприятен для экономически более слабого звена — России. С исчезновением врага уйдет и жертвенный дух. Его место займет жажда потребления, стремление к прочим ярмарочным удовольствиям. Полагаю, что цель агрессии как раз и заключалась в создании нынешней ситуации.

30 августа

"Парамаунт" равнодушно принял сценарий "Стража"[1]. Основная мысль "раскрывается слишком рано; нет должного напряжения". Это напоминает выражение: "Задушить в объятиях".

5 сентября

Послал "Любовницу французского лейтенанта" Тому Машлеру. Уже не так волнуюсь, как прежде, хотя не ожидаю, что этот роман понравится ему больше двух первых. Но кажется, я почти добился того, чего хотел.

6 сентября

Погода великолепная, жаркое лето в разгаре. Теперь, когда близится день нашего отъезда, нас охватила вполне объяснимая печаль и досада, что с отъездом мы поторопились — тем более, что решение, наконец, принято: за границу мы не едем. С другой стороны, нам все равно не удалось бы прожить здесь всю жизнь. Окончательное обрушение произойдет лет за десять — чем дольше здесь задерживаться, тем хуже для нас. А к той любви, которую я испытывал к этому месту — его мне никогда не хотелось покидать даже на день-другой, — примешивалось что-то нездоровое.

7 сентября

Предложил за Белмонт-Хауз 18 тысяч фунтов.

"'Любовница французского лейтенанта' — просто чудо. Мои поздравления. Подробности в письме. Привет, Том".

1. Рабочее название сценария Джона Фаулза по пьесе Айры Левина "Сад доктора Кука".

На душе стало легче. Хотя, думаю, он говорит такое почти всем.

13 сентября

Покупаем Белмонт за 20 тысяч — если не случится ничего экстраординарного. По ночам не спим в ужасе от содеянного, днем же с нетерпением ждем, когда переедем на новое место. В какой-то степени это связано с уживающимися в нас двумя финансовыми философиями: семейным подходом, согласно которому сущее безумие выбрасывать двадцать тысяч (плюс еще пять или больше на обустройство) на дом, стоящий на той же земле, что однажды уже подвела нас; и другим, при котором коммерческие потери для нас не самое главное в жизни. За последние годы я заработал так много денег, что при принятии важного решения нелепо беспокоиться о деньгах. Думаю, наши ночные страхи сродни занудству муравья, укоряющего безрассудную стрекозу; или, говоря другими словами, мы окружены пуританами, мечтающими убить в нас экзистенциалистов.

16–17 сентября

Великий переезд. Его осуществили за пару дней двое пожилых мужчин; они аккуратно все упаковали и потом увезли. Обоим под шестьдесят, но они демонстрировали недюжинную физическую силу и выносливость; а вот привозившие нас сюда пятеро или шестеро молодцов всю дорогу ныли и ворчали. Теперешние же ни на что не жаловались. Странно, но от этих двух дней, когда мы отделывались от макулатуры и прочего хлама, я получил удовольствие — меня радовало движение, здоровые перемены. Но после ночи, проведенной в пустом доме, когда, поднявшись на рассвете, мы стали подметать полы и заниматься кучей других мелочей, которым не предвиделось конца, настроение у нас было хуже некуда. Многое мы перевезли к Чарли Гринбергу в Фаруэй и там остались на ночь; затем нанесли визит в Белмонт и обошли дом с Куики, желая знать его мнение[1]. Он нам очень помог в том смысле, что указал на грибок и множество других недостатков. В некоторых отношениях дом плох, но мы не хотим уезжать из Дорсета, с побережья, и потому будем его покупать. В этот раз мы поднялись на мансарду, откуда открылся потрясающий вид на море; если переделать одно из верхних под-

1. Куики — местный строитель Сесил Куик, дававший Джону Фаулзу советы по устройству дома и поддержанию его в порядке.

собных помещений с окнами на юго-восток в пентхауз, будет чудесно.

20 сентября

Хемпстед. Работаю с Джадом над сценарием по Айре Левину — эта работа чертовски мне надоела. В представленном сценарии я выделил одну наиболее интересную сюжетную линию, а теперь от меня требуют внести в текст разные нелепые изменения. Киношники — слабый народец, тростник колеблемый[1]. Легкий ветерок, подувший со стороны последнего коммерчески-удачливого фильма, клонит их к сырой земле.

У Чарли Гринберга в Патни. Он сейчас страстно увлечен тем, от чего прежде страдал и я: стены скромной современной гостиной теперь увешаны скверными викторианскими картинами, на каждом столике — бронзовые статуэтки; короче говоря, хозяин превратился в старьевщика. Но от него исходит такой здоровый еврейский энтузиазм, что на это приятно смотреть. Он может вызывать только симпатию.

К Лондону трудно привыкнуть. Теперь я не мог бы постоянно жить здесь. И дело не столько в шуме, толчее и прочем, сколько в давлении на психику: вторжение новых идей, новых достижений, новых знаменитостей-однодневок. Мне это мешает.

1 октября

Встреча с Томом Машлером. Он хочет, чтобы я изменил две концовки, приглушил авторский текст в "Любовнице французского лейтенанта" и поправил еще некоторые мелочи. Ему трудно симпатизировать — он не меняется. Внешне все больше похож на натуры Эль Греко; в глазах голодный блеск. Он ближе к дьяволу, чем к святому; глубоко в нем таится гомосексуалист, исполняющий роль "мужчины", которому необходимо насиловать все вокруг. Свойственное ему желание подняться вверх, быть всегда правым, выйти из всех ситуаций победителем дополняется потребностью в нежных чувствах со стороны гомосексуального партнера, хотя при первых признаках сентиментальности сидящий в нем мачо щелкает хлыстом. В нем уживается причудливая смесь подавленной невинности и отвратительного высокомерия (при встрече всегда возникает ощущение, что он не может уде-

1. Слово "тростник" употреблено в Священном Писании в иносказательном смысле для обозначения слабости, ломкости и колеблемости.

лить вам больше двух минут и у него нет времени выслушивать ваши возражения — на самом деле, это скорее ощущение: несмотря на первую грубовато-настойчивую просьбу кое-что переделать, он не лишен как редактор и чуткости). Если я начинаю возражать, он уступает с поразительной легкостью. "Ну, не знаю... возможно, вы правы... хорошо, не будем спорить". Все ругают его, а он, в свою очередь, ругает всех. Ну почему мне приходится иметь дело с такими никудышными агентами, тупыми бухгалтерами и т. д.? Думаю, из всех евреев, с которыми я знаком, он наиболее типичный представитель этого племени: законченный образец печального, беспокойного, отверженного сына Израилева. Грустный Дон Кихот литературного бизнеса.

Наши отношения могут не ограничиться одной литературой. Он намеревается стать кинопродюсером и хочет попробовать свои силы на "Любовнице французского лейтенанта" — каким-то образом ему удалось "умыкнуть" из издательства рукопись и показать ее Карелу Рейсу. По его словам, тот его близкий друг. Рейсом я восхищаюсь, поэтому у меня нет никаких возражений против такого плана — тем более, у Тома есть напор, есть все те качества, которые помогут ему стать хорошим продюсером — не хуже, чем редактором. Но надо приучить его держаться со мной менее подозрительно и более уравновешенно.

Продолжение следует

Александр Ливергант
Грэм Грин

Главы из биографии

Жизнь, по правде говоря, я люблю не слишком.

Грэм Грин *Из письма жене*

Все, что есть во мне хорошего, стоящего — в моих книгах. Ну а жизнь, это то, что в них не вошло.

Грэм Грин

Глава первая
Грины из Берхэмстеда

ВНУК пивовара и сын владельца сахарных плантаций, умершего от желтой лихорадки на Антильских островах, Чарльз Генри Грин, прямо скажем, звезд с неба не хватал. Не то что его старший брат Грэм, удостоившийся в конце жизни рыцарского звания. И никогда не стал бы директором привилегированной школы для мальчиков в Берхэмстеде (графство Хартфордшир, час езды на поезде к северу от Лондона), если б не везение. "Везением" оказался плешивый коротышка в черных гетрах, с густой бородой лопатой, со значительным видом (какой бывает у карликов), отличавшийся грубостью и садистическими наклонностями. Доктор Томас Чарльз Фрай по прозвищу (ироническому, разумеется) Великолепный с мальчиками не церемонился, давал волю рукам, а одного ученика нещадно поколотил в присутствии класса за то, что встретил его в парке без головного убора, каковой за несколько минут до того был сорван с головы бедняги пробегавшим хулиганом. Но самым большим преступлением

© Александр Ливергант, 2016

было подглядывать, как доктор направляется в уборную, из-за чего приходилось заблаговременно выгонять из ведущего в нужник коридора всех учеников и горничных. Грэм Грин справедливо называл Фрая "абсурдной фигурой, тираном и садистом" — но с чужих слов: когда директор Берхэмстеда и, к слову, крестный отец Грэма доктор Фрай покинул школу, став настоятелем церковного прихода в Линкольне, будущему писателю не было и пяти лет.

Чарльз Генри Грин, кончивший Оксфорд по истории и классическим дисциплинам с дипломом всего-навсего второй ступени, не мог рассчитывать не только на пост директора школы, но и рядового учителя, не женись он на племяннице жены доктора Фрая, тогдашнего директора, который своего родственника облагодетельствовал — ну как не порадеть родному человечку! Сначала взял его к себе преподавателем истории и древних языков и, надо сказать, не просчитался: учителя "любили" своего директора ничуть не больше, чем ученики, родственник же демонстрировал похвальную лояльность. А потом, собравшись уходить на повышение, сделал все возможное, чтобы попечительский совет выбрал в директоры Чарльза Генри, что было нелегко. Во-первых, как уже было сказано, оксфордский выпускник особыми способностями не блистал, а, во-вторых, в ноябре 1910 года собралось, как назло, чуть ли не тридцать соискателей на этот престижный пост. Прошел слух, что, узнав про результаты голосования, невозмутимый с виду, солидный и в молодости тоже Чарльз Генри, "человек доктора Фрая", как его справедливо называли, пустился в пляс.

В отличие от своего свирепого предшественника, Чарльз Генри рукам волю не давал, а когда однажды в сердцах влепил ученику пощечину, даже перед ним извинился. Не то что его подчиненный, классный наставник Симпсон (школьная кличка Симми), описанный Грином в "Дорогах беззакония": тройной подбородок, грязная, съехавшая на бок учительская мантия, демоническая внешность; играл на контрабасе в школьном оркестре и в любую минуту готов был влепить ученику пощечину, а то и отделать розгами. Гневался Чарльз Генри, правда, часто и тогда, чтобы держать себя в руках, оглаживал директорскую мантию, топорщил пушистые усы, оглушительно хлопал крышкой парты, стряхивал с сюртука пепел (вообще был неряшлив), прочищал горло, теребил пенсне на носу и от волнения никак не мог разжечь трубку. Случалось, впадал в раж и тогда кричал: "Уж лучше пусть закроют школу, лишь бы она не стала рассадником тайного порока!"

Да, у Чарльза Генри был бзик: детей, в отличие от Фрая, он не порол, но зато денно и нощно боролся с подростковы-

ми пороками, наставлял свою паству против однополой любви и рукоблудия, требовал поэтому, чтобы мальчики не держали руки в карманах, которые в случае неповиновения немедленно зашивались. Собственноручно обходил туалетные комнаты, дабы убедиться, не предаются ли ученики греху Онана. Пойманные на рукоблудии немедленно, в назидание другим, из школы изгонялись, скандальные книги отбирались и "на ковер" вызывались родители юного правонарушителя. Ученикам (а случалось, и учителям) Чарльз Генри постоянно делал замечания, предупреждал о последствиях недостойного поведения, и учителя поддерживали своего директора в неустанной борьбе за нравственность: за школьниками устанавливалась круглосуточная слежка, их допрашивали, в случае надобности устраивали даже перекрестный допрос. Однажды один мальчик, ни разу не замеченный прежде в предосудительном поведении, на глазах у префекта поцеловал на улице в щечку знакомую девочку – и был "за развратные действия" на следующий же день исключен из школы. Главное, наставлял преподавателей и префектов Чарльз Генри, не оставлять учеников одних, пускай даже по улице ходят по трое, как в армии, – "чтобы не оставались в крамольном одиночестве"[1], – прокомментирует много лет спустя его сын. И гулять имеют право только по воскресеньям, по будням же пусть грызут гранит науки. Мало того, перед тем как выйти из школы, обязаны записывать свои имена на листе бумаги, который вывешивался у двери в раздевалку, – "учет и контроль"! По ночам учителям надлежало обходить спальные комнаты (спальная комната – сильно сказано: каждый ученик спал в крошечном отдельном отсеке за деревянной перегородкой), неусыпно следить за мальчиками всех возрастов и заставлять их заниматься спортом: в здоровом теле здоровый дух! Летом – крикет, зимой – футбол и регби, бег – круглый год.

Но и всем этим Чарльз Генри не ограничивался. Слежка распространялась и на учителей и префектов, доносительство сделалось в школе самым коротким и надежным путем к сердцу директора. С началом войны он – и не он один – заболел вдобавок шпиономанией, однажды ему донесли, что учитель немецкого языка – шпион, так как его видели под железнодорожным мостом и без шляпы! Улики, согласитесь, неопровержимые. Ученикам же директор собственноручно

1. Автобиографические книги Г. Грина "Часть жизни" и "Пути спасения" здесь и далее цитируются в переводе А. Бураковской.

задавал "неудобные" вопросы: "Ты знаешь, что такое мастурбация?" Или конкретнее: "Можешь припомнить, сколько раз ты занимался рукоблудием?" Или: "Какие чувства ты испытываешь к другим мальчикам?" Читал украдкой зевавшим ученикам проповеди в школьной часовне, приводил пространные цитаты из Ветхого Завета, убеждал вести непорочную жизнь, не сквернословить, не говорить непристойностей, призывал к порядку и прилежанию ("прилежание" — его любимое слово). И к добродетельному поведению. Говорил так: "Мужской похотью кормится целая армия женщин". Или: "Уверен, у меня нет нужды убеждать вас не пить спиртного и не играть в азартные игры". Или: "Помните, вы должны быть чисты перед вашей будущей женой". Или: "Когда женитесь, вы должны хранить жене верность".

Учителя и ученики, тем не менее, любили своего директора, учителя особенно: он давал им свободу преподавать, как им вздумается, педагогические эксперименты, в отличие от морально-нравственных, приветствовал. Экспериментировал и сам: читал школьникам три курса: английский, историю и латинских классиков, и так, бывало, увлекался, что далеко уходил от темы занятий. На уроке истории мог, к примеру, сказать так: "Кстати о Древнем Риме, позвольте мне привлечь ваше внимание к тому, о чем вчера в кулуарах пытались сговориться мистер Ллойд-Джордж и мсье Клемансо. Заглянем на мгновение в ту пропасть, что разверзлась перед либеральной Европой".

Мальчики называли Чарльза Генри (за глаза, естественно) Чарли и побаивались его, а Чарльз Генри побаивался мальчиков — как бы чего не вышло. Однажды "вышло": 11 ноября 1918 года в день окончания Первой мировой войны школа в первый и последний раз вышла из подчинения. Чарльз Генри, памятуя о понесенных школой потерях (на полях Фландрии полегло 300 берхэмстедцев), запретил праздновать победу и объявил выходной день учебным, за что чуть было не поплатился: с горя напившись и устроив шумное шествие по улицам города, ученики собрались было выкупать непатриотичного директора в местном пруду, не спрячься тот заблаговременно в своем кабинете...

Вообще, любил отсиживаться за закрытой дверью, уединялся не только в бурные, но и в спокойные времена. Любил порядок, покой, тишину. В отпуск отправлялся, как правило, без семьи, со своим близким другом священником, таким же, как и он, директором школы. И, соответственно, терпеть не мог того, что зовется "публичными развлечениями". Когда, уже после войны, повел учеников на коллективный про-

смотр “Тарзана” в только что открывшийся в городе синематограф (небольшое зеленое здание с мавританским куполом), сам был не рад: ушел, не дождавшись конца и чертыхаясь, — стыдно смотреть! Любил посидеть с книжкой в своем кабинете, попыхивая трубкой. Или вздремнуть в школьной библиотеке, развалившись в глубоком кресле и надвинув на глаза свою неизменную академическую шапочку. Или провести час-другой в шезлонге, в саду собственного дома, сгоняя дымом от трубки мух с виноградных лоз. Любил сыграть партию в шахматы, хоть бы и с учениками — лишь бы играть умели. Любил стихи, в особенности Роберта Браунинга, к которому приохотил и сына Грэма; подарил ему на конфирмацию томик поэта, десяток стихов Браунинга Грин знал наизусть (в отличие, признавался он в автобиографии, от Нагорной проповеди).

Больше же всего любил дом, семью, жену — особенно. Чарльз Генри Грин и Мэрион Реймонд Грин были счастливы в браке, на свадебной фотографии смотрелись отлично — на то она, впрочем, и свадебная. Он — молодой, щеголеватый, в смокинге и синем жилете, с ухоженными усами и с веселой, безмятежной улыбкой покладистого парня — это потом, когда станет директором школы, характер испортится. Она — миловидная, высокая, статная, с осиной талией. “Думаю, родители были очень любящей парой. Их брак выстоял под напором шестерых детей и немалых невзгод”, — вспоминал четвертый по счету ребенок в семье и герой этой книги. Особых невзгод у Гринов не наблюдалось, да и не предвиделось, но шестеро детей, писатель прав, для любой семьи — испытание не из легких. “Моя бесценная радость и прелесть, — писал любимой жене из Египта любящий муж, — у меня болит душа, так хочется видеть тебя, мое счастье. Как же мне тебя не хватает... Там, где тебя нет, — пустыня”. Последняя фраза — с учетом того, что написана она в пустыне, — особенно трогательна. И этим любовным излияниям, несмотря на некоторую избыточность, можно верить.

Не влюбиться в дальнюю родственницу Стивенсона Мэрион Реймонд и в самом деле было трудно — сплошные достоинства. Вдобавок к привлекательной, располагающей к себе внешности еще и примерная протестантка (другую Чарльз Генри в жены бы не взял), сильная личность, образцово воспитана, рациональна, практична, не словоохотлива, очень сдержанна — терпеть не могла, как и ее знаменитый сын, объятий и поцелуев. Когда волновалась, никогда не плакала, не повышала голос — прикроет рукой дрожащие губы, отвернется, и все. По-настоящему любила только мужа (залог счастливого брака), де-

тям же уделяла внимание строго по расписанию. Няня, как это было тогда принято, приводила их к матери всего на час, с шести до семи вечера. Сама же мать шестерых детей, как пишет в первой части своей автобиографии Грин, "изредка наведывалась в детскую с официальным визитом". И добавляет уже без тени улыбки: "Мать связана в моей памяти с сознанием того, что она редко бывает рядом". А если и бывала — добавим от себя, — то больше следила за порядком, чем за Грэмом.

Чарльз Генри не мог уделить детям даже этот час — целыми днями, до позднего вечера, пропадал в школе в неравной борьбе с "аморалкой". "Для нас, детей, отец был скорее директором, чем отцом, и еще более далек от нас, чем мать", — вспоминал Грэм Грин. И во взрослой жизни Грин был с матерью близок, постоянно с ней переписывался, хотя не раз повторял, что так и не получил от нее "глубоко прочувствованной ("deep-breasted") материнской защиты, к которой так стремился Фрэнсис Эндрюс, герой его первого напечатанного романа "Человек внутри". От отца же с возрастом отдалился, редко ему писал. Когда же отец, страдавший в старости диабетом, в 1943 году умер, получил из дома (он тогда служил в британской разведке в Сьерра-Леоне) две телеграммы "в обратном порядке": в первой сообщалось о смерти Чарльза Генри, во второй — что он тяжело болен. Ситуацию с перепутанными телеграммами Грин, к слову сказать, опишет спустя много лет в "Сути дела": из первой телеграммы от жены майор Скоби узнает о смерти дочери, из второй — что она серьезно больна. Да и в детстве, если отец чем сыну и запомнился, то, пожалуй, лишь тем, как он умеет, прижимая ладонь к губам, квакать по-лягушачьи или дает сыну поиграть крышкой своих золотых часов. А еще тем, что постоянно выслушивал его наставления и однажды заработал пощечину. За то, что сбежал с уроков и спрятался дома в детской — благо, бежать было недалеко: дом директора находился при школе.

Светскую жизнь Грины вели главным образом в кругу родственников. А значит, общались со всем городом: Гринов в маленьком Берхэмстеде было не меньше тридцати. На крещение Грэма, названного так в честь родственника матери Грэма Бальфура, троюродного брата Стивенсона, присутствовал добрый десяток Гринов всех возрастов и профессий. Все, и мужчины, и женщины, как на подбор высокие, статные, узкоплечие. Разные по характеру, амбициям, профессиям, но почти все одинаково предприимчивые и успешные — и в торговле, и в политике, и в пивоварении, и в образовании, и в банковском деле и — забежим вперед лет на двадцать — в литературе. Мало отличались Грины друг от друга и досугом. Шумные сборища

на Рождество с десятком перемен на фамильных сервизах, с рождественскими спектаклями, шарадами, пантомимами. По воскресеньям — церковь, три раза в неделю — теннис и, по желанию, — крикет. На зимние каникулы ездили в Лондон на обед к двоюродной бабке Мод, той, что в свое время познакомила Стивенсона с миссис Ситуэлл, его первой большой любовью. Или в театр, самым большим успехом у детей пользовался театр герцога Йорка и, конечно же, спектакль "Питер Пэн", они могли хоть каждый день смотреть сцену из пьесы, где Питер Пэн в одиночестве сражается против целой армии пиратов. Летом либо гостили в Харстон-хаусе, в Кембриджшире, у дяди Грэма, загадочного, замкнутого холостяка в очках на широкой черной ленте. Того самого, кто удостоился в конце жизни рыцарского звания. И за дело: Грэм Грин старший без малого полвека прослужил отечеству верой и правдой в Адмиралтействе. Либо же выезжали всей семьей в Литтлхэмптон, на морской курорт. Мэрион Реймонд с детьми отправлялась раньше, и вагоном третьего класса (экономия в этой весьма состоятельной семье была строжайшая, поистине пуританская). В Харстон обремененный делами Чарльз Генри, как правило, не ездил, отчего младший Грин и полюбил усадьбу дяди: там он был предоставлен самому себе, и никто ему не читал мораль. В Литтлхэмптон же отец выезжал, но на неделю-другую позже жены и детей, причем в вагоне второго класса; директор Берхэмстеда мог и даже должен был себе это позволить: noblesse oblige[1].

Грины были заметными людьми города с восемнадцатого столетия. Основу их благосостояния заложил родившийся в 1780 году Бенджамин Грин, это он открыл знаменитую и по сей день "королевскую" пивоварню в Бэри-Сент-Эдвардс, и он же прикупил сахарные плантации на Антильских островах, те самые, где заработал желтую лихорадку Уильям Грин — невезучий отец Чарльза Генри. Еще больший успех выпал на долю сына пивовара: Бенджамин Бак Грин дослужился немного-немало до директора Английского банка, и этот пост занимал четверть века. Его братья тоже добились "степеней известных": один стал преуспевающим адвокатом, другой — членом парламента от консервативной партии. Отличались Грины не только незаурядными способностями, но и любовью к филантропии: невестка Бенджамина Бака завещала Обществу по распространению Евангелия полмиллиона фунтов. Отличался похвальной страстью к благотворительности и владелец пиво-

1. Положение обязывает (*франц.*).

варни, тесть доктора Фрая, дядя Чарльза Генри Грина. Это он в 1895 году построил (а вернее, перестроил здание, существовавшее с середины шестнадцатого века) берхэмстедскую школу (красный кирпич, мозаичные полы из полированного мрамора), открывшуюся в том же году и рассчитанную на триста с лишним учеников; когда же в нее пошел Грэм, число учащихся перевалило за пять сотен.

Чарльз Генри тоже был человеком не бедным, но самым состоятельным Грином в первые годы после смерти королевы Виктории был его старший брат Эдвард, обладатель самого большого в городе дома Холл-ин-Берхэмстеда, двадцати трех (!) слуг, шофера и, так же, как и младший брат, шестерых детей. Деньги предприимчивый и трудолюбивый дядюшка заработал в далекой Бразилии на кофе ("Кофейная компания", Сан-Пауло) и на банковских операциях, после чего вернулся домой пожинать плоды своей предприимчивости и пожить в свое удовольствие. В Холл-ин-Берхэмстеде, у "двоюродных Гринов", Чарльз Генри и Мэрион Реймонд с детьми и проводили выходные и праздники, обменивались рождественскими подарками и в сочельник, как это водится в Германии, распевали немецкие рождественские песни: жена дяди Эдварда была немкой. Здесь Грэм и обрел своего первого друга, младшего сына дяди Эдварда, Тутера (прозванного так, по-видимому, оттого, что был криклив и неуживчив). Мальчики, как им и положено, играли в солдатиков и в детскую железную дорогу, сиживали на крыше, объедались конфетами, купленными на еженедельно выдаваемые им два пенса на карманные расходы, и мечтали, как будут вместе путешествовать, станут шкиперами или полярниками и откроют Южный полюс, открытый Робертом Фолконом Скоттом в год рождения Грэма. С Тутером, если не считать двухнедельной поездки в Германию, Грину путешествовать не пришлось, а вот с его сестрой Барбарой лет двадцать спустя он отправится вместе странствовать – правда, не в Антарктиду, а в Либерию.

Глава *вторая*
"*Каждое младенчество печально*"[1]

Из шестерых детей "интеллектуальных Гринов" (как их прозвали Грины-коммерсанты), Чарльза Генри и Мэрион Реймонд,

1. И. Бунин. Жизнь Арсеньева.

Грэм был четвертым. Сестра Молли и братья Герберт и Реймонд были старше его, сестра Элизабет, младшая в семье, и брат Хью, подвизавшийся всю жизнь на журналистском поприще и ставший к старости сэром Хью, генеральным директором Би-би-си, — младше. Любимыми сыновьями матери были Грэм и Реймонд, в детстве не ладившие друг с другом; Грэм вспоминал, что его не раз подмывало хватить успешного, многообещающего брата крокетным молотком по голове. Со временем выпускник Оксфорда Реймонд стал известным врачом и не менее известным альпинистом, покорителем Эвереста. Любимым же сыном отца всегда оставался Герберт. Самый старший и самый незадачливый из детей, он был похож на Чарльза Генри больше остальных, и отец прощал ему и пьянство, и азартные игры, и мотовство, и переменчивость интересов. Чем только Герберт в жизни ни занимался: и книги сочинял ("Тайный агент в Испании", 1938), и журналистом (куда менее ярким и острым, чем Хью) подвизался, и брокером поработал, и даже шпионом. Тут он, впрочем, исключением не стал: на ниве "плаща и шпаги" проявили себя многие Грины, не он один.

Журналистикой Герберт увлекался со школы, уже в двенадцатилетнем возрасте издавал "Школьную газету" ("School House Gazette"), куда писали все члены семьи — умевшие к тому времени писать, естественно. В газете имелись рубрики на все вкусы: "Колонка пропаж", "Шутки и загадки", "Застольные беседы"; последняя являлась "ареной для полемики", и юные полемисты выражений не выбирали: "Ты все переврала!", "Все девчонки — дуры" и т. д. Самой же популярной в семье газетной рубрикой была придуманная Гербертом анкета, на которую должны были отвечать все члены семьи, и взрослые, и дети. Вот несколько вопросов этой анкеты и ответы на нее семилетнего Грэма, который за свой "исповедальный катехизис" получил вторую премию — двенадцать тюбиков акварельных красок.

1. Твоя цель в жизни? — Подняться в небо на аэроплане.

2. Что для тебя счастье? — Поездка в Лондон.

3. Какие качества ты больше всего ценишь в мужчинах? — Внешность.

4. А в женщинах? — Чистоту и порядок.

5. Твой любимый досуг? — Игра в индейцев.

6. Твое хобби? — Собирать монеты.

7. Кто, по-твоему, величайший государственный деятель из ныне живущих? — Никого не знаю.

Ответы как ответы. Несколько странно, правда, что семилетний Грэм, любящий, как всякий мальчишка, играть в ин-

дейцев и летать на аэроплане, ценит в мужчинах не мужественность и силу, а внешность, а в женщинах — чистоту и порядок. Мужчины и женщины у него словно бы поменялись местами. Этими несколько неожиданными ответами не исчерпывалась некоторая необычность четвертого ребенка Чарльза Генри и Мэрион Реймонд. Уделяй родители своим детям больше времени, чем один час с шести до семи вечера, будь "официальные визиты" в детскую более частыми и менее официальными — они бы, надо думать, призадумались, что собой представляет этот замкнутый и нервный мальчик, мало похожий на других детей.

Из детства, дошкольного и школьного, Грэму Грину запомнилось разное, большей же частью — мрачное, жутковатое, отталкивающее, отчего потом он никак не мог избавиться, что преследовало его всю жизнь. Кладбище за домом, где садовник "извлекал из земли кусочки человеческих костей". Старая гостиница со зловещим названием "Темное место" — наверняка в такой гостинице было некогда совершено кровавое преступление. Леденящая кровь история, которую рассказал однажды пришедший к обеду гость: в Ройстон в коляске ехали две дамы, лошадь понесла, одна из дам выпала на дорогу, и длинная шляпная булавка впилась ей в голову. Жестяной ночной горшок, полный крови, — это ему дома удаляют миндалины; вид крови и впредь будет вызывать у него тошноту: "В течение последующих тридцати лет я не выносил вида крови и иногда терял сознание, даже когда при мне просто описывали несчастный случай". Любимый щенок старшей сестры Молли, попавший под колеса омнибуса — одно из первых и самых болезненных его впечатлений. Никаких чувств он тогда почему-то не испытал, только с какой-то тихой детской созерцательностью подтвердил свершившийся факт: "Бедная собака". В так называемом Школьном доме, куда Грины, когда Чарльз Генри стал директором, переехали из своего прежнего дома Сент-Джон, длинные, пустые коридоры, "каменные, гулкие, безобразные". Под стать коридорам и классные комнаты, одинаково мрачные, темные, промозглые, с облупившимися, забрызганными чернилами партами. Раздевалки, где стоял густой, терпкий запах пота и грязной одежды. Спальни, разделенные деревянными перегородками, такими тонкими, что из-за кашля, скрипа кроватей, храпа невозможно было заснуть. Вонючие нужники: двери распахнуты, запоры сорваны. Грин вспоминал потом, что, войдя в уборную, следовало, словно предупреждая о себе, с порога крикнуть: "Где не занято?"

Сохранились воспоминания и менее тягостные. Беседка за кустами через дорогу. Чем-то она к себе притягивает, манит. В

детских играх дом, где он живет, — Англия, дорога — Ла-Манш, а беседка за дорогой — далекая, загадочная Франция. Запомнился, прямо как у Пруста, вкус пресного печенья из тонко просеянной муки, которое ела мать, одеколон, которым она душилась, — фрейдистам тут было бы что обсудить. Запомнились россыпи почтовых марок и открыток с видами, которые он в детстве, как и полагается замкнутому, погруженному в себя младенцу, неутомимо собирал и, высунув от натуги язык, вклеивал в специальные альбомы. Запомнился дом в Харстоне, где жизнь била ключом: по утрам домочадцы, сбившись с ног, ищут, куда припрятали полные ночные горшки малолетние проказники — Грэм и его младший брат Хью; это ему, кстати сказать, Грэм уже в школьные годы продаст свою коллекцию марок за баснословную сумму — десять пенсов. Гостиная в Берхэмстеде сохранилась в памяти затянутой вощеным ситцем стеной, на фоне которой в кресле у камина неподвижно сидит, листая альбом с дагерротипами, мать.

Однако из всех комнат большого дома лучше всего запомнилась, конечно же, детская: младшие Грины проводили там большую часть суток. Доверху набитый игрушками шкаф, затянутый изнутри желтыми шелковыми занавесками. Деревянная лошадь “со злыми глазами”. Большое, уютное кресло-качалка перед стальной каминной решеткой, где сиживала няня; служанок и горничных в доме Чарльза Генри сменилось много, а вот няня, большая, тучная, круглоголовая, которую взяли еще к старшей сестре Грэма за тринадцать лет до его рождения, — была несменяема. Почему-то удержалось в памяти: он, четырехлетний, сидит в ванне, а над ним склонилась ее большая голова, волосы гладкие, на затылке пучок. Няня отличала Грэма от остальных детей, жалела мальчика, росшего тревожным, замкнутым и диковатым. Когда в 1971 году младшая сестра Грина, сидя в больнице у постели престарелой няни, читала ей только что вышедшую автобиографию своего знаменитого брата, умирающая прервала ее словами: “Грэм был такой сладкий мальчик, как же мне грустно, что в школе ему приходилось так тяжело”.

Многие воспоминания “сладкого мальчика” неотделимы от страхов. У чувствительного, по любому поводу плачущего Грэма (над рассказом о детях, которых хоронили птицы, он однажды прорыдал всю ночь) страх вызывало все. “Страх и уют сопровождали жизнь, — напишет Грин в 1926 году в стихотворении “Лекарство от грусти”. — Страх без уюта жил, уют без страха — нет”. Боялся ложиться вечером спать; боялся ночных кошмаров, которые потом преследовали его всю жизнь и не раз повторялись. Сны снились не только страш-

ные, но и провиденциальные: семейная легенда гласит, что, когда Грэму было семь лет, ему приснилось кораблекрушение (человек в клеенчатом плаще согнулся в три погибели под ударом гигантской волны) — и в эту самую ночь утонул "Титаник". Стремясь отогнать кошмары, брал с собой в постель игрушечного медведя, или кролика, или синюю плюшевую птичку и требовал, чтобы няня зажигала ночник (не спать же в темноте!), оставляла приоткрытой дверь, чтобы слышны были голоса взрослых с ведущей в спальню лестницы. Случалось, нарочно ронял медведя или кролика на пол и звал няню — пусть подберет игрушку, укроет и приласкает. Или среди ночи вставал, выбегал из спальни и усаживался на ступеньках лестницы. А то как бы не прокралась к нему коварная ведьма, что подглядывала за ним, Грэм точно знал, из-за комода, — тут уж плюшевая птичка не выручит. Боялся обшитой зеленым сукном двери, ведущей из Школьного дома в здание школы, "где начались мои мучения". Боялся — и не только в детстве — смотреть на воду, ведь где вода, там и утопленники: в местной газете не раз писали, что из канала выловлено тело и ведется расследование. И на небо: после того как за городом рухнул одноместный аэроплан, ему стало казаться, что "аэроплан может упасть от одного моего взгляда". Боялся зверей в клетках: придя в зоопарк впервые, разнервничался, уселся на землю и заявил: "Я устал. Отведите меня домой". Боялся летучих мышей, птиц и даже мух, требовал, чтобы на ночь в спальне наглухо закрывали окна. Боялся, как бы в доме среди ночи не вспыхнул пожар. Боялся шагов по лестнице, чужих людей. И не чужих тоже. Наставник приготовительного класса мистер Фрост — и не столько сам Фрост, сколько его "веселый, людоедский хохот" и длинная, до полу, черная учительская мантия, которую он запахивал "театральным жестом", — вызывал у мальчика панический страх, и он пропускал занятия под любым предлогом, далеко не всегда благовидным.

И страхами своими не делился, тщательно их скрывал. Вообще был скрытен, считал, что со взрослыми лучше не откровенничать. "Я никогда не могла взять в толк, радуется он или огорчается, одобряет наши поступки или нет", — вспоминала его тетка Ева, жена брата отца. Скрытен и упрям: совершив дурной поступок, наотрез отказывался извиняться. И терпеть не мог нежностей: когда его пытались поцеловать, отворачивался, вырывался. Нежностей и похвал; отец читал с ним книжку, нечто вроде букваря, с сусальным названием "Чтение без слез" и постоянно — авансом — хвалил, отчего "Чтение без слез" без слез не обходилось. Долгое время упря-

мо не желал учиться читать, а когда выучился, не хотел, чтобы об этом узнали, — могут ведь отдать раньше времени в ненавистную школу. Его, восьмилетнего, и отдали — долго, правда, к этому ответственному шагу готовили, "ходили вокруг него с опаской, суживая круги", как вокруг набоковского Лужина.

Глава третья
Директорский сынок

В школе — подготовительной, куда можно еще было ходить из дома, а не оставаться на ночь, — возникли новые увлечения и новые страхи.

Свою первую книжку "Диксон Бретт, сыщик" Грэм прочел, впрочем, не в школе, а еще в Харстоне, сам удивляясь тому, что этим навыком овладел. В школе же читал запоем, предпочтение отдавал, как и все мальчики его возраста, приключениям и книгам по истории, вообще историей увлекался, и школьный историк вывел даже в его табеле: "Имеет задатки историка". Вот его фавориты: Шарлота М. Янг "Маленький герцог" (цитаты из этой книжки разошлись на эпиграфы ко всем без исключения главам "Ведомства страха"), "Пак с Пуковых холмов" и "Сказки просто так" Киплинга, "Дети нового леса" капитана Фредерика Марриэта", "Копи царя Соломона" Райдера Хаггарда, "Дракула" Брэма Стокера, "Айвенго" Вальтера Скотта, "Лесные любовники" Мориса Хьюлетта. И, разумеется, Беатрикс Поттер. Особенно же — "Миланская гадюка" Марджори Боуэн. "Когда я в семнадцать лет прочел 'Миланскую гадюку', — рассказывал впоследствии Грин в "Потерянном детстве", — книга произвела на меня неизгладимое впечатление. Прочитав ее, я уяснил себе, что природа человека не бывает белой или черной, а только черной или серой". На традиционный вопрос, что бы он взял с собой на необитаемый остров, юный книгочей без запинки ответил: Чарльза Лэма и Фрэнсиса Бэкона — это в десять-то лет!

Полюбил бродить по городу, где, как оказалось, таилось немало всего интересного. Скажем, огромная норманнская церковь и деревянный, еще тюдоровский дом на Хай-стрит. Или неподалеку от заросшего водяным крессом Большого соединительного канала громоздившийся на холмах старый замок. Или на той же Хай-стрит магазин игрушек, где престарелая миссис Фигг торговала оловянными солдатиками; имелись в ее хозяйстве и сипаи, и зулусы, и буры, и гвардей-

цы Наполеона в киверах, и русские казаки с усами, в шароварах с лампасами — все, кто когда-либо бросал вызов Британской империи. Или здание ломбарда, куда однажды Грэм "в минуту жизни трудную" принес заложить сломанную крикетную биту, которую почему-то взять отказались. Или книжная лавка Смита, примечательная в основном тем, что из нее сын директора Берхэмстедской школы, Грэм Грин, украдкой вынес "Железнодорожный журнал" — зачем он ему понадобился, бог весть. Или ювелирная лавка, где у окна бессменно восседал похожий на библейского Моисея ювелир-часовщик с окладистой седой бородой и со стеклышком в глазу. Или фотоателье Ньюмена, где царил таинственный полумрак и в ванночках с проявителем и фиксажем плавали отпечатки с неясными эпизодами из школьной жизни: Ньюмен был официальным фотографом Берхэмстедской школы.

Боялся же теперь двух вещей. Во-первых, как бы, не дай Бог, не продемонстрировать свою несостоятельность, в основном это касалось спорта и военной подготовки; спорта — особенно. В очерке "Старая школа" лет двадцать спустя напишет: "Школьные занятия и спортивные игры следовало бы развести как можно дальше, ведь в школах спортом пользуются в первую очередь для того, чтобы привить ученикам чувство примитивной лояльности".

Грин был до крайности физически неловок (его биограф Норман Шерри пишет, что до Оксфорда даже галстук сам не умел завязать), да еще страдал плоскостопием и тактику избрал простейшую: избегать тех занятий, где его несостоятельность даст себя знать. В том числе и детских праздников, ведь там приходилось танцевать, продемонстрировать, чему он научился на уроках танцев, "от которых у меня в памяти остались только черные, блестящие туфли с туго щелкающими резинками". Танцев, тенниса, гольфа, плавания боялся как огня. Пока его сверстники лазали по канату, прыгали, играли в футбол или регби, он убегал домой или же незаметно выскальзывал из Сент-Джона с книгой в кармане. Поднимется по узкой тропинке на холм, потом спустится в заросший боярышником овраг, где и отсиживается. Военную подготовку ненавидел точно так же, как и физкультуру. Уроки по "военному делу" прогуливал все до одного. В качестве же благовидного предлога или ссылался на болезнь — в детстве был и в самом деле слабого здоровья, чем только не болел: и корью, и желтухой, и плевритом. Или придумывал дополнительные занятия по математике, в которой был, и правда, не силен, и даже для пущей достоверности называл фамилию учителя, который якобы, его "подтягивал". "Всю свою жизнь, — при-

знавался впоследствии Грин, — я инстинктивно избегал всего того, к чему не имел склонностей и способностей".

И, во-вторых, боялся воспользоваться своим положением директорского сына. Тут Грину и в самом деле не позавидуешь, останься Чарльз Генри рядовым преподавателем истории и классических дисциплин, его чересчур тонкокожему сыну жилось бы намного легче. Теперь же он находился в постоянном цугцванге: доноси он на соучеников, они бы его возненавидели и обязательно ему мстили; если бы молчал — навлек бы на себя гнев отца, не подозревавшего о терзаниях сына и, как мы знаем, доносы поощрявшего. Да и кто бы ему поверил, что он молчит и Чарльзу Генри не жалуется?! Впрочем, как бы Грэм себя ни повел, он бы все равно оказался в изоляции: прекрасно зная, что собой представляет отец, ученики не могли доверять сыну. И вообще, лучший, самый надежный способ общения с близким родственником начальника — это держаться от него на расстоянии, разве нет?

С другой стороны, трудно отказать себе в удовольствии помучить нескладного, неловкого, очень робкого, ("самого робкого мальчугана, с которым я имел дело", — вспоминал школьный учитель Сандерленд-Тейлор), избалованного директорского сынка. Помучить и самоутвердиться за его счет. Тем более, если "робкий мальчуган" не в состоянии постоять за себя, больше всего на свете ценит одиночество, избегает физических упражнений и любит своим шепелявым, срывающимся голоском читать вслух никому не ведомые стихи. Такие, как избалованный всеобщей любовью, заботой и достатком "домашний ребенок", впервые попавший в школьное общежитие только в тринадцать лет и считавший, что родители его "бросили", "предали", — во все времена и во всех школах мира становятся легкой добычей учеников, да и учителей тоже. "Что-то в нем было странное, необычное, непохожее на всех нас", — вспоминает его одноклассник и приятель Клод Кокберн. Особенно необычное — добавим от себя — по контрасту с Реймондом, который, в отличие от младшего брата, не отсиживался с книжкой в овраге — учился отлично, спортсменом был первоклассным, а еще школьную газету издавал и был бессменным почетным секретарем школьного Дискуссионного клуба, чем вызывал всеобщее уважение.

Рядом с таким, как тринадцатилетний Грин, не мог не возникнуть такой, как Картер, Лайонел Артур Картер. Полная Грэму противоположность. Хорош собой. Примерный ученик. Одет с иголочки (если это выражение применимо к аскезе закрытой английской школы). Меньше всего похож на хулигана, по любому поводу распускающего руки. Картер, изощренный

не по возрасту садист, действовал не руками, а языком — предпочитал подвергнуть свою жертву не физической расправе (тут он рисковал получить сдачу), а, так сказать, морально-психологической; Картер не бил, он унижал. "Довел до совершенства систему интеллектуальных пыток, основанных на моем двусмысленном положении в школе", — вспоминает Грин в "Части жизни". Придумывал ему насмешливые прозвища, которые потом подхватывали остальные. Напевал неприличные стишки собственного сочинения про Чарльза Генри, прекрасно понимая, что Грэм из гордости доносить не станет. Прилюдно высмеивал его любовь к поэзии. То вступался за Грэма, то, наоборот, без всякой видимой причины, становился на сторону его преследователей; как и полагается садисту, умел сменить гнев на милость, а потом опять милость на гнев. Предлагал ему свою дружбу и покровительство — и тут же от него отворачивался: "Постоянно протягивал мне руку дружбы, которую отдергивал в последний момент, как конфету, оставляя меж тем впечатление, что где-нибудь, когда-нибудь пытка кончится". Был отличным психологом: выдумывал, что его высекли за какую-то ничтожную провинность, чем вызывал у сердобольного Грэма искреннее сочувствие. И не только сочувствие, но даже восхищение ("Меня восхищала его жестокость, а его — моя уязвимость"), которое можно объяснить обаянием Картера, его широкой, располагающей к себе улыбкой, вкрадчивым тоном, умением втереться в доверие. Прежде же всего, конечно, тем, что Грэм по молодости лет неважно разбирался в людях, да и деваться ему было, в сущности, некуда...

Хуже всего было то, что Картер был не один, при нем "состоял" некий Уилер, бывший его тенью, во всем ему подражавший. Это был ничем, в отличие от Картера, не примечательный, веселый, с виду добродушный парень, роль которого состояла в посредничестве между палачом и его жертвой. Картер и Уилер действовали сообща и по одной и той же испытанной схеме: Грэм делится с Уилером, которого по наивности считает своим близким другом, всем самым сокровенным; Уилер пересказывает услышанное Картеру; Картер выставляет Грэма в издевательском свете. И работала схема бесперебойно.

Предательство Уилера, которому Грэм, когда начнет писать, поменяет фамилию на Уотсон (Картер будет Коллифаксом), Грин перенес гораздо тяжелее, чем унижения, которым на протяжении нескольких лет подвергал его Картер, и поклялся Уилеру отомстить. Уместно, как кажется, привести здесь отрывок из "Части жизни", чтобы, как говорится, "закрыть тему".

После окончания школы прошло много лет, но когда я мысленно возвращался в Сент-Джон, то чувствовал, что жажда мести живет во мне, как ящерица под камнем. Правда, я заглядывал под камень все реже. Я начал писать, и прошлое отчасти утратило власть надо мной, перейдя на бумагу...

В декабре 1951 года я зашел в магазин "Колд сторедж компани" в Куала-Лумпуре купить виски на Рождество, которое собирался провести в Малакке. Я только что вернулся из Пананга после трехдневного патрулирования джунглей с Гурхскими стрелками, выискивающими партизан-коммунистов, и чувствовал, что Малайя мне порядком надоела. Чей-то голос произнес: "А ведь это Грин!"

Рядом стоял человек с лисьим лицом и усиками.

— Да, — ответил я, — боюсь, что...

— Я Уотсон.

— Уотсон?

Вероятно, я очень давно не поднимал камень, потому что ни имя, ни бурое лицо обитателя колоний ни о чем мне в тот момент не говорили.

— Мы учились в одной школе, помнишь? Ты, я и еще Картер, мы были этакой троицей. Ты еще натаскивал нас с Картером по латыни.

В те дни, когда я грезил наяву, мне не раз представлялось, как мы с Уотсоном сталкиваемся где-нибудь в людном месте, и я его публично унижаю. Ничего более публичного, чем куала-лумпурский магазин "Колд сторедж компани" во время рождественской лихорадки, невозможно было себе представить, однако я смог лишь пробормотать, что "был не слишком силен в латыни".

— Но уж точно посильнее нас.

— Чем занимаешься? — спросил я.

— Таможня и акцизы. Ты играешь в поло?

— Нет.

— Тогда приходи посмотреть, как играю я.

— Я сегодня уезжаю в Малакку.

— Ну, когда вернешься. Вспомним старые времена. Мы ведь были неразлучны: ты, я и Картер.

Было очевидно, что его воспоминания разительно отличаются от моих.

— А что стало с Картером?

— Работал в управлении связи и умер.

Я сказал:

— Когда я вернусь из Малакки...

И в задумчивости вышел из магазина.

Встреча вышла совсем не такой, как я себе представлял. По пути в гостиницу я размышлял, начал бы я писать или нет, если бы не Уотсон и покойный Картер, если бы не те годы унижений, кото-

рые вселили в меня неукротимое желание доказать, что я чего-то стою, сколько бы времени это ни заняло. Нужно ли мне было благодарить за это Уотсона или наоборот? Я вспомнил еще одну старую мечту: стать консулом в средиземноморской стране; чтобы ее осуществить, я даже успешно прошел собеседование. Если бы не Уотсон... Но Уотсон тревожил меня недолго: по приезде в Малакку я напрочь о нем забыл.

И лишь много месяцев спустя, когда я уехал из Малайи, как полагал, навсегда, я вспомнил, что так и не позвонил ему, не сходил посмотреть, как он играет в поло, не предался совместным воспоминаниям о трех неразлучных друзьях. То, что я забыл его так легко, возможно и было моей неосознанной местью. Приподняв камень в очередной раз, я увидел, что под ним ничего нет[1].

Глава *четвертая*
О *пользе психоанализа*

Еще больше Картера–Уилера и многих лет унижений угнетало Грэма в школьной жизни то, что он назовет впоследствии "существованием при диктатуре, постоянными бесчестьем, безответственностью и несправедливостью". А еще – "беспросветной монотонностью существования". Восемь семестров из тринадцати (с короткими перерывами на каникулы) "депрессивный подросток" продержался, с трудом перенес "сто четыре недели однообразия, унижений и душевной боли", а потом – сорвался. Не помогло даже решение отца отпускать сына на воскресенье домой. И не только не помогло, но еще больше осложнило его отношения с соучениками, которые лишь утвердились во мнении, что Грэм – осведомитель Чарльза Генри, иначе бы принципиальный отец ни за что не пошел сыну навстречу. И задались старыми, как мир, риторическими вопросами: "Почему ему можно, а нам нельзя?" и "Чем мы хуже?"

В результате директорский сынок проводит в школе времени все меньше, а в овраге за чтением все больше. Налицо все признаки того, что сегодня психиатры назвали бы "индогенной депрессией": отсутствие интереса к окружающему и окружающим, нарастающее чувство своей никчемности, мания преследования, сопровождающаяся бредовыми измышлениями. Однажды, перед сном, Грэм пытается, чтобы не ходить на

1. Часть жизни. Гл. 3.

занятия, разрезать себе перочинным ножом колено — но не хватило духу, да и нож оказался тупым. После чего следует череда самоубийств. Один раз, забравшись в темную кладовую возле шкафа с бельем, выпивает фиксаж в полной уверенности, что он ядовит. В другой — опустошает бутылочку с микстурой от сенной лихорадки. Поскольку в ней было немного кокаина, суицидент не только не покончил счеты с жизнью, но даже воспрянул духом. Правда, ненадолго: спустя некоторое время сначала отведал пучок белладонны, собранной на лугу, а потом проглотил двадцать таблеток аспирина. После чего для пущей верности забрался в воду в пустой школьной купальне: “До сих пор помню странное ощущение, будто плыву через вату”.

И, наконец, за день до начала осенних занятий, убедившись, что лишиться жизни не так-то просто, кладет на черный дубовый буфет под графин с виски письмо, где ставит родителям ультиматум. Или они дают ему свободу, или он спрячется в лесу за пустырем Берхэмстед-коммон, где спустя три года, обнаружив в шкафу револьвер старшего брата, будет играть в русскую рулетку. И не выйдет из леса до тех пор, пока не получит гарантии, что в свою тюрьму (так и написал — “тюрьму”) он больше не вернется. Выдержал бы характер юный борец за свободу, неизвестно, ибо по дороге в лес он встретил свою старшую сестру Молли, которая вместе с подругой отправилась на его поиски. Мог бы, конечно, убежать, но “это не вязалось с бесстрашием моего протеста”, и был возвращен домой.

И, совершенно неожиданно для себя, одержал победу: родители отнеслись к побегу со всей серьезностью, куда большей, чем беглец мог ожидать, осознали — быть может, впервые в жизни, — что их сын близок к нервному срыву и что он и в самом деле может исчезнуть из города или, чего-доброго, покончить с собой. Испугались не на шутку — и не только за Грэма, но и за себя. Ведь если бы юноша лишил себя жизни или его пришлось бы искать с помощью полиции, в крошечном Берхэмстеде эта история стала бы притчей во языцех. И, очень может статься, Чарльзу Генри пришлось бы оставить свой пост, причем со скандалом. Узнав, что Грэм убежал из дома, Чарльз Генри, помешанный, как мы знаем, на подростковых “сексуальных отклонениях”, в первый момент решил, что сын подвергся гомосексуальному домогательству. Отчего встревожился еще больше, строго-настрого запретил домочадцам обращаться в полицию и, не найдись Грэм так быстро, провел бы в школе всестороннее и тщательное расследование — благо добровольных осведомителей у него хватало.

Вот как опишет случившееся в письме своей невестке лет тридцать спустя Мэрион Реймонд, которая не терпела малей-

шего отклонения от правил и потому помыслить не могла, что ее сын способен на столь решительный шаг:

Утром, накануне того дня, когда Грэм должен был вернуться в Сент-Джон, ему нездоровилось; мне показалось, что у него поднялась температура, глаза были воспаленными... Я оставила его в постели, сама же пошла распорядиться по хозяйству. Когда я вернулась, комната была пуста, а на буфете лежала записка, где говорилось, что в школу он не вернется, что попытался отравиться глазными каплями, но у него ничего не вышло, и он ушел из дома, и больше мы его никогда не увидим... В полицию мы решили не обращаться. Доктор МБ посадил меня к себе в машину, и мы объехали все площадки для гольфа и въехали в лес; ехали по лесной дороге и, не переставая, его окликали. Потом, уже после обеда, Молли сказала, что у нее такое чувство, будто она сможет его найти, и, прихватив бутерброды, отправилась вместе с мисс Арнелл на поиски брата. И они нашли его: Грэм сидел на опушке леса недалеко от города. Привели домой, я уложила его в постель и пообещала, что в школу он больше не вернется.

Меры были приняты незамедлительно. Из Оксфорда был вызван "для консультаций" учившийся на медицинском факультете Реймонд, который сделал довольно необычное для 1920 года предложение — забрать младшего брата из школы и отдать его на несколько месяцев лондонскому психоаналитику. Не убежден, что Чарльз Генри знал тогда значение этого слова.

Времени на раздумья не было, и квалификацию Кеннета Ричмонда никто не проверял. Не знали Грины и того, что представления Ричмонда о воспитании молодежи в корне отличались от консервативных методов Чарльза Генри. "Дядюшка Чарли бывал, быть может, излишне суров со своим сыном, — придет к выводу Ричмонд через полгода после приезда к нему Грэма. — Думаю, он не шел навстречу пожеланиям своих детей". Ричмонд же был сторонником того, чтобы давать ученикам максимум свободы, чтобы от учебы они получали удовольствие. Он был принципиальным противником закрытых школ и репрессивных мер, с учениками, считал Ричмонд, нельзя говорить языком "нельзя" — только "можно". "Есть только одна цель — знания, и только одно средство их достичь — свободное и активное развитие", — писал в своей книге "Расписание" Ричмонд, который, надо сказать, и сам "развивался свободно и активно". Одно время держал вместе с женой пансион, затем, познакомившись со своим кумиром Карлом Юнгом, освоил профессию психоаналитика, причем, как полагается юнгианцу, особое значение придавал снам. Был Ричмонд и педагогом, и литератором (пописывал рецензии, пьески), и даже медиумом: с потусторонним миром вступал в кон-

такт еженедельно и с неизменным успехом. Человек спокойный, сдержанный, отзывчивый, он был предан делу, любил жизнь, любил своих пациентов, призывал их "прислушиваться к своему собственному голосу", "слушать в себе Бога". Сам же "слушал в себе Бога" не без посредства бутылки виски; с возрастом Ричмонд впадет в депрессию и сопьется.

В данном случае, однако, важны были не либеральные взгляды Ричмонда на воспитание, не увлечение Юнгом, спиритизмом и виски, и даже не лечение Грэма новомодным, еще невостребованным в те годы психоанализом; важно было поменять молодому человеку обстановку, вдохнуть в него жизненные силы, вернуть уверенность в себе. На успех, при том в каком состоянии находился подросток, никто особенно не рассчитывал, меж тем он превзошел все ожидания: Ричмонд оказался именно тем человеком, который Грину был, что называется, прописан.

Напрашивается сравнение Грэма с Оливером Твистом, попавшим, читатель помнит, из воровского притона Сайкса и Феджина к благороднейшему, добрейшему и заботливейшему мистеру Браунлоу. С Грэмом произошло примерно то же самое, хотя Мэрион Реймонд и Чарльза Генри с Сайксом и Феджином, а их дом с притоном, конечно же, не сравнишь. И все же с отъездом в столицу у Грэма начинается новая жизнь. Уютный, со вкусом обставленный дом, и не где-нибудь, а в Бейсуотере, на Ланкастер-гейт. Завтраки в постели, которые подает горничная в накрахмаленном белом чепце. Чтение под деревьями Кенсингтонского сада. Грэм в это время увлекается имажистскими стихами Эзры Паунда. Спустя пару лет, в Оксфорде, он напишет про него эссе и даже получит за это эссе премию. Не забывает и про учебу: все проведенные у Ричмонда месяцы прилежно изучает латинскую хрестоматию, учебники по истории, которые по его просьбе присылает ему из дома мать. Неустанно гуляет по бескрайнему — не чета Берхэмстеду — Лондону: музеи, театры, книжные магазины, мюзик-холлы, бывает в местах и похуже мюзик-холлов... "Все это, — напишет Грин спустя полвека в автобиографии, — казалось нереально прекрасным после каменных ступеней, классных стен в чернильных пятнах, перекличек, вони в душевой..."

Под стать дому на Ланкастер-гейт были и его хозяева. Сорокалетний Кеннет Ричмонд, больше похожий на музыканта или художника, чем на врача, который исцеляет душевные недуги: высокий, сутулый, с высоким лбом и длинными волосами, зачесанными назад без пробора. Его красавица жена Зоя и две прелестные маленькие дочки, воспитанные — вспоминал Грин — по принципу "детям можно все" — его ведь и са-

мого так до школы воспитывали. В отличие от Берхэмстедской "тюрьмы", Грэму теперь тоже можно было все: полная свобода времяпрепровождения; прав было сколько угодно, обязанности же сводились к тому, чтобы час в день сидеть с дочерьми Ричмондов, пока родители находились в церкви в Бейсуотере, где царили поистине демократические нравы. Прихожане сами принимали решение, что прочтет с кафедры пастор — проповедь или лекцию по психологии. А второй час по утрам, после завтрака, когда хозяин дома включит секундомер, — пересказывать ему свои сны (а если они забылись, то их придумывать, импровизировать непосредственно во время сеанса), что доставляло пациенту удовольствие едва ли не большее, чем психоаналитику. Дело в том, что сны уже тогда не в меру влюбчивого Грэма Грина носили порой несколько предосудительный характер. Судите сами:

— А теперь, — сказал Ричмонд после короткой беседы на теоретические темы, — расскажи мне, что тебе снилось этой ночью.

Я прочистил горло:

— Мне запомнился всего лишь один сон.

— И какой же?

— Мне снилось, будто я лежу в постели... — начал я.

— Где?

— Здесь.

Ричмонд что-то записал в своем блокноте. Набравшись духу, я продолжал:

— Раздался стук в дверь, и вошла Зоя. Она была обнажена. Она склонилась ко мне. Ее грудь коснулась моих губ. Я проснулся.

— И с чем же ассоциируется у тебя женская грудь? — спросил Ричмонд и включил секундомер.

— С поездом подземки, — вымолвил я после долгой паузы.

— Пять секунд, — подытожил Ричмонд[1].

Еще более приятной обязанностью, чем пересказ снов, было общение с кузиной Эйв, она тоже одно время жила у Ричмондов, не раз сопровождала двоюродного брата в его прогулках по городу и вызывала у него отнюдь не только родственные чувства... А также присутствие по вечерам на литературных чаепитиях с участием такого известного поэта, как Уолтер де Ла Мар; возвратившись домой и гордясь завязавшимися "литературными связями", Грэм пригласит к родителям "своего друга" де Ла Мара "на чашку чаю с земляничным вареньем". Бывали у Ричмонда и име-

1. Часть жизни. Гл. 5.

нитый в межвоенные годы романист Дж. Д. Бирсфорд, а также литературный редактор "Уикли Вестминстер" Нейоми Ройд-Смит. Не был чужд литературы и Ричмонд — психоаналитик, как мы уже знаем, тексты писал самые разнообразные, вовсе не только педагогические. Мало того что Ричмонд творил сам — он приохотил к литературе и своего пациента. В "Уикли Вестминстер" с легкой руки не слишком разборчивой и слишком благожелательной Нейоми Ройд-Смит печатается первая проба пера Грэма Грина с красочным и не слишком внятным названием "Творение красоты: исследование о сублимации" — психоаналитические сеансы Кеннета Ричмонда, как видим, не прошли даром. Под стать названию и содержание философского очерка (трактата, памфлета?), представляющего собой диалог Бога и некоего "архитектора вселенной" на тему любви и судеб человечества. "Неужто ты не видишь, — внушает архитектору Всевышний, — что, дав человеку красоту женщины, ты дал ему красоту вселенной!"

Спустя полгода, "самые счастливые полгода моей жизни", Грин вернулся в Берхэмстед, как принято говорить, "другим человеком": "Я уехал в Лондон застенчивым, необщительным подростком, а вернулся тщеславным всезнайкой". Главное же — всезнайкой, уверенным в себе. Благополучная жизнь способствует обретению высокой самооценки — ее-то Грэму так не хватало. Все, что раньше, до Ланкастер-гейт, было сложно и даже мучительно, теперь стало просто и в удовольствие. Если раньше он упорно сторонился любой "общественной деятельности", старался не бывать на виду, то теперь стал заметным членом школьного сообщества. Играл в школьных спектаклях, на школьных вечерах, к радости отца, бойко декламировал Шекспира — куда девались робость, сутулая спина, задушенный, шепелявый голос? Прослыл активным участником школьного Дискуссионного клуба: с пеной у рта обличал Ллойд-Джорджа, его недальновидную ирландскую политику и черно-пегих[1].

Ненавистная школа, как выяснилось, не так уж плоха, тем более что отец, не желая рисковать, разрешил сыну жить дома, быть "дневным мальчиком", как называют в Англии учеников, не живущих в школе и находящихся там лишь в течение учебных часов. Картеры и уилеры потеряли над ним власть (Картера, впрочем, в Берхэмстеде уже не было, Чарльз Генри предусмотрительно от него избавился), да и

1. Английские полицейские и отставные военные, а также отсидевшие в тюрьме уголовники, посылавшиеся в Ирландию для усмирения членов националистической организации шинфейнеров.

физические его изъяны, еще недавно так мешавшие жить, куда-то подевались. Удалось, причем без особого труда, расположить к себе всех тех, кто еще недавно от него отворачивался или над ним издевался. А также — освободиться от спортивных игр и военной подготовки, на чем настоял Кеннет Ричмонд. Теперь вместо "шагистики" Грэм занимался верховой ездой с преподавателем физкультуры, краснолицым и дружелюбным сержантом Лаббоком. И испытывал "презрительное сострадание к одноклассникам, которые понуро брели колонной с военной подготовки", покуда он со своим тогдашним другом Питером Кеннеллом, сидя на старом, заброшенном кладбище, читали друг другу вслух "Желтую книгу"[1] с озорными рисунками Обри Бердслея.

С остальными занятиями дело также пошло на лад: перейдя в шестой класс и получив аттестат об общем образовании, Грэм был вправе отказаться от математики, латыни и греческого, которые никогда ему не давались. Теперь в качестве основных предметов были выбраны французский, история и английский. Бегло говорить на языке Мольера и Гюго Грин так и не выучился, зато не без удовольствия и не без успеха переводил сонеты Эредиа и даже монологи Расина. Преподавал французский португалец Роус, красивый, смуглый, молодой еще человек, отличавшийся барственной внешностью и безапелляционностью суждений, что не мешало ему относиться с энтузиазмом к первым пробам пера семнадцатилетнего литературного переводчика.

И не только переводил, но и продолжал писать — лиха беда начало. Напечатал в "Берхэмстедской газете" аллегорию "Тирания реализма", где Король Реализм преследует Фантазию, "деву со скорбными губами". А написанный ритмизованной прозой рассказ "Тиканье часов" попал не только в школьную газету, но и в лондонскую, и даже удостоился гонорара в размере трех гиней. Но что такое гонорар в сравнении со славой? И Грэм, как встарь, уединяется в лесу или в овраге, вынимает из кармана тщательно сложенную вырезку из газеты "Стар" и, упиваясь успехом, читает и перечитывает свой рассказ самому себе. Спустя годы он оценит свои первые литературные опыты более трезво. "Ты не поверишь! Я бредил от

1. Иллюстрированный ежеквартальный журнал символистского направления, который выходил в Лондоне с 1894 по 1897 гг. и в котором печатались художник Обри Бердслей, писатели Макс Бирбом, Генри Джеймс и др.

счастья. В свои шестнадцать лет я получил первый гонорар в газете “Стар” за ужасный сентиментальный очерк”, – напишет он в августе 1925 года своей будущей жене. О том же вспомнит и в автобиографии: “В тот солнечный день в ‘Тиканье часов’ я не обнаружил ни одного просчета. Я испытал чувство славы в первый и последний раз в жизни”. В последний?

Пробует свои силы и в драматургии, не только играет в школьном театре, но и сочиняет одноактные пьесы с действием в Средние века, жанр которых сам же определил как “брутальная фантасмагория”. С одной из таких брутальных фантасмагорий случился, можно сказать, брутальный курьез. Одну из этих пьес, содержание которой Грин за давностью лет забыл, помнил только, что действие в ней перемещается из Лондона в... Самарканд, юный автор послал в лондонскую драматическую студию. Ответ, против всякого ожидания, не заставил себя долго ждать: “Ваша пьеса принята к постановке, приезжайте подписать контракт и познакомиться с режиссером-постановщиком”. Окрыленный, Грин едет в Лондон, приходит по указанному адресу – и попадает в дом свиданий.

Григорий Кружков
Нескучная поэзия

Об антологии Алана Беннетта

Составитель антологии “Шесть поэтов: от Гарди до Ларкина” Алан Беннетт — не поэт и не критик. Он актер, драматург, автор популярного телевизионного сериала “Говорящие головы” и многих успешных пьес и книг, неоднократный лауреат премии Лоуренса Оливье, премии английских театральных критиков, других премий за лучшую книгу года. Знаком он и российскому читателю — в журнале “Иностранная литература” были опубликованы три его романа: “Вторая молодость миссис Доналдсон”, “Голы и босы”, “Непростой читатель”.

Антология Беннетта составлена по следам телевизионной серии передач о поэзии (1990) и впервые вышла тогда же, то есть изначально она была адресована самой широкой читательской аудитории. А в 2014 году вышло ее второе издание в издательстве “Фейбер энд Фейбер”.

В своем предисловии Алан Беннетт простодушно — а может быть, и для упрочения контакта с читателем — пишет, как поздно и с каким трудом далось ему понимание поэзии. Многих авторов он до сих пор понять не может и не читает (например, Байрона и Кольриджа). Он выдвигает главный критерий своего отбора — *ясность* и *доступность*. “Стихотворение должно быть понятно с первого слушания”. Вот авторы XX века, которых он включает в книгу: Томас Гарди, Альфред Эдуард Хаусман, Джон Бетджемен, Уистен Хью Оден, Луис Макнис и Филип Ларкин.

Список сам по себе наводит на размышления и заставляет вспомнить о тех авторах, которые сюда не вошли. Например, Уильям Батлер Йейтс, Томас Стернз Элиот, Роберт Грейвз, Стиви Смит, Дилан Томас, Тед Хьюз. Это, согласитесь, могла бы быть не менее великолепная шестерка. Хотя несомненно, что второй список (если взять его в целом) включает авторов более сложных для понимания, с первого слушания не дающихся в руки.

© Григорий Кружков, 2016

И дело не только в подразумевавшемся телевизионном зрителе. Мне кажется, в выборе Беннетта отразился сам английский дух, каким он проявляется в предпочитаемой англичанами поэзии. Все эти неуемные романтики и утонченные эстеты, такие как Джон Китс и лорд Байрон, Данте Габриэль Россетти и Оскар Уайльд или в XX веке ирландец Йейтс и валлиец Томас, – все они были лишь беззаконными кометами в кругу расчисленных светил, а мейнстримом английской поэзии было и остается вот это самое – аскетизм, внимание к обычной, повседневной жизни, меланхолическая сдержанность, сентиментальность...

Как отмечает Алан Беннетт, у всей этой шестерки авторов ("естественно, за исключением Гарди") есть одна общая черта: все они были поклонниками поэзии Томаса Гарди (1840–1928). Даже Оден, который признавал наличие у Гарди большого количества слабых стихов, утверждал, что именно он был его первым вдохновителем. И слабые стихи тому не мешали, наоборот, внушали дух здорового соперничества, которое вряд ли возникло бы от контакта с безукоризненно совершенным автором.

Один мой английский друг (и сам поэт) признался в письме, что Гарди может показаться слабым поэтом, но на самом деле он очень хороший, искренний и глубокий. Стихи о жене, написанные после ее смерти, поистине душераздирающие (heart-rending).

Интересно все-таки, почему, несмотря на свой огромный авторитет в Англии, Гарди не стал таким же любимым в России, – хотя значительная часть его стихов переведена (и напечатана в последнем томе его трехтомника, вышедшего в 1989 году в "Художественной литературе")? Не потому ли, что для русской поэзии, начиная с Пушкина и Жуковского до поэтов-символистов и постсимволистов, мейнстримом был как раз романтизм и его всевозможные изводы? Единственное исключение представляет Некрасов, но, несмотря на его огромное влияние на современников, в дальнейшем некрасовская линия продолжается в русской поэзии лишь редким пунктиром. И мне кажется, что Марк Фрейдкин очень тонко прочувствовал эту связь, переведя с дактилическими окончаниями одно из самых пронзительных стихотворений Гарди "Голос":

Твой ли то голос, о женщина, ставшая
Непреходящею болью моей,
Слышится мне, словно в пору тогдашнюю
Наших начальных безоблачных дней?

Ты ль это? Если и впрямь ты звала меня,
Дай же мне встретиться снова с тобой
Там, возле города, где ты ждала меня
В платье нежнее волны голубой!

Иль это ветер с глухой безучастностью
Носится вдоль перелесков и рек,
И растворенную в блеклой безгласности
Мне уж тебя не услышать вовек?..

Поэтический путь Томаса Гарди необычен. Когда он, уже прославившись как романист, сосредоточился на стихах, ему было почти шестьдесят лет. Между прочим, в его стихах изрядное место занимает кладбищенская тема. В каждом втором стихотворении — могилы, надгробные плиты, призраки умерших, зелень, растущая из праха погребенного... В этом он тоже — англичанин, который со смертью запанибрата; недаром именно в Англии расцвел жанр шутливых эпитафий. Можно вспомнить, что и первое стихотворение, по которому русский читатель познакомился с английской поэзией, была "Элегия, написанная на сельском кладбище" Томаса Грея, переведенная В. А. Жуковским в 1802 году.

В подборке Беннетта стихи Томаса Гарди о самоубийце соседствуют с элегией любимому коту, строфы, написанные на гибель "Титаника", — со стихами на смерть солдата в Англо-бурской войне, апокалипсический отрывок о кануне битвы при Ватерлоо — с безрадостным четверостишием, итожащим опыт Первой мировой:

Твердило Божье нам веленье
О мире и благоволенье.
Когда же, люди, мы успели
Дойти до газов и шрапнели?

Альфред Эдвард Хаусман (1859–1936) тематически примыкает к Гарди. Он пишет о быстротечности жизни и молодости, об одиночестве и смерти. Его первая книга называлась "Шропширский парень", хотя сам он никакого отношения к сельской жизни не имел, в Шропшире бывал лишь проездом и почти всю жизнь был профессором латинского языка и литературы в Лондонском университете, а потом в Кембридже (выдающимся специалистом в своей области, между прочим).

Интересно, как он сумел "отщепить" от себя своего лирического героя — простого деревенского парня, томящегося тою же самой дрожью жизни, щемящей тоскою ее разлук и

утрат. В “Иностранной литературе” стихи А. Э. Хаусмана печатались в рубрике “Вглубь стихотворения” (2006, № 6) в разных, соревнующихся между собой, переводах. В этом номере (с. 163) предпринята еще одна попытка поэтического постижения Хаусмана – “простого и таинственного”.

Джон Бетджемен (1906–1984) – может быть, самый английский поэт из своих современников. Певец Лондона и его окрестностей, пламенный защитник старинной архитектуры, автор телевизионных передач на краеведческие темы. Его стихи, пишет Алан Беннетт, вызывают мгновенный отклик, это поэзия узнавания (“топофилия”, по выражению Филипа Ларкина). Но что тут делать переводчику? Если говорить конкретно о лондонских стихах Бетджемена, насыщенных топонимикой и локальным колоритом столичных пригородов, то они принципиально непереводимы как раз по этой причине: поэт жмет на клавиши, а отклика нет, звука нет. Так бывает с поэзией названий. Возьмем такой пример – “Гимн московскому метрополитену” Александра Аронова, его концовку:

Само метро на что похоже?
Сойди под город, и, скользя,
Сейчас, пока еще ты можешь,
Закрой, чтобы открыть, глаза.
Мудрейший, со своей авоськой,
Безумный, со своей тоской,
Закрой на “Электрозаводской”,
Открой на “Автозаводской”.

Как это перевести на английский? Shut your eyes at Electrozavodskaya, Open them at Avtozavodskaya? Для англичанина это настоящая абракадабра. И что делать с этими говорящими рифмами: *авоськой – Электрозаводской, тоской – Автозаводской?*

Лишь когда топография малость потеснится и уступит место лирике и непосредственному переживанию, можно надеяться на успех перевода. Например, вот это, рисующее будничное утро в Кэмден-Таун:

Женщины перед работой

В трубах газовых колонок
Ветры осени гудят,
Женщины в горячих ваннах
Перед службою сидят.

Струи пара из отдушин,
В кранах булькает вода.
Мчатся с грохотом сквозь Кэмден
Утренние поезда.

Раннее похолоданье,
Георгинов яркий тлен.
Ванные, как голубятни,
Виснут выступами стен.

Там, под люком потолочным,
Под порывом сквозняка
Женщины перед работой
Мокнут, глядя в облака.

О, понежьтесь, дорогие,
Вверьтесь краткому теплу!
Ждет вас одинокий завтрак
И троллейбус на углу.

Всегда сочувствующий людям на низших ступенях социальной лестницы, Бетджемен может быть саркастичным и едким, когда дело касается средних и высших ступенек этой лестницы. Вот характерный пример из антологии Беннетта. Стихотворение датируется 1936 годом.

Смерть короля Георга V

Новый король прибывает в столицу на самолете...
Из газет

Крыла убитых вальдшнепов и уток
На небо душу короля несут;
В альбомах марки в темноте теснятся,
И сохнут без хозяина, и ждут.

Его глаза голубизны небесной
Уж больше дичь в кустах не различат;
Часы у стариков в пустых гостиных
Все громче, все настойчивей стучат.

И смотрят старики у самолета,
По чину выстроясь и старшинству,
Как молодой король — в пальто, без шляпы —
Спускается по трапу на траву.

Уистен Хью Оден (1907–1973) – безусловный лидер среди своего поколения (к которому, между прочим, принадлежал и Бетджемен, будучи лишь на несколько месяцев старше). Его первая книга стихов была опубликована в 1930 году Т. С. Элиотом в издательстве “Фейбер энд Фейбер”. Творчество Одена делится на две половины – до переезда в 1939 году в США и после. В антологию он взят с некоторыми оговорками; его стихи не вполне удовлетворяют критерию быть мгновенно понятными и доступными. Еще в общем предисловии Алан Беннетт жалуется, что “многое у Одена для меня – темный лес” (“I am all at sea with much of Auden”). В оденовском разделе книги он вновь задается вопросом: почему так? Непонятность Одена, рассуждает Беннетт, совсем не такого типа, как непонятность Паунда или Элиота: там вы с самого начала понимаете, что ничего не понимаете. А Оден поначалу кажется простым. Его пейзаж выглядит успокоительно знакомым, он не делает ссылок на что-то далекое и вам неизвестное, его первая строка, как правило, увлекает читателя. Но несколькими строками дальше вы попадаете в странный мир, в котором никак не можете сориентироваться. В чем тут дело? Беннетт приводит цитату из Кристофера Ишервуда, друга и порой соавтора Одена в 1930-х годах:

> Он ненавидел шлифовать и поправлять свои стихи. Если ему не нравилось стихотворение, он просто выбрасывал его и начинал новое. Если мне нравилась какая-нибудь его строчка, он развертывал ее в целое стихотворение. Нередко он просто составлял свои стихотворения из понравившихся мне строк, без всякого внимания к грамматике или смыслу.

Приводя на голубом глазу эти строки, – может быть, тихонько посмеиваясь над читателем, – Беннетт заключает цитату из Ишервуда словами: “Таково простое объяснение пресловутой темноты Одена”. Нам остается лишь представить, как это складно у Одена получается – например, в этом сонете:

Кто есть кто

Вся жизнь его – в брошюре за гроши.
Как бил его отец, как вскоре он
Бежал, мальчишкой подвиги вершил,
И как он стал героем тех времен;

Стрелял, удил, работал до утра,
Взбирался в горы, открывал моря –

И пишут, что, когда пришла пора,
Влюбился и страдал, как ты и я.

Вздыхал по той, что век свой провела –
О ужас! – дома. То в делах, то без.
Насвистывать могла. Пройтись могла

По саду. И с ленцой перо брала
Ответить на одно из тех чудес,
Которых ни строки не сберегла[1].

Беннетт останавливается на причинах эмиграции Одена в Америку в 1939 году – поступке, который в глазах некоторых его соотечественников выглядел чуть ли не дезертирством. На самом деле, к тому были серьезные, хотя и субъективные, причины. Ему надоело быть "придворным поэтом" английских "левых", он чувствовал, что, оставаясь в Англии, он будет вынужден топтаться на месте и повторять самого себя. Ему нужен был новый старт. Тем удивительнее, что Беннетт включает в антологию длинное стихотворение Одена "1 сентября 1939 года", которое сам поэт отбраковал и исключил из своего избранного, назвав его "отрыжкой" ("hangover") своей прежней манеры. Также Беннетт включает три отвергнутых Оденом строфы из элегии "Памяти У. Б. Йейтса", что имеет уже бóльший смысл, так как отвержены они были, скорее всего, по соображениям политкорректности. А для нас эти строфы ценны еще и потому, что сыграли важную роль в поэтическом самоопределении Иосифа Бродского.

Время, мощною рукой
Род гнетущее людской,
Не щадящее черты
Юности и красоты,

Чтит язык и тех, кто речь
Призван холить и беречь,
Возле их слагает ног
Лавра ласковый венок.

Время, Киплингу простив
Труб воинственных мотив,
И Клоделя извинит –
Тем, как стих его звенит.

1. Перевод Марии Фаликман.

Следующий, предпоследний автор в антологии Беннетта — Луис Макнис (1907–1963). Он оказался на волне читательского внимания в 1930-х годах вместе с другими членами Оксфордской группы молодых английских поэтов, лидером которой был Оден. В дальнейшем, когда группа распалась, и, в особенности, после войны, он постепенно и незаметно утратил внимание читателей — настолько, что после его смерти некролог в чикагской газете, определявший его как журналиста Би-би-си, кончался словами: "В прошлом он был поэтом". Макнис действительно самый малознаменитый среди наших шести авторов. Беннетт связывает это со свойствами его характера, флегматического и "слишком правильного". В то время, когда его друзья-поэты учились спустя рукава и покидали Оксфорд с посредственными оценками и вообще не закончив курса, он единственный среди них был отличником. В то время как стереотипами в Оксфорде считались "либо гомосексуальность и интеллект либо гетеросексуальность и мускулы", он был чуть ли не единственный в их среде "натурал-интеллектуал". Он придерживался левых взглядов, но никогда не был марксистом, участвовал в богемной жизни друзей, но предпочитал ей семейную жизнь и сравнительно рано женился. Короче говоря, он был, в сравнении с друзьями, слишком "буржуа". Алан Беннетт склоняет нас к мысли, что "добрый малый" и "золотая середина" — не тот материал, из которого делаются выдающиеся поэты: "Самоирония мешает искренности, благоразумие не дает прыгнуть за борт, а если вы не прыгаете за борт, то не будет и громкого всплеска".

Но, возможно, дело не только в этом. Бывают люди поздней жатвы, и к этой категории, по-видимому, принадлежал и Макнис. Он преподавал в университете, потом — во время войны и после — вел программы и писал радиопьесы для Би-би-си. И вот тогда-то, в 1940 и 1950-х годах, к нему пришло второе дыхание, и он стал писать все лучше от сборника к сборнику... Но времени отпущено ему было не слишком много; он умер первым из своих друзей-оксфордианцев.

Задержавшийся на старте

"Как ни смотри на циферблат,
Часы не побегут быстрей,
И поезд шибче не пойдет,
Хоть топни на него ногой".
Он понял и раздумал прыть
Колес и стрелок торопить.

Она сказала: “Погоди,
Я напишу тебе сама,
Когда пойму... Ты подожди
И дней напрасно не считай”.
Он ждал... Но не было письма.
И что ж? Он не сошел с ума.

Ему сказали: “Не спеши.
Твои труды должны созреть.
Всё впереди. Не рвись в галоп
И не пришпоривай себя”.
Он понял, он попридержал.
Но скис талант, и дар пропал.

И голос был ему: “Прощай,
Я был единственный твой шанс.
Ты проигрался. Кто сказал:
“Часы не побегут быстрей?”
Он вздрогнул: времени поток
Ревел пред ним, сбивая с ног.

Последним в антологии Беннетта идет Филип Ларкин (1922–1985), чей авторитет в современной английской поэзии не подвергается сомнению. В юности Ларкин пережил увлечение Оденом, затем Йейтсом, перед тем как открыть для себя Томаса Гарди, который показал ему, что не обязательно (по выражению Беннетта) “выдергивать себя из жизни в стихи”, – поэзия может спокойно расти из прозы. Ларкин родился в Ковентри и, кажется, не очень ладил с родителями. Никаких отрадных воспоминаний из детства он не вынес. Его взрослая жизнь также прошла без приключений; всю жизнь он проработал университетским библиотекарем в провинциальных городах, более всего в портовом городе Гулле (Халле). Ларкин был поднят на щит молодым антиромантическим поколением 1960-х годов и стал их общепринятым мэтром. Хотя с антиромантизмом Ларкина дело обстоит не так просто, как мы еще убедимся. Типичное его стихотворение – описательное или пересказывающее какой-то эпизод реальной жизни. В этом смысле оно “мгновенно понятное”, доступное. Это может быть описание молодоженов, едущих на поезде в свадебное путешествие (“Свадьбы на Троицу”), воспоминание о сокурснике (“Докери и сын”) или даже заказанные Министерством окружающей среды стихи об уходящей Англии (“Going, Going”).

...Можно попробовать летом
Поехать к морю, где волны
В берег шершавый бьют...
Но все так быстро при этом
Меняется, что невольно
Ждешь подвоха и тут.

Кажется, эту бурность
Тоже захватят быстро
В рамки бетона — чтоб
Всюду была культурность;
Разве что для туризма
Оставят пару трущоб.

Так и исчезнет, сгинув,
Англия сельских пейзажей,
Речек и птичьих рулад;
Она останется в книгах
И на картинах; нам же
Достанутся пыль и асфальт...

Стихи об уходящей Англии предсказуемо включены в антологию. Не менее предсказуемый выбор Беннетта — шокирующее своей грубой лексикой стихотворение, начинающееся словами “They fucked you up your mum and dad”:

Они затрахали тебя,
Твои папаша и мамаша, —
Конечно, горячо любя,
Но в голове от слов их каша.

Но их затрахали самих
Их воспитавшие тупицы,
Толпа то вежливых, то злых,
Готовых в горло вам вцепиться.

Так зло по эстафете рук
Передается, как бацилла.
Прерви, прерви порочный круг,
И от детишек — Бог помилуй!

Алан Беннетт замечает здесь перекличку с “Эпитафией пессимисту” Томаса Гарди:

Я дожил до главы седой,
Не зная женщин. Боже,

Уж лучше бы родитель мой
Вовек не знал их тоже[1].

Впрочем, отнюдь не все стихи у Ларкина — беспощадно трезвые или уныло элегические. Лучшие его стихи те, в которых все описательное, риторическое или элегическое внезапно — как по щелчку — освещается новым смыслом, каким-то новым трансцендентным светом, как будто декорации взлетают вверх и обнажается лазурное безграничное небо, безмятежно сияющее надо всем, единственно реальное из всего, что было и есть, — невозможное, уносящее из мира сияние.

Речь идет о внезапных озарениях, сходных с эпифаниями Джойса и "вехами времени" Вордсворта. Но говорить об этом подробней — значит, затрагивать тему романтического в Ларкине, для которой у нас нет достаточных оснований, — подборка Беннетта, повторюсь, составлена по преимуществу из "доступных" и отрезвляющих стихотворений. "Романтичны" разве что концовка "Могилы Арунделов" про то, что "нас переживет одна любовь" — да в стихотворении "Утренняя серенада" ("Aubade"), наполненном почти невыносимым страхом смерти, медленно светающее окно и последние слова: "Пора. Работа ждет. И почтальоны / Спешат, как доктора, из дома в дом".

И, наконец, сразу после страшной "Серенады" идут ларкиновские "Деревья": Беннетт хочет закончить на более или менее оптимистической ноте:

Деревья в мае шлют нам весть
Флажками каждого листка;
Но в вечном шелесте их есть
Зеленая, как мир, тоска.

Ужель дано им каждый год
Рождаться вновь, а нам стареть?
Увы, и дерево сгниет —
Но стоит ли о том скорбеть?

Они ведут внутри ствола
Свой тихий счет — к черте черта.
А вслух гласят: "Весна пришла.
Начните с нового листа".

1. Перевод Виктора Лунина.

Книга Беннетта составлена с заботой о читателе — чтобы он, не дай бог, не заскучал от обилия стихов, не утомился; потому-то они пересыпаны массой занятных сведений, биографических черточек, анекдотов и слухов. Читатель, по его мнению, склонен считать стихотворение чем-то вроде рекламы в витрине поэта, но "самое вкусное держат под прилавком, и дело биографа это унюхать". На сей счет существуют разные мнения. Хотя некоторые поэты настаивают на том, что биография не имеет никакого отношения к их стихам и не должна никого интересовать, Беннетт уверен, что "какие-то сведения о жизни поэта способны доставить удовольствие читателю и углубить его понимание стихов".

И он не упускает случая привести какую-нибудь занятную историю об избранных им поэтах. Томас Гарди, сообщает Беннетт, несмотря на его трогательные стихи об Эмме, не обходил вниманием и других женщин. Похоронив жену он, спустя недолгое время, женился на своей секретарше Флоренс Дагдейл. Произошло это так. Гарди привел ее на могилу своей первой жены и, указывая на пустой участок рядом, сказал: "Это для вас". Из чего Флоренс поняла, что он делает ей предложение.

Желая продемонстрировать, насколько знаменит сделался Томас Гарди в поздние годы, Беннетт рассказывает о посещении его принцем Уэльским, которого Гарди угощал обедом. Его садовник, простодушный малый, завладел косточкой, которую обгрыз принц, и хранил ее как сувенир.

Про Альфреда Хаусмана Беннетт поведал нам историю, как однажды тот не разрешил воспользоваться его туалетом австрийскому философу Витгенштейну. Были, наверное, и другие способы проиллюстрировать нелюдимость и нелюбезность Хаусмана, но этот, надо признать, запоминается.

Флегматичность Макниса Беннетт подтверждает следующим эпизодом, рассказанным Стивеном Спендером. Когда в 1941-м Советский Союз вступил в войну на стороне Англии, британский посол, сэр Арчибальд Мак-Керр, решил дать вечеринку, пригласив на нее английских и русских поэтов, с тем, чтобы их познакомить. Весь вечер Макнис простоял, опершись на изразцовую стенку печи, с бокалом в руке и непроницаемым выражением лица, как бы витая мыслями где-то далеко от собравшихся. Мак-Керр подошел к нему и спросил:

— Правда ли, что вы выросли в Каррикфергусе возле Белфаста?

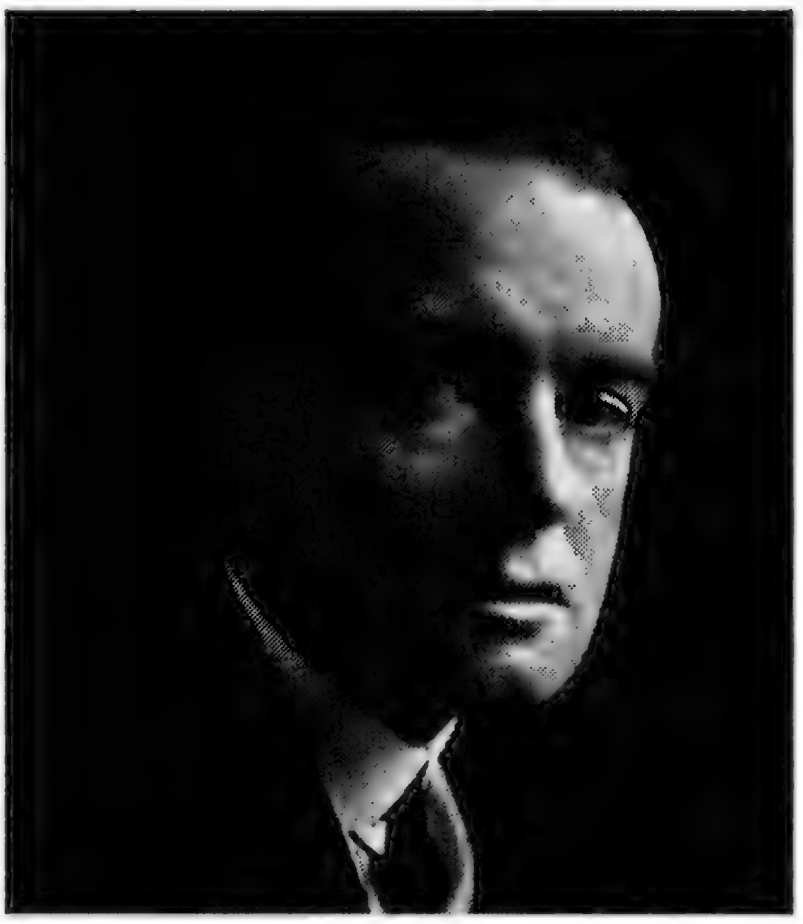
— Да, — ответил Макнис.

— Вот как! — заметил Мак-Керр, — это подтверждает легенду, что много веков назад стая тюленей приплыла к этим

берегам, и постепенно они смешались с местным населением. Приятного вечера!

В целом, антологию, составленную Аланом Беннеттом, можно счесть удачным предприятием. Безусловно, популярное медийное имя привлечет широкий круг читателей. Людям, уже немного знакомым с выбранными авторами, книга дает возможность углубить свои знания, поглядеть на поэтов под иным углом. Менее искушенных или совсем неискушенных в поэзии читателей она, по-видимому, должна убедить, что чтение стихов — не самая скучая вещь на свете.

Саки



Последнее песнопение

Рассказ из книги *Хроники Кловиса*

Перевод и вступление Михаила Матвеева

В понедельник 18 марта 1946 года Ивлин Во записал в своем дневнике: “Сочинил неплохое крохотное предисловие к “Непереносимому Бассингтону” Саки”[1]. Ивлину Во мы можем только позавидовать. Он обладал огромным перед нами преимуществом: он писал о своем соотечественнике и писал в середине XX века, когда Саки, к великому сожалению Во, уже “находился в своего рода литературной полутени”, к тому же Во писал предисловие к роману, в значительной степени автобиографическому, тогда как нам предстоит — в XXI веке, когда “литературная полутень” еще больше сгустилась, — написать по возможности “неплохое крохотное предисловие” к одному-единственному рассказу, публикуемому ниже, столь необычного писателя.

Рассеять сгустившуюся литературную полутень нам вряд ли удастся, но высветить и увидеть некоторые ее очертания стоит попробовать.

Пуля немецкого снайпера оборвала жизнь младшего сержанта британской армии Гектора Хью Манро 14 ноября 1916 года и — одновременно — литературную карьеру писателя и журналиста, пишущего под несколько

© Михаил Матвеев. Перевод, вступление, 2016

1. Ивлин Во. Чувствую себя глубоко подавленным и несчастным. Из дневников 1911—1965 / Перевод А. Ливерганта. — М.: Текст, 2013. — С. 332.

странным псевдонимом Саки, не позволив ему присоединиться к потерянному поколению английских литераторов.

Манро родился в Бирме 18 декабря 1870 года в семье полковника Чарльза Августа Манро, главного инспектора бирманской полиции, и Мэри Фрэнсис Манро. В возрасте двух лет Гектор был отправлен в Англию на попечение двух его теток и бабушки. Образование Гектор получил в привилегированных школах — сначала в Эксмуте, а затем в Бедфорде. В 1893 году он вернулся в Бирму и стал, пойдя по стопам отца, полицейским чиновником. Но тяжелые приступы тропической лихорадки не позволили ему продолжить полицейскую карьеру, и в 1896 году Манро вернулся в Лондон, где посвятил себя журналистской и, позднее, писательской деятельности. Свой псевдоним — Саки — он, вероятно, нашел у Омара Хайама, где саки — виночерпий, кравчий.

Долгое время, будучи корреспондентом "Морнинг пост", Манро провел на Балканах, в Варшаве и России. В России он прожил три года и выучил русский язык. Одна из его первых книг — историко-политическое сочинение "Становление Российской империи" (1900) выглядит довольно неожиданной для журналиста, и впоследствии он уже не писал столь монументальных трудов. Впечатления же от жизни в России послужат фоном для его рассказов, позднее составивших сборник "Реджинальд в России" (1910), продолживший его первый цикл рассказов о Реджинальде (1904). Именно короткие, несколько мрачные, парадоксальные рассказы принесли ему наибольшую популярность и признание. Следующий сборник "Хроники Кловиса" вышел в 1911 году, предисловие к нему написал небезызвестный Алан Милн.

К авторитету Алана Милна мы не можем не обратиться.

Есть замечательные вещи, рассуждает Милн, которыми хочется поделиться со всем миром. И есть столь же замечательные вещи, о которых предпочитаешь умолчать, оставив их исключительно для внутреннего пользования. Тайну любимого ресторана мы храним свято, посвящая в нее лишь немногих, а вот верным рецептом от морской болезни делимся со всяким, кто решился пересечь хотя бы Серпентайн. Есть нежно любимые книги, о которых мы болтаем за ужином, настоятельно требуя, чтобы наша спутница разделила наше восхищение; и есть книги, столь же дорогие для нас, о которых мы никому не говорим, опасаясь, как бы похвала других не преуменьшила нашу славу первооткрывателя. Книги Саки, полагает Милн, именно такого рода.

"Одним словом, я его открыл, — пишет Милн, — и только с немногими избранными могу о нем поговорить. Странным, экзотическим созданием этот Саки представляется нам, всем тем, кто пытался сделать вроде бы то же самое. Но мы были столь глубоко погружены в окружающую нас действительность, а он был столь пугающе космополитичен. Мы развлекали читателя запонками для воротничка и грелками, он — и гораздо более забавно! — оборотнями и тиграми. У нас диалоги ведут Джоны и Мэри, у него беседуют — и вы только посмотрите, насколько это лучше! — Берти ван Тан

и баронесса. Даже случайный злоумышленник в каком-нибудь из его рассказов, который у нас оказался бы Томкинсом, у него непременно получит имя Белтербет или де Ропп, а его герой, утомленный светский человек семнадцати лет, не может оказаться никем иным, как Кловисом Санграалем".

Так что неспешная беседа — позволим себе прервать монолог Милна, — которую Кловис Санграаль ведет с Берти ван Таном в интерьере турецких бань, представляется нам даже более интригующей, чем диалоги между Берти ван Таном и баронессой в гостиных или где-нибудь в укромном уголке Гайд-парка.

Но несмотря на столь выразительно обрисованное Милном "несходство", Саки несомненно оказал влияние на "всех тех", среди которых оказываются и сам Милн, и Вудхауз со своими обязательными грелками, и — в наибольшей степени — незабвенный творец "Мерзкой плоти".

Ивлин Во, к авторитету которого мы уже обращались, восхищенный рассказами Саки, так писал в 1946 году: "Остроумие непрерывное, почти неиссякаемое... Саки достиг невероятной изобретательности в ограничении себя самым банальным материалом в его самом банальном проявлении, избегая любых эксцентричных персонажей, которые с такой легкостью появляются у английских юмористов"[1].

Может показаться на первый взгляд, что два влиятельных писателя противоречат друг другу. Но это не так. Персонажи Саки, наделенные экзотическими именами, совершено лишены эксцентричности. Они действительно банальны, если не безлики. Они произносят нелепости, их поступки несуразны, и вся предстающая перед читателем картина граничит, кажется, с абсурдом. Но только — граничит! Нонсенс? (Саки ценил Кэрролла.) Его замысел не лишен сарказма, интонация не лишена иронии, стиль — гротеска: именно в этих пределах расположилась "литературная полутень" Саки, отчего минорное определение Во "литературной полутени" как признака полузабвения приобретает и второй смысл — жанрового определения. И в этом значении она не сгущается, она просто становится резче.

В рассказе "Последнее песнопение" — та же полутень, та же размытая шкала, и действуют тот же Кловис и тот же Берти ван Тан, они и ведут себя так же, как в других рассказах. Вот только Кловис, а вместе с ним и Саки, пробуют себя еще и в стихосложении[2]. Получается явная, узнаваемая, но... "почти" пародия на Киплинга. И весь текст рассказа — на границе этого жанра.

1. Из уже упомянутого предисловия к "Непереносимому Бассингтону". Цит. по: The Essays, Articles and Reviews of Evelyn Waugh / Ed. By D.Gallagher. — L.: Methuen, 1983, p. 324.
2. Есть еще один рассказ Саки, в котором он пробует себя в стихосложении, но на этот раз вместе с другим своим персонажем — Реджинальдом. Рассказ так и называется "Реджинальд пишет стихотворение о мире".

Половина лица на портрете Саки полускрыта тенью, на лице писателя улыбка, почти саркастичная, почти насмешливая, во всяком случае, не лишенная иронии. Трудно назвать его юмористом, столь же трудно, как подобрать другое определение. Саки, заполнивший лакуну между Оскаром Уайльдом 1890-х и Ивлином Во 1920-х, юморист ли он?

"...большую часть дня пролежал у себя в каюте, читая Саки"[1], — записал Во в дневнике... Мечта? Для ее исполнения необходимо совсем немного — уютная каюта и двухтомник Саки в русском переводе...

КЛОВИС расположился в самом жарком месте турецких бань, он то застывал погруженный в глубокое раздумье, то вдруг что-то стремительно записывал авторучкой в записной книжке.

— Только не прерывайте меня своим детским лепетом, — сказал он, заметив, что Берти ван Тан осторожно, словно нехотя, но явно настроившись на беседу, присаживается по соседству, — я пишу бессмертное стихотворение.

Берти заинтересовался.

— Могу представить, какой находкой вы оказались бы для портретистов, если бы добились известности как поэт. Они могли бы выставить ваш портрет в Академии под названием "Кловис Санграаль, эсквайр, за работой над своим последним стихотворением", а если бы вам не удалось добиться успеха, они назвали бы его "Этюд в стиле ню, или Орфей, спустившийся на Джермин-стрит[2]". Ведь они постоянно жалуются, что современная одежда им дается с трудом, тогда как полотенце и авторучка...

— Миссис Пэклтайд убедила меня, что я смогу это написать, — сказал Кловис, игнорируя обходные пути к славе, которые предлагал ему Берти ван Тан. — Видите ли, Лууна Бимбертон отдала свою "Коронационную оду" в "Новую колыбель", газетенку, которая была создана лишь для того, чтобы доказать, что "Новый век" — издание устаревшее и погрязшее в косности. "Как это мудро с вашей стороны, дорогая Лууна, — сказала ей Пэклтайд, прочитав "Коронационную

1. Запись датирована 13 июля 1934 г. См. Ивлин Во. Чувствую себя глубоко подавленным и несчастным. — С. 175.
2. На Джермин-стрит в XIX веке располагались турецкие бани. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

оду", – разумеется, любой может написать "Коронационную оду", только еще никто не догадался этого сделать". Лууна ей возразила, что писать подобные вещи не так-то просто и дала нам понять, что это достойны сделать лишь очень немногие и очень одаренные люди. Должен сказать, миссис Пэклтайд в последнее время ко мне весьма расположена. Она для меня – своего рода скорая финансовая помощь, и это, знаете ли, очень меня выручает, когда я оказываюсь в затруднительном положении, что со мной частенько случается. К тому же я не выношу Лууну Бимбертон. Так что я вмешался в их разговор и сказал, что подобного вздора могу написать сколько угодно, стоит мне только направить свое воображение в надлежащее русло. Лууна сказала, что у меня ничего не выйдет, и тогда мы заключили пари, и, если говорить откровенно, в выигрыше я нисколько не сомневаюсь. Одно из условий пари – стихотворение должно быть опубликовано. Местные газеты исключаются. Но, насколько мне известно, миссис Пэклтайд каким-то образом сумела расположить к себе редактора "Заядлого курильщика", так что, если я напишу что-нибудь, не уступающее по уровню обыкновенной оде, все должно быть в порядке. Пока же дела мои продвигаются настолько успешно, что, боюсь, я могу оказаться среди тех самых очень немногих и очень одаренных людей.

– Поздновато для "Коронационной оды"[1], вы не находите? – сказал Берти.

– Разумеется, – сказал Кловис, – это будет "Последнее песнопение дурбара[2]", а вещи такого рода никогда не устаревают.

– Теперь я понимаю, почему вы оказались именно здесь, – сказал Берти ван Тан с таким видом, как будто внезапно разгадал неразрешимую до этой минуты головоломку. – Здешняя температура как нельзя лучше подходит для создания такого стихотворения.

– Я приехал сюда, чтобы не слышать дурацких реплик недоумков, – сказал Кловис, – но, кажется, я просил у судьбы слишком многого.

Берти ван Тан приготовился уже использовать свое полотенце в качестве оружия, но, поразмыслив, что у него самого

1. Скорее всего, имеется в виду коронация Георга V, состоявшаяся в 1910 г. Рассказ опубликован в 1911 г.
2. Дурбар, дарбар – в мусульманских странах совет или торжественный прием у правителя. В переводе с персидского – аудиенция. Дурбар – это еще и площадь и дворец в Катманду. По распоряжению королевы Виктории в 80-е г. XIX в. к Осборн-хаусу, летней резиденции на острове Уайт, было пристроено новое крыло, в котором появился зал Дурбар. Король Георг V в 1911 г. посетил Индию, в Дели по случаю визита императора был устроен дурбар.

довольно много ничем не защищенной береговой линии, и обнаружив, что Кловис вооружен авторучкой и таким же полотенцем, вновь опустился на свое место.

— Не могли бы вы прочесть что-нибудь из вашего бессмертного произведения? — спросил он. — Обещаю, это не помешает мне купить номер "Заядлого курильщика" с вашими виршами.

— Хотя это сильно напоминает метание бисера... в чью-то там кормушку, — смягчившись, заметил Кловис, — но я ничего не имею против того, чтобы вы услышали отрывок. Начало таково: участники дурбара расходятся...

Назад домой уходят в Гималаи,
Подобно галеонам, Куч-Бихара[2]
Бесцветные и бедные слоны...

— Думаю, что Куч-Бихар вряд ли имеет отношение к Гималаям. — Прервал его Берти. — У вас должен быть атлас под рукой, когда вы сочиняете такие вещи; и почему слоны "бесцветные и бедные"?

— После бессонных ночей и всего пережитого так и должно быть, — сказал Кловис, — и у меня сказано: "домой... в Гималаи". Гималайские слоны вполне могут быть в Куч-Бихаре, так же, как ирландские лошади — в Эскоте.

— Вы сказали, что они уходят назад в Гималаи, — возразил Берти.

— Ну, разумеется, их отправили домой, чтобы восстановить силы. В тех местах это обычная вещь: отправить слонов в Гималаи, мы же у себя отправляем лошадей погулять по травке.

Кловис льстил себя надеждой, что пышное великолепие Востока сгладит оплошности его стиха.

— Стих будет белым? — спросил критик.

— Разумеется, нет. Четвертая строчка обязательно завершится словом "...дурбара".

— Это безусловно смелое решение, но зато оно объясняет, почему вы остановились на Куч-Бихаре.

— Между географическими топонимами и поэтическим вдохновением существует гораздо большая связь, чем это принято считать; одна из главных причин, почему у нас так мало действительно великих стихов о России, заключается в

2. Куч-Бихар — небольшое княжество в Восточной Индии, существовавшее с 1586-го до 1949 г. До Гималаев действительно неблизко.

том, что вы не можете найти рифму к таким названиям, как Смоленск, Тобольск или Минск.

Кловис говорил с убежденностью человека, который уже пытался это сделать.

— Конечно, вы могли бы рифмовать Омск с Томском, — продолжил он, — и хотя они там, кажется, именно для этого и существуют, публика вряд ли будет долго терпеть подобное.

— Публика многое стерпит, — сказал Берти язвительно, — а русский язык знает столь малая ее часть, что вы всегда можете указать в сноске, что последние три буквы в слове "Смоленск" не произносятся. Это будет выглядеть так же правдоподобно, как ваше заявление о пастьбе слонов на склонах Гималаев.

— У меня есть нечто совершенно замечательное, — продолжил Кловис с невозмутимым спокойствием, — вечерний пейзаж в окрестностях гималайской деревни:

Где в сумерках шипит злорадно кобра,
Пантеры коз преследуют недобро.

— В тропических странах не бывает сумерек, — заметил Берти снисходительно, — но мне нравится мастерски переданная недосказанность, скрывающая подлинные причины злорадного шипения кобры. Неведомое, как известно, пугает. Могу представить себе возбужденных читателей "Заядлого курильщика", всю ночь не выключающих свет в своих спальнях и пребывающих в кошмарной неопределенности, по какому же все-таки поводу злорадствовала кобра.

— Кобрам свойственно злорадствовать по самой своей природе, — сказал Кловис, — так же, как волки жадно рыщут по лесу просто по привычке, даже тогда, когда только что наелись до отвала. Чуть позже есть прекрасный живописный отрывок, — добавил он, — в нем я описываю рассвет на Брахмапутре:

Рассвет лучом янтарно-золотистым
Коснулся гор кровавым аметистом
И рощи манго высветил сапфиром.
Упал туман сиреневым эфиром,
А попугаи в сумраке бездонном
Сияют хризолитом, халцедоном.

— Я никогда не видел рассвета на Брахмапутре, — сказал Берти, — так что, не могу судить, хорошо ли у вас получилось, но мне это больше напоминает список похищенного из ювелирной лавки. В любом случае попугаи придают вашему пейза-

жу замечательный местный колорит. Надеюсь, вы добавите парочку тигров в вашу картину? Индийский пейзаж будет выглядеть голым и незавершенным без тигра или двух на заднем плане.

— Где-то есть у меня тигрица, — сказал Кловис, порывшись в своих заметках.

Вот желто-полосатая тигрица
Несет детенышам павлина или паву —
В предсмертном хрипе захлебнулась птица,
Здесь, в джунглях, колыбельная кровава.

Берти ван Тан подскочил и кинулся к стеклянной двери, ведущей в соседнее помещение.

— Я думаю, что ваше описание семейной жизни тигров повергнет читателей в ужас, — сказал он. — Кобра достаточно зловеща сама по себе, но внезапный хрип, раздавшийся у колыбели тигра, — это уж слишком. Если вы хотите, чтобы меня бросало то в жар, то в холод, я лучше отправлюсь в парилку прямо сейчас.

— Послушайте хотя бы еще одну строчку, — сказал Кловис, — она прославила бы даже начинающего поэта:

...колеблясь наверху,
Приносит пунка[1] бриз и с ним прохладу...

— Большинство ваших читателей решит, что пунка-бриз — освежающий коктейль, и будет требовать от издателя рецепт его приготовления, — сказал Берти и исчез в клубах пара.

"Заядлый курильщик" в скором времени напечатал "Последнее песнопение", которое стало его лебединой песней, поскольку следующий номер газеты так никогда и не вышел.

Лууна Бимбертон оставила свое намерение посостязаться в сочинении последнего песнопения и отправилась в частную лечебницу в Суссексе. Нервный срыв после особенно напряженного сезона — в таком объяснении ничего необычного не нашли, и оно было с пониманием принято всеми, но есть три или четыре человека, которые знают, что на самом деле Лууна не смогла оправиться от впечатления, произведенного на нее описанием рассвета на реке Брахмапутра.

1. Пунка — род опахала, которое приводил в движение слуга.

Английская литература на страницах “ИЛ”

2012

Специальный номер *Вудхауз, Оруэлл, Стоппард et cetera* [12]

Во Ивлин — *П. Г. Вудхаузу: поздравление и покаяние.* Выступление на Би-би-си. Перевод Андрея Азова [12]

Вудхауз Леонора — *П. Г. Вудхауз дома.* Перевод Андрея Азова [12]

Вудхауз П. Г. — *Два рассказа.* Перевод Екатерины Доброхотовой-Майковой [12]

Вудхауз П. Г. — *Моя война с Германией.* Перевод Екатерины Доброхотовой-Майковой [12]

Вудхауз П. Г. — *“Ты только не волнуйся, но тут к нам немецкая армия”.* Перевод Андрея Азова [12]

Вулф Вирджиния — *“Я – Кристина Россетти”.* Эссе. Перевод Маши Лукашкиной [12]

Газетная война. Отклики на берлинские радиопередачи П. Г. Вудхауза. Перевод и вступление Андрея Азова [12]

Гардем Джейн — *Дамасская слива. Мертвые дети.* Перевод Ольги Новицкой [12]

Константайн Дэвид — *Чай в “Мидлэнде”.* Перевод и примечания Александры Борисенко и Виктора Сонькина [12]

Маккрам Роберт — *Жизнь Вудхауза (Детство).* Фрагменты книги. Перевод Андрея Азова, Игоря Мокина [12]

Маккрам Роберт — *Жизнь Вудхауза (Военные годы).* Фрагменты книги. Перевод Игоря Мокина [12]

Мантел Хилари — *Этажом выше.* Перевод Екатерины Доброхотовой-Майковой [12]

Оруэлл Джордж — *В защиту П. Г. Вудхауза.* Эссе. Перевод Андрея Азова [12]

Россетти Кристина — *Стихи.* Перевод Маши Лукашкиной [12]

Стоппард Том — *До-ре-ми-фа-соль-ля-си-Ты-свободы-попроси.* Пьеса для актеров и оркестра. Перевод Ольги Варшавер. Предисловие автора [12]

Торп Адам — *Наемный солдат.* Перевод Сергея Ильина [12]

Фицджеральд Пенелопа — *Хирухарама.* Перевод Екатерины Кузнецовой [12]

2013

Беннетт Алан — *Вторая молодость миссис Доналдсон.* Повесть. Перевод Веры Пророковой [1]

Курейши Ханиф — *Мой сын – фанатик.* Перевод Александра Беляева [1]

Вулф Генри — *Первая постановка "Комнаты"*. Перевод и вступление Анны Шульгат [3].

Пинтер Гарольд — *Суета сует*. Пьеса. Перевод и послесловие Галины Коваленко [3]

Фрейзер Антония — *Как, вы уже уходите? Моя жизнь с Гарольдом Пинтером*. Отрывки из воспоминаний. Перевод Анны Шульгат [3]

Бойд Уильям — *Нат Тейт (1928–1960) – американский художник*. Перевод и послесловие Ольги Варшавер [4]

Хэбборн Эрик — *Автобиография фальсификатора*. Фрагменты книги. Перевод Михаила Загота [4]

Диккенс Чарльз — *Старые лампы взамен новых*. Эссе. Перевод Алексея Круглова [5]

Моррис Уильям — *Как я стал социалистом*. Эссе. Перевод Валентины Сергеевой [5]

Моррис Уильям — *Стихи*. Переводы Михаила Липкина, Владимира Окуня, Екатерины Савельевой [5]

Рёскин Джон — *Художники-прерафаэлиты*. Письмо редактору "Таймс". Перевод Валентины Сергеевой [5]

Россетти Данте Габриэль — *Колдовской сад*. Рассказ. Перевод Валентины Сергеевой [5]

Россетти Данте Габриэль — *Стихи*. Переводы Светланы Лихачевой, Елены Третьяковой, Екатерины Савельевой [5]

Россетти Уильям Майкл — *Братство прерафаэлитов*. Эссе. Перевод Марии Фаликман [5]

Хант Уильям Холман — *Прерафаэлитизм и Братство прерафаэлитов*. Фрагменты книги. Перевод Светланы Лихачевой [5]

Торп Адам — *Затаив дыхание*. Роман. Перевод Инны Стам [7—9]

Стерн Лоренс — *Описание Дома Плача и Дома Веселья. Проповедь II*. Перевод и вступление Ксении Атаровой [8]

Эмис Мартин — *Божественное жизнелюбие*. Перевод Юрия Линника [9]

Этхилл Диана — *Вернуть зачеркнутое. Из жизни редактора*. Фрагменты книги. Перевод Лидии Хесед [9]

Мантел Хилари — *Запятая*. Рассказ. Перевод Юрия Линника [12]

2014

Макьюэн Иэн — *Отступничество*. Перевод Виктора Голышева [1]

Донн Джон — *Прощание, возбраняющее скорбь*. Перевод, послесловие и комментарии Марии Елифёровой [2]

Линдон Джеймс Альберт — *Как окрестить червя*. Стихи. Перевод и вступление Михаила Матвеева [4]

Специальный номер *Беспокойное бессмертие: 450 лет со дня рождения Уильяма Шекспира* [5]

Бейт Джонатан — *Из уважения к истине*. Перевод Е. Доброхотовой-Майковой [5]

Гринуэй Питер — *Интервью*. Фрагменты одноименной книги. Перевод С. Силаковой [5]

Грэм Грин — *Доблесть нелояльных*. Речь на вручении Шекспировской премии в Гамбургском университете, 1969 г. Перевод В. Голышева [5]

Кермоуд Фрэнк — *"Глобус"*. Глава из книги *Век Шекспира*. Перевод Дмитрия Иванова [5]

Кристел Дэвид — *Языковое дерзание*. Из книги Рассказы об английском. Перевод Марка Дадяна [5]

Мантел Хилари — *О книге Джеймса Шапиро "Сломанные копья, или Битва за Шекспира"*. Рецензия. Перевод Екатерины Кузнецовой [5]

Оден У. Х. — *Зеркало и море. Комментарий к "Буре" Шекспира*. Фрагмент поэмы. Перевод и вступление Антона Нестерова [5]

Стрэчи Литтон — *Последние пьесы Шекспира*. Эссе из сборника *Книги и герои*. Перевод Т. Казавчинской [5]

Хьюз Тед — *Шекспир и Богиня Полноты бытия*. Фрагменты книги. Перевод и вступление Антонины Мясниковой [5]

Честертон Гилберт Кийт — *Четыре эссе*. Переводы Т. Казавчинской, А. Ливерганта [5]

Шекспир Уильям — *Ричард III*. С параллельным английским текстом. Фрагмент. Перевод Александра Величанского. Вступление Андрея Горбунова [5]

Акройд Питер — *Люди-кроты*. Глава из книги *Подземный Лондон. История, притаившаяся под ногами*. Перевод Александры Финогеновой [6]

Моррис Сильвия — *Хилари Мантел и Шекспир: две истории о Генрихе VIII*. Перевод Т. Казавчинской [7]

Смит Питер — *Как прочесть утраченный текст?* Перевод Т. Казавчинской [7]

Бриттен Вера — *Заветы юности*. Фрагмент книги. Перевод Антона Ильинского. Вступление Бориса Дубина [8]

Брук Руперт — *Солдат*. Вглубь стихотворения. Переводы. Послесловие Бориса Дубина [8]

Грейвз Роберт — *Со всем этим покончено*. Глава из книги. Перевод Елены Ивановой. Вступление Ларисы Васильевой [8]

Сассун Зигфрид — *Стихи*. Перевод Анастасии Строкиной [8]

Баркер Говард — *Возможности*. Пьеса в десяти сценах. Перевод и вступление Александра Сергиевского [10]

Милн Алан — *Поэтический вечер*. Рассказ. Перевод Михаила Матвеева [10]

Фицджеральд Пенелопа — *У Фредди*. Роман. Перевод Анны Асланян [12]

2015

Пинтер Гарольд — *Сценарий по Прусту. À la Recherche du Temps Perdu*. Перевод Е. Суриц [2]

Фронтовые репортажи журналистов Би-би-си (1944–1945). Фрагменты книги. Перевод Татьяны Ребиндер [5]

Элиот Томас Стернз — *Литтл Гиддинг*. Поэма. Перевод и вступление Дмитрия Сильвестрова [6]

Фрейн Майкл — *Балморал*. Фарс в двух действиях. Перевод и вступление Екатерины Ракитиной [8]

Моррисси Шинейд — *Шесть стихотворений*. Переводы. Вступление Лидии Хесед [9]

Мур Чарльз — *Любовь и война в Оксфорде.* Глава из книги *Маргарет Тэтчер.* Перевод Екатерины Живовой [9]

Хаксли Олдос — *Фантазии на тему Эль Греко.* Перевод Ксении Атаровой [9]

Спарк Мюриэл — *Утешители.* Роман. Перевод В. Скороденко [10]

Тот самый Вудхауз? Стихи. Переводы Елены Калявиной, Татьяны Зюликовой. Вступление Елены Калявиной [10]

Мантел Хилари — *Урок английского.* Рассказ. Перевод Александра Ливерганта [12]

Престон Алекс — *Уиндем Лейстрейдж покупает школу.* Рассказ. Перевод Юлии Серебренниковой [12]

2016

Правер Джабвала Рут — *Жара и пыль.* Роман. Перевод Елены Малышевой [1]

Грин Грэм — *О ком звонит звонок.* Пьеса. Перевод Виктора Голышева [2]

Гуд Томас — *"Где британская обходительность?"* Стихи. Перевод и вступление Михаила Матвеева [2]

Литературный гид *Полвека без Ивлина Во*

Бёрджесс Энтони — *Ивлин Во: переоценка.* Перевод Аллы Резниковой [4]

Во Ивлин — *Медные трубы.* Перевод Николая Мельникова [4]

Во Ивлин — *Наклейки на чемодане.* Перевод Валерия Минушина [4]

Во Ивлин — *Непростое искусство давать интервью.* Перевод Анны Курт [4]

Во Ивлин — *Нечто оригинальное.* Рецензия на роман М. Спарк *Утешители.* Перевод Николая Мельникова [4]

"Никогда не убивайте своих персонажей..." Интервью Ивлина Во. Перевод Николая Мельникова [4]

Во Ивлин — *"О себе писать особенно нечего..."* Из писем Ивлина Во. Составление и перевод Александра Ливерганта. Комментарии Александра Ливерганта и Николая Мельникова [4]

Во Ивлин — *Отправная точка.* Рецензия на роман Г. Грина *Конец одного романа.* Перевод Александра Ливерганта [4]

Во Ивлин — *Ох, уж эти Римские скандалы.* О фильме *Сладкая жизнь* Ф. Феллини. Перевод Анны Курт [4]

Во Ивлин — *Победитель не получает ничего.* Рецензия на роман Э. Хемигуэя *За рекой в тени деревьев.* Перевод Анны Курт [4]

Во Ивлин — *Человек, которого ненавидит Голливуд.* О фильме *Месье Верду* Ч. Чаплина. Перевод Анны Курт [4]

Во Ивлин — *Я всюду вижу одну лишь скуку.* Перевод Анны Курт [4]

Кеннелл Питер — *Рецензия на роман "Пригоршня праха".* Перевод Аллы Резниковой [4]

Маккарти Десмонд — *Сатира Ивлина Во.* Рецензия на повесть *Незабвенная.* Перевод Николая Мельникова [4]

Оруэлл Джордж — *Путешествие Ивлина Во в опасную Нейтралию.* Рецензия на повесть *Новая Европа Скотт-Кинга.* Перевод Анны Курт [4]

Специальный номер *И снова Бард...*

Байнум У. Ф., Нив Майкл — *Гамлет на кушетке психоаналитика.* Эссе. Перевод Екатерины Доброхотовой-Майковой [5]

Бейт Джонатан — *Стратфордская грамматическая школа.* Глава из книги *Душа века.* Перевод Любови Сумм [5]

Бейт Джонатан — *Шекспир* на рубеже тысячелетий. Заключительная глава книги *Гений Шекспира.* Перевод Екатерины Доброхотовой-Майковой [5]

Бёрджесс Энтони — *Шекспир как поэт.* Эссе. Перевод Антона Нестерова [5]

Вглубь стихотворения — William Shakespeare. SONNET 27. Составление и вступительная статья Антона Нестерова [5]

Добсон Майкл — *Шекспир и идея национальных театров.* Перевод Елены Калявиной [5]

Льюис Клайв Степлз — *Новое знание и новое невежество.* Перевод Дмитрия Иванова

Льюис Клайв Степлз — *Стихосложение в период "Золотого века".* Из книги *Английская литература XVII века, за исключением драмы.* Перевод Антона Нестерова [5]

Льюис Уиндем — *Лев и лис.* Фрагменты книги. Перевод и вступление Тамары Казавчинской [5]

"О нашем дорогом Гамлете..." Из писем Лоуренса Даррелла Генри Миллеру. Перевод с английского и вступление Антона Нестерова [5]

Роу Джон — *Шекспир и Макиавелли.* Фрагмент книги. Перевод с английского Тамары Казавчинской [5]

Уилсон Иэн — *Правда ли, что "Шекспиром" был известный нам Уильям из Стратфорда?* Перевод Ольги Башук [5]

Уилсон Иэн — *Стратфордская королевская школа: учителя.* Фрагменты книги *Свидетельства.* Перевод Любови Сумм [5]

Хёрли Дэвид — *Макиавелли и его идеи в пьесах Шекспира.* Фрагменты лекции, прочитанной в Хиросиме, апрель 2009. Перевод Тамары Казавчинской [5]

Хэзлитт Уильям — *Уильям Шекспир.* Из Лекций об английских поэтах. О Шекспире и Мильтоне. Перевод Александра Ливерганта [5]

Мария Вячеславовна Фаликман
Поэт, переводчик с английского, немецкого и испанского языков, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник филологического факультета МГУ, ведущий научный сотрудник психологического факультета МГУ. Лауреат конкурсов Британского Совета по переводу британской поэзии [2005, 2010].

В ее переводах выходили книги Г. Претора-Пинни, С. Груэн, Д. Норбу, Б. Нахджавани. Переводы стихов опубликованы в антологиях *В двух измерениях. Современная британская поэзия в русских переводах* [2009] и *Современная американская поэзия* [2007], в новом издании *Песен невинности и песен опыта У. Блейка* [2011]. В *ИЛ* публиковались ее переводы стихов А. Э. Хаусмана [2006, № 6], У. Блейка [2011, № 3], новеллы Д. Болджера *Улицы Марты* [2007, № 6], рассказа К. Карсон *Выгодная сделка* [2007, № 6], пьес С. Дагдейл *Подобия* [2009, № 1] и *Радость* [2011, № 3], стихотворений романа А. Фоулдза *Ускоряющийся лабиринт* [2011, № 6], эссе У. М. Россетти *Братство прерафаэлитов* [2013, № 5].

Генри Грин
Henry Green
[Наст. имя Генри Винсент Йорк]
[Henry Vincent Yorke]
[1905–1973]. Английский писатель.

Автор романов *Существование* [*Living*, 1929], *Дорожная вечеринка* [*Party Going*, 1939], *Сложи мои вещи* [*Pack My Bag*, 1940], *Любовь* [*Loving*, 1945], *Итоги* [*Concluding*, 1948], *Ничто* [*Nothing*, 1950], *Обожание* [*Doting*, 1952] и др.
Перевод романа *Возвращение* выполнен по изданию *Back* [London: The Harvill Press, 1998].

Альфред Эдвард Хаусман
Alfred Edward Housman
[1859–1936]. Английский филолог и поэт.

Автор двух прижизненных сборников стихов *Шропширский парень* [*A Shropshire Led*, 1896] и *Последние стихотворения* [*Last Poems*, 1922]. Посмертно опубликован сборник *Еще стихотворения* [*More Poems*, 1936]. На русском языке публиковался в журналах и антологиях. В *ИЛ* опубликованы четыре его стихотворения [2006, № 6].
Перевод выполнен по изданию *Стихотворения А. Э. Хаусмана* [*The Poems of A. E. Housman*. Oxford, 1998].

Виктор Александрович Широков
[р. 1945]. Поэт, прозаик, переводчик, критик; член Союза писателей и Союза журналистов РФ. Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств. Лауреат премий имени Валентина Катаева [2002], имени Николая Заболоцкого [2004], Первого

Автор 18 поэтических сборников и 7 книг прозы. Переводил стихи О. Уайльда, Д. Китса, Р. Бернса, Р. Киплинга, У. Б. Йейтса, Р. Грейвза, Э. Паунда, Х. Крейна, В. Набокова, Р. Андрича, П. Паича, Г. Тукая.

Международного фестиваля славянской поэзии Поющие письмена за лучшие переводы зарубежной поэзии на русский язык [2009].

Джон Фаулз
John Fowles
[1926–2005]. Английский писатель.

Автор романов *Коллекционер* [*The Collector*, 1963; рус перев. 1991, Библиотека *ИЛ*], *Женщина французского лейтенанта* [*The French Lieutenant's Woman*, 1969; рус. перев. 1985], *Червь* [*A Maggot*, 1985; рус. перев. 1996], повести *Мантисса* [*Mantissa*, 1982; рус. перев. 2001], сборника афоризмов, посвященных проблемам искусства и философии *Аристос: автопортрет в идеях* [*The Aristos. A Self-Portrait in Ideas*, 1965] и др. В *ИЛ* были напечатаны его повесть *Башня из черного дерева* [*The Ebony Tower*, 1979, №3], романы *Дэниэл Мартин* [*Daniel Martin*, 1989, №10–12], *Волхв* [*The Magus*, 1993, № 7–9], фрагменты книги *Кротовые норы* [*Wormholes*, 2002, № 1], *Дневники* [2006, № 4].
Фрагменты дневников публикуются по изданию *Дневники. Т. II. 1966–1990* [*The Journals. Volume II. 1966–1990*. N. Y.: Knopf, 2005].

Чарльз Дрейзин
Charles Drazin
[р. 1960]. Английский историк и киновед.

Автор книг *Прекраснейшие года: Британский кинематограф 1940-х* [*The Finest Years: British Cinema of the 1940s*, 1998], *Корда: британский киномагнат* [*Korda: Britain's Movie Mogul*, 2002], *Человек, затмивший Короля Солнце: Взлет и падение Николя Фуке* [*The Man Who Outshone the Sun King: The Rise and Fall of Nicolas Fouquet*, 2008], *Кино Франции* [*French Cinema*, 2011] и др.
Публикуемый текст печатается по изданию *Джон Фаулз. Дневники. Т. II. 1966–1990* [*John Fowles. The Journals. Volume II. 1966–1990*. N. Y.: Knopf, 2005].

Александр Яковлевич Ливергант
[р. 1947]. Литературовед, переводчик с английского, кандидат искусствоведения. Лауреат премий *Литературная мысль* [1997] и *Мастер* [2008], обладатель почетного диплома критики *зоИЛ* [2002].

Автор книг *Редьярд Киплинг* [2011], *Сомерсет Моэм* [2012], *Оскар Уайльд* [2014], *Фицджеральд* [2015], *Генри Миллер* [2016]. В его переводе издавались романы Дж. Остин, Дж. К. Джерома, И. Во, Т. Фишера, Р. Чандлера, Д. Хэммета, Н. Уэста, У. Тревора, П. Остера, И. Б. Зингера, повести и рассказы Г. Миллера, Дж. Апдайка, Дж. Тербера, С. Моэма, П. Г. Вудхауса, В. Аллена, эссе, статьи и очерки С. Джонсона, О. Голдсмита, У. Хэзлитта, У. Б. Йейтса, Дж. Конрада, Б. Шоу, Дж. Б. Пристли, Г. К. Честертона, Г. Грина, а также письма Дж. Свифта, Л. Стерна, Т. Дж. Смоллетта, Д. Китса, В Набокова, дневники С. Пипса и Г. Джеймса, путевые очерки Т. Дж. Смоллетта, Г. Грина и др. Неоднократно публиковался в *ИЛ*.

Григорий Михайлович Кружков
[р. 1945]. Поэт, переводчик, литературовед. Лауреат премии *ИЛлюминатор* [2002], Государственной премии по литературе [2003], Бунинской премии [2010], премий *Мастер* [2010] и имени Александра Солженицына [2016].

Автор шести сборников стихов [последний – *Новые стихи*, 2008]. В его переводах вышли книги Л. Кэрролла *Охота на Снарка* [1991], У. Б. Йейтса *Избранное* [2001], Д. Китса *Гиперион и другие стихотворения* [2004], Д. Донна *Алхимия любви* [2005], У. Стивенса *Сова в саркофаге* [2008], Э. Дикинсон *Стихи из комода* [2010] и др. Статьи и эссе составили сборники *Ностальгия обелисков* [2001], *Лекарство от фортуны* [2002], *Пироскаф. Из английской поэзии XIX века* [2008] и *У. Б. Йейтс: Исследования и переводы* [2008]. Вышли *Избранные переводы* в 2-х тт. [2009]. Неоднократно публиковался в *ИЛ*.

Саки
Saki
[наст. имя Гектор Хью Манро]
[Hector Hugh Munro].
[1870–1916]. Английский писатель и журналист. Псевдоним *Саки* на языке фарси означает *виночерпий* и *кравчий*.

Автор нескольких пьес и романов, но более всего знаменит своими рассказами, составившими сборники *Реджинальд* [*Reginald*, 1904], *Реджинальд в России* [*Reginald in Russia*, 1910], *Звери и суперзвери* [*Beasts and Super-Beasts*, 1914], *Игрушки мира* [*The Toys of Peace*, 1919], *Квадратное яйцо* [*The Square Egg*, 1924]. На русском языке опубликован сборник его рассказов *Омлет по-византийски* [2005], отдельные рассказы печатались в антологиях [2004, 2005].
Перевод выполнен по книге *Хроники Кловиса* [*The Cronicle of Clovis by H. H. Munro "Saki"*. London: John Lane, The Bodley Head; New York: John Lane Company, 1912].

Михаил Львович Матвеев
[р. 1958]. Математик, IT-специалист, переводчик с английского. Лауреат премии *Иноллитл* [2012].

В его переводе выходили стихи Л. Кэрролла, Т. Гуда, О. Нэша, а также книга Л. Кэрролла *Фантасмагория и другие стихотворения* [2008]. В *ИЛ* опубликованы его статья *В "Глоб" по Стрэнду – с Вудхаузом* [2008, № 10], переводы стихов О. Нэша [2012, № 4], Д. А. Линдона [2014, № 4], Дж. Апдайка [2015, № 6], Т. Гуда [2016, № 2] и перевод поэмы О. Уайльда *Сфинкс* [2012, № 8].

Переводчики

Марина Яковлевна Бородицкая
Поэт, переводчик с английского и французского языков, автор и ведущий радиопередачи *Литературная аптека*. Лауреат премий *Единорог и Лев* [2006], *Инолитт л* [2007], *Мастер* [2010].

Автор стихотворных сборников *Я раздеваю солдата* [1994], *Одиночное катание* [1999], *Год лошади* [2002], *Оказывается, можно* [2005], а также многочисленных книг для детей. Переводила стихотворения и поэмы Дж. Чосера, Дж. Донна, английских поэтов-кавалеров XVII века, Дж. Китса, Р. Киплинга, Г. Лонгфелло, Р. Бёрнса, П. Ронсара, П. Верлена, А. А. Милна, Э. Фарджен и др. В *ИЛ* опубликовано ее эссе *Горсть мелочи* [2007, № 12], а также в ее переводах напечатаны стихи Д. Паркер, Г. К. Честертона, Дж. Чосера, У. Шекспира, В. Набокова, Р. Фэйнлайт, Р. Браунинга, Р. Крили, Р. Геррика, Г. Шнакенберг, Р. Фроста и др.

Алексей Николаевич Круглов
[р. 1959]. Поэт, переводчик с английского и французского языков, кандидат физико-математических наук, член Союза писателей России. Лауреат премии *Зеркало* [2007].

В его переводе с английского издавались романы П. Г. Вудхауза, У. Голдинга, Ф. Дика, У. Берроуза, Д. Керуака, П. Ди Филиппо, Х. Кобена, М. Флинна, Ч. Шеффилда, М. Резника и др., стихи У. Блейка, А. Тейта, Ф. Б. Янга, Р. Брука, Р. Грейвза, Д. Герберта, С. В. Бене, У. Торнбери и др. Переводил с французского художественные фильмы для телеканала *Культура*. В *ИЛ* в его переводе опубликованы стихи У. Блейка [2011, № 3], эссе Ч. Диккенса *Старые лампы взамен новых* [2013, № 5].

Светлана Борисовна Лихачева
Переводчик с английского, французского, испанского языков, доцент кафедры литературы МГЛУ, кандидат филологических наук. Лауреат конкурсов Британского совета по переводу британской поэзии [2005, 2010].

В ее переводе изданы *Сильмариллион* [2015] и *Дети Хурина* Дж. Р. Р. Толкина, *Песнь об альбигойском крестовом походе* Г. Тудельского [со старокситанского, 2010], переводила произведения Д. Дефо, Дж. Г. Байрона, Т. Гарди, У. Морриса, М. Стюарт, Т. Пратчетта и многих других классиков английской и американской литературы, стихотворения А.Теннисона, Д. Г. Россетти, Р. Саути, современных английских поэтов. В *ИЛ* в ее переводе опубликовано стихотворение А. Э. Хаусмана [2006, № 6], стихотворения У. Блейка [2011, № 3] и поэтов-прерафаэлитов [2013, № 5], отрывок из пьесы У. Шекспира, Дж. Флетчера *Два благородных родича* [2016, № 5].

Валентина Сергеевна Сергеева
Переводчик с английского, французского и польского языков, кандидат филологических наук.

Переводила английские и шотландские народные баллады, произведения А. Теннисона, Р. Л. Теннисона, В. Скотта и др. В *ИЛ* в ее переводе опубликованы стихи У. Блейка [2011, № 3] и Д. Г. Россетти [2013, № 5], эссе У. Морриса [2013, № 5] и др.

Анастасия Игоревна Строкина
Поэт, филолог, переводчик с английского, датского, французского и итальянского языков. Лауреат программы центра поэзии Шеймаса Хини [Белфаст] и имени С. К. Апта [2014].

Ее переводы публиковались в журналах *Континент, Вопросы литературы, Нева, Октябрь* и др. В *ИЛ* в ее переводе напечатаны стихи З. Сассуна [2014, № 8], П. Тафдруп, К. Фредриксен [2014, № 11].

Елена Олеговна Уланова
Переводчик с английского.

В *ИЛ* публикуется впервые.

Валерия Ивановна Бернацкая
Литературный критик и переводчик с английского, кандидат филологических наук.

Автор книг *Четыре десятилетия американской драмы (1950—1980)* [1993] и *Онассис: любовь и бизнес* [2000], а также статей по американской и английской литературе. В ее переводе опубликованы произведения Э. Олби, Д. Мэмета, В. Аллена, Г. Брентона, Г. Лавкрафта, У. Фолкнера, Т. Уильямса, А. Азимова, Дж. Болдуина, Г. Миллера, А. Конан Дойля и др. В *ИЛ* публиковались ее переводы повести Дж К. Оутс *Черная вода* [1997, № 3], рассказов Т. Вулфа [1998, № 10], фрагменты биографии *Я, Феллини* Ф. Феллини и Ш. Чэндлер [2002, № 3], фрагменты дневников Д. Фаулза [2006, № 4].

Подписаться на журнал можно во всех отделениях связи.
Индекс 72261 — на год, 70394 — полугодие.
Льготная подписка оформляется в редакции
(понедельник, вторник, среда, четверг
с 12.00 до 17.30).

В оформлении первой и четвертой обложек использованы *Портрет Александра Поупа*, [1737] английского художника Джонатана Ричардсона [1665–1745] и *Портрет Альфреда Теннисона* [ок. 1840] английского художника Сэмюэля Лоренса [1812–1884].

На третьей обложке — автор шаржа Джона Фаулза Джеффри Морган.

Художественное оформление и макет Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев.

Старший корректор Анна Михлина.
Компьютерный набор Надежда Родина.
Компьютерная верстка Вячеслав Домогацких.

Главный бухгалтер Татьяна Чистякова.
Исполнительный директор Мария Макарова.

Адреса редакции: 115035, г. Москва,
Космодемьянская наб., д. 44/2, корп. А
(юридический);
119017, г. Москва, Пятницкая ул., 41, стр. 1, 2
(почтовый);
г. Москва, Ленинградский просп., д. 68, стр. 24,
м. "Аэропорт" (фактический).
Телефон (495) 225-98-80.
e-mail: inolit@rinet.ru

Купить журнал можно:
в Москве:
в редакции;
в магазине "Фаланстер" (Малый Гнездниковский пер., 12/27);
в киоске "Книжные мастерские" (ул. Тверская, д. 23, в фойе Электротеатра Станиславского);
в Санкт-Петербурге:
в магазине "Книжные мастерские" (Каменноостровский пр., д. 10);
в книжном магазине "Все свободны" (набережная реки Мойки, д. 8, второй двор, код ворот 489);
в магазине "Книжные мастерские" (набережная реки Фонтанки, д. 15);
в магазине "Подписные издания" (Литейный пр., 57);
в киоске "Книжные мастерские" (набережная реки Фонтанки, д. 49А, 3-й этаж, новая сцена Александринского театра).

Официальный сайт журнала:
http://www.inostranka.ru
Наш блог:
http://obzor-inolit.livejournal.com

Журнал выходит
один раз в месяц.

Оригинал-макет номера
подготовлен в редакции.

Регистрационное
свидетельство
ПИ № 8С77-63040
от 18 сентября 2015 г.

Подписано в печать
27.6.2016
Формат 70x108 1/16.
Печать офсетная.
Бумага газетная.
Усл. печ. л. 25,20.
Уч.-изд. л. 24.
Заказ № 3151.
Тираж 2600 экз.

Отпечатано в
ОАО "Можайский
полиграфический комбинат".
143200, г. Можайск,
ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru
www.оаомпк.рф
Тел.: (495) 745-84-28;
(49638) 20-685.

Присланные рукописи не
возвращаются и не
рецензируются.

[8] 2016

СОВРЕМЕННЫЙ НЕМЕЦКИЙ РАССКАЗ / КОНКУРС ПЕРЕВОДОВ: СТИХИ ВИСЛАВЫ ШИМБОРСКОЙ / В РУБРИКЕ “NB” “ТРИ МОНОЛОГА” КЛАУДИО МАГРИСА / ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА: ИЗ КНИГИ “К ВОСТОКУ ОТ АРБАТА” ХАННЫ КРАЛЛЬ

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Подписка во всех отделениях связи России,
подписной индекс 70394

Адрес редакции журнала "Иностранная литература":
г. Москва, Ленинградский проспект,
д. 68, стр. 24, м. "Аэропорт".

ISSN 0130-6545 "ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА", 2016, №7, 1–288

ИНДЕКС 70394

ISSN 0130-6545 160007 9 770130 654770